

Джозеф Т. Уард

ДОРОГАЯ МАМОЧКА

Война во Вьетнаме глазами снайпера

**Presidio Press
1991 год**

Dear Mom Sniper's Vietnam

Joseph T. Ward

A Presidio Press Book
Published by the Random House Publishing Group
Copyright © 1991 by Joseph T. Ward

ISBN 0-8041-0853-6

Перевод на русский язык © 2021 Сергей Бокарёв

Переводчик от всей души благодарит Татьяну Велеву за неоценимую помощь, оказанную при переводе этой книги.

Посвящается моей матери, которая страдала, живя в неведении. Ни за что бы не поменялся с ней местами.

Автор

Андрею Карпову с благодарностью за то, что познакомил меня с этой книгой.

Переводчик

В джунглях вьетнамской войны лишь одну группу людей боялись больше, чем саму смерть — снайперов-разведчиков Корпуса морской пехоты.

На табличке, установленной в снайперской школе Корпуса морской пехоты США в Куантико, Вирджиния, написано: «Среднее количество патронов, затраченных при стрельбе из винтовки М-16 для уничтожения одного противника во Вьетнаме, составило 50000. Среднее количество снайперских выстрелов для этой же цели составило 1,3. Цена вопроса — 2300 долларов в сравнении с 27 центами».

Содержание

Аннотация	6
Глава I. Несколько хороших парней	11
Глава II. Добро пожаловать на войну	57
Глава III. Долгий перегон	80
Глава IV. Сто дней до приказа	202
Глава V. Дембель в опасности	234
Эпилог	251
Об авторе	252

Аннотация

Снайперы-разведчики Корпуса морской пехоты США были одними из наиболее подготовленных солдат во Вьетнаме. Обладая уникальными навыками, свободой передвижения, и смертоносной дальнобойной винтовкой «Ремингтон 700», снайперы-разведчики были востребованы в каждом подразделении морской пехоты — и настолько внушали страх противнику, что вознаграждение Вьетконга за снайперов-разведчиков было выше, чем за военнослужащего любого другого американского элитного подразделения.

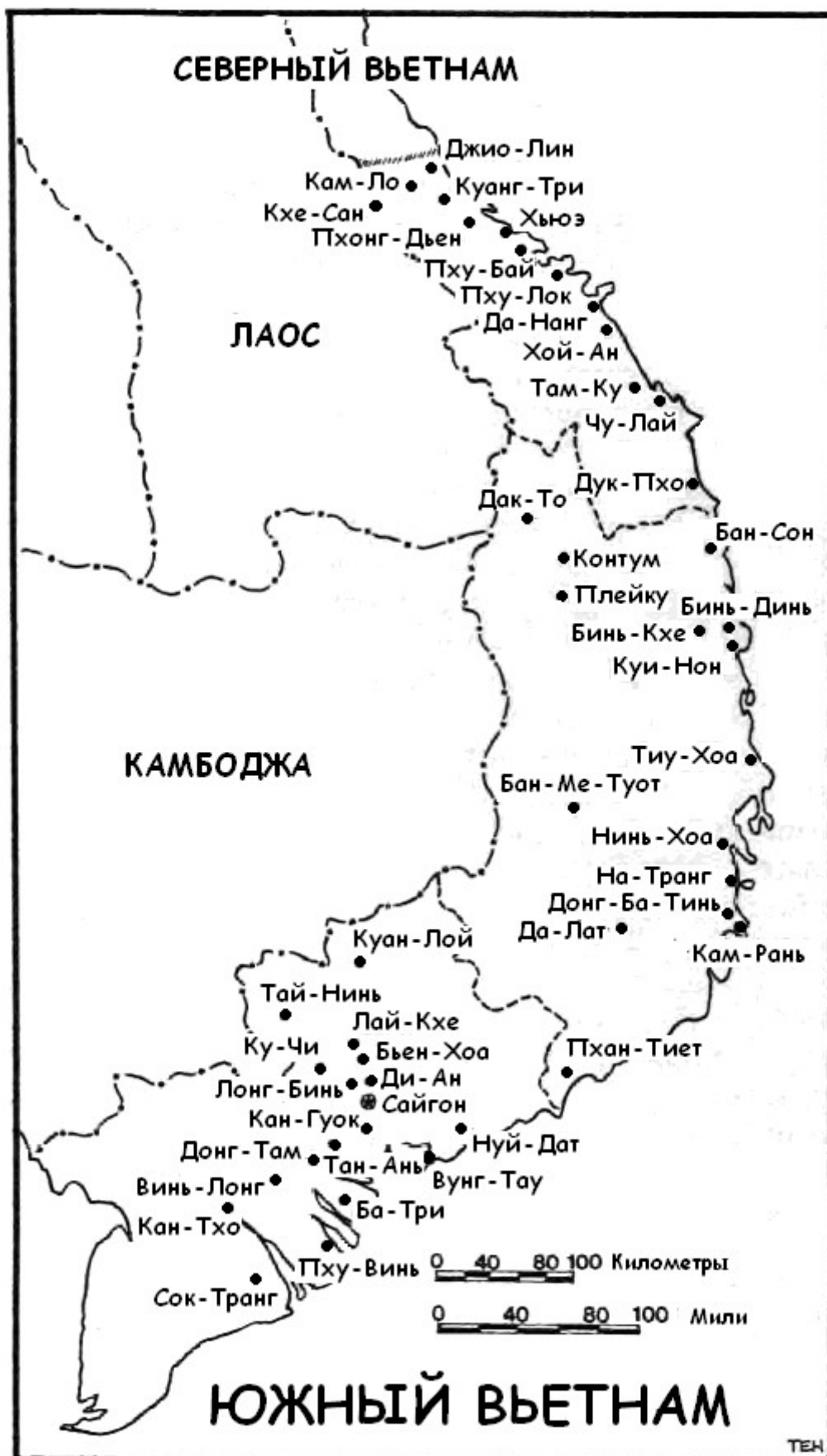
Письма, которые писал домой Джозеф Уард, раскрывают редко наблюдаемую сторону войны. Находясь под ночным минометным обстрелом, с ротой морпехов в простреливаемых джунглях, выполняя секретные задания в Лаосе, или ведя опасную «свободную охоту» в группах из двух человек, Уард жил на войне тем способом, которым жили лишь несколько человек. И воевал он так, как воевали лишь некоторые — лицом к лицу с врагом.

Рюкзак снайпера-разведчика и содержимое стандартной выкладки Дж. Уарда для трехсуточного выхода в джунгли.

Пончо (1), подкладка для пончо (2), рюкзак (3), упаковка из дома: печенье, леденцы, напиток «Кулэйд», сухие супы (4), три коробки пищевого рациона типа «С» (5), минимум четыре фляги (6), две баночки присыпки для ног (7), порошок ВFI, коагулянт крови (8), две катушки с черной лентой (9), туалетная бумага (10), котелок (11), маскировочный грим — черный, коричневый, темно- и светло-зеленый (12), поясной ремень (13), набор инструментов для минимальных регулировок прицела (14), три коробки рациона типа «К» (15), цинковая мазь (16), аптечка первой помощи (17), таблетки для очистки воды «Халазон» (18), подсумок с 80-ю матчевыми 7,62-мм патронами (19), витамины (20), дополнительные батареи для прицела и фонарей (21), репеллент против насекомых (22), швейцарский армейский нож (23), предметы личного обихода — набор для бритья, мыло, зубная щетка и паста (24), дополнительная униформа (25), топографические карты (26), набор для письма (27), три футболки (28), две салфетки (29), два полотенца (30), шомпол (31), ружейное масло (32), льняное масло (33), блокнот (карточки) снайпера (34), шляпа (35), шесть пар белых хлопчатобумажных носков (36), одежда для джунглей (37), транзисторный приемник (38), фотокамера и пленка (39), фонарь (40), одна шашка пластичного взрывчатого вещества С-4 (41), компас (42), турецкий топор-мачете (43), зажигалка «Зиппо» (44), полевой бинокль (45), кусачки для проволоки (46), проблесковый фонарь (47), запасные шнурки для ботинок (48).

Глава I

Несколько хороших парней¹

*1-я дивизия морской пехоты,
о-в Окинава,
5 апреля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Ну вот, наконец-то я на месте. Сейчас я на Окинаве и сегодня же должен вылетать в Дананг. Здесь нет ощущения того, что твой дом находится от тебя на удалении половины земного шара. Просидел здесь пару дней; когда прибыл, так затосковал, что пошел в солдатский клуб и напился...

***

В некотором смысле, для четырех парней — Дейва Янга, Майка О'Грейди, Ника Херреры и меня, — знакомство с Корпусом морской пехоты началось летом 1967 года после нашего выпуска из школы.

Ник был спокойным, невысоким, плотным, и сильным как лошадь парнем. Майк — средний, со всех сторон привлекательный парень, чемпион штата по борьбе. Дэйв, высокий и худой, с самыми быстрыми руками в драке из всех, кого я когда-либо видел. Я? Я занимался спортом, как Майк, но больше любил баскетбол и бег. Да, меня зовут Джозеф Т. Уард, для моих друзей просто Джей Ти. Эти различия не помешали нам стать лучшими друзьями в школе. Если один из нас вытворял что-то из ряда вон выходящее, то скорее всего остальные тоже были с ним. Должен признать, что мы все время расширяли границы нашего мужского начала все дальше и дальше.

Наступил выпуск, который, подобно большинству крупных событий в нашей жизни, прошел как одна большая вечеринка, но после школы все изменилось. Внезапно оказалось, что мы расстанемся, и каждый из нас пойдет по жизни своей дорогой. Мы с Дейвом попытались поступить в колледж и оба бросили его менее, чем через год. Мы перебивались случайными заработками, и все четверо проводили время вместе.

Городок Лонгмонт, в штате Колорадо, где мы жили, являлся небольшой фермерской общиной численностью около тринадцати тысяч человек. Из заметной промышленности здесь был лишь сахарный завод и цех по переработке курятины, а основными предметами гордости были тихие, обсаженные деревьями, улицы и огромное разнообразие птиц. Подростками, мы проводили время главным образом гоня по главной улице, устраивая вечеринки в лесу, и танцуя до упада рок-н-ролл.

Моя мама разменяла свой четвертый десяток, и была у меня единственным родителем. Долгое время она работала секретарем в нефтяной компании. Мои друзья любили ее, потому что знали, что она их всегда накормит и приютит, когда это необходимо;

---

¹ Отсылка на знаменитый рекламный слоган Корпуса морской пехоты США: «Корпусу нужны несколько хороших парней» (здесь и далее примечания переводчика).

она относилась к ним, как к своим родным детям.

В начале 1968 года, я с Майком, Ником, Дейвом сидели на капотах наших автомобилей на одинокой проселочной дороге, которая была нам хорошо известна. Наш разговор, оживленный пивом, не был обычной болтовней о девушках, автомобилях или вечеринках. Мы размышляли о том, что же, черт возьми, собираемся делать оставшуюся часть нашей жизни, а затем речь зашла о военной службе.

Родом я был из семьи с долгой и почетной военной историей, но в нашей семье еще не было морских пехотинцев, потому я и решил стать первым. Когда я поднял эту тему, мы с Майком и Ником удивились, узнав, что Дейв уже поступил на службу на флот. Мы продолжали обсуждать, попутно прикончив еще несколько банок пива. Майк и Ник решили отправиться в Корпус морской пехоты за компанию со мной. Дейв колебался, но тоже переключился на морскую пехоту, чтобы быть с нами вместе. Свой договор мы скрепили тостом.

Поскольку призывная кампания была отсрочена, это дало нам возможность побыть дома дополнительные пару месяцев, прежде чем мы, призвавшись в Корпус, оказались в переполненной комнате на призывном пункте. Затем нас отправили в сборный пункт и учебный лагерь новобранцев в Сан-Диего. К этому моменту Майку исполнилось семнадцать лет; Нику, Дейву и мне — по восемнадцать.

Первый раз мы почувствовали, что такое морская пехота, когда вышли из автобуса на плац, и нас встретил взгляд из самой преисподней, у обладателя которого было запоминающееся имя — сержант-инструктор Грейвс. Я не могу представить себе более угнетающую вещь, чем иметь сержанта-инструктора по фамилии Грейвс. Когда мы выходили из автобуса, он пристально смотрел в глаза каждого из нас.

Потом мы построились по-взводно, и он стал прохаживаться взад-вперед, глядя в основном в землю и покачивая головой. Остановившись, он расставил ноги, положил руки на пояс и уставился на нас. Помолчав мгновение, он начал с фразы:

— Итак, сладкожопые маменькины сынки, вы хотите стать морскими пехотинцами, да?

— Да, сэр.

— Я вас не слышу.

— Да, сэр!

— Я опять вас не слышу.

— Да, сэр!!!

— Можете забыть своих матерей. Отныне я ваша мама и правильным ответом будет: «сэр, да, сэр» или «сэр, нет, сэр». Понятно, вы, жалкие засранцы-хиппи?

Из рядов донеслась разноголосица фраз «да, сэр» и «сэр, да, сэр». Грейвс посмотрел на землю и снова покачал головой. До нас дошло, что это был его обычный жест, когда портачил весь взвод. Когда же лажал один человек, он становился нос к носу и свирепо смотрел прямо в глаза.

В течение последующих пятнадцати минут он прохаживался взад и вперед, изливая непрерывный поток ругательств, перемежавшихся редкими комментариями относительно того, что от нас ожидают. Потом остановился и снова замолчал. Медленно, методично, закурив сигарету, он направился к наветренной стороне от нас. Я уловил легкий запах дыма и тут же подумал, как же сильно мне хочется курить. Грейвс вернулся к центру крайнего взвода, и небрежно произнес:

— Можно курить одну сигарету...

Началась суэта, все доставали свои сигареты, но прежде, чем кто-либо успел закурить, он добавил:

— ...И курить ее буду я!

Тихий стон пронесся через весь взвод. Грейвс снова прошелся в наветренную сторону от нас, и я начал гадать, откуда мог взяться такой человек, как он. Он стоял перед восьмьюдесятью обескураженными мальчишками и выпускал дым в воздух так, чтобы это видели все. Наконец, глядя в сторону, произнес:

— Закуривай, но не дай Бог я увижу хоть один окурок на плацу!

Грейвс был ростом шесть футов два дюйма и представлял собой 220 фунтов² сплошных мышц, но он был одним из лучших инструкторов в учебном лагере. В то время я понятия не имел, что потом у нас с ним возникнет странная дружба. Он стоял неподвижно, расставив ноги, уперев руки в бока, и смотрел, постоянно пристально смотрел.

— Всякий раз они присылают мне дятлов все хуже и хуже. — Он двинулся к одному из новобранцев, схватил его за ворот рубашки, притянул его лицо к себе и закричал: — Какого хрена ты хочешь служить в моем Корпусе морской пехоты, пацан?

Потом сунул его обратно в шеренгу прежде, чем тот успел ответить. То же самое он проделал с несколькими ребятами, но когда добрался до невысокого парня, то просто приподнял его прямо с земли.

— Как, черт возьми, ты попал в мой Корпус морской пехоты? Да у меня поллюция ночью больше, чем ты!

— Сэр, я хотел этого, сэр!

Довольно скоро он оказался передо мной, глядя так, как будто ожидал, что я что-то скажу. Я по-прежнему держал в руке пакет со своими документами, которые сержант вручил мне в аэропорту. Я протянул Грейвсу конверт, и тот открыл его, не отрывая от меня глаз.

— Как твое имя, пацан?

— Сэр, Уард, сэр.

— Отныне ты командир отделения.

Он быстро прошелся вдоль взвода и выбрал трех других командиров отделений: Дейва Янга, ушлого парня по имени Джонсон, и простодушного чувака по имени Перри. Затем мы строем отправились в парикмахерскую. Сказать, что мы маршировали, — значит оказать нам слишком большую честь. Половина из нас сбивались с шага, другая половина натывалась на тех, кто пытался сохранить какой-то ритм. Это было жалкое зрелище, особенно для Грейвса, который постоянно поливал нас отборными ругательствами.

Я стал командиром 4-го отделения, и нам пришлось постоять в стороне, пока люди из первых трех отделений входили в парикмахерскую с одной стороны прекрасно выглядевшими, чтобы появиться с другой стороны с полностью обритыми головами. Одни ругались, некоторые были в крови, текущей из срезанных родинок в своих волосах, или из царапин, сделанных чем-то, что я называл бы скорее ножницами для стрижки овец, чем ножницами для обрезания человеческих волос. Когда настала моя очередь, я

---

² Рост 1,88 метра и вес 100 кг.

пошел вниз по ступенькам, где со мной проделали то же самое, а после я пытался найти волосы на своей голове, но понимал, что через это в учебном лагере проходят все новобранцы.

В то время как нас обривали, Грейвс выбрал своих «домовых мышей», — самых маленьких по росту людей в каждом отделении. «Домовые мыши» содержали в чистоте и порядке кубрик сержанта-инструктора и гарантировали наличие у Грейвса свежей накрахмаленной униформы и начищенной до блеска обуви. Если нужно было выполнить поручение инструктора, он звонком вызывал дежурную «домовую мышь». Время от времени, «мыши» заменялись кем-то другим, кто оказывался здесь в качестве наказания.

Нашей следующей остановкой стало здание с рядами полуразделенных кабинок. В каждой кабинке на деревянном столе были аккуратно сложены картонный ящик, конверт, карандаш, и один лист бумаги. Каждый из нас снял гражданскую одежду, положил их в ящик и адресовал домой. Потом мы сидели голые на очень холодном цементном полу и писали очень быстрое письмо домой о том, как у нас все хорошо. Это был какой-то конвейер, скажу я вам — конвейер из восьмидесяти замерзших, напуганных детей.

***

*Рота «В», учебный лагерь морской пехоты,
Сан-Диего, Калифорния,
23 августа 1968 г.*

Дорогие мои мама, бабушка и Лаура,

Это письмо я пишу для всех вас, потому что нам разрешили написать всего лишь одно письмо. Все, что я могу сказать об этой подготовке — это то, что она очень сурова.

У меня всего десять минут, чтобы написать и отправить это письмо, так что я вынужден писать кратко. Сильно скучаю по всем вам. Надеюсь, что вы тоже скучаете по мне. Я должен заканчивать и писать адрес, иначе у меня будут неприятности. Я вас всех очень люблю. Пожалуйста, берегите себя.

*С любовью,
Джо*

***

Наш учебный взвод входил в состав более крупного подразделения — учебного батальона, которым командовал подполковник Д.Р. Уолкер, но офицерами, которых мы могли видеть чаще всего (если мы вообще их видели), были командир нашей роты капитан Дж.А. Раффер; наш взводный, комендор-сержант Маккинни, и два наших инструктора, сержант Томас и, конечно же, сержант Грейвс.

К тому времени, когда нам выдали форму и туалетные принадлежности, было почти половина третьего ночи. После Грейвс погнал нас к нашим казармам, и нас распределили по отделениям по четырем сборным баракам, которые занимали стратегическое положение — они стояли с каждой стороны от домика сержанта-инструктора. Все ба-

раки были однотипными, — натертый бетонный пол, небольшая газовая печь, расположенная в центре, и выкрашенные зеленой краской «стеллажи» (двухъярусные койки), стоявшие вдоль обеих стен.

Я занял нижнюю койку в передней части барака. Я так устал, что мог думать только о сне, но прежде чем я успел раскатать свой матрас, все командиры отделений были звонком вызваны на построение перед домиком сержанта-инструктора. Я побежал к нему, встав рядом с остальными «комодами» в то, что, как мы надеялись, являлось ровной шеренгой. Прошло несколько минут, прежде чем дверь распахнулась, и показался Грейвс, уперев кулаки в бедра, и неуклюже расставив ноги.

— Каждый заходит внутрь по одному. Это мой дом, и вы будете относиться к нему с исключительным уважением. Вы постучите в дверь три раза и громким четким голосом произнесете: «Сэр, рядовой такой-то просит разрешения войти, сэр», или «Сэр, рядовой такой-то по вашему приказанию прибыл, сэр». Вы будете стоять по стойке смирно, глядя вперед. Я не хочу, чтобы вы тарасились на меня или рассматривали всё вокруг. И вы будете молчать, если вас не спрашивают.

Он повернулся и захлопнул дверь, через несколько секунд ревом вызвал первого из нас.

— Джонсон!

Джонсон постучал три раза и сказал:

— Рядовой Джонсон по вашему приказанию прибыл, сэр.

Внутри домика проревел голос Грейвса:

— Ты, чертов ниггер, марш в строй до тех пор, пока не выучишь, как правильно входить в мой дом! Янг!

Дейв медленно подошел к домику. Он постучал три раза, сглотнул и сказал:

— Сэр, рядовой Янг по вашему приказанию прибыл, сэр.

— Я не слышу тебя!

Дэйв повысил голос и повторил слова.

— Я опять не слышу тебя!

Выпрашивая разрешение войти в третий раз, Дэйв кричал как мог.

— Входи!

Несколько минут спустя он покинул домик и быстро побежал в свою казарму. Перри проделал то же самое. Затем настал мой черед. Я вошел внутрь и замер как можно тише. Грейвс сидел за большим деревянным столом, его шляпа лежала возле правой руки. Позади него два армейских одеяла, аккуратно прикрепленные к бруску, отделяли административное помещение от жилой части. По одну сторону висел американский флаг, по другую — наш взводный вымпел. Я снова взглянул на Грейвса.

— Заканчивай пялиться на меня, пацан. Подними глаза и смотри только прямо.

— Сэр, да, сэр.

— Ты командир 4-го отделения. Если облажаются они — отвечать будут все. Облажаешься ты — отвечать будешь ты. Я доступно объясняю, пацан?

— Сэр, да, сэр!

— Приказы и инструкции получишь позже, и я ожидаю, что каждый вертлявый

мудак³ в твоём отделении будет их правильно выполнять. Если ты меня заебешь или мне надоест твое уродское лицо, я тебя заменю. Все еще хочешь быть «комодом», Уард?

— Сэр, да, сэр!

— Я не слышу тебя.

Я надорвал свою глотку, но мне хватило ума не шевелиться.

— Сэр, да, сэр!!!

— Сейчас 03.00. Подъем в 04.00, завтрак — в 05.00. Покидая казарму, или пересекая путь следования инструктора или офицера, ты должен привлечь внимание и сказать: «Сэр, с вашего разрешения, сэр!»

Он замолчал, и мне подумалось, что лишь один его взгляд вызывает у меня физическую боль.

— Сэр, разрешите идти, сэр?

— Свободен!

Я развернулся и, также как Дейв, выбежал из комнаты в свою казарму. Когда я пришел туда, все спали. Большинство просто плюхнулось в изнеможении на свои койки. Я развернул матрас и сел. В тусклом свете мой взгляд блуждал от койки к койке. Передо мной лежало девятнадцать молодых людей всех рас со всех концов страны, и я с удивлением думал, каким таким образом мне нужно ими командовать. Уснул я сидя, прислонившись к стене.

Ровно в 04.30 утра дверь распахнулась, и вошел Грейвс.

— Подъем, подъем, подъем! Заканчивай драть, хватай свои носки!⁴ Быстро! Уард, у тебя десять минут, чтобы выстроить своих засранцев перед казармой. — Он исчез так же быстро, как и появился.

Так началась моя подготовка в морской пехоте, два месяца почти бесконечных страданий. Многие не смогли этого вынести. Пока бежали по краю этой извилистой пропасти — при постоянной нехватке сна, с интенсивными физическими тренировками, занятиями, проверками, наказаниями, полевыми выходами, и муштрой, — мы легко могли сломаться. Затем Корпус начал лепить из нас то, что ему было нужно.

К полудню двадцать пятого числа, в моей голове начал складываться план, как руководить своим отделением. Выполнение большинства наших учебных занятий требовало полного взаимодействия, а в основе значительной части программы подготовки лежало состояние соперничества, — человек против человека, отделение против отделения, наш взвод против трех других взводов нашего учебного курса. У инструкторов было несколько вымпелов, которые использовались в качестве разменной монеты для поощрения. Благодаря занятиям в легкой атлетике в школе, я был вполне готов к подобному соревнованию, мне просто нужно было свести к минимуму разницу в уровне подготовки между людьми в своем отделении и выйти с ними против остальных. Мы должны были стать единой командой во всех отношениях. Мы должны были стать номером один.

Когда мы вернулись из столовой, я собрал своих ребят всех вместе.

---

³ Игра слов. Фразеологизм «вертлявый мудак» (*swinging dick*) на американском армейском сленге означает молодого солдата-новобранца.

⁴ *Drop your cocks, and grab your socks!*

— Послушайте, парни! Я уже слишком много времени провел в кубрике Грейвса, получая инструкции, чтобы затем передать их вам же. Меня не слишком дрючили за всех вас, так что теперь мы одна команда, — никаких понтов и никаких косяков. Каждый человек отвечает за любого другого своего товарища, включая меня. Мне нужны два человека, чтобы помочь мне управляться с делами, пока Грейвс будет меня трахать.

Все подняли руки, и у меня появилась надежда, что это может сработать. Я не мог упустить этого парня с большой зубастой улыбкой, стоявшего в первом ряду.

— Ты, как твое имя?

Он ответил с легким южным акцентом.

— Херальд Паркер Тайнер второй, сэр.

— Не называй меня «сэр». Я такой же рядовой, как и все вы. Как тебя угораздило получить такое имя?⁵

— Мой папа священник, просто называйте меня Паркером.

— Ладно, Паркер, ты помощник номер один. — Я посмотрел в глаза каждого человека, чтобы найти в них что-то иное, что-то неожиданное. Потом я указал на щуплую очкастую фигуру, стоявшую позади.

— Твое имя Тимс, не так ли?

— Теннис.

— Грейвс чуть было не назначил тебя «домовой мышью», и если бы он не застал здесь Вэгонера, то ею стал бы ты. Ты помощник номер два. Твоя работа будет заключаться в том, чтобы чуть поотстать, убедиться в том, что все покинули казарму и проверить все, что только может привлечь внимание сержанта-инструктора. — Я повернулся к Вэгонеру. — Ты будешь проводить много времени в его кубрике. Я хочу знать все, что ты там услышишь и сможешь узнать от других «домовых мышей».

— Нет вопросов, — ответил он.

Я снова потребовал тишины.

— Все спорщики сразу же приходят ко мне, — я не хочу, чтобы Грейвс словил кого-то из отделения, дерущихся сами с собой.

По стечению обстоятельств в моем отделении оказался Ник Херрера. Я поспешил к нему и спросил, не хочет ли он стать командиром огневой группы.

— Почему бы и нет? — ответил он. — Хуже от этого не будет.

— Спасибо, Ник. Успокойтесь, ребята! Мне нужны еще три человека на должности командиров огневых групп. Кто желает?⁶

Шесть руки взметнулись вверх, и я нацелился на веснушчатого парня примерно моего роста.

— Как тебя зовут?

— Рядовой Бёрд.

— Ты командир второй огневой группы. — Я услышал, что нас зовет Грейвс, и понимал, что времени нет. Нужны еще два командира огневых групп. Я ускорил свой поиск. Один человек опустил руку вниз, и осталось четыре.

— Ты! — Я указал на жилистого, смуглого парня. — Как тебя зовут?

---

⁵ Херальд (англ. *Herald*) — предвестник, глашатай.

⁶ Согласно организационно-штатной структуре того времени, взвод морской пехоты состоял из 4-х огневых групп по 4 человека в каждой плюс управление взвода из 3-х человек.

Он надулся как индюк.

— Круз. Рядовой Круз.

— Откуда родом?

— Из Лос-Анжелеса. Я пуэрториканец.

Таким образом, я начал импровизировать, принимая важные решения по людям самого разного этнического и расового происхождения. Я знал, что черные не ладят с латиносами, а также с пуэрториканцами, а у белых зачастую возникали проблемы с представителями всех трех этнических групп. Из трех оставшихся человек, двое были белыми, а последний — мексиканцем по имени Каудильо.

Одно я знал четко, — при том способе, с помощью которого Грейвс меня изводил, межрасовые конфликты в моем отделении еще больше усугубили бы мое положение.

Я снова посмотрел на Круза. Он, конечно, был самоуверенным, но что-то в нем было еще. Я поставил его во главе третьей огневой группы. В ней находился чернокожий новобранец по имени Бенхам, — опасная ситуация, но в долгосрочной перспективе это может оказаться полезным. Каудильо возглавил четвертую огневую группу.

— Все, кроме рядового Паркера, бегом марш на выход!

Как только люди бросились из казармы, я ухватился за ближайшую койку и прислонился к ней. Спать, — все, о чем я мог думать, это только о сне. Паркер подошел ко мне.

— Ты в порядке?

— Да, мне просто нужно немного отдохнуть. Сын проповедника, да?

— Верно, язычник. Кстати, как ты хочешь, чтобы я тебя называл?

— Меня это не волнует. — Я сел. — Никак не называй, только сэр.

— Ладно, язычник.

Когда я глянул на него, он смотрел на меня, улыбаясь так широко, что я мог бы много раз черпать из него жизненную силу.

— У тебя есть прямая связь с Господом, Паркер? Нам всем это понадобится прежде, чем все это закончится.

— Конечно, язычник.

— Скажи, Паркер, а ты не хотел бы побыть духовным наставником для парней? Я имею в виду, что хотел бы, чтобы все проблемы в этом отделении оставались в этом же отделении.

— Конечно, язычник. Я думаю, что смогу помочь некоторым из этих грешников. Как ты хочешь меня использовать?

— Чем проповедовал твой старик?

— Адским огнем и серой.

— Хорошо. Как ты уже заметил, здесь у нас есть все — иудеи, католики, протестанты, атеисты, и, по крайней мере, один баптист. Используй то, что будет работать. — Паркер улыбнулся еще шире, и я понял, что поступил правильно, выбрав его в качестве своего помощника. Это будет адский огонь и сера, и это сработало. Ребята шли к Паркеру с личными проблемами, и он заботился о них, если же все было серьезно, он приходил ко мне. Я всегда мог положиться на Паркера в поддержании здорового психологического климата в своем отделении.

Я мог слышать, как к нам приближается Грейвс. В то время как Паркер собрал людей вместе, у меня было несколько секунд, чтобы подумать о других, кого я выбрал.

Теннис казался хорошим выбором, — он был парнем, который вынужден был тяжело бороться всю свою жизнь, но до сих пор не мог преодолеть кличку «ботан». Ни с Ником, ни с Бёрдом ни с Каудильо не возникало никаких проблем. Я чувствовал, что могу доверять Вэгонеру. Когда я выходил на построение, то подумал о Крузе. Паркер протянул мне блокнот: «Все построены и пересчитаны, язычник».

— Спасибо, Паркер, вольно.

Уголкем глаза я увидел, что Грейвс хватал людей в случайном порядке за шиворот и рвал их лицом к лицу, яростно ругаясь. Темп обучения неуклонно возрастал с каждым новым днем, вплоть до момента выпуска из учебки.

***

1067-й учебный взвод,
Рота «В»,
1-й учебный батальон,
Учебный лагерь морской пехоты,
Сан-Диего, Калифорния,
26 августа 1968 г.

Дорогая мамочка,

Мои письма должны быть короткими, здесь все происходит очень быстро. Наконец-то я добрался до места, где могу поспать. У меня была сильная простуда, и это нисколько не помогает. Нам сделали несколько уколов, и, думаю, завтра получим еще. До сих пор они не слишком сильно болели, но слышал, что тот, который мы получим завтра, будет болеть. Завтра у нас также будут зачеты по физподготовке. Как нам говорят, вы делаете вещи, о которых вы никогда не думали, что сможете делать. Как там у вас дела?

Завтрак отвратителен — здесь это самая худшая штука. Обед и ужин не так уж и плохи, но когда вы голодны, все является вкусным.

Напишу позже, сейчас мы должны идти в учебный класс. Я знаю, что все эти письма не имеют особого смысла, но у меня просто не было времени, чтобы думать. Буду заканчивать.

*С любовью,
Джо*

***

Двадцать шестого числа я подхватил простуду, которая вскоре переросла в бронхит. Мы спали часа по четыре в сутки, и Грейвс часто прерывал их, заставляя нас подниматься в середине ночи. Как командир отделения, я все делал хорошо, чтобы у нас было два или три часа сна.

Я был вынужден спать сидя, чтобы не пересыхала слизистая оболочка моего горла и легких. Мне не хватало носовых платков, чтобы собирать поток слизи и мокроту, так что я начал использовать запасные наволочки и каждую ночь загрязнял новую. Тогда я еще не знал этого, но это было далеко не единственно возможное применение наволочек.

***

1067-й учебный взвод,
Рота «В»,
1-й учебный батальон,
Учебный лагерь морской пехоты,
Сан-Диего, Калифорния,
7 сентября 1968 г.

Дорогая мамочка,

Пишу это письмо после того, как погас свет; подсвечиваю себе фонариком, так что почерк будет не очень аккуратным. Нас уже пятеро, — тех, кто лежит под одним одеялом, и пытается читать и писать письма.

Как я говорил Лауре, сержант назначил меня командиром отделения. Это значит, что я отвечаю за девятнадцать парней, и всегда марширую впереди взвода. Я не хотел этого, но коль это случилось, то постараюсь сделать все от меня зависящее. Если эти ребята облажаются, меня за это поймут. Думаю, завтра нас опять постригут. Просто волосы уже достаточно длинные, чтобы мы могли их почувствовать. Кстати, не шлите мне ничего, что мне на самом деле не понадобится. Если бы Лаура поставила на внешней стороне конверта что-то любовно-сентиментальное, то я бы его облизал.

Упс! Нас прервали — пришел взводный и захотел узнать, кто сейчас дежурит. Хорошо, что я там оказался.

Одна вещь, которая меня действительно достает, — нам дают всего две минуты, чтобы посетить уборную, и это здорово напрягает. Ну, мам, думаю, мне лучше закончить и немного поучиться; я немного отстаю по некоторым предметам. Береги себя.

*С любовью,
Джо*

***

Наша первая проверка белой перчаткой произошла 7 сентября. Грейвс надел на свою руку чистую белую хлопчатобумажную перчатку и проверил все четыре казармы, и все четыре отделения проверку провалили. Мы и не должны были пройти, и Грейвс выискивал грязь до тех пор, пока чего-то не находил. Мое отделение провалило проверку из-за неправильно сложенных носков. Грейвс пришел в неистовство — он повывтаскивал матрасы с каждой из коек и перевернул полдюжины «стеллажей», после чего вытряхнул и разбросал повсюду содержимое каждой тумбочки. Казарма стала выглядеть так, словно внутри взорвалась бомба.

— Рядовой Уард, выйти из строя!

— Сэр, рядовой Уард по вашему приказанию прибыл, сэр!

— У вас двадцать минут, чтобы вычистить этот свинарник и быть готовым к очередной проверке!

Кое-как мы справились. Отделение Янга не прошло второй проверки. Грейвс снова разнес их казарму, и после очередной проверки они должны были безупречно вычи-

стиль уборную зубными щетками — своими собственными.

***

1067-й учебный взвод,
Рота «В»,
1-й учебный батальон,
Учебный лагерь морской пехоты,
Сан-Диего, Калифорния,
8 сентября 1968 г.

Дорогая мамочка,

Небольшое дополнение, пока я жду, чтобы идти в церковь — сегодня у меня есть возможность позвонить вам. Надеюсь, я застану вас дома.

Сегодня мое девятнадцатилетие, но на днюху это вообще не похоже. Спасибо за открытку и деньги. Не могу дождаться, чтобы вернуться домой.

На следующей неделе наш взвод будет в наряде по кухне, а на последующей неделе мы отправимся на стрельбище. В ближайшую пятницу у нас будет первый итоговый тест и начальное упражнение. Если ты провалил сдачу итогового теста, это может отбросить тебя назад на две недели, поэтому меня это беспокоит. После этого в пятницу мы собираемся немного распустить наши брюки. Вот это будет настоящий отдых. Здесь до сих пор холодно.

Кто-то снова накосячил, и вчера нас лишили почты, так что я не знаю, что происходит в мире. Я до сих пор не видел О'Грейди и когда вокруг себя 13000 парней, шансы на то, что я наткнусь на него, очень невелики. Дейв и Ник все еще со мной.

(Дописано позже) Мама, я пытался позвонить несколько минут назад, но тебя не было дома. Я был так разочарован, что едва не кричал. Дейв разговаривал со своей мамой, и она сказала, что попытается связаться с тобой. У нас только 40 минут, чтобы позвонить, и мне грустно, потому что сегодня воскресенье. Не похоже, что я попаду домой на Рождество. Все, мне пора идти, у нас занятие. Передавай всем привет.

*С любовью,
Джо*

***

Огромный асфальтированный плац, ласково прозванный «мельницей»,⁷ располагался в самом центре учебного лагеря, но достаточно близко к аэропорту Сан Диего, так что Грейвса почти невозможно было услышать, когда он выкрикивал команды. На плацу мы ежедневно проводили три часа, учась маршировать, делая особый упор на строевую подготовку в составе подразделения. Некоторые ребята на самом деле не могли различить где право, где лево, и все мы представляли собой одну неуклюжую толпу. Грейвс отдавал приказы командирам отделений, и мы, в свою очередь, отдавали их нашим подразделениям.

---

⁷ В оригинале, слово *grinder* на армейском сленге и обозначает плац.

Второго сентября мы всем подразделением маршировали на плацу, когда Грейвс подал команду, но его голос был заглушен взлетающим самолетом. Дейв и я приказали своим отделениям остановиться, в то время как два других сделали поворот направо. Грейвс мгновенно взбеленился, решительно направился к нам, шлепнул свою шляпу на асфальт, и сильно ударил нас обоих в грудь. После нам было приказано дожидаться его у двери его домика по стойке смирно. Ничего подобного раньше не происходило, и пока мы шли к домику сержанта, то нервно обсуждали чем это все может закончиться. Но мы знали, — что бы не произошло, ничего хорошего нам это не сулило.

До этого момента такие вещи как «Стойка» и «Невидимый Стул» являлись для нас лишь слухами. При «Стойке» испытуемый должен был стать возле койки, стоящей в полутора метрах от стены, и прижаться лбом к ее узкой металлической кромке. Затем он должен был преодолеть расстояние от койки до основания стены, идя по стойке «смирно», с разведенными в стороны руками. При этом почти весь вес тела приходился на кромку койки и лоб, поэтому физическое усилие и боль были мучительны. «Стойка» — это все, о чем я смог подумать, когда Грейвс посмотрел на нас, сжав зубы, пройдя мимо, и открывая дверь в свой кубрик.

— Идите сюда, мальчики.

— Сэр, да, сэр!

Он положил шляпу на стол и говорил, пока откидывал одеяла, закрывающие жилые помещения сержантов-инструкторов в расположении нашего взвода. Хотя у нас было два других сержанта-инструктора, Грейвс являлся старшим. Я нервно взглянул на металлические шкафчики, стоявшие вдоль правой стены, и на ряд коек вдоль левой.

— Сегодня был жаркий день, и я могу понять вас, ребята, вы могли немножечко устать. На самом же деле, я думаю, что ваши чертовы уши заснули, поэтому я хочу, чтобы вы отдохнули. Видите вон там те красивые, мягкие стулья?

— Сэр, да, сэр!

— Ну же, располагайтесь с комфортом. Да, но есть одно условие, которое должно быть выполнено, когда вы будете пользоваться моими стульями, — я не хочу, чтобы ваши грязные задницы касались пола. Садись!

— Сэр, да, сэр!

Конечно, никаких стульев здесь не было, однако мы все приняли положение сидя, прислонившись спиной к шкафчикам. Грейвс подошел к своему столу и взял из ящика стола черную кожаную перчатку, отороченную мехом. Он натянул ее на правую руку и встал перед нами, похлопывая перчаткой по ладони левой руки.

— Я хочу, чтобы вы хорошо отдохнули, но помните, что вашим задницам лучше не трогать пол!

Минут через десять наши ноги начали слабеть, и мы начали медленно сползать вниз по шкафчикам.

— О, нет, засранцы, держать задницы!

Краем глаза я увидел, как он взял одной рукой Дейва за горло, вернул обратно в положение сидя и ударил своим затынутым в кожу кулаком ему в живот. По мере того, как Грейвс вышибал из него дух, от Дейва доносилось лишь нечленораздельное угуканье. Я отчаянно пытался толкнуть себя вверх, но у мышц моих ног были другие планы, и я соскользнул вниз. После того, как Грейвс отмудохал Дейва, он проделал то же самое со мной, а потом снова вернулся к Дейву. Грейвс весь вспотел, методично нанося

удары один за другим по нашим животам. Когда он, наконец, остановился, мое тело было налито свинцовой тяжестью.

— Вы, двое ничтожеств! У вас есть три секунды, чтобы убраться из моего кубрика!

Мы дернулись, чтобы подняться, и оба упали на пол лицом вниз. Наши ноги нам отказали. Когда мы выползали из его домика на локтях, Грейвс пинал нас ногами и ругался на чем свет стоит. Мне удалось приподняться и стать на руки и колени, когда Паркер и мои командиры огневых групп подняли меня и перенесли на мою койку. Моя форма вся пропиталась от пота, и я с трудом дышал. Паркер яростно растирал ноги, кто-то приподнял меня, засунул таблетки с солью в рот, и дал мне воды. Несколько рук стянули с меня униформу, и положили на живот мокрое полотенце.

Я мог только думать о том, что это мои люди. Да, это были мои люди. Я чертовски гордился ими и поклялся поступать с ними правильно, несмотря ни на что. Я открыл глаза, и увидел, что вокруг моей койки сгрудилось все отделение. Хриплым голосом, не громче шепота, я подозвал Паркера поближе.

— Скажи всем спасибо. Все будет в порядке, пусть возвращаются к тому, что они делали. Когда ты закончишь, я хочу поговорить с тобой и командирами групп отдельно.

— Конечно, язычник.

Паркер быстро вернулся с командирами групп. Я все еще не мог подняться и разговаривал шепотом. Все они уселись на пол и сгрудились поближе ко мне, чтобы слышать.

— Послушайте, ребята, становится тяжелее. У Грейвса есть кожаная перчатка, и он знает, как ею пользоваться. Я не хочу, чтобы кто-то из нашего отделения прошел через все то, что прошел я.

Они быстро согласились со мной.

— Единственный известный мне способ достичь этого — это сделать отделение лучшим во взводе. В свою очередь, я обещаю быть лучшим командиром отделения. Все мы знаем, как командуют другими отделениями. Перри и Джонсон не думают ни о чем другом, кроме как бить своих людей. Янг классный парень, но я не думаю, что он достаточно крут. Мы должны быть на шаг впереди Грейвса. Все, кроме Тенниса, Ника и Паркера расходятся и готовятся к внезапной проверке. Грейвсу сейчас поперло, он в ударе, и я точно знаю, что он отметил, что мы с Янгом не в форме, чтобы ее пройти. Ник, проскользни в кубрик Дейва и посмотри, как он там. Также скажи ему, что проверка может быть в любой момент. Да, Ник, только не попадись. Теннис, помоги мне надеть чистую униформу. Паркер, я знаю, что ты проводил много времени с людьми, и я попрошу тебя проводить еще больше. Ты оказываешь благотворное влияние на ребят, и сможешь увидеть, когда события начнут приобретать плохой оборот. Пройди в отделении все от «А» до «Я» и каждый день выбирай другого человека, который поможет тебе сохранить все снаряжение вместе. Командиры групп и Вэгонер свободны.

— Мне кажется, или я вижу в тебе немного от торговца лошадьми, язычник?

— Может быть, Паркер, может быть.

— Как по мне, звучит справедливо.

Он подмигнул мне и ушел готовиться к проверке, относительно которой у меня было лишь предчувствие, что она начнется с минуты на минуту. Через тридцать минут,

когда Грейвс ворвался в казарму для окончательного нашего убийства, мы были более чем готовы, и от того, что он увидел, он на секунду растерялся.

Мои ноги все еще тряслись, но я следовал за ним по всему помещению со своей запиской книжкой, готовый отметить любые недочеты. Он проверил каждую койку и каждого человека сверху донизу. Он тщательно осмотрел каждую винтовку и покопался в каждой тумбочке, выискивая любое нарушение уставного порядка. Когда он так и не смог обнаружить ни одного косяка, он подошел к моей койке, вытащил из кармана двадцатипятицентовую монету и бросил ее на койку. Она отскочила и упала на пол. «Черт, — подумал я, — я ведь не мог заправить койку так плотно. Мою койку заправлял Теннис». Грейвс как-то странно посмотрел на меня, но в его глазах уже не было гнева. Это было больше чем просто чувство своего собственного достижения.

— Пытаешься морочить мне голову, Уард?

— Сэр, нет, сэр! Сэр, сержант-инструктор Грейвс хотел бы, чтобы рядовой вернул его 25 центов на место, сэр?

— Нет, Уард, это маленький спектакль вполне стоил этой четверти бакса. У твоего отделения командирский час до приема пищи. — С этими словами он ушел.

Я со вздохом прислонился к своей койке:

— Четвертое отделение, вольно! Вы только что купили себе два часа свободного времени, так что не будем его терять.

Я плюхнулся на койку. Теннис отстал, чтобы убедиться, что все парни ушли. Потом он подошел ко мне.

— Теннис.

— Да?

— Я хочу, чтобы ты показал всем, как застилать койку настолько плотно. Большинство парней вообще не могут сделать так, чтобы от нее отскакивала монета. Я сам вышибала, но с того места, где ты стоял, ты не мог видеть выражения лица Грейвса, когда этот четвертак спрыгнул с матраса, как будто имел ноги.

— Буду рад, — сказал он, поднимая монетку. — Когда я убираюсь, то на заправление кровати трачу больше времени, чем на что-либо еще. — Он встал и забрал монету.

— Сохрани ее! Чем больше денег мы сможем вытащить у Грейвса, тем лучше. Иди наружу к остальным ребятам.

Я остался один. Казарма была пуста, но каким-то образом казалась живой, и я впервые почувствовал, что мы стали одной командой.

***

*1067-й учебный взвод,
Рота «В»,
1-й учебный батальон,
Учебный лагерь морской пехоты,
Кэмп-Пендлтон, Калифорния,
13-14 сентября 1968 г.*

Дорогая мамочка,

Я уже в Кэмп-Пендлтон, мы прибыли сюда этим утром. Здесь мы проведем три недели, а потом вернемся в Сан-Диего. Я могу видеть океан примерно в трех четвертях мили отсюда, он выглядит так заманчиво. Жаль, что он расположен по ту сторону забора. Такое впечатление, что это не Калифорния. Здесь холодно, и первую неделю мы сидели в палатках.

Думаю, Лаура думает обо мне плохо, что я не пишу слишком часто, но я не могу ничего поделаться, здесь правила устанавливаю не я.

(Дописано позже) Мы вернулись с приема пищи. Еда здесь очень хороша, и мы можем брать вторую порцию. Все, свет погас, больше напишу завтра.

(Дописано утром) Только что почистил свою винтовку. Поскольку мы сидим так близко к океану, оружие быстро покрывается ржавчиной, а ржавая винтовка может привести парня в тюремную камеру. Еще не завтракали. Скоро напишу снова. Берегите себя.

*С любовью,
Джо*

***

Во время нашей крайней неделе в Сан-Диего, Майк О'Грейди заболел воспалением легких и был госпитализирован, отстав в учебе от Дейва, Ника и меня на три недели.

За три дня до нашего отъезда в Кэмп-Пендлтон, Вэгонер сказал мне, что Джонсон и Дейв перекинулись парой слов, и что Джонсон планирует устроить ему в тот вечер «темную». Устроить «темную» — это совсем не вечеринка: армейское одеяло набрасывается на голову человека, чтобы он не мог определить своих противников, после чего его бьют, иногда до смерти.⁸

— Чтоб он сдох, — кипел я от злости, — Вэгонер, пойдй скажи Янгу, в чем дело. Четвертое отделение, подъем, быстро!

Я поспешно одевался, пока люди скатывались со своих полок, подсознательно подсчитывая шлепки босых ног о пол казармы.

— Четвертое отделение, стройся! Я только что узнал, что Джонсон хочет сделать Янгу «темную». Собрать все, что можно использовать в качестве оружия, но только не винтовки и штыки. Разойдись, бегом!

Некоторые ребята положили тяжелые предметы в свои наволочки, чтобы использовать их как дубинки, я слышал, как разламывались надвое рукоятки метел, как хватались ведра, также прихватили несколько труб. Большинство людей выпрыгивало наружу босиком, в одном нижнем белье.

— Четвертое отделение, стройся! Вперед, марш!

Мы чуть припоздали — Джонсон уже повел свое отделение к казарме Янга. Я сказал Дейву, чтобы он держал своих людей за моим отделением, а сам пошел встретиться с Джонсоном лицом к лицу.

— Это не твое дело, Уард.

— Джонсон, я немного разочарован. Ты собрался устроить вечеринку, а нас не пригласил. Мои люди могут легко разогнать твое отделение, и тогда ты останешься

---

⁸ Игра слов. Вечеринка — *party*, устроить «темную» — *blanket party*.

один против людей Янга. Если ты хочешь попробовать, давай покончим с этим. — Джонсон знал, что выбора особо у него нет, я видел это в его глазах.

— Ты еще пожалеешь об этом, Уард! — произнеся это, он ушел. Мы с Джонсоном наделали много шума, и я был уверен, что Грейвс подслушивал нас и наблюдал откуда-то из темноты.

Два дня спустя Джонсон все-таки поквитался. Во время перерыва, он начал гнобить солдата своего отделения, рядового Хикса, зная, что его действия могут рассердить меня. Когда он ударил человека, я шагнул к нему.

— Это зашло слишком далеко, Джонсон!

— Я же говорил тебе держаться от меня подальше! — Заорал он и сильно ударил меня прежде, чем я смог поднять свои руки. Я упал и разбил себе подбородок об открытую тумбочку. Я вскочил и прижал его к полу. Зная, что у Джонсона слабая спина, я обхватил его шею и начал бить ему по почкам. Наша маленькая стычка была внезапно прервана чьим-то криком: «Атас!» Как только мы неуклюже поднялись на ноги, дверной проем заполнила фигура Грейвса.

— Что, черт возьми, здесь происходит?

Все молчали, за исключением Хикса, который лежал, свернувшись на полу, и стонал. Тяжело дыша, Джонсон и я ответили:

— Сэр, сержант-инструктор Грейвс, это было недоразумение, сэр.

— Что случилось с рядовым Хиксом? — Грейвс испытывал нас. Если бы ответил я, то стал бы стукачом, и если бы Джонсон ничего не сказал, мы оба оказались бы в беде. Меня спас чей-то голос сзади.

— Сэр, рядовой Джонсон ударил рядового Хикса, сэр. — Я мог заметить, как на скулах Грейвса напряглись мышцы, когда он посмотрел на Джонсона.

— Это правда, рядовой Джонсон?

— Сэр, да, сэр.

— Почему ты это сделал, рядовой Джонсон?

— Сэр, рядовой Хикс не подчинился приказу, сэр.

— Так, так, и ты просто его ударил, да?

— Сэр, да, сэр.

— А с тобой, к дьяволу, что произошло, Уард?

— Сэр, я поскользнулся на мокром полу, сэр.

— Окей, думаю, что разобрался. Вы трое, — в санчасть! Я хочу, чтобы ваши нежные задницы вернулись назад в течение двух часов. Вперед, марш! — В голосе Грейвса послышались нотки, которые я раньше не слышал, и о которых я много думал, пока мы шли в лазарет.

Этот инцидент решил все дальнейшие проблемы между Джонсоном и мной. На следующий день мы и остальные люди были плотно набиты вместе в два грузовика, направлявшиеся в Кэмп-Пендлтон.

***

*1067-й учебный взвод,
Рота «В»,
1-й учебный батальон,
Учебный лагерь морской пехоты,*

Кэмп-Пендлтон, Калифорния,
22-23 сентября 1968 г.

Дорогая мамочка,

Небольшая заметка, особо много времени нет. Мы только что переехали здесь в казарму и у нас много работы. Сегодня утром сходил в церковь, которая находится снаружи. Сейчас у нас свободное время, поэтому пытаемся отправить несколько писем.

Завтра мы начнем учиться стрелять из винтовки, и в среду мы стреляем из пистолета .45 калибра. Мы пройдем обучение за три недели, и я надеюсь получить квалификационное звание «Меткий стрелок». Какова мечта, а?

Ну, время медленно приближается к моему выпуску из учебки. Осталось четыре недели. Думаю, вы еще не знаете, как вы собираетесь приехать ко мне. Я сбросил вес, и с тех пор, как попал сюда, мой пояс затянулся еще на два дюйма. С тем, как я ем, просто чудо, что мой желудок не волочится по земле.

Добро, мам, должен заканчивать. Чуть позже этим утром у нас будет проверка винтовок, а я свою все еще не почистил. Скоро напишу.

*Твой любящий сын,
Джо*

***

База в Сан-Диего находилась в городской черте, так что для прохождения огневой подготовки нам пришлось временно перебраться в учебный лагерь в Кэмп-Пендлтон.

Первые несколько дней на стрельбище мы жили в неотопливаемых палатках возле нескольких больших трейлеров, служивших в качестве уборных. Было холодно и влажно. При подъеме мы бежали в прицепы, чтобы умыться и согреться, — в основном, чтобы согреться. К концу недели мы перешли в постоянные казармы, — самый желанный побег из холодных палаток. Именно там я стал все чаще сталкиваться со странностями, которые начались происходить с сержантом Грейвсом.

Однажды в час ночи я обнаружил, что сижу на койке из-за того, что кто-то рванул меня вверх за воротник футболки. Чувствовался запах дешевого джина — Грейвс снова до меня добрался. «Вот черт», — подумал я. В казарме восемьдесят парней, ну почему опять я?

— Уард, ты не спишь?

Как я мог спать?

— Сэр, да, сэр.

— Не гони, Уард, я хочу поговорить. — Он притянул меня ближе. — Я хочу знать, нравлюсь ли я людям.

Какого хрена? Нравится ли он? Да все просто ненавидели его!

— Так точно, сержант Грейвс! Конечно, людям вы нравитесь!

— Лживый сукин сын! — Он толкнул меня вниз, но сразу же встряхнул обратно.

— Я нравлюсь тебе, Уард?

— Так точно, нравитесь, сержант Грейвс.

— Еще одна чертова ложь! — Меня снова отпустили и дернули вверх.

— Я хочу знать правду, Уард.

— Никак нет, сэр, никто вас не любит.

Он отпустил меня, положив руки на бедра, и уткнулся в пол. Я едва услышал его бормотание: «Хорошо, хорошо», — перед тем, как он внезапно встал и, пошатываясь, пошел в темноту, только для того, чтобы во время подъема стать таким же привычным для нас Грейвсом.

Подобные ночные визиты продолжалась на протяжении всего нашего пребывания на стрельбище. В конце концов до меня дошло, что он был очень одинок. Иногда Грейвс расспрашивал меня о доме, или о ком-либо из солдат взвода, но практически никогда не упоминал о своей жизни.

Хотя по-прежнему с нами вели занятия по другим дисциплинам, основной упор на стрельбище Эдсон делался на изучении стрелкового оружия. Если ты не можешь попасть в цель, ты не очень хороший солдат. В Корпусе морской пехоты, если ты не можешь попасть в цель, ты вообще не солдат.

Однажды на стрельбище мы стали свидетелями самоубийства, когда солдат из соседнего взвода склонился над винтовкой М-14, дуло которой было плотно прижато к его груди, и нажал на спусковой крючок. Его труп еще не донесли до «Скорой», когда Грейвс собрал нас, чтобы обсудить то, что произошло.

— На тот случай, если кто-либо из вас, говнюков, захочет сделать то, что сделал с собой тот подонок, я объясню, как сделать это правильно. Ни этот неженка, и никто из вас не стоит даже одной морпеховской пули.

Он закатал левый рукав и высоко поднял руку.

— Если в этом взводе у кого-то в голове бродит такая же идея, вы должны делать это правильно. Станьте в душе под сильный напор холодной воды, возьмите бритвенное лезвие и вскройте руку от запястья до локтя. — Своим указательным пальцем он прочертил невидимую линию по внутренней стороне предплечья, — Аккуратно и чисто. Все понятно?

— Сэр, да, сэр.

— Я не слышу вас!

— Сэр, да, сэр!

— Я по-прежнему не слышу вас!

— Сэр, да, сэр!!!

Нам было чертовски трудно разобраться со всем этим. Не более чем в ста футах от нас лежал мертвый человек, чье сердце было буквально вырвано из спины, а Грейвс спокойно говорил нам о том, как убить самого себя.

***

*1067-й учебный взвод,
Рота «В»,
1-й учебный батальон,
Учебный лагерь морской пехоты,
Кэмп-Пендлтон, Калифорния,
29 сентября 1968 г.*

Дорогая мамочка,

Это снова твой младшенький. Мои письма доходят медленно и редко, но поверьте мне, я пишу их каждый раз, когда нас не заставляют что-либо делать. Несколько дней назад я ввязался в драку, и мне зашивали левую скулу. Выглядит не так уж и плохо, просто побаливает. Поскольку зачинщиком был не я, то проблем у меня не возникло.

Я только что узнал, что в воскресенье перед выпуском в части будет день открытых дверей, а потом, в следующий четверг, состоится наш выпуск. Я подумал, что, если вы с Лаурой поедете, то могли бы приехать на день открытых дверей, а затем провести несколько дней у дяди Ральфа, и прийти ко мне на выпуск. Вот такая вот мысль.

Я наконец нашел О'Грейди. Он находится в одной из палаток через дорогу от нас. Я проскользнул к ним этим утром во время чистки оружия и поговорил с ним пару минут. Кажется, что с ним все в порядке, можешь сообщить миссис О'Грейди, что я разговаривал с ним. Дейв и я, мы оба постараемся навестить его чуть позже. Берегите себя.

*С любовью,
Джо*

***

24 октября Грейвс получил увольнительную на три дня и его заменил недавно закончивший школу сержантов-инструкторов и назначенный в наш взвод штаб-сержант Томас.

Я мгновенно невзлюбил этого человека, и он доказал правильность моих инстинктов в первый же день здесь. Он заставил нас идти гусиным шагом в столовую по живописному маршруту, через овраги и заросли полыни. Гусиный шаг — это когда вы идете сидя на корточках, заложив обе руки за голову, и все время выкрикиваете «кря, кря». С недавних пор гусиный шаг был запрещен в Корпусе из-за ущерба, который он наносил хрящам и сухожилиям человека.

В отличие от Грейвса, сержант Томас наказывал ради наказания, а не ради поддержания дисциплины. Он заставлял отжиматься на кулаках на гравийной дороге, и делать две тысячи прыжков из положения сидя без видимых на то причин. Он заставлял нас ползать, как червей в развернутом боевом порядке, а одного парня из отделения Дейва так долго мучил «Стойкой», что его пришлось отвезти в госпиталь. Никогда бы не подумал, что буду рад возвращению Грейвса, но когда Томас вернулся в Сан-Диего, я реально обрадовался.

Занятия на стрельбище были напряженными. Я обучился стрельбе из пистолета .45 калибра, но на самом деле я не любил это оружие. Низкая точность и большой вес, наряду с недостатком останавливающего действия, побудили меня не носить .45-й калибр.

Мы потратили целый день, стреляя из М-16, чтобы почувствовать эту винтовку, заменившую во Вьетнаме винтовку М-14. Винтовка М-16 была легкой и обеспечивала точную стрельбу на дальности до пятисот ярдов, но у нее было два серьезных недостатка. Первой и самой неприятной проблемой была ее склонность к задержкам, даже в более-менее контролируемых условиях окружающей среды на стрельбище. Споры в

отношении дефектов самой винтовки и плохого пороха, используемого в патронах, до поры до времени не возникали.

Другая проблема выявилась сразу. Винтовка, в режиме полностью автоматического огня, стреляла в настолько высоком темпе, что двадцатизарядный магазин опустошался еще до того, как первая гильза падала на землю. Это представлялось хорошей идеей, но легкий вес винтовки, в сочетании с сильной отдачей, означали, что даже самый сильный человек не мог удерживать ее при стрельбе. Когда мы отстреляли первый магазин, то обнаружили, что стоим в положении для стрельбы по уткам (целясь прямо вверх).

Более старая винтовка М-14 была снята с вооружения во всех родах войск, за исключением снайперов-разведчиков морской пехоты. Во многих отношениях, для военных это оказалось потерей. Во время полевых испытаний М-16 в реальных боевых действиях погибло огромное количество людей.

***

1067-й учебный взвод,
Рота «В»,
1-й учебный батальон,
Учебный лагерь морской пехоты,
Сан-Диего, Калифорния,
6 октября 1968 г.

Дорогая мамочка,

Спорим, ты не думала, что я окажусь поблизости, да? Я все еще здесь, но свободного времени все меньше и меньше.

Мы вернулись в Сан-Диего. Я хорошо поработал на стрельбище — сдал зачеты на квалификацию «Стрелок-эксперт» и стал вторым наилучшим стрелком в выпуске. Это важный фактор в дальнейшем продвижении по службе, так что все выглядит довольно здорово. После стрельбища у меня в зачете шесть очков, — неплохо, правда? Да, я по-прежнему командир отделения. Иногда, когда сержант-инструктор в своем кубрике начинает драть меня за что-то, что натворило мое отделение, мне становится интересно, стóит ли оно того. Меня утешает только одно — я просто должен это выдержать еще три недели.

С Дейвом и Ником мы по-прежнему вместе. Дейв тоже командир отделения, и так же, как и я, он не хотел эту работу, но делает ее лучше всех. И Ник и Дейв получили на стрельбище квалификацию «Меткий стрелок». О'Грэйди остается на стрельбище еще на две недели. Если он сдаст все тесты, то вернется сюда к выпуску.

Как ты себя чувствуешь? С моего лица сняли швы, но в том месте я все еще не могу бриться, и выглядит это довольно смешно.

Уже буду заканчивать — через пять минут я должен забрать своих ребят на дороге и отправиться в столовую. Так что береги себя, я напишу, как только смогу. Еще 17 дней!

С любовью,
Джо

***

Каждый день, проведенный на стрельбище, приближал нас к выпуску. Провал в сдаче зачетов означал повторное прохождение курса огневой подготовки. Серьезный регресс.

Пока тянулся день, я заметил небольшую группу сержантов-инструкторов и офицеров, собравшихся позади меня и двумя другими стрелками на огневом рубеже. Я получил квалификацию стрелка-эксперта, и прошел слух, что я соревновался в стрельбе с теми двумя парнями для установления рекорда нашего выпуска. Я устал, очень устал, но я слышал, как Паркер кричал: «Давай, язычник!» Остальные ребята во взводе тоже кричали в мою поддержку, кричал даже Грейвс. Я опустошил свой последний магазин, и навсегда запомнил выстрел, давший мне второе место. Все сгрудились вокруг доски с результатами для окончательного подсчета итогов, и когда они были сделаны, Грейвс выдал мне награду за незанятие первого места — сильный удар в живот.

Конфликт на расовой почве между Крузом и Бенхамом, о котором я беспокоился, начался на стрельбище. Когда же после нашего возвращения в Сан-Диего он чуть было не перерос в кулачный бой, я принял меры и заменил Круза Бенхамом на должности командира огневой группы. Им это не понравилось, и я не был уверен, что мое решение правильно, но я сделал это. Через сорок восемь часов, я вернул Круза обратно на должность командира огневой группы. Гармония была восстановлена, и больше проблем на расовой почве в моем отделении не возникало.

***

1067-й учебный взвод,
Рота «В»,
1-й учебный батальон,
Учебный лагерь морской пехоты,
Сан-Диего, Калифорния,
27 октября 1968 г.

Дорогая мамочка,

Небольшое замечание, прежде чем уйти в столовую, — я стал отличником взвода. Мне выдали темно-синюю парадную униформу, в ней я буду на выпуске. Мне также придется соревноваться за звание отличник выпуска, и меня это беспокоит. Надеюсь, я не облажаюсь — хочу, чтобы ты и Лаура гордились мной.

Как вы можете догадаться, сейчас все происходит очень быстро. Вчера у нас был заключительный тест по физподготовке, и, судя по результатам, я стал в два раза лучше, чем по прибытию в учебку. Перед выпуском у нас будет еще два суровых испытания, бег на три мили, плюс последнее контрольное упражнение. Теперь вы понимаете, что пока я пишу свое письмо, время уходит.

У нас был еще один перерыв, и я должен закончить письмо во время наблюдения за стрельбой. И это в час ночи, так что я немного подустал.

Добро, мама, буду закругляться. У меня осталось лишь десять минут. Берегите себя, и вы вскоре снова услышите меня.

С любовью,

***

Когда Грейвс в полдень, во время командирского часа, позвал меня к себе в кубрик, я подумал, что ему вдруг понадобилось. Насколько я знал, никто из моего отделения не сделал ничего плохого, и я полагал, что я тоже. Как обычно, я постучал три раза.

— Сэр, рядовой Уард прибыл по вашему приказанию, сэр.

— Заходи, Уард.

«Заходи, — мелькнула у меня мысль. — Что здесь происходит?»

— Сэр, да, сэр.

Я вошел и вытянулся в струнку, глядя, как всегда, поверх головы Грейвса на одеяло.

— Вольно, Уард.

— Сэр, да, сэр.

Я несколько замешкался. Мне приходилось заходить в эту комнату сотню раз и ни разу мне не разрешали стоять вольно. Наконец я смог посмотреть Грейвсу в глаза, в его собственном жилище, но моя тревога возросла, когда он встал и направился ко мне. «О, Боже, — подумал я, — чего это он?» Он собирался ударить меня по голове, чтобы прочистить ее, но почему? Однако вместо этого, он присел на край стола, поставив правую ногу на пол, и положив руки поверх своего левого колена.

— Уард, ты получил звание отличник взвода.⁹ — на мгновение он взглянул на меня. — В чем дело, Уард? Внезапно проглотил язык?

— Сэр, нет, сэр, но я подумал... Я имею ввиду... Мы все полагали, что им станет Джонсон. Все это время он был лидером во взводе, так что...

— И что, Уард? Он черный, как и я?

— Сэр, нет, сэр. Просто он напряженно работал для этого.

— Ты должен многому научиться, Уард. Я рекомендовал тебя, потому что ты преуспел по всем направлениям боевой подготовки: изучение теории, физическая подготовка и на стрельбище, хоть и не занял то гребаное первое место по огневой подготовке. Завтра утром после завтрака, бери этот сертификат от журнала *Leatherneck*¹⁰ на форменную одежду и получай парадную форму. В день выпуска ты получишь свое новое звание рядового первого класса. И пусть это не вскружит твою голову, Уард. У нас еще неделя обучения, и ты будешь соревноваться за звание отличника всего вашего выпуска — да, Уард, я хочу эту награду. Завтра я объявлю взводу об этом решении. А теперь убирайся отсюда.

— Сэр, да, сэр.

Я не торопился возвращаться в свою казарму. Когда я добрался до него, я позвал Паркера наружу, чтобы переговорить.

— Что случилось, язычник?

— Грейвс сказал мне, что я стал отличником взвода.

— Оба-на! Язычник, ты должно быть делал правильные вещи, или это может

⁹ Своеобразная игра слов. Слово *Honortap* также можно перевести как «вор в законе».

¹⁰ Дословно «кожаная шея». Жаргонное название морских пехотинцев США.

быть потому, что Господь на твоей стороне.

— Паркер, я не хочу, чтобы ребята узнали об этом. Грейвс хочет объявить нам всем об этом завтра.

— Как скажешь, язычник.

Как только мы вошли в казарму, Паркер дал отделению команду «смирно».

— Слушайте сюда, вы, грешники! Рядовой Уард, ваш командир отделения, получил звание отличника.

Я едва успел «поблагодарить» Паркера, как был награжден криками «ура!» и градом ударов полотенцами и подушками.

Конкурс на звание отличника всего выпуска, собственно, не являлся состязанием между людьми. Он определялся по сумме очков, набранных за все время пребывания в учебном лагере для новобранцев. Я не знал отличников в остальных трех взводах, мне были известны лишь их имена. Крайняя проверка и крайнее упражнение оказались суровыми. Мое отделение было крепким, и люди шли хорошо. Для меня кросс на три мили на сильной калифорнийской жаре в армейских ботинках и хэбэшке оказался концом моей борьбы за звание отличника выпуска. У меня развилась вирусная пневмония и сопутствующий ей кашель. В конце кросса я вынужден был держаться за телефонный столб, чтобы не вылететь с трассы. Опять же, мне пришлось довольствоваться вторым местом.

Грейвс уже знал, что первое место я не займу, и, когда он потом пришел ко мне, я ожидал еще одной накачки. Но вместо этого он спросил, все ли со мной в порядке. Поскольку из моего носа потоком шли сопли, и мне было трудно дышать, я смог лишь выдавить из себя: «Сэр, да, сэр». Как только он ушел, меня начало выворачивать наизнанку.

За два дня до выпуска мастер-комендор-сержант Маккинни собрал взвод для разговора. Он был немногословен, но то, что он сказал в тот день, хорошо отложилось у меня в памяти.

— Джентльмены, мы находимся в состоянии войны, и каждый из вас, стоящих здесь сегодня, в той или иной степени окажется вовлечен в эту войну. То, как вы будете служить своей стране, возможно, определит, вернетесь ли вы домой на своих двоих или в ящике.

Жестом он указал на три стола с сидящими за ними сержантами.

— Эти люди находятся здесь затем, чтобы определить ваше дальнейшее углубленное обучение после того, когда вы закончите начальную подготовку здесь. Это будет либо учебный пехотный полк морской пехоты или пехотный батальон основной боевой подготовки. Также приглашаем всех желающих попробовать свои силы в школе иностранных языков в Монтерее, разведывательном батальоне, или школе снайперов-разведчиков. Большинство из вас получают назначение в регулярные подразделения морской пехоты или будут нести службу во Вьетнаме. Но только некоторые из вас будут претендовать на право поступления в одну из трех школ. Один из вас получит возможность поступить в любую из трех по собственному выбору.

Этим одним оказался я, и внезапно передо мной встала проблема выбора, который мог означать разницу между жизнью и смертью. Я также осознал истинную причину моих дополнительных усилий в лагере для новобранцев. По крайней мере, у меня был выбор, тогда как у большинства парней его не было. Я начал обдумывать перспективы.

Школа иностранных языков? Нет, от этого веяло скукой. Разведка привлекала лишь фанатиков, что на самом деле было для меня нехарактерно. Оставалась снайперская школа. Определенно, я мог положить пулю туда, где она и должна была быть. Сержант почитал мое личное дело и сказал:

— Я определяю тебя в школу снайперов-разведчиков. Распишись здесь. Это не означает автоматическое поступление на программу подготовки, но я не вижу с этим никаких проблем.

И как только я подписал контракт, я начал ощущать дыхание войны.

Наконец наступил день выпуска. Судорожно делались последние приготовления. Латунь была отполирована, кожа блестела, униформа тщательно проверена. Я надел темно-синюю парадку. Хотя в ней было жарко и неудобно, я гордился тем, что буду одним из четырех морпехов в нашем выпуске, кому было разрешено носить ее во время церемонии.

Перед тем, как нас должны были объявить морскими пехотинцами, на последних минутах должно было произойти еще два события. Первым была передача взводного вымпела от Джонсона мне. Сделано это было во время официальной церемонии, в присутствии всего взвода, стоящего по стойке «смирно». Джонсон являлся такой личной проблемой во время всего периода нахождения в лагере для новобранцев, что я с нетерпением ждал этого окончательного унижения. Но, когда он протянул мне древко с нашим вымпелом, удрученный взгляд на его лице лишил меня всякого чувства победы. Я почувствовал к нему жалость.

Второе событие навсегда породило между мной и Грейвсом чувство негласного товарищества. Проверяя мою парадную униформу, он обратил внимание, что я пропустил Знак отличия военной службы, который должен был быть на парадке.

— Черт бы тебя побрал, Уард, ты можешь хоть раз сделать что-то правильно? Подожди здесь.

Грейвс вернулся со значком. Он был слегка потерт, что выдавало его предыдущее использование.

Вскоре мы отправились на «мельницу», оставив позади себя лагерь для новобранцев. Мы должны были смотреть прямо перед собой, но каждый из нас внимательно наблюдал краем глаза за трибунами и выискивал приехавших друзей или родственников. Я увидел маму. Как раз для такого случая она купила новое красно-бело-синее платье. Без сомнения, все сидящие вокруг нее знали, что это ее малыш идет впереди взвода, разодетый дальше некуда.

Церемония выпуска была короткой и по существу. Командир взвода находился на трибунах и отвечал на вопросы. Грейвс вручал нам сертификаты, когда нас вызывали вперед по одному. Я прошел несколько шагов перед часовой и встал по стойке смирно, глядя на Грейвса. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Поздравляю, морской пехотинец!

Левой рукой он подал мне документ, и одновременно скрестил руки, чтобы пожать мне правую руку. За исключением такого же рукопожатия, и другого документа о том, что я являюсь отличником и пары фотографий с лейтенантом Уокером, поздравившим меня с присвоением нового звания рядового первого класса, все было кончено. Я официально стал морским пехотинцем. Эта простая церемония ознаменовала собой окончание учебного лагеря для новобранцев.

Наконец, мы смогли поприветствовать наших родственников и дать волю ласкам, объятиям, поцелуям, и пустить несколько слезинок. Нам разрешили купить конфеты и сладости, первые с момента поступления в лагерь.

Четырехчасовое посещение гостей добавило последний штрих нашему выпуску, а потом мы вернулись в нашу казарму, чтобы подготовиться к переезду в Кэмп-Пендлтон. Два дня спустя мы сели в товарные вагоны для переезда в учебный пехотный полк.

***

16-й взвод,
Рота «W»,
3-й батальон,
2-й учебный пехотный полк,
Кэмп-Пендлтон, Калифорния,
29 октября 1968 г.

Дорогая мамочка,

Вернулся в Пендлтон. Сейчас утро пятницы, у нас сегодня свободный день, и, как вы можете сами догадаться, жратвы у нас стало побольше.

До сих пор все шло довольно медленно, но из того, что я слышал, долго это не продлится. Думаю, что по сравнению с этим учебным полком лагерь для новобранцев — это что-то вроде детского сада. Да, я снова командир — меня назначили командиром взвода, что оставляет меня с восьмьюдесятью парнями, о которых я должен заботиться. До этого я считал, что тяжело держать в узде двадцать ребят, так что все должно быть интересным.

Письмо короткое, но я хотел, чтобы вы знали мой новый адрес. Буду идти, у нас построение через двадцать минут. Да, я отправляюсь в снайперскую школу. Дейв и Ник по-прежнему со мной. Берегите себя. Еще напишу, как только смогу.

*С любовью,
Джо*

P.S. Мне нужно десять долларов.

***

Кэмп Пендлтон — это база, раскинувшаяся на южных холмах Калифорнии, полная скорпионов, тарантулов и гремучих змей. Зимой погода здесь такая же суровая, как и местность. Как правило, мы располагались полевым лагерем, и все занятия проводились на воздухе, — в холод, дождь или зной. Все это было предназначено для того, чтобы мы были приучены к тяготам и лишениям военной службы в поле.

Был и еще один феномен, присущий подготовке в учебном полку, — походный шаг (длинный быстрый шаг). Это был хороший способ покрыть значительное расстояние за короткое время, но он был невероятно изнурительным. Когда рота двигалась походным шагом по пересеченной местности, происходила странная вещь. Два передних взвода размеренно маршировали, а третий взвод либо бежал, чтобы не отстать, или почти топтался на месте. Четвертый, мой, взвод, бежал постоянно. Мы постоянно бегали

по всей этой проклятой базе. Единственное преимущество быть замыкающим заключалось в том, что, если впереди колонны замечали гремучую змею, нас предупреждали. Тем не менее, мы передвигались настолько быстро, что когда до нас доносилось слово «змея», мы едва успевали сделать несколько шагов и прыгали, чтобы не наступить на нее.

За исключением Паркера и трех других человек, мое отделение было разделено, и людей разбросали по другим взводам. Сержантов-инструкторов заменили кадровые командиры, менее суровые в физическом насилии, но придерживавшиеся плана занятий, который практически невозможно было соблюсти. Быть снова командиром, только на этот раз уже взвода, означало, что мои проблемы увеличились в четыре раза. Чтобы крепко спаять личный состав, я продолжал использовать метод сотрудничества, который уже применял в лагере для новобранцев, но обнаружил, что мне чаще приходится «включать босса» и третировать подчиненных. Паркер вновь оказался незаменимым, оказывая мне помощь в принятии трудных решений и отделяя законное недовольство от попыток проявить служебное рвение.

Когда я был неправ, то принимал наказание за это, но принимая командирские решения сразу, я сократил количество ситуаций, которые ставили меня и моих людей под проверку со стороны командиров.

***

16-й взвод,
Рота «W»,
3-й батальон,
2-й учебный пехотный полк,
Кэмп-Пендлтон, Калифорния,
7 ноября 1968 г.

Дорогая мамочка,

Не слишком удивляйтесь, я снова пишу письмо. Нам действительно не хватает времени, и поскольку теперь я взводный, у меня его меньше, чем у других. Прошлой ночью я работал в канцелярии роты до полуночи, а встать пришлось в 4.30 утра. Я едва таскаю ноги.

Сегодня мы снова стреляли из М-16. Я полагаю, это хорошее оружие, но у многих винтовок возникают задержки. Некоторые из нас считают, что М-14 лучше. Завтра мы будем стрелять из пулемета М-60 и 60-мм гранатомета.

Что касается моего отпуска, то поскольку близится Рождество, нам могут предоставить отпуск с 7-го декабря. Но не питайте больших надежд по поводу этой ранней даты, потому что здесь все меняется явочным порядком в последний момент.

Спинальный менингит здесь — сущее наказание. Сразу после того, как мы покинули базу в Сан-Диего, она была закрыта на карантин, и на него попала вся рота, следовавшая за нами. Я жду, пока она доберется до нас. Это означает дополнительные десять дней, прежде чем я оправлюсь домой.

Получил деньги, которые вы мне отправили, купил на них нашивки, которые пришил на свою униформу. На этих выходных у нас была увольнительная на берег, но я

опять без гроша, хотя вместе с Дейвом все еще пытаюсь попасть к «Дядюшке Ральфу».

Рад услышать, что у вас все хорошо. Буду бежать.

*Твой любящий морпех,
Джо*

***

Я не мог себе представить, что учебный полк мог оказаться хуже, чем лагерь для новобранцев. Это была ошибка — полк превратился в самый адский лагерь для новобранцев, который только мог появиться на свет. Мы обучались владению боевым оружием, между занятиями совершали форсированные марши на многие мили, замерзали ночью и жарились днем, когда светило Солнце. Добавьте сюда взвод, которым я должен был командовать, и вы поймете, почему я готов был скорее сдаться здесь, чем когда-либо в учебке для новобранцев.

В полку нас учили бросать гранату, — базовое и, казалось бы, простое упражнение, но лишь внешне. Гранату М-30 одновременно бросали двадцать человек. Гранаты эти были овальной формы и имели тонкий алюминиевый корпус. Заряд бризантного взрывчатого вещества был обмотан толстой проволокой с насечками, которая после взрыва превращалась в осколки. Мы выходили в длинную траншею, вдоль которой равномерно стояли командиры на случай, если кто-то уронит гранату. Давалась команда, чтобы мы разжали усики чеки и вытянули ее, плотно удерживая пальцами разжимной рычаг. Вторая рука вытягивалась вперед, ладонь разжата, что придавало нашему телу равновесие. Далее давался приказ бросить гранату как можно дальше и опуститься в траншею. Некоторые из нас клялись, что на них постоянно падал дождь горячих осколков, ударяя по обратной стороне ладоней, которыми мы закрывали головы, изредка попадая за воротник, обжигая, как жало пчелы. Кусочки металла постоянно отскакивали от наших шлемов, действуя на нервы своим звуком.

Мы также стреляли по старым танкам и бронетранспортерам из легкого противотанкового оружия — одноразовых гранатометов LAW, которые заменили базуку. Они надежны и точны, и если человек удерживал цель в прицеле, он мог рассчитывать на попадание. Однако фугасный боеприпас в ранних версиях гранатомета продемонстрировал во Вьетнаме низкую эффективность. Позже, когда появилась версия с противопехотной гранатой, этот гранатомет в боевых условиях доказал свою ценность.

Я уже начал с подозрением смотреть на все, что взрывалось. Не могу сказать, что с нетерпением ожидал занятий по подрывному делу. Иногда казалось, что мы обрезаем [огнепроводный шнур] слишком близко. Когда рота сидела на местах в открытом классе, я не мог оторвать глаз от двух больших столов, стоявших перед нами, на которых громоздились четвертьфунтовые тротилловые шашки. Инструкторы подняли троих из нас, и отправили к столу с огнепроводными шнурами, капсуль-детонаторами, и обжимными плоскогубцами. Мы вставили огнепроводный шнур в капсуль-детонатор, чуть зажали его основание плоскогубцами, и, подняв их над своими шлемами, обжали. Затем мы взяли по тротиловой шашке и прошли семьдесят пять футов до нескольких ямок глубиной около трех футов. Там мы вставили капсуль-детонатор в гнездо в шашке, подожгли то, что, как мы надеялись, являлось отрезком огнепроводного шнура со

временем горения тридцать секунд, осторожно уложили шашку в яму, после чего нам сказали спокойно возвращаться обратно. Желание побежать было мучительным. Мы едва успели вернуться к группе, когда произошел взрыв, и только после этого я испустил вздох облегчения, поняв, что весь дрожу.

После одного особенно долгого и изнурительного перехода, мы снова оказались на лавках, на этот раз на занятии по выживанию. Инструктор вышел на деревянный помост, держа в руках белого кролика, и пока он говорил, то неторопливо прохаживался от одного конца помоста к другому, нежно поглаживая зверька.

— Джентльмены, сейчас вы на занятии по выживанию, другими словами занятии о том, как остаться в живых. Если вы окажитесь оторванными от своего подразделения, особенно на вражеской территории, у вас есть два варианта — сдаться и погибнуть или использовать свою голову и хитрость, чтобы остаться в живых. Я предлагаю вам на занятиях внимательно слушать.

Он мог нам этого и не говорить. Его мягкие, обходительные, манеры и очевидная привязанность к кролику привлекли всеобщее внимание. Он добрался до центра помоста и замолчал, как и все мы. Внезапно его правая рука ударила по задней части головы кролика в стиле каратэ, мгновенно сломав шею животному. Кролик обмяк, кровь заструилась из носа. Инструктор поднял животное и позволил небольшому количеству крови затечь себе в рот. Вытерев тыльной стороной ладони остатки крови с своего лица и, оставив кролика истекать кровью на помосте, он потянулся за своим штык-ножом. Потом он разрезал и снял шкурку одним куском и, держа тушу в одной руке и шкуру в другой, поднял их высоко в воздух. Мы сидели заигнотизированные.

— Выживание, джентльмены, означает, что ничего из этого или любого другого существа, которое вам удастся поймать, выбрасывать нельзя. Очевидно, что мясо съедобно, но также важна каждая часть животного: глаза, мозги, костный мозг, и другие внутренние органы. Если вы оказались в тылу врага, о разведении костра не может быть и речи. Вы будете кушать все эти вкусности сырыми, и если вы провели несколько дней без еды, они окажутся на вкус лучше, чем вам кажется в настоящее время.

Он опустил тушку вниз и пошел к краю помоста. На руке его была шерсть.

— Мне нужен доброволец. — Никто даже не шелохнулся. Потом он указал на парня в первом ряду. — Ты доброволец. Поднимись сюда и сними свой правый ботинок.

Выбранный добровольно-принудительным способом морпех вышел на сцену и начал расшнуровывать свой ботинок, в то время как инструктор подготовил шкурку.

— Ложись на спину, морпех, и подними правую ногу вверх. — Он обернул шкурку вокруг босой ноги мехом внутрь, быстро и ловко вытащил в определенных местах лапы из шкурки, и связал их вместе. Он просто сделал мокасин. Мы все были чрезвычайно впечатлены такой наглядной и ужасной демонстрацией.

Остальная часть его занятия явилась подробным описанием того, как устанавливать силки, и какие виды растительности можно безопасно употреблять в пищу.

— Волосы, — говорил он, — не усваиваются, но ногти вполне, и они должны откусываться и проглатываться по мере их роста.

Интересно, в каком отчаянном состоянии должен оказаться человек, чтобы он начал поедать себя сам, начиная с ногтей?

***

16-й взвод,
Рота «W»,
3-й батальон,
2-й учебный пехотный полк,
Кэмп-Пендлтон, Калифорния,
24 ноября 1968 г.

Дорогая мамочка,

Думаю, все злятся на меня из-за моих писем. Я не один, кто жалуется, но последние две недели были самыми тяжелыми в моей жизни. Не буду утомлять вас подробностями, но если инструкторы захотят, то могут заставить вас думать, что лучше бы умереть. Я действительно был не в том настроении, чтобы написать разумное письмо. Впрочем, хватит об этом.

Мы еще не знаем, когда мы окажемся дома. Это должно случиться ближе к Рождеству, и ходят слухи, что нам не придется отправляться прямо во Вьетнам — по ходу, у них есть куча других морских пехотинцев, и нас могут задержать на некоторое время.

Добро, мам, я должен проверить своих ребят, готовы ли они к походу в прачечную. Береги себя и передавай бабуле и Лауре привет.

*С любовью,
Джо*

***

Обучение в учебном полку заканчивалось тактическим занятием с боевой стрельбой, и никто с этим никогда не шутил. Все, что нам было известно, — так это то, что любой возвращался с этих занятий изменившимся. Когда мы проходили мимо бункера с пулеметом, я увидел, что он установлен на регулируемом по высоте станке, чтобы пули летели выше на пять или шесть футов. Я даже вздохнул с облегчением, — его могли установить ниже, гораздо ниже. Однако мой оптимизм улетучился, когда я увидел само учебное поле. Это был полигон длиной около двух сотен футов и шириной футов сто, на котором повсюду под разными углами и на различной высоте была натянута колючая проволока, и там и сям были открыты неглубокие воронки, окаймленные мешками с песком.

Перед выходом на поле один из командиров проинструктировал нас. Было так тихо, что если бы он шептал, то его бы слышала вся рота. Когда первый взвод был готов выйти на поле, остальные должны были отойти за пределы видимости полигона. Пока тянулось утро, мне нужно было обо всем догадаться, и время, которое требовалось каждому взводу, чтобы пройти упражнение, оказалось гораздо большим, чем я ожидал. Командиры также были осторожны, и не разрешали ожидающим смотреть на тех, кто проходил упражнение. Мой взвод нервно прождал четыре часа, пока три других взвода отправлялись на учебное поле, и только перерывы в звуках взрывов и пулеметных очередей свидетельствовали о том, что поле готово снова.

Когда мы подошли к выходу на полигон, командир сказал:

— Это учение с боевой стрельбой. Ваша задача — атаковать с фронта вот тот бункер, мимо которого мы проходили. На случай, если кто-то из вас считает, что пуле-

мет будет стрелять холостыми, пожалуйста, посмотрите сюда.

Он незаметно подал знак людям в бункере, и они произвели несколько выстрелов в земляную насыпь в конце учебного поля. Трассеры и грязь полетели в разные стороны.

— В воронки не заходить, в них установлены подрывные заряды, которые будут взрываться по усмотрению инструкторов. Это упражнение даст вам возможность почувствовать вкус боя. Оно считается настолько близким к реальному бою, как нигде в мире. Вы должны вползти по-пластунски на учебное поле, проползти его и выползти с противоположной стороны. Ни при каких, повторяю, ни при каких обстоятельствах вы не должны вставать или заползать в воронки! На выходе с учебного поля на противоположном конце, не поднимайтесь до тех пор, пока сержант Форест не ударит вас по заднице — это сигнал о том, что вы находитесь в безопасной зоне. Первый человек, который достигнет колючей проволоки, должен сделать проход для тех, кто ползет за ним. Если проволока расположена низко, вам необходимо заползти поверх нее и оставаться на месте до тех пор, пока все люди за вами не переползут поверх вас. Если проволока будет висеть выше, нужно приподнять ее с помощью своей винтовки, и держать ее до тех пор, пока под ней не проползут все люди, находящиеся за вами. Вопросы есть?

— Никак нет, сэр!

— Повторяю, — ни при каких обстоятельствах не подниматься и не заползать в воронку! Рядовой первого класса Уард!

— Сэр, да, сэр.

— Выводи первое отделение на поле!

— Слушаюсь, сэр! Первое отделение, вперед! Положение лежа принять!

Я дополз до первого проволочного забора, приподнял ее своей винтовкой, и первое отделение легко проползло под ней. У меня был хороший обзор учебного поля, и как только крайний боец из 3-го отделения пролез под проволокой, у меня появилась надежда, что все окажется не так уж и плохо. Но как только под забором пролез крайний человек из 4-го отделения, начался пулеметный огонь и раздался взрывы в воронках. Я знал, что пули пролетают над головой, но практически забывал о них, когда мое тело сотрясалось от боли каждый раз, когда поблизости раздавался взрыв. Через несколько секунд каждый из нас начал испытывать контузию. Существует предел тому, сколько раз человека может бить взрывная волна, вызывая сотрясение мозгов внутри черепа, и нанося удары по барабанным перепонкам до того, как он станет дезориентированным. Через минуту или две он попросту может забыть, где верх и где низ.

Я предполагал выйти с учебного поля через пять-семь минут, но застрял там на все двадцать, потому как два человека потеряли ориентировку и начали ползать кругами. Я должен был выйти к ним и заставить их двигаться в правильном направлении.

Когда я, наконец, добрался к конечному рубежу и прополз под оранжевой лентой, обозначающей рубеж безопасности, я даже не почувствовал, как инструктор шлепнул меня по ягодице. Я продолжал ползти, пока не уткнулся в пару ботинок, и когда протянул руку, чтобы коснуться их, мне показалось, что я слышу голос Паркера, который издали зовет меня. Поднявшись выше, я почувствовал в ботинке чью-то ногу. Перевернувшись на спину, я увидел, как надо мной, склонившись, стоял Паркер с перевернутым лицом, что имело смысл. Два человека подняли и поставили меня на ноги, а я

вдруг увидел Паркера с правильной стороны, что смысла не имело. Дезориентированный и растерянный, я чувствовал себя так, как в тот день, когда я делал для Грейвса «невидимый стул».

Когда я пришел в себя, я сказал Паркеру вести взвод обратно и вести его медленно, потому что у него было несколько отставших. Во время моей долгой одинокой ходьбы обратно в казармы, мне в голову пришли две мысли. Во-первых, вы не получите контузию, если вы можете справиться с ней. Во-вторых, если вы получите ее, единственным лекарством от этого является отдых.

***

*3169-я учебная рота,
Учебный батальон 2-го учебного полка,
Кэмп-Пендлтон, Калифорния,
7 декабря 1968 г.*

Дорогая мамочка,

Прямо сейчас мы сидим на склоне холма на занятии, изучая винтовки М-16. Мне весьма неудобно писать, поэтому надеюсь, что вы сможете это прочитать.

Прошлой ночью я написал Лауре, и к тому моменту, как я закончил, мои руки настолько задубели от холода, что я не мог разогнуть пальцы. Наши палатки не отапливаются, но здесь, в учебном батальоне, мне предстоит находиться три недели. Мальчишка, готов ли я выбраться из этого места? Когда я вернусь из отпуска, мы начнем обучение в снайперской школе. Потом у меня будет то, что здесь называют боевым слаживанием, после чего я отправляюсь во Вьетнам. Все, что я сейчас знаю, — это будет февральская замена.

Я представил Дейва к получению звания рядового первого класса, и он получил его. Всего в моем взводе это звание получило семь человек, и во время награждения вокруг было много дружески настроенных ребят. Дейв и Ник молодцы, а Майка мы не видели с того момента, когда его засунули в роту постоянного состава.

И напоследок — мы отправляемся в столовую, а потом возвращаемся на холм для следующего занятия. И в таком режиме проходят крайние пару дней. Следующее письмо попробую отправить завтра. Берегите себя и передавай всем привет.

*С любовью,
Джо*

***

Перевод из учебного пехотного полка в учебный полк основной боевой подготовки заключался в коротком перемещении в другие жилые помещения. В полку ОБП можно было вздохнуть свободнее, поскольку занятия сместились больше в область тактики, военных игр, и общей полировки того, что мы уже знали. Командиры подразделений относились к нам терпимее, а бóльшая свобода вне базы обеспечивала значительную разницу в моральном состоянии. Даже если у нас не было ни гроша, чтобы отправиться в Сан-Диего или Оушенсайд, мы могли пойти в клуб для рядового состава в Дель-Мар. Три раза в неделю туда приезжали на автобусе девушки из Оушенсайда, и

ты мог потанцевать с ними всего за десять центов.

Но чаще всего нам удавалось добраться до Сан-Диего — под словом «мы» я имею в виду себя, Джо Поузи и Брюса Уолтерса. С Джо я был знаком еще со времен лагеря для новобранцев, а с Уолтерсом мы познакомились в учебном пехотном полку. Вместе мы отрывались на вечеринках так, как будто завтра никогда не наступит, и чем ближе подходил срок отправки на войну, тем больше мы отрывались. Зачастую мы брали с собой Паркера, и к его неоднократному удивлению, всегда как-то находили обратную дорогу на базу. Как будто внутренний голос говорил нам: «Мальчики, стоп, вечеринка закончилась, поэтому не стоит продолжать дальше».

***

3169-я учебная рота,
Учебный батальон 2-го учебного полка,
Кэмп-Пендлтон, Калифорния,
14 декабря 1968 г.

Дорогая мамочка,

Я снова пишу на занятии. Оно посвящено тактике наступательного боя, и мне нужно что-то сделать, чтобы не закрыть глаза, — этой ночью мы спали всего три часа.

Новостей не так много. Я вновь простудился и озноб такой, что мама не горюй, — вероятно, скоро подхватю пневмонию. У начальства есть весьма подлый способ удержать большинство парней от похода в лазарет — командиры заставляют нас укладывать все наше снаряжение и униформу плюс винтовки и шлем, а потом нести это все в лазарет. А это, между прочим, около 200 фунтов снаряжения,¹¹ и кроме того, если ты пропускаешь два учебных дня, тебя отправляют на гауптвахту. Поэтому если я и смогу до него добраться, то только завтра, в свободное время.

Если ничего не изменится, то мы отправимся двадцать девятого. У нас с Ником и Дейвом уже есть билеты на поезд. Это займет чуть больше времени, но зато я сэкономлю порядка тридцати долларов. Добро, мама, буду заканчивать. Передавай всем привет. Береги себя, увидимся перед длительной службой.

*С любовью,
Джо*

***

Перед выпуском из полка ОБП, почти все, кто был в батальоне, строил планы отправиться домой в отпуск. У нескольких парней не было настоящего дома, чтобы поехать туда в первую очередь. Я спросил у одного морпеха в своем взводе, почему тот не собирает вещи.

— Ты не собираешься домой, Олсен?

— Нет, а куда? Черт, у меня никогда не было даже приличной еды до тех пор, пока я не поступил в Корпус.

---

¹¹ Около 90 кг.

- Ты можешь поехать домой ко мне, если хочешь.
— Нет, спасибо. Я просто покантуюсь здесь некоторое время.
— Ладно, береги себя, Олсен.
— Да, ты тоже.

Я чувствовал себя хреново. У меня был прекрасный дом, семья, друзья и чудесная девушка, которая меня ждала. У Олсена же был только Корпус морской пехоты. Марк Олсен был убит в Республике Южный Вьетнам за четыре дня до того, как я закончил свою подготовку в школе снайперов-разведчиков.

Для нас троих, — Дейва, Ника и меня — отпуск превратился в непрерывную тридцатидневную вечеринку. Майк вернулся домой за полторы недели до нашего отпуска. В ночь перед возвращением в свои подразделения, мы отправились в Шахты Контрабандистов, — сеть старых заброшенных золотых приисков в горах, в которых мы часто укрывались от домашних проблем или чтобы просто побыть в одиночестве.

Сидя вокруг костра, потягивая пиво, мы старались поддерживать легкий треп, но было трудно выкинуть из головы мысли о войне. Потом мы провели старый армейский ритуал, — разорвали долларовую купюру на четыре равные части и засунули их подале в свои кошельки. Когда мы вчетвером вернемся, то соединим четыре части вместе и купим пиво, чтобы отпраздновать наше благополучное возвращение.

На следующий день мы с Лаурой пошли в ювелирный магазин и выбрали бриллиантовые обручальные кольца. Я внес предоплату и согласовал свои ежемесячные выплаты в магазин, пока они не будут выкуплены. После я вылетел обратно в Калифорнию, уверенный, что мне не удастся повидаться с семьей и друзьями по меньшей мере год.

Я явился не на свою базу и опоздал на два дня, однако никого, похоже, это особо не обеспокоило — превалировала позиция «лучше поздно, чем никогда», да и к тому же уже было несколько невернувшихся. К тому времени, как я добрался до снайперской школы, я опоздал на три дня, однако по-прежнему мало кто беспокоился об этом. После суровых тренировок, я мог легко позволить себе такую трехдневную расслабуху. Обучение в снайперской школе оказалось слишком интенсивным, чтобы извлечь выгоду из этих знаний, но определенно повлияло на мои мозги.

***

*8-я рота усиленной боевой подготовки,
69-я снайперская школа,
База морской пехоты Кэмп-Пендлтон,
Калифорния,
21 января 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Наконец, я прибыл сюда и обустроился. Погода отвратительная, — идет дождь, а ветер задует настолько сильно, что прошлой ночью некоторые деревья вокруг казармы были вывернуты с корнем.

Как ты себя чувствуешь? Береги себя, чтобы я не волновался. Сейчас прекращу писать, позже продолжу.

Это снова я. Эту часть письма я начал писать шесть дней назад, и как вы можете заметить по моему новому адресу, сейчас я в школе снайперов-разведчиков.

(Дописано позже) У нас хватило времени только на то, чтобы собрать наши манатки, и сержант выгнал нас наружу на «небольшую» пробежку длиной около трех миль, и бóльшая часть курсантов добралась до финиша. Это было первое реальное упражнение, которое мне пришлось проделать со времен учебного полка, и я увидел, что потерял форму. Я сейчас ничего не соображаю, но думаю найти место, где смогу укрыться и поспать. Со вчерашнего утра ничего не ел.

Пришла почта, и я получил домашнее печенье и ваше письмо. Печенье я припрятал для службы наблюдателем в среду. Это специальная сторожевая служба, выполняемая снайперами.

Поскольку сейчас мы курсанты, то разместили нас получше. Похоже, что подобная погода продержится еще несколько дней, хотя сейчас стало еще холоднее. Думал отправить это письмо со своим новым адресом. Конечно же, было бы хорошо получить от вас весточку. Скоро напишу еще.

*С любовью,
Тоскующий по дому*

***

Перед тем, как школа официально начала свою работу, нам пришлось попотеть. Нам выдали винтовки М-14 с инфракрасными прицелами, и поставили задачу охранять полевой склад боеприпасов в Кэмп Пендлтон, — служба, более известная нам как «наблюдательный пост».¹² Склад представлял собой большое хранилище, окруженное долиной со ступенчатыми склонами.

На протяжении последних лет, благодаря нескольким взломам, боевое оружие попало в руки некоторым сомнительным личностям, что оказалось для командира базы настоящим позором. У снайперской школы была другая проблема: надо было выработать у нас привычку бодрствовать всю ночь. И поскольку наша казарма находилась недалеко от склада, было логично, что нас и поставили его охранять.

На склонах долины находилось несколько замаскированных снайперских гнезд. В будние дни от заката до восхода и с субботнего вечера до утра понедельника, какой-либо снайпер из школы вел наблюдение за складом. Нам выдали боевые патроны и дали приказ: «Стрелять на поражение. Без предупреждения и без вопросов». После того, как по округе пошел слух, кражи из склада прекратились. Для нас же такая служба наблюдения означала одну бессонную ночь за другой.

***

*8-я рота усиленной боевой подготовки,
69-я снайперская школа,
База морской пехоты Кэмп-Пендлтон,
Калифорния,*

---

¹² В оригинале — *hole watch*. Если сравнивать с нашим армейским сленгом, то наиболее близким аналогом является термин «фишка».

31 января 1969 г.

Дорогая мамочка,

Наши занятия начнутся в понедельник, и если у меня не будет каких-либо провалов, то я отправлюсь во Вьетнам где-то между 20-м и 30-м марта. Хотел бы попасть туда как можно быстрее. Дейв отправляется на следующей неделе, полагаю, что в среду.

Прошлым вечером разговаривал с Лаурой. Она сказала, что ты, кажется, неплохо держишься одна. Получил посылку, которую вы отправляли. Спасибо за все вещи, они действительно мне помогут.

Надеюсь, что на эти выходные смогу получить увольнительную — хочу поехать в Кэмп Лас-Погас, чтобы попробовать найти Дейва и Ника. Слышал, что Ник уже 30 дней дежурит по столовой.

(Дописано позже) У нас только что была внезапная проверка нашим лейтенантом. Поступил приказ, что в школу будут зачислено только двадцать пять курсантов, а сейчас желающих поступить тридцать семь. Они отбирают на учебу только наилучших стрелков, и я оказался одним из них. Пока что из нас они точно отобрали одиннадцать человек.

Бегу отправить это по почте. Береги себя и бабулю.

*С любовью,
Джо*

***

Атмосфера в начале обучения в снайперской школе была напряженной, и уровень оказываемого прессинга означал, что провалов здесь не потерпят. Нас постоянно отсеивали сквозь все более и более тонкое сито. В школу изъявило желание поступить тридцать семь человек, было принято двадцать пять, а закончило ее, в конечном счете, всего двадцать.

Мне так и не удалось увидеть Дейва и Ника, но на самой базе, недалеко от меня, служил Паркер, и мне удалось провести некоторое время с ним. Поузи, Уолтерс, и я продолжали быть вместе. Мы наверняка представляли собой странную комбинацию, но относились друг к другу как братья.

***

*8-я рота усиленной боевой подготовки,
69-я снайперская школа,
База морской пехоты Кэмп-Пендлтон,
Калифорния,
4 февраля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Ну, вот я, как обычно, снова засел за письмо. Сейчас жду, чтобы заступить на «наблюдательный пост». Да, меня снова назначают на дежурство, прям удивительно, как часто это происходит.

В целом все достаточно неплохо. Пару дней занятий не будет, так что сейчас мы готовим к тренировкам свое снаряжение. Командиры проверяют еще одиннадцать парней, желающих попасть в школу, так что у нас будет полный комплект из двадцати пяти человек.

У меня была небольшая стычка с одним из младших командиров. Он был пьян, шлялся вокруг нашей казармы после отбоя, и начал действовать мне на нервы, поэтому я ударил его. Должен признать, это был довольно хороший удар, потому что я на минуту отправил его в нокаут. Пара его друзей унесли его, так что большие неприятностей не возникло. Я видел его вчера, и он извинился. Сказал, что не помнит, как оказался в нашей казарме.

У меня отпустили волосы, так что придется покупать расческу. Нам разрешается отращивать волосы длиной не более трех дюймов на макушке, а по бокам они должны быть «высокие и жесткие». В переводе на обычный язык это означает: короткие.

Если меня в эти выходные не назначат на «пост», то мы с Паркером отправимся к «Дяде Ральфу». Просто смотреть, иначе буду оплачивать чужие счета.

Добро, мама, думаю, что мне лучше пойти перекусить, прежде чем отправиться на дежурство. Передавай бабуле привет, и вы обе берегите себя. Скоро еще напишу.

*С любовью,
Джо*

***

В первый день в снайперской школе, нам были выданы шляпы для джунглей, стрелковые жилеты, и блестящие алюминиевые футляры, четыре с половиной фута длиной, восемнадцати дюймов в ширину и восемь дюймов в высоту.¹³

У нас было три компетентных инструктора: сержант Орон, очень собранный, два года назад вернувшийся из Вьетнама; сержант Болстед, проницательный и спокойный, год назад вернувшийся из Вьетнама; и капрал Хилл, чуть послабее, чем Орон и Болстед, менее терпимый к государственной канцелярщине, вернувшийся из Вьетнама четыре месяца назад. Пока мы открывали футляры, наши инструкторы бродили вокруг и, казалось, забавлялись недоумением, отражавшимся на наших лицах. Винтовки и принадлежности, находившиеся в ячейках из вспененной резины, отличались от всего, что мы видели раньше. Орон заговорил.

— Возьмите винтовку из футляра и держите ее перед собой. Парни, вы держите то, что мы считаем лучшей снайперской винтовкой в мире.

Ствол был длинный и толстый, почти одинакового диаметра по всей длине — и возле дула, и возле патронника. Механических прицелов не было, только крепление для оптического прицела и красивая ложа, недавно смазанная льняным маслом. Орон продолжал.

— Это оружие поступает к нам под названием «Винтовка Ремингтон модель 700, с продольно-скользящим затвором и умеренно тяжелым, свободно вывешенным стволом». Ее модификация под наши требования производится здесь, в Кэмп-Пендлтон. Из

---

¹³ 140 x 45 x 20 см.

этой винтовки не будет выстрелов «в сухую»,¹⁴ — замена сломанного ударника на ней обойдется вам в недельное жалованье. Ваше первое нажатие на спусковой крючок будет настоящим, и крайнее нажатие на спусковой крючок тоже будет настоящим. Всем все понятно?

До нас только начало доходить.

— Огонь ведется только 7,62-мм матчевыми боеприпасами (повышенной точности) с пулей 173 грана и зауженной хвостовой частью (эти боеприпасы используются в стрелковых соревнованиях). В вашем футляре находится деревянная коробка со 120 патронами. Для успешного окончания школы вам необходимо будет выстреливать такое количество патронов ежедневно, кроме воскресенья. Если мы пропустим тренировочный день из-за плохой погоды, его придется наверстывать. Винтовка вмещает пять патронов, которые заряжаются во встроенный магазин снизу. Основным прицелом является прицел «Редфилд» 3-9х переменной кратности. Теперь поднимите винтовку и смотрите внимательно, пока сержант Болстед и капрал Хилл будут ставить прицелы. Вы делаете точь-в-точь то же самое, что вам показывают, и ждете, пока один из нас не проверит, что вы сделали.

В первый раз нам не хватало ловкости, Болстед и Хилл внешне делали это легко и просто. После того, как они проверили у нас крепления прицелов, мы снова сняли их и уложили обратно в футляр.

— Обратите внимание, что в каждом ЗИПе имеется пакет салфеток для линз. Любой, кто будет замечен за очисткой линз чем-нибудь еще, кроме этих салфеток, будет немедленно исключен из школы. Это понятно?

— Да, сэр.

— Прекрасно! Заряжай! У вас есть немного времени перед приемом пищи, чтобы сжечь пару патронов (сделать пять выстрелов).

Патроны мы жгли и после приема пищи. К концу первого дня мы были измотаны, а наши плечи горели адским огнем. После небольшого инструктажа, практически все из нас поразили мишени. Тогда мы еще не знали, но это была лишь небольшая часть той подготовки, которая нам предстояла. В качестве стрелков-экспертов, мы осознали основные принципы того, о чем нам говорил Орон ранее. Вся конструкция винтовки с продольно-скользящим затвором была рассчитана на то, чтобы возложить все бремя ошибок на стрелка, а не списывать их на его вооружение.

Обоснованность использования винтовки с продольно-скользящим затвором лежит в ее надежности и том факте, что в автоматическом оружии, таком как М-14 или М-16, небольшое количество пороховых газов должно отводиться из дула для экстракции стреляной гильзы и подачи в патронник нового патрона. В винтовке с продольно-скользящим затвором газы используются для увеличения дульной скорости более тяжелой пули.

Пуля с зауженной хвостовой частью по форме напоминает лодку. Хвостовая часть делается зауженной для того, чтобы сделать воздушный поток более плавным, не допуская турбулентности, которая может повлиять на точность пули в полете. Далее, пуля стабилизируется свободно вывешенным стволом винтовки, который крепится только у патронника. Точность изготовления винтовки была такой, что зазор между стволом и

---

¹⁴ Спуск при пустом патроннике. Используется для отработки техники плавного спуска.

ложей был равен толщине долларовой банкноты. От точки, где пуля покидала свою гильзу и начинала движение далее по каналу ствола, ствол не должен был касаться ничего. Любой контакт между стволом и ложей мог повлиять на дульную скорость пули при каждом выстреле, что потребовало бы постоянного внесения поправок в прицел. Умеренно тяжелый ствол более равномерно распределял тепло от сгоревшего пороха и от трения пули, движущейся по каналу ствола. Неравномерный нагрев более тонкого ствола может вызвать его временную деформацию и привести к едва заметному изгибу.

Спустя три дня, проведенные в снайперской школе, наши плечи покрылись синяками от сильной отдачи винтовок. У нас не было выбора, поскольку использование дополнительных накладок приводило к немедленному отчислению. Не прошло и недели, как двоих ребят отчислили за то, что они положили под свои стрелковые жилеты пористую резину. Для того, чтобы наши плечи окрепли, и отдача перестала причинять неудобства, потребовалось около десяти дней.

На второй неделе одного человека отчислили за то, что он заснул на «наблюдательном посту». Еще двое ушли, потому как не могли правильно контролировать дыхание — важнейший фактор, поскольку снайперы должны стрелять во время дыхательных пауз. Контролировать дыхание, не двигая тело — задача непростая даже на стрельбище, а делать это в бою, когда ты тяжело дышишь, а сердце колотится в груди, еще тяжелее. Чтобы получить квалификацию снайпера-эксперта, я должен был научиться производить выстрел между ударами пульса.

Все свободное время занимали занятия по выживанию, ориентированию на местности, корректировке артиллерийского огня и авиаударов, однако приоритет в подготовке отдавался стрельбе и пешей разведке. То, что должно было быть свободным временем, тратилось на всякие причуды, необходимые для успешной сдачи проверок.

Одной из наиболее сложных проблем, с которой мы столкнулись, являлось быстрое и точное измерение дальностей. Все это осложнялось еще и тем, что мы, как разведчики и передовые наблюдатели, должны были легко переходить от метров к ярдам и обратно. Обычно при вызове артиллерийской и авиационной поддержки, военные используют метрическую систему. В этом то и была проблема. Мы все выросли на американских системах мер: дюймы, футы, ярды, и поскольку мы больше привыкли измерять дальности в ярдах, то при стрельбе из винтовки мы использовали эти единицы измерения.

Понижение местности визуально приближало мишень, в то время как возвышение создавало видимость того, что мишень находится дальше. Действуя в качестве передовых наблюдателей, при корректировке артиллерийских и авиационных ударов у нас было больше свободы, потому что ошибка в один-два метра не являлась критичной. Были и другие факторы, которые необходимо было учитывать при корректировке огня, и они сразу стали очевидными, как только мы оказались во Вьетнаме.

Важной частью нашей подготовки как разведчиков являлось прочесывание учебной вьетнамской деревни, в которой были тщательно воссозданы хижины, бункеры и рисовые поля. Каждый раз в ней менялись какие-то детали, и мы очень хорошо наловчились находить их. К примеру, иногда это могли быть гильзы от АК-47, незаметно рассыпанные в траве, но которые знающему человеку могут много рассказать о состоянии оружия, из которого они были отстреляны.

Мы также тщательно прочесывали макеты лагерей, оставленных противником.

Практически не существует предела информации, которую можно почерпнуть путем проведения тщательной пешей разведки. Она стала для нас второй натурой, и путем изучения того, каким образом содержался лагерь, мы могли выявлять такие детали, как количество войск, которые были в лагере; виды их оружия и их рациона; время, на протяжении которого лагерь заброшен; и даже моральный дух противника. Постоянное наблюдение за всем, что происходило вокруг нас, было частью дисциплины солдат-разведчиков, и я нашел, что это настолько же сложно, как и стрелковый аспект нашей подготовки.

Обучение снайперов было сложным и целиком фокусировалось на точности и внимании к деталям. Мы стреляли по движущимся силуэтным мишеням на дистанции в пятьсот ярдов и по неподвижным мишеням на тысячу ярдов. В конце второй недели нашего обучения, мы должны были достигать и достигали 120 попаданий из 120 выстрелов. Определенные поблажки давались в ветреные дни, но очень небольшие. Контроль дыхания, учет ветра, и движение мишени являлись наиболее значимыми факторами, влиявшими на поражение цели.

У нас была эмпирическая формула для оценки скорости ветра. Например, ветер силой от одной до трех миль в час шевелил волосы на руке. Ветер силой от трех до пяти миль в час немного отклонял щепотку пыли, высыпавшейся из руки. Ветер силой от пяти до семи миль в час заставлял развеваться лоскут материи. Ветер силой от семи до десяти миль в час заставлял колебаться ветви деревьев и шелестеть траву. Оценить ветер силой свыше десяти миль в час снайпер мог только за счет опыта и практики.

«Выверка» (пристрелка винтовки) производилась в сухие, безветренные дни через интервалы по сто ярдов путем поворота маховичка, расположенного сверху прицела. Превышения траектории, которые оказывались между двумя соседними стоярдовыми интервалами, компенсировались путем выноса прицельной сетки вверх-вниз от цели. Поправка на ветер вносилась путем поворота маховичка, расположенного сбоку прицела. Сразу после внесения поправок, этот маховичок обычно больше не трогали, а все изменения силы ветра компенсировались выносом прицельной сетки влево или вправо от цели.

Сложности, связанные с поражением движущихся целей, особенно на больших дальностях, оказались невероятны. Помимо соблюдения обычных требований к прицеливанию, необходимо было брать в учет дальность, скорость и угол, под которым цель двигалась, ее размер, положение, из которого стреляет снайпер (лежа, сидя или стоя), — и все должно было быть учтено в течение нескольких секунд. В теории, если все прошло отлично, цель оказывалась в перекрестье, однако на практике, стрельба по цели, находящейся в перекрестье, была редкостью, — практически всегда требовались поправки вверх, вниз, влево и вправо.

Часы, проведенные на огневом рубеже, были одними из самых изнурительных за все время моей подготовки. В течение шестидневной учебной недели, мы выстреливали 720 патронов и наблюдали столько же выстрелов своего напарника. Мы «поймали кайф от прицела». В конце концов, я обнаружил, что труднее поразить цель на пятистах ярдах, чем на тысяче.

Снайперы редко уходили с огневого рубежа до закрытия столовой. Иногда в ней оказывались разведчики (другой учебный курс в роте усиленной боевой подготовки). Парни из разведывательной школы были настроены воинственно, и часто оскорбляли

нас, пока мы стояли и молча ждали своей очереди. Начинались замечания, вроде: «Сегодня в коробке, что я получил, были ваши дневные пеленки, снайперюги» — и большинство пацанов-разведчиков смеялось. Если бы они знали, что нашим пропуском для выхода со стрельбища являлась новая коробка с патронами на следующий день, то они, может, и не считали бы это смешным. Драка между разведчиками и снайперами могла обернуться настоящей катастрофой, и инструкторы ходили между двумя группами, чтобы удержать всех от срыва. Орон, Болстед, и Хилл были неумолимы, они повторяли фразу, которая в другой ситуации могла бы стать очень раздражающей: «Вы временно оглохли; вы ничего не слышите, абсолютно ничего».

Перед столовой на асфальте повсюду виднелось то, что я называл «серыми знаками отваги». Люди, которые во время подготовки добирались до разведывательного батальона или школы снайперов-разведчиков, не могли попасть в эти подразделения, если оказывались в госпитале. Большинство из нас переболело бронхитом или вирусной пневмонией, и мы отхаркивали жидкость из наших легких и выплевывали ее на асфальт. Моя вирусная пневмония еще не прошла, поэтому я добавил на асфальт несколько своих пятен. Выглядело это не очень привлекательно, но это был хороший знак, — пока человек отхаркивал слизь, все было в порядке, а вот если он не мог этого делать, то это означало, что у него скорее всего развилась бронхиальная пневмония и он загремит в госпиталь минимум на месяц. Было сомнительно, что он мог снова вернуться в снайперскую школу.

Я не знаю, что мотивировало остальных так упорно идти к цели, но значительной частью моей мотивации был тот разговор с комендор-сержантом, который состоялся в лагере для новобранцев. Мы были на войне, и у лучше подготовленного человека было больше шансов выжить.

***

*69-я снайперская школа,
База морской пехоты Кэмп-Пендлтон,
Калифорния,
25 февраля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Сейчас почти десять часов утра, и мы только что закончили завтрак — наш сухой. Прошлой ночью прошел такой ливень, что вырубилось электроснабжение, а без этого столовая не может готовить.

Увольнительная прошла хорошо, я вернулся вовремя. Есть еще один парень, который ушел, он был командиром отделения, и вы ни за что не догадаетесь, кого временно назначили на его место. Надеюсь, что сегодня он вернется.

Конечно, я был рад, что Лаура смогла приехать. Эти три дня показались мне очень короткими. Я дал ей обручальное кольцо, и она сказала, что ей оно понравилось, но я не уверен, правильно ли я сделал.

Сейчас стало известно, что прежде, чем я отправлюсь на войну, нам дадут возможность побывать дома. Всего на уик-энд или около того. Я также узнал, что Дейв еще не убыл. Он вместе со своим 28-м полком морской пехоты находится здесь, в Пендлтоне. О'Грейди по-прежнему в Дель-Мар. Где Ник — я не знаю.

(Дописано позже) После ливня нам пришлось идти и очищать дренажные каналы. Полная задница.

Добро, мама, пусть все идет своим чередом. Передавай бабуле привет и береги себя.

*С любовью,
Джей Ти*

***

К началу нашей четвертой недели в школе, мы уже вели себя довольно самоуверенно, и не упускали шанса взять маленький реванш над разведосами.

Однажды к нам на стрельбище пришел лейтенант из их подразделения и спросил, может ли он пострелять из винтовки с продольно-скользящим затвором. Так случилось, что в тот день старшим на стрельбище был капрал Хилл, которому не нравились ядовитые замечания разведчиков, которые они высказывали в очереди в столовой о том, что они круче, чем все остальные. Капрал не упустил возможность воспользоваться моментом.

— Да, сэр, конечно. Почтем за честь. Кто-нибудь, зарядите винтовку и дайте ее лейтенанту.

Так мы и сделали. Хилл протянул ему винтовку, и повел на центр пустого огневого рубежа, в то время как мы стояли позади, с любопытством ожидая, что же произойдет.

Хилл дал лейтенанту стрелковый жилет и провел краткий инструктаж о том, как обращаться винтовкой в положении для стрельбы лежа. Однако капрал умолчал о сильной отдаче, и не предупредил его, чтобы он держал глаз на достаточном удалении от прицела. Лейтенант лег, затянул ружейный ремень вокруг своей руки, прицелился по мишени, находившейся в пятистах ярдах, нажал на спусковой крючок, и мгновенно обмяк. Несколько секунд мы думали, что это довольно весело, но когда лейтенант не двинулся с места, и на земле появилась кровь, мы поняли, что он ранен.

Он уже начал вставать, когда мы столпились вокруг него, и были более чем удивлены размером ущерба, — при отдаче прицел нанес ему вокруг глаза круглую рану, разбив кожу до кости. Хилл дал лейтенанту платок, и к тому времени, когда мы подняли его, он уже весь намок от крови. Мы все предложили ему свои носовые платки, но он отказался и достал свой. Он также отказался от предложения Хилла, чтобы пара снайперов отвезла его в лазарет.

Мы наблюдали, как очень униженный лейтенант-разведчик поплелся к своему джипу. Прежде чем он добрался до него, подъехали сержанты Орон и Болстед, которые мгновенно поняли, что произошло. Все курсанты хотели выкупить у Хилла окровавленный платок в качестве сувенира, но он не захотел с ним расставаться. Так мы пустили разведке первую кровь.

Болстед помог лейтенанту сесть в свой джип и отправился с ним в лазарет, а Орон собрал нас всех вместе. Мрачное выражение его лица напомнило нам, что мы, очевидно, зашли слишком далеко — в конце концов, парень был офицером.

— Я смотрю, сегодня у нас на стрельбище произошла неприятность. Капрал Хилл, вы были старшим, что произошло?

Отвечая, Хилл по-прежнему держал в руках окровавленный платок.

— Конечно, сержант, э-э-э, мы только приступили к утренним занятиям, когда прибыл лейтенант Андерсон, полагаю, его так зовут. Да, он попросил разрешения сделать несколько выстрелов. Я знаю, что он не должен был быть здесь, но он штабной офицер, поэтому мы освободили огневой рубеж и я дал ему винтовку.

— Капрал Хилл, вы проинструктировали лейтенанта Андерсона о том, как правильно обращаться с подобным оружием?

— Конечно, сержант. Но он торопился, и я мог упустить пару моментов.

— Угу, пару моментов. Вы имеете в виду, что вы не сказали ему держать глаз на достаточном удалении от прицела, не так ли?

— Э-э-э, да, сержант, это я мог упустить. Как я уже сказал, он весьма торопился.

Орон был вынужден сказать нам прекратить лыбиться.

— Капрал Хилл, есть еще что-нибудь, о чем я должен знать?

— В данный момент мне ничего больше на ум не приходит, сержант Орон.

— Кто-то еще может что-либо добавить к сказанному капралом Хиллом?

— Нет, сэр.

— Капрал Хилл точно описал все произошедшее?

— Да, сэр.

— Добро, вот как будет звучать мое донесение. По причине собственной спешки, лейтенант сам несет ответственность за свою травму. Я уверен, он будет слишком смущен, чтобы заявлять о чем-то подобном, но вам придется сделать для меня дополнительную бумажную работу, Хилл. Поэтому я хотел бы получить от вас рапорт о произошедшем до ужина. Так, какого хрена вы столпились вокруг? Хилл, выведите людей на огневой рубеж; пусть сожгут несколько дополнительных патронов. А я пойду, проведу лейтенанта Андерсона. Что же касается этого платка, то он принадлежит всему взводу, и честь носить его будет предоставляться лучшему стрелку дня. Всем все понятно?

— Да, сэр.

Уверен, что Орон был так же доволен неудачей разведосов, как и все остальные.

Мы уже начали уставать от очень напряженного графика обучения, все уже были на взводе и искали возможность «выпустить пар». В том, что это рано или поздно произойдет, не было никаких сомнений, оставался открытым вопрос когда, где, и каким образом. Одно было совершенно очевидно, — если это произойдет с разведчиками, то все будет очень серьезно. Чтобы развести оба подразделения, прилагалось всё больше усилий.

Наконец, ночью 24-го февраля нас прорвало. Я сменился с дежурства в 22.00 вечера, и в казарме уже шла гульба. Я не знаю, откуда взялось спиртное, но большая часть курсантов была уже разогрета, и продолжала пить. Кто-то протянул мне бутылку водки, и вечеринка нашла себе очередную жертву. Гигантский скачок навстречу катастрофе был сделан около полуночи, когда борьба подушками переросла в водяной бой. Некоторые подушки порвались, и смесь воды и перьев создали интересный беспорядок. Чтобы еще больше ухудшить ситуацию, было разбито два накладных светильника и стекла на полу резали босые ноги.

Шум в казарме привлек внимание сержанта Орона. Увидев происходящее, он просто застыл в изумлении, однако ненадолго. Примерно полдюжины человек подняли

его, перевернули головой вниз и подставили под холодный душ. Ярость — вот что мы сразу увидели в его глазах. И это был не обыденный ежедневный гнев, а настоящая, истинная «сука-блядь-нахуй-я-вас-сейчас-всех-переебу» ярость.

Я действительно должен отдать должное Орону, и тому, как он умудрился сохранить хладнокровие. Он не сказал никому ни слова. Ему и не нужно было ничего говорить. Если можно было мгновенно протрезветь, то нам это вполне удалось. Мы последовали за ним обратно в казарму, где он потребовал внимания. Молча пробираясь через завалы, не смотря ни на кого и ни с кем не разговаривая, он добрался до другого конца казармы, после чего проговорил зловеще тихим голосом:

— В 06.00 осмотр белой перчаткой, — и вышел прочь.

Если мы провалим проверку белой перчаткой, то скорее всего, нас всех выгонят из школы коленом под зад. Поэтому оставив одного бойца на часах, девятнадцать из нас засучили рукава и работали вплоть до крайних минут перед началом осмотра.

Одной, казалось бы, непреодолимой проблемой, которую мы должны были решить до проведения проверки, являлась замена двух разбитых светильников. Для «одалживания» светильников в долг в соседних казармах была выделена небольшая рейдовая группа. И хотя никто не хотел отправляться в подобную экспедицию, трое парней вызвались добровольно. Эту небольшую тайную операцию возглавил рядовой первого класса Томас. Если их схватят в казарме другого подразделения, они будут считаться ворами и живыми они могут не выбраться.

Мы все переживали за них, пока два часа спустя они не вернулись — мокрые, но в целости и сохранности. Они добыли три светильника, два из которых были «одолжены» из казармы разведчиков. Их способность проделать такой, казалось бы, невозможный трюк, оставаясь невидимыми, я могу объяснить только одним — мы становились квалифицированными разведчиками. Дополнительный светильник был бонусом. Взяв гуталин, Томас пальцем написал на нем посвящение: «Сержанту Орону от разведывательного батальона, 25 февраля 1969 года». Когда он принимал подарок, его глаза заблестели.

— Парни, возможно, вам исключительно повезло. Из-за дождя стрельбы сегодня отменяются, так что сейчас у вас командирское время. Вы вольны делать, что хотите, за исключением повторного уничтожения казармы. Некоторым из вас, и вы знаете, о ком идет речь, я предлагаю позаниматься ориентированием по карте, а также повторением порядка вызова и корректировки огневой поддержки. Хорошего дня, джентльмены!

— Хорошего дня, сэр!

Когда он уходил к себе, светильник он держал бережно, словно новорожденного младенца.

Это было похоже на прекращение лихорадки — мы поняли, что сделали это.

Наше обучение в снайперской школе завершилось 28 февраля 1969 года короткой, сдержанной церемонией выпуска, на которой присутствовали только начальник школы подполковник Дэй, дежурный офицер первый лейтенант Беллоу, сержанты Орон и Болстед, а также капрал Хилл.

В тот день двадцать из нас получили свои свидетельства; три четверти выпуска были распределены в подразделения снайперов-разведчиков во Вьетнаме, где примерно через тридцать дней, в Дананге, переаттестация сократит мой выпуск еще на четверть.

***

*Маршевый батальон,
Кэмп-Пендлтон,
20 марта 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Я знаю, ты полагала, что у меня была сломана рука. Извини за то, что писал так редко.

Пока все довольно неплохо. Сейчас у нас много длительных выходов и коротких ночей. В среду мы уходим отсюда в Мейнсайд, пока не поступит предписание прибыть на погрузку. Я беспокоюсь, но надеюсь, что со своим первым предписанием я справлюсь.

С тех пор, как я поговорил с тобой по телефону, особых новостей нет. Еда в столовой здесь самая лучшая из всего, что я получал в Корпусе.

Знаю, мама, что это не письмо, но я обещаю написать лучше, когда нам дадут возможность немного передохнуть. Скажи бабуле, чтобы берегла себя. И береги себя тоже.

*С любовью,
Джо*

***

Когда обучение в школе осталось позади, я оказался в крайней и самой зловещей части нашей боевой подготовки, — на этапе сбора и сосредоточения перед отправкой. Маршевый батальон — это тысячи людей, занимающихся окончательной подготовкой к отправке на войну, и меня охватило смутное ощущение нереальности происходящего.

Мы были сгруппированы по военно-учетным специальностям, медицинские карточки и прививки были дважды проверены, приказы были отданы, и занятия продолжались. Эти занятия отличались от всего, что у нас было раньше. Мы смотрели учебные фильмы об ужасах венерических болезней. Тут же рождался миф о страшной «черной розе» (штамм венерической болезни, которой мы могли заразиться только от вьетнамских проституток). По слухам, она была неизлечима, и если человек заражался ею, его изолировали на всю оставшуюся жизнь. Мы были достаточно молоды и наивны, чтобы повестись на всю эту лабуду. Достаточно было пробыть во Вьетнаме сутки, чтобы узнать правду.

Одно занятие оказалось особенно запоминающимся: что делать, если вас захватили в плен. До этого момента я не задумывался об этом, но то, что нам рассказывал инструктор, заставило меня задуматься. Некоторые вещи капитан преподносил с черным юмором. Мы могли сообщить свое имя, звание и личный номер, но большая часть из того, что я слышал, являлось пережитком нашего опыта борьбы с японцами во время Второй мировой войны.

— Ведите себя, как сумасшедший, — рассказывал он. — Восточный ум питает уважение к тому, кого они считают ненормальным, и по большей части они, как правило, идут на попятную сумасбродам.

Такая тактика, возможно, и работала в свое время с японцами, если человек был

хорошим актером. Однако «Чарли»¹⁵ на такую уловку не попадались. На практике, такое поведение чаще всего приводило к чьей-либо смерти прямо на месте. Если северовьетнамцы даже и читали правила, изложенные в Женевской Конвенции, то они их не особо соблюдали. Они находились в состоянии войны уже длительное время, и ложили болт на эти правила. Они сражались, чтобы победить.

Поузи, Уолтерс, и я все еще были вместе и должны были получить свои «аванпосты» (конечные пункты назначения). За время боевой подготовки мы очень устали, а сейчас Корпус организовывал нас для настоящей войны. А мы не знали, что такое настоящая война.

Парни с тревогой думали о своем скором назначении. Хотя отдавались приказы, запрещающие поездки в Тихуану,¹⁶ мы обычно не обращали на них никакого внимания. Большинство из нас отправлялись туда на поиски той, которая могла бы стать нашей последней «давалкой», и чтобы принять на грудь немного текилы.

Время пролетело достаточно быстро, и 28-го марта мы получили приказ с указанием места нашего назначения и датой отправления. Мне надлежало прибыть в 5-й полк морской пехоты, и после обстоятельного изучения я выяснил, что он дислоцировался в местечке под названием Ан-Хоа. Я задался вопросом об этом месте, — где оно находилось и на что было похоже? Но ответы на эти вопросы могли подождать. Имея в наличии четыре свободных дня до своего вылета, назначенного на 3-е апреля, я решил слетать на пару дней домой, зная, что не увижу его вновь на протяжении года. Если вообще когда-либо увижу.

Поузи и Уолтерс решили остаться в Калифорнии и оттянуться. Думаю, что у Уолтерса не было существенных причин ехать домой. Насчет дома у него была впечатляющая история, которую он не раз вспоминал. Он был родом из большой, но бедной семьи, и клялся, что появился на свет в заброшенном железнодорожном вагоне. Несколько лет спустя он показал мне этот вагон, по-прежнему стоявший на той же свалке, на которой он родился.

Поузи сказал, что его старик запросто запряжет его на работу в их семейном баре в Коламбусе, в Огайо. Они оба могли корешить в Калифорнии, хотя я на полном серьезе сомневался, что они смогут придумать что-то новенькое в тех проказах, которые мы еще не пробовали. Я пожелал им не оказаться на гауптвахте, по крайней мере, до тех пор, пока я не вернусь.

Когда я приехал домой, меня поприветствовали Лаура и моя семья, за исключением моего старшего брата, который служил в армии. Тут были еще некоторые мои старые приятели по колледжу, но они изменились. Или это я изменился? Большинство из них пытались остаться в колледже или жениться, надеясь избежать призыва в армию. Какие бы не были последствия, мой жизненный курс был четко определен, и, полагаю, что в этом отношении я имел небольшое преимущество.

Я поехал домой в основном для того, чтобы повидаться с Лаурой. Думаю, что я пытался убедить сам себя, что жениться непосредственно перед отправкой на войну, — это нормально, и вместо того, чтобы сдерживать свои чувства, я лишь усиливал их. Как будто надушенные парфюмом письма от кого-то хотели заверить меня в благополуч-

---

¹⁵ Прозвище солдат Вьетконга. Производное от сокращения VC (Vietcong, Victor Charlie).

¹⁶ Город в Мексике, по ту сторону границы от американского Сан-Диего.

ном возвращении домой. Когда я уезжал, чтобы получить свое предписание, было много поцелуев, слез, клятв и обещаний.

Я закончил последние приготовления для отправки во Вьетнам, и два дня спустя мы вместе с Уолтерсом отправились на арендованном мотоцикле на авиабазу Корпуса морской пехоты Эль-Торо. Сказав Брюсу: «До скорой встречи!» — я вскоре поднялся на борт 707-го.¹⁷ Сидя у иллюминатора, я смотрел на прощальные объятия и поцелуи с женами и подругами, думал о Лауре и чувствовал себя очень одиноко.

Мы сделали промежуточную посадку в Анкоридже, на Аляске, для дозаправки и приема на борт новых пассажиров. Из самолета никого не выпускали, и я продолжал смотреть на заснеженные горы вдаль, так сильно напомиравшие мне те, которые высились за домом. Когда мы вылетали из Анкориджа на Гавайи, в самолете не было пустых мест.

В Гонолулу у нас была трехчасовая остановка, и большинство из нас с нетерпением заполнили это время в баре аэропорта, как можно быстрее накачиваясь сингапурским слингом.¹⁸ Это были самые короткие три часа моей жизни. Сразу после того, как в баре начало становиться шумновато, нам приказали как можно быстрее вернуться в самолет, и после заключительного пересчета мы вылетели на Окинаву. Этот участок нашего путешествия оказался наихудшим, — почти тринадцать часов тесноты в самолете, который вел себя так, как будто он все еще стоял на земле. Никакого шевеления или тряски, только шум от двигателей, указывающий на то, что мы все-таки летели. Приземлились мы в середине ночи, вымотанные от перелета и страдая от смены часовых поясов. После сдачи, упаковки и маркировки нашей стандартной униформы, всем выдали тропическое обмундирование для джунглей и ботинки. Мы писали письма домой, убивали время в солдатском клубе, и пытались разговорить людей, возвращающихся из Вьетнама в мир (в Штаты) о том, на что похожа война. Большинство из них вообще не говорили о войне, и я размышлял, почему — потому что мы были слишком тупы, чтобы понять, или причина была в чем-то ином? И еще я понял, что лучшее, что можно было сделать — попытаться стереть следующие тринадцать месяцев из своей головы.

---

¹⁷ Пассажирский самолет Боинг 707.

¹⁸ Алкогольный коктейль на основе джина, воды, сока сахарного тростника и мускатного ореха.

Глава II

Добро пожаловать на войну

*1-я дивизия морской пехоты,
о-в Окинава,
5 апреля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Ну вот, наконец-то я на месте. Сейчас я на Окинаве и сегодня же должен вылететь в Дананг. Здесь нет ощущения того, что твой дом находится от тебя на удалении половины земного шара. Просидел здесь пару дней; когда прибыл, так затосковал, что пошел в солдатский клуб и напился.

Сейчас идет ливень. Мне еще раз отметили документы, и у меня появился последний шанс провести свободное время перед отправкой.

Поузи и Уолтерс тоже уже здесь. Мы с Поузи попали на один и тот же рейс в Дананг, но Уолтерс все еще не знает, когда он вылетает. Мы надеялись, что нас не разделят, но уж как получилось.

Я послал телеграмму, но я не знаю, получили ли вы ее или нет. Сомневаюсь в этом. Скорее всего, когда вы не получите это письмо, я уже доберусь до Дананга.

Вообще-то я немного нервничаю. Здесь, с авиабазы, круглосуточно взлетают B-52,¹⁹ отправляясь на бомбардировку целей во Вьетнаме. Наверно хорошо знать, что они существуют.

Добро, мама, мы должны закончить оформление наших документов. Сейчас здесь двенадцать пополудни, и мы вылетаем сегодня в восемь вечера. Напишу снова, как только получу новый адрес. Передавай привет бабуле.

*С любовью,
Джо*

***

Напряжение тысяч солдат, передвигавшихся в обе стороны от Вьетнама, проявлялось в воздухе, что делало Кэмп-Батлер весьма опасным местом, особенно после наступления темноты. И все же Окинава мне понравилась. Когда я не готовился к прибытию в свою часть, я либо ходил в солдатский клуб, или наблюдал за взлетающими самолетами, в основном, транспортниками и бомбардировщиками. За пределы базы нас не отпускали, но в свой последний день там я дал денег таксисту, чтобы он забрал меня. Затем он вместе со мной пошел бар, где мы протанцевали до 2.00 утра. Потом ему каким-то образом удалось взять одного очень пьяного морского пехотинца, незаметно пройти береговой патруль и доставить его обратно на базу без пропуска.

Десять часов спустя я поднялся на борт еще одного гражданского 707-го, идентичного тому, которым мы летели на Окинаву, вот только настроение в этот раз было

---

¹⁹ Стратегический бомбардировщик ВВС США.

другим. Уже не было обычного баловства и стеба. Я углубился в вереницу мыслей о прошлом и далеком, и о неизвестности, лежащей впереди. Очевидно, что я был такой не один.

Мы столкнулись с реальностью войны и Вьетнама сразу же по прилету. Как только открылись двери, на борт поднялся начищенный до блеска уоррент-офицер, который прямо с порога заявил:

— Добро пожаловать в республику Южный Вьетнам, джентльмены! В связи с определенными условиями, складывающимися сегодня в районе Дананга, вы должны быстро переместиться из самолета в укрытия, следуя указателям, установленным снаружи.

Первой моей мыслью было, что это, наверно, такое упражнение.

Свою первую ночь во Вьетнаме я провел в темном, переполненном бункере, сооруженном из мешков с песком, сумрак которого чуть рассеивал один фонарик да случайный огонек от зажигалки, прислушиваясь к звукам войны. Взрывы были слышны всю ночь, некоторые ближе, другие подальше. Я мог только удивляться тому, что я, черт возьми, здесь оказался.

***

*Взвод снайперов-разведчиков,
Штабная рота, 5-й полк морской пехоты,
п/н Сан-Франциско, Калифорния,
Ан-Хоа, Вьетнам,
10 апреля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Уверен, что вы думаете о времени. Я начал писать еще вчера, но мы попали под минометный обстрел. К тому времени, когда мы смогли выйти из бункеров, уже наступило время светомаскировки.

Я послал сегодня две «марсограммы»,²⁰ — одну тебе и одну Лауре. Вы должны получить их в течение двадцати четырех часов. Я заполнил форму, наподобие той, которую заполняют при отправке телеграммы, но не длинной не более, чем в двадцать пять слов. Сообщение отправляется через любительскую КВ радиостанцию на радиоприемник в Калифорнии, и человек там пересылает ее вам по телефону. Все это бесплатно, и радиолобителя вызывают до тех пор, пока он с тобой не свяжется.

Я нахожусь на военной базе, называемой Ан-Хоа,²¹ которая расположена примерно в двадцати пяти милях к юго-западу от Дананга. Это пункт временной дисло-

---

²⁰ *Mars-O-Gram*. Термин происходит от сокращения MARS (*Military Affiliate Radio Station*, сеть военных радиолобителей) и «-грамма» (по аналогии с «телеграммой»). Сообщения передавались через сеть военных любительских радиостанций, находившихся в подразделениях связи.

²¹ Оперативная база Ан-Хоа (также известная как база Дук-Дук) — крупная база КМП США и Армии Южного Вьетнама в провинции Куан-Нам. Располагалась примерно в 28 км к западу от города Хои-Ан и в 4 км к северо-западу от храмового комплекса Май-Сон (Мишон). По-

кации 5-го полка морской пехоты, крупный военный лагерь, может быть, мили две в диаметре, созданный на протяженной ровной долине, с трех сторон окруженной горами. Эта база — что-то вроде пробки в бутылочном горлышке и была здесь создана, чтобы воспрепятствовать передвижению врага с севера на юг. Два месяца назад, во время наступления Тет,²² ее буквально сровняли с землей, когда вьетконговцы взорвали две артиллерийских склада, отправив в воздух 46 тысяч артиллерийских снарядов. Однако с тех пор все относительно тихо, и ежедневно на территорию базы падает лишь несколько минометных мин и реактивных снарядов.

Согласно штатному расписанию, я нахожусь в снайперском взводе. Взвод входит в состав штабной роты, которая, в свою очередь, находится в составе полка. Если считать капитана, ганни,²³ двух сержантов, и трех командиров отделений, то всего во взводе нас тридцать человек. У нас разные обязанности, поэтому снайперские команды из двух человек меняют друг друга при перемещении с места на место. Со мной сюда попал еще один парень, с которым я вместе заканчивал снайперскую школу. Мы с ним здесь единственные новички, большинство же находятся здесь четыре месяца или дольше. Все знают свое дело очень хорошо. В ближайшие пару дней меня назначат в пару к одному из них в качестве его наблюдателя, и я буду целиком полагаться на своего напарника, чтобы он держал меня в добром здравии, и учил меня всему, что мне нужно знать.

Это лучший снайперский взвод в дивизии. Ребята настолько хороши, что Вьетконг установил награду за наши головы. Каким-то образом враги знают имена всех людей во взводе и количество уничтоженных ими врагов. Они хотят заполучить некоторых из ребят, и это очень плохо. Меня это не особо беспокоит, так как снайперы никогда не попадали им в лапы — почти за целый год мы потеряли лишь одного снайпера, и то на мине-ловушке.

Сегодня с утра я должен был отправиться в лазарет обработать многочисленные укусы москитов на своем лице и руках. Я забыл воспользоваться репеллентом. Сегодня вечером уже не забуду.

Уолтерс направлен в 7-й полк морской пехоты, а Поузи остался здесь, в линейной роте «ворчунов»,²⁴ но он пытается перевестись в снайперский взвод. Я видел его несколько раз.

Здесь вы быстро учитесь одной вещи — это ответственность. Вы несете ответственность за жизни других людей. Дружба здесь тоже отличается от той, что в любых других местах. Я не знаю, как это объяснить, но между всеми парнями есть общая связь. У нас все общее. Если кто-то стащит ящик пива или получит посылку из

сле окончания войны была уничтожена, сейчас территория базы отвоевана джунглями, с воздуха можно различить лишь контур взлетно-посадочной полосы.

²² Наступление Тет (Новогоднее наступление) — первое широкомасштабное наступление коммунистических сил во время войны во Вьетнаме в 1968 году. В военном отношении стало крупным поражением коммунистических сил, но в политическом плане достигнутый ими пропагандистский эффект оказался огромным. Считается переломным моментом войны, после которого общественное мнение в США утратило веру в возможность победы во Вьетнаме.

²³ От *gunnery sergeant* — комендор-сержант, старшина.

²⁴ Ворчун, он же хряк, он же сапог (*Grunt*) — распространенное прозвище опытного, послужившего пехотинца.

дома, он выкладывает это на общий стол и оставляет. Никто не будет обжираться, но если кто-то чего-то захочет, то просто это возьмет. Если у вас что-то есть, а у него нет, — ты даешь ему попользоваться этим.

Что касается того, нуждаюсь ли я в чем-либо, то мне понадобится пара шнурков от ботинок, — у меня они часто рвутся, — ну и несколько пар белых хлопчатобумажных носков. Вот, пожалуй, и все.

Почта доходит домой примерно за неделю, и нужно пять или шесть дней, чтобы она пришла сюда. Не беспокойтесь! Я здесь в лучшем виде. Мой сержант хорошо заботится обо мне, он даже каждое воскресенье заставляет меня глотать таблетки от малярии.

Добро, мама, дай мне знать, как вы там, и передай бабуле привет. Я буду писать вам при любой возможности. Берегите себя!

С любовью,
Твой младшенький

***

Вертолет был символом Вьетнамской войны, и для этого была серьёзная причина. Это были рабочие лошадки войны. Они доставляли нам грузы, почту, и, что наиболее важно, проводили медицинскую эвакуацию. Редко какое медицинское учреждение находилось в 15 или 20 минутах полёта.

Мой первый полет на вертолете состоялся из Дананга в Ан-Хоа. Приказы требовали, чтобы каждый человек, садившийся на борт, имел шлем и бронежилет, что имело смысл. Тринадцать из нас, большинство из которых находилось в стране впервые, загрузились в «Чинук» (двухвинтовой транспортный вертолет). Мы выстроились вдоль обеих бортов лицом друг к другу и, как нас учили, уселись на сиденьях, за исключением двух просоленных «ворчунов». Они сделали кое-что, что мне показалось весьма странным — они сняли свои бронежилеты и уселись на них. Конечно, это было весьма некомфортно. Наконец, я не выдержал, наклонился и спросил, зачем они это сделали. Их ответ был убийственно метким: «Чтобы пули, которые пробьют днище “птички”,²⁵ не оторвали тебе яйца». С этого момента на своем бронежилете я сидел гораздо больше, чем носил его на себе.

Высадка из вертолета в Ан-Хоа оказалась похожей на горячее, влажное полотенце, ударившее мне в лицо. Я был ошеломлен жарой, влажностью, и стойким запахом гари. Переноска полного вещмешка во время прогулки в четверть мили от основной посадочной площадки в штаб стала настоящим испытанием. Я доложил о прибытии дежурному офицеру и отдал ему свои бумаги, при этом мои глаза заливал такой пот, что я едва мог видеть.

Ан-Хоа мы называли между собой «Сэндбэг-Сити».²⁶ Сотни тысяч мешков с песком создавали четкие линии, формирующие бункеры, блиндажи, траншеи, и стены. Пункт управления и полевой госпиталь находились под землей, покрытые сверху мешками с песком и грунтом. Все палатки, кроме нашей, были окружены стеной из мешков

---

²⁵ Птичка (*bird*) — вертолет. Аналог нашего слова «вертушка».

²⁶ Англ. *Sandbag City* — город-мешок с песком.

с песком высотой четыре фута.²⁷ Наш командир был уверен, что от такой стены будет мало проку, она будет только концентрировать взрывную волну при прямом попадании. Вероятно, он был прав, и я рад сообщить, что за время моего присутствия там его теорию так и не довелось проверить на практике.

Лагерь Ан-Хоа располагался на уровне моря, и слишком далеко в глубине страны, чтобы морской бриз мог охладить его. Очень редко когда температура ночью опускалась ниже семидесяти градусов, днем же она могла достигать и до 130 градусов, при 100% влажности.²⁸

Также это была основная база огневой поддержки, и грохот минометов и больших пушек, поддерживавших морпехов или армейцев, попавших где-нибудь в беду, был слышен почти постоянно. Когда стреляли большие пушки, казалось, что пыль волшебным образом поднимается с земли и оседает на все вокруг.

Тем не менее, Ан-Хоа был домом. В нем находился небольшой военторг и солдатский клуб, который обычно закрывался рано из-за постоянных потасовок. Иногда музыка *The Doors* и Джимми Хендрикса, доносившаяся из радио и кассетных магнитофонов по всей базе, почти заглушала звуки стреляющей артиллерии. Мы слушали Ханну из Ханоя, которая, как правило, ставила лучшую рок-музыку, чем наши собственные радиостанции.²⁹

Место было весьма загруженным, основная дорога, ведущая из базы, шла в Дананг. На западной стороне базы находилась небольшая посадочная площадка для всяких важных персон, а на южной оконечности — основная площадка для переброски войск и грузов. На восточной стороне базы располагалась собранная из металлических полос взлетно-посадочная полоса, достаточно большая, чтобы обеспечить взлет и посадку транспортников С-130 «Геркулес» и легких турбовинтовых самолетов-корректировщиков «Бёрд Дог».

Посадочные площадки и взлетно-посадочная полоса были излюбленными мишенями для вражеских ракет и минометов. Ночью они били по взлетно-посадочной полосе, и прежде, чем всходило Солнце, «морские пчелы»³⁰ уже занимались засыпанием воронок и заменой поврежденных листов покрытия. Через день после того, как я прибыл в Ан-Хоа, на базе приземлился С-130, и «Чарли» быстро отбили ему одно из крыльев тем, что всеми было воспринято как удар случайной ракетой. Самолет был отбуксирован на отдаленную стоянку, где он застрял на добрых два месяца, пока «Небесный кран»³¹ осторожно не доставил ему запасное крыло. Новое крыло установили, но прежде, чем самолет смог добраться до взлетно-посадочной полосы и взлететь, вражеский миномет отбил ему второе крыло. И снова его отбуксировали для ремонта, где он проторчал три месяца, пока не доставили другое крыло, и несчастный С-130 смог,

---

²⁷ 1,2 метра.

²⁸ Т.е. перепад суточной температуры мог составлять от 21 до 54 градусов по Цельсию.

²⁹ Ханна из Ханоя (*Hanoi Hannah*), настоящее имя Чинь Тхи Нго — вьетнамский диктор, работавшая на радиостанции «Ханой», созданной северовьетнамской армией для вещания на американские войска в ходе Вьетнамской войны.

³⁰ Морские пчелы (*Seabees*) — инженерно-строительные подразделения морской пехоты.

³¹ Тяжелый транспортный вертолет Sikorsky S-64 «*Skycrane*».

наконец-то, покинуть Ан-Хоа. Пока я вылетал с базы и возвращался на нее, он стал привычным зрелищем, и когда он улетел, у меня возникло чувство, будто я потерял старого друга. Отремонтировать и вывезти самолет наверняка обошлось стране намного дороже, чем просто столкнуть его с полосы и взорвать к чертовой матери.

Основная посадочная площадка принимала на себя большую часть ракет и мин. В данном случае, это происходило, как правило, днем, когда вертолеты непрерывно сновали туда-сюда, доставляя грузы и почту, и перебрасывая войска во все направления. Все было настолько опасно, что вертолеты приземлялись, выгружались, загружались, и отправлялись в обратный путь не более чем за пять минут.

На северном крае посадочной площадки находился большой бункер с деревянными скамьями, аккуратно зацементированными в землю, «прославившийся» своей способностью пропускать осколки сквозь стены, где они рикошетировали во все стороны от внутренней поверхности. Во время ракетного или минометного обстрела людям ничего не оставалось делать, как залегать возле его ближайшей стены. Если близкий промах разнес бы стену, я не смог бы увидеть, как меня раздавит. Поскольку внутри на самом деле не было безопасного места, я занимал скамью в центре бункера, использовал свой рюкзак в качестве подушки, вытягивался, и, как правило, засыпал, придерживаясь старой солдатской поговорки: «Никогда не бегай, если можно ходить; никогда не ходи, если можно стоять; никогда не стой, если можно сидеть; никогда не сиди, если можно лежать; и никогда не бодрствуй, если можно спать». Я проспал несколько довольно интенсивных ракетных обстрелов, случайно просыпаясь от звука осколков, попадавших в опорную балку или рикошетировавших от металлических стен, только чтобы затем снова уснуть, зная, что любой обстрел задержит мой вертолет минимум на полчаса. Все, кто когда-либо получал ранение в бункере, прижимались к стене. Почти все ранения были незначительными, и получавшие их ребята просто мочились от страха в штаны. А могло быть и хуже, например, можно было стать заживо погребенным под несколькими тоннами мешков с песком.

***

*Снайперы-разведчики,
Рота «D», 1/5 пмп,
20 апреля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Сейчас некоторое затишье, так что попытаюсь черкнуть тебе письмо. Я в роте «D», в базовом лагере 1-го батальона 5-го полка морской пехоты, который находится примерно в 15 милях от Ан-Хоа. Здесь я нахожусь в команде с двумя другими снайперами, Чаком Маунни и Дэном Кольером. Чак у нас лучший снайпер, он находится здесь почти 11 месяцев. Я даже не могу пожелать для себя лучшего напарника. Дэн служит здесь около месяца.

Этим утром я отправился в свой первый патруль, и Чак застрелил трех вьетконговцев. Одно тело мы нашли, остальные два гуки унесли. Мы обыскали труп и обнаружили несколько важных карт и чертежи сооружений морпехов. При нем также было много денег. Мы поняли, что он, скорее всего, был курьером и казначеем. Весь район вокруг Ан-Хоа напичкан минами-ловушками, и хотя снайперам не нужно ходить

в головном дозоре, мы должны самым внимательным образом следить за тем, куда ставим ногу — они повсюду.

За то короткое время, что я здесь, я уже многому научился. Во-первых, газеты и телевидение дома не дают точного представления о том, что здесь происходит, так что, если вы прочитаете или услышите, что что-то происходит в моем районе, не принимайте это за чистую монету. Лучше спросите меня, и я расскажу вам все в рамках дозволенного. Другое дело, насколько часто здесь сталкиваются с противником. Днем стычек и боев гораздо больше, чем я ожидал, а ночью они в пять или шесть раз интенсивнее. Мы можем работать любым образом, каким захотим, в основном, на закате и во время восхода Солнца. Наш шкипер³² хочет удержать нас при себе как можно дольше, поэтому обычно соглашается с тем, что мы от него хотим.

Одну вещь я могу сказать о Вьетнаме с уверенностью, — здесь есть замечательные места. С трех сторон мы окружены горами, самыми зелеными из всех, что я когда-либо видел. Конечно, лучше бы смотреть на них из дома. Здесь ужасно жарко, и по мере приближения лета будет еще хуже. Пару дней назад было 125 градусов.³³ Когда мы находимся в базовом лагере, то днем ходим в шортах и без футболок, а ночью спим во всей своей одежде и обуви. Моим партнером в постели является мой карабин М-14. Он не так красив, как Лаура, но ему приходится это делать. Куда бы я не пошел, он идет вместе со мной.

Вам стоило бы увидеть некоторых жуков, которые здесь водятся. Есть муравьи длиной в дюйм и сороконожки длиной десять дюймов. Москиты невероятны, ночью их миллионы. Я рад, что у меня есть фотоаппарат, потому что действительно сложно описать некоторые вещи из тех, которые я видел.

У меня есть пара идей относительно посылки, которую вы можете мне отправить. Книжки с мягкой обложкой — это хорошо. Также можно положить несколько ножей-открывашек для консервов. И по какой-то причине здесь трудно достать открывалку для бутылок.

С любовью,
Джо

P.S. Я подумал, что лучше перечислить некоторые вещи, о которых я буду писать далее. Это поможет тебе немного разобраться. НВА — Северо-вьетнамская армия, их солдаты подготовлены на севере и это лучшее, что есть у коммунистов. Они проникают оттуда к нам, и по численности превосходят Ви-Си. Ви-Си — это Вьетконг, крестьяне днем и боевики ночью. Они могут работать мотыгой в поле, а потом повернуться и выстрелить тебе в спину. Солдат НВА и Ви-Си мы чаще всего называем общим термином «гуки». Снайперская винтовка — это наша винтовка Ремингтон 700-й модели с продольно-скользящим затвором. Ворчуны — это наши пехотинцы. Шорт-таймер — морпех, которому до возвращения домой осталось менее трех месяцев.³⁴ Шорт-таймер обычно пользуется повышенным вниманием, он дума-

---

³² Шкипер (Skipper) — командир взвода или патруля.

³³ 52 градуса по Цельсию.

³⁴ Англ. Short Timer — аналог нашего дембеля.

ет, что давно это заслужил и не хочет потерять свою жизнь в самом конце своей службы.

***

Мои первые дни в Ан-Хоа были потрачены на оформление бумаг и на бесконечные походы в оружейную комнату и на поляну, где снайперы обычно пристреливали свои новые винтовки, чтобы подобрать себе М-14, с которой мне было удобно работать. Потратив столько времени на стрельбу из винтовки с оптическим прицелом, было трудно снова привыкнуть к работе с открытым механическим прицелом. Снайперы предпочитали карабин М-14 по нескольким причинам. Самым важным фактором была его точность на больших дистанциях и заслуженная надежность. Дополнительное преимущество совместного использования М-14 и снайперской винтовки заключалось в том, что в обеих системах оружия использовался один и тот же боеприпас, что позволяло в экстренном случае делиться патронами. Патрон от М-16 к нашей винтовке не подходил. Как только вскоре я стал выходить в качестве наблюдателя для оказания непосредственной поддержки командиру снайперской команды, мне отчаянно пришлось привыкать к жаре и влажности. Как правило, наблюдатели производили все свои выстрелы на дальность до пятисот ярдов, и проводили бесчисленные часы, наблюдая в бинокль и прицел «Старлайт».³⁵ Винтовку с продольно-скользящим затвором нужно было заслужить. Такой винтовкой вооружались только командиры снайперских команд, главным образом потому, что они уже зарекомендовали себя в бою. Обычно, чтобы стать командиром команды, человек должен был прослужить два месяца наблюдателем, хотя бывали и исключения.

Взводом снайперов-разведчиков командовал капитан (обычно называемый просто «шкипером»), у которого в подчинении находились комендор-сержант («ганни»), штаб-сержант и сержант. Два или три командира отделений командовали оставшимися, которые были разделены на снайперские команды из двух человек, — командира команды и наблюдателя. Снайперская команда являлась самым маленьким боевым подразделением в Вооруженных силах, способным функционировать в джунглях самостоятельно от других войск. Снайперы являлись подразделениями, способными действовать самостоятельно, которые не выделяли определенное количество патрулей. Как я позже узнал, мы имели право самостоятельно планировать свои собственные «охоты», и хотя мы всегда старались уважать планы «шкипера», но имели возможность планировать охоту, выходить вместо этого на патрулирование, или наоборот. Если бы у нас не было подобной свободы, нас не только отправляли бы в пехотные атаки, но мы бы еще привлекали к себе слишком много внимания, из-за чего утратили бы свою эффективность.

Вскоре я научился различать разницу в звуках прилетающих и вылетающих снарядов и всегда искать глазами ближайший бункер или углубление в земле.

***

---

³⁵ Прицел ночного видения AN/PVS-2 *Starlight*, относился к первому поколению пассивных ПНВ.

Я находился в стране меньше недели, когда мой командир отделения, Дейв Микс, вошел в мою палатку и приказал собираться, добавив, что он отправляет меня к паре снайперов, которые уже находились в джунглях. Командир команды уже готовился уходить на «дембель», и заметил небольшие признаки того, что его напарник нервничает. Во время 10-12 мильной поездки на грузовике от Ан-Хоа в расположение роты «D» (1-й батальон 5-го полка морской пехоты), Дейв сказал мне, чтобы я следил за детьми.

— Иногда они сбегаются к грузовикам, будто попрошайничать, и бросают гранату.

Все время, пока мы ехали, я видел детей. Все они что-то выпрашивали.

Рота «D» располагалась на голом холме в окружении рисовых плантаций и полей, примерно в четверти мили от дороги. Первый раз я увидел расположение роты примерно за миллю. То, что я не мог видеть, пока мы не спрыгнули с грузовика у небольшой деревни, было телами, — четырнадцать тел, лежавших вместе на рисовых циновках рядом с дорогой.

Грузовик поехал дальше, оставив нас с Дейвом стоящими в пыльной тишине. Запах человеческой крови, поджаривающейся под полуденным солнцем, ударил мне в мозг, пытавшийся лихорадочно понять то, что я увидел. Я пытался мысленно собрать части и органы воедино в некое подобие человеческих тел и представить это месиво на земле в виде чего-то, что когда-то являлось живыми людьми. До меня дошло, что это были в основном женщины и дети. Я посмотрел на Дейва, очень внимательно следившего за моей реакцией. Он буднично сказал:

— Этим утром вьетконговцы на собрании убили старейшину. Затем убили всех в хижинах. — После чего повернулся и зашагал по узкой тропинке, ведущей к расположению роты. Пока мы шли, он предупредил меня, чтобы я не сходил с тропы и не наступал на что-либо, что выглядит неестественно, даже на обертку от жвачки. — Добро пожаловать на войну, Уард. — добавил он сухо.

Я достаточно много слышал о Чаке Мауинни, чтобы сформировать для себя картинку о нем, как об эксцентричном человеке с навязчивой идеей убийства. И чуть не запаниковал при мысли о встрече с ним, не говоря уже о том, чтобы быть его напарником. Когда же Дейв познакомил нас, все мои предварительные представления о нем мгновенно испарились. Это был худощавый, тихий, почти застенчивый человек, с быстрой, хотя и несколько напряженной, улыбкой. Чак Мауинни был профессионалом во всех смыслах этого слова. С другой стороны, Дэн Кольер, подтвердил впечатление, которое я предварительно сложил о нем. У него были темные круги под глазами, и его бледное, искаженное лицо выдавало в нем больше, чем просто «легкий случай нервозности».

На следующее утро перед восходом солнца, мы с Чаком в сопровождении пехотного отделения с первым лейтенантом во главе покинули базовый лагерь для проведения обычного патрулирования. Дэн остался в расположении. Чак хотел посмотреть, как я буду справляться с собой. Примерно через час после выхода из лагеря, головной дозор обнаружил нескольких бойцов НВА, передвигавшихся через большую поляну в девяти сотнях ярдов от нас. Отделение присело, и по цепи передали: «Снайперы — вперед!». Чак уже бежал к небольшому возвышению, находившемуся примерно в семидесяти пяти футах от нас по другую сторону рисового поля. Я двинулся следом.

Лейтенант кричал и ругался настолько громко, насколько отважился делать это Чаку, чтобы тот замедлился и следил за минами-ловушками. Если Чак и услышал его, то не подал виду, и уже через несколько секунд занял положение для стрельбы с колена. Как меня и учили, я занял место в двух футах слева позади него. К этому времени я уже навел на них свой бинокль и подтвердил, что они вооружены. Чак взял под контроль свое дыхание, и раздался первый выстрел.

Один «Чарли» в центре колонны упал. Я услышал свой голос: «Попадание!», — слово было сказано спокойным, хорошо отработанным голосом, точно так же, как я много раз произносил на стрельбище. Все Ви-Си, кроме одного, начали бежать и потащили своего погибшего товарища к опушке, откуда они появились. Утреннюю тишину разорвал второй выстрел, и первый человек в отступающей колонне упал. «Попадание», — вновь сказал я, наблюдая за ними, поднимающими второе тело и уходящими в укрытие деревьев. Человек, который появился с противоположной стороны опушки, допустил две ошибки. Его первой ошибкой стало то, что он отделился от основной группы. Его последней ошибкой стала попытка соединиться с ней на виду у снайпера. Прогремел еще один выстрел, и он упал за дамбой рисового поля. Третий раз за какие-то полминуты, слово «попадание» вылетело из моих уст. Я ничего не чувствовал, — просто еще не погрузился в реальность происходящего.

Чтобы получить подтверждение ликвидации, снайпер-разведчик должен был обыскать тело на наличие оружия и документов, а затем заполнить специальный формуляр (килл-лист). На лицевой стороне указывалось имя командира команды и его наблюдателя, серийный номер винтовки, серийный номер прицела, дата и время, численность противника, направление его движения, тип вооружения, а также координаты по карте, где было оставлено тело или тела. В формуляре также был раздел для описания деталей, выявленных при проведении беглого осмотра трупа при поиске оружия и документов. Одна пуля оставляет тело относительно неповрежденным, и его осмотр может дать тренированному глазу ценные разведывательные сведения о войсках противника в этом районе. Отмечался пол и приблизительный возраст трупа; кожа, ногти, глаза, и зубы проверялись на наличие признаков недоедания и болезней. Также фиксировалось состояние униформы, снаряжения, и пищи, которую он или она несли. На обратной стороне листа было место для записи количества подтвержденных убитых, вероятно убитых, раненых, и отдельное поле для записи прочих подробностей. После этого формуляр подписывался самым старшим по званию из присутствовавших на месте офицеров. У нас почти не было времени на заполнение таких килл-листов прямо на месте, но инструкторы в снайперской школе хорошо знали свое дело — наши навыки ведения наблюдения позволяли фиксировать все подробности в уме, а затем превращать их в формуляры после нашего возвращения в более безопасные районы.

На тот момент Чак имел в своем активе сотню подтвержденных убитых и уже готовился к возвращению домой. По причинам, ведомым лишь ему, он хотел превзойти этот рубеж в сотню убитых, но ради этого нам пришлось бы пересечь девятьсот ярдов по открытой местности, чтобы добраться до тел. Лейтенант был обеспокоен тем, что мы могли перехватить часть более крупных сил противника, которые могли организовать на нас засаду, выйдя мы вперед. Короткий, но жаркий спор между Чаком и лейтенантом завершился компромиссом — он не отпустит нас обоих до тех пор, пока мы не найдем добровольцев для огневой группы, которая могла бы нас прикрыть. Вскоре мы

вышли вперед в очень долгую прогулку длиной в девятьсот ярдов, и мои глаза были прикованы к той опушке джунглей справа.

Мы не могли видеть тело до тех пор, пока не добрались до дамбы, за которую оно упало. Дойдя до места, я увидел то, во что не мог поверить, — человек лежал, распластавшись на спине, со снесенной задней и боковой половиной черепа. Часть его мозгов осталась в его пробковом шлеме, часть растеклась по земле, а остаток медленно вытекал из отверстия в голове. Но он все еще дышал! Я повернулся к Чаку, чтобы сообщить ему, что парень все еще жив, но он только махнул рукой, обрывая меня, и сказал:

— Вперед, давай покончим с этим.

Группа прикрытия заняла позиции по обеим сторонам от нас, сосредоточив свое внимание на опушке, которая беспокоила нас больше всего, и мы начали обыск. Чак начал с одной стороны, а я с другой, проверяя карманы и ощупывая ткань на предмет бумаг, которые могли быть зашиты в одежду. Первое, что я увидел, была цветная, в три квадратных дюйма, фотография молодой вьетнамской женщины. Я словил себя на мысли о том, что это была его жена, подруга или сестра. Чак ответил на мой вопрос, подняв руку мужчины, на котором я увидел обручальное кольцо. Я положил снимок в тот же карман, где я и нашел его и в оцепенении продолжил обыск, борясь с желанием придать умирающему черты индивидуальности. Прошло три часа или три минуты, — я не мог сказать точно, время и мой ум играли со мной в игру под названием «скоро ты привыкнешь», — когда Чак вывел меня из оцепенения, резко поднявшись и положив матчевый патрон на грудь умирающего человека. Это был способ запугивания, который преследовал две цели: это было предупреждение о том, что в него стрелял снайпер-разведчик, и к тому же патрон, оставленный Чаком, имел другой номер партии, чем у боеприпасов, которые он на самом деле использовал, что помогало ввести в заблуждение агентурную сеть противника.

В одной руке Чак держал пачку денег, а в другой у него был АК-47 (стандартное оружие НВА) и сказал:

— Все, уходим отсюда.

Мои мысли метнулись назад к той опушке и опасному положению, в котором мы находились. Я бросил последний взгляд на убитого, и заметил, что обручальное кольцо все еще было у него на пальце.

Я сказал огневой группе, что мы закончили, рассовал карты и документы по карманам, и поспешил вслед за Чаком, который уже шел обратно к отделению. Я услышал, как у меня за спиной кто-то произнес:

— Эта сволочь еще не сдохла, — вслед за чем последовал звук выстрела из М-16. Позднее в тот же день, в базовом лагере обручальное кольцо появилось в качестве ставки в игре в покер.

Это был крайний патруль Чака в качестве командира снайперской команды. Позже, когда лейтенант подписывал ему его боевой счет, Чак повернулся ко мне и сказал:

— Война окончена.

Несколько дней спустя Чак убыл в Ан-Хоа и закончил остаток своей боевой командировки как командир отделения. Но для меня война только началась.

Как правило, снайпер должен был прослужить не менее двух месяцев в качестве наблюдателя прежде, чем он получал право стать командиром команды и взять в руки винтовку с продольно-скользящим затвором, однако свою снайперскую винтовку я по-

лучил менее чем через две недели после прибытия в страну. Винтовка мне досталась со словами: «Позаботься о моей девочке», — а человек, который передал ее мне, являлся местной легендой. Чак получил винтовку сразу же, как только она появилась в оружейке, приручил ее, а затем носил ее целый год. И хотя он вошел в историю с боевым счетом 101 убитых и свыше 150 вероятно уничтоженных врагов, я мог бы положить ту винтовку в любом магазине спортивных товаров и продать ее как новую. Я поклялся сохранить ее в таком же виде, и в любых погодных условиях и во время любых трудностей боевых действий я тратил уйму времени, чтобы выполнить свое обещание.

Помимо снайперской винтовки с продольно-скользящим затвором и карабина М-14, многие из снайперов имели другое специализированное снаряжение. Одним из таких предметов, полученных командирами команды, был австралийский рюкзак для действий в джунглях, который носил и я. Этот рюкзак был не просто лучше сбалансирован, его было легче открывать, что могло спасти жизнь в непредвиденной ситуации. Я также носил турецкий боевой топорик, который напоминал обычный мачете, но имел закругленный конец.

***

*Снайперы-разведчики,
Штабная рота,
5-й полк морской пехоты,
Ан-Хоа,
27 апреля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Это наилучший день с тех пор, когда я очутился здесь. Рота, которой я был придан, вернулась в Ан-Хоа, так что мы сделали то же самое. Я получил выпечку, которую ты мне выслала и три письма.

Мы только что вернулись из джунглей. Я еще не привел себя в порядок, но поверьте, это необходимо. На моем счету уже три подтвержденных уничтожения, — все это происходит не так, как в кино, где бравый «Джи-Ай»³⁶ убивает своего первого вражеского солдата. Все было не так уж и плохо, как я предполагал поначалу, особенно после того, как я увидел, что они могут сделать с нами. Если бы люди, живущие в Штатах, могли увидеть, как опасен коммунизм и как они счастливы, имея то, что у них есть, было бы гораздо меньше беспорядков и акций протеста. Ребята, находящиеся здесь, не обращают на протестующих никакого внимания. Я также выработал настоящую неприязнь к расистам. Черные истекают кровью точно так же, как и белые, цвет кожи ничего не значит.

Возвращаясь к тому, чем я занимаюсь, — всю прошлую неделю мы, в основном, вели патрулирование, и, за исключением пары раз, все прошло хорошо. Гуки обстреливают Ан-Хоа ракетами каждый день, иногда по два или три раза. Это продолжается уже примерно неделю, и пока им удалось поразить два вертолета и танк. О потерях в людях мне ничего не известно.

---

³⁶ «Джи-Ай» (от *Government Issue, GI*) — жаргонное прозвище американского военнослужащего.

Кажется, вы беспокоились о моем напарнике. Могу сказать, что Чак самый лучший. У него наибольший личный счет, чем у любого снайпера в дивизии, генерал лично приезжает сюда, чтобы поздравить его. Вам совсем не нужно волноваться о моем напарнике.

Ник служит в 4-м полку. Это где-то в районе Пху-Бай, довольно далеко к северу отсюда. Женщины здесь жуют плоды пальмы ареки,³⁷ что делает их зубы почти черными. Мужчины их не жуют, но скатывают из листьев сигары и курят их, расточая отвратительный запах. Скоро вернусь — хочу сходить в столовую, она только что открылась, а у меня не было горячей пищи на протяжении трех недель.

(Дописано позже). Я вернулся. Съел так много, что стало плохо. Сегодня воскресенье, и у нас был стейк с картофелем фри, и даже мороженое. Теперь все, что мне нужно, это принять душ и я вновь буду чувствовать себя человеком. Вода здесь нормируется, так что я вынужден подождать до шести утра, когда откроются душевые. Только что пришел Чак. Он сказал, что два генерал-лейтенанта лично прикололи ему лычки ланс-капрала. Теперь вы мне верите, когда я рассказывал, что он очень толковый? Первого числа я получу жалованье, и вышлю часть денег домой. Лучше отправлю их по почте.

*С любовью,
Твой сильно вдохновленный сын*

***

Первая неделя в джунглях оказалась бесконечным калейдоскопом из патрулей, свободных охот, перестрелок, минометных обстрелов, рационов «С», и команд «снайперы — вперед!». Чак передал мне свою снайперскую винтовку, и я стал командиром команды. Моим наблюдателем стал Дэн, который был этим фактом сильно разочарован. Его нервы расшатывались все больше и его накрывало все сильнее, и я только мог надеяться на то, что за полторы недели Чак вбил в мою голову достаточно, чтобы я остался в живых и сохранил жизнь своему напарнику. Я накапливал количество своих подтвержденных уничтожений и начал покуривать травку, чтобы отстраниться от постоянных смертей и разрушений, окружавших меня. Я также познал зловонный запах разлагающихся тел, оставленных на тропической жаре, и удручающий запах напалма.

Команда снайперов-разведчиков из двух человек, хорошо владеющих навыками скрытного передвижения и маскировки, могла передвигаться по местности относительно легко и безопасно до тех пор, пока НВА, сразу после моего прибытия, не назначила за нас вознаграждение. Распространился слух, что они будут выплачивать тысячу американских долларов за трофейную снайперскую винтовку и три «штуки» за снайпера, с которого они могли бы заживо содрать кожу. Вознаграждения они так и не получили, но это был хороший тактический ход с их стороны. Однажды во время патрулирования

---

³⁷ Бетелевая пальма или пальма арека культивируется в Юго-восточной Азии ради её семян, которые вместе с известью заворачиваются в листья бетеля и жуются местным населением. Семена имеют высокое содержание алкалоидов, который способствует усилению слюноотделения и дополнительно возбуждает нервную систему, вызывая лёгкий наркотический эффект. Из-за высокого содержания в семенах красного пигмента, слюна, язык и полость рта окрашиваются при жевании в кирпично-красный цвет.

на окраине Ан-Хоа, я наткнулся на рисунок знакомого снайпера из моего родного штата, прибитый к столбу ограды. Стены штабного бункера были буквально покрыты фотографиями, описаниями и подробными схемами снайперов-разведчиков, которые мы находили.

В качестве меры безопасности, начальство решило, что мы должны выходить на задания в сопровождении огневых групп, иногда отделений, а иногда и взводов. Зачастую, до четверти своего времени мы проводили вместе с шумными патрулями, постоянно попадавшими в ловушки, засады, и, как ни странно, принимавшими на себя снайперский огонь противника. По итогу мы решили, что черт с ним, с начальством, оно не было там, и не стреляло. Мы внесли несколько изменений в наш распорядок работы, чтобы ввести противника в заблуждение относительно того, в каких конкретных районах работают снайперы, и сосредоточились на ведении «свободной охоты».

Густая растительность часто приводила к тому, что патрули и рота при движении скучивались, поскольку основным правилом передвижения в джунглях было держать человека, идущего перед собой, все время на виду. Но скучивание делает подразделение легкой добычей для врага, когда он набрасывается из засады, и приводит к большим потерям. Личный состав группы управления подразделения, как правило, располагался в середине колонны для обеспечения максимальной защиты спереди и сзади. Типовая засада организовывалась с фронта, примерно под углом сорок пять градусов к направлению движения, с одной или с обеих сторон, и часто начиналась, когда головное отделение наткнулось на мину или попадало в ловушку. Выведя из строя головной дозор колонны, противник мог затем сосредотачивать свой огонь по центру, где находились ключевые люди.

Снайперы-разведчики опасно бросались в глаза. Мы были единственными, кто шел в колонне без шлемов и бронежилетов, а снайперскую винтовку довольно трудно скрыть. Мы также не брали с собой дополнительных боеприпасов. Уставший снайпер, который не мог контролировать свое дыхание, — это было примерно так же здорово, как и отсутствие снайпера совсем.

Чак предупреждал меня держаться ближе к хвосту колонны. Зачастую это означает дольше бежать к огневой позиции, но так было безопаснее. Его слова утонули в моем служебном рвении, в стремлении показать, что я достоин быть командиром снайперской команды, однако внезапно они получили свое подтверждение в моем третьем патруле. Дэн и я шли чуть впереди командира, сразу за радистом. Мы находились на узкой дамбе между рисовыми полями и приближались к опушке плотных джунглей, находившихся в трех сотнях ярдов впереди справа от нас. Радист, разговаривая, держал возле лица трубку радиостанции PRC-25,³⁸ когда вдруг он резко развернулся на полоборота, лицом ко мне, и так сильно раскинул руки в стороны, что выдернул провод из трубки. Я услышал стрельбу, и человек впереди него упал замертво, пораженный прямо в сердце, а сапер, шедший перед ним, был ранен осколками от реактивной гранаты. Я упал на землю, ударившись так сильно, что это едва не вышибло из меня дух. Я посмотрел вверх и увидел радиста, опустившегося на одно колено, который неотрывно глядел на свою руку, и все время повторял: «Господи Иисусе, в меня попали!» К тому

---

³⁸ AN/PRC-25 — основная переносимая (ранцевая) УКВ-радиостанция тактической радиосвязи в американской армии эпохи Вьетнамской войны.

времени, как я прополз несколько метров, чтобы добраться до него, шум стрелявших АК-47 почти заглушил его голос. Он все еще стоял на колене, когда я потянул его вниз за воротник.

Мы открыли ответный огонь, и вокруг нас быстро возник оглушительный треск перестрелки. Радисту все время хотелось поднять голову и посмотреть на свою руку. Одной своей рукой я пригнул его голову, а второй потянулся через него, чтобы вытащить его правую руку и взглянуть на нее. Пуля вошла ему как раз под локоть, прошла насквозь почти всю руку, развернулась на девяносто градусов, и застряла под кожей посередине тыльной стороны ладони. Мы оказались в патовой ситуации, прижатые на плоской поверхности дамбы посреди рисовых полей, в то время как перестрелка становилась все более и более интенсивной. По-прежнему удерживая своей правой рукой его за шею, чтобы он не поднимался, мне удалось извлечь из своей аптечки перевязочный пакет. Не имея возможности наложить повязку одной рукой, я просто положил его на пулевое отверстие и зажал рану. Перестрелка закончилась так же внезапно, как и началась. Вероятно, она длилась не более пятнадцати минут, но, когда ты лежишь беспомощно на дамбе, тебе кажется, что прошло пятнадцать лет. Медицинская эвакуация была уже в пути, и парнем занялся медик. Я не знал имя радиста, и никогда больше его не видел, но я по достоинству оценил тот факт, что он остановил пулю, которая скорее всего поразила бы меня в лицо.

Предостережение Чака крепко засело у меня в голове. Обычное патрулирование и пеший марш в составе роты — это были две наиболее опасных ситуации, в них снайперы контролировали обстановку минимально и были окружены слишком большим количеством людей. После того случая с радистом, я потом редко работал возле командования или штаба. Я все больше и больше думал о том, какими очевидными целями были я и мой напарник. Просоленные, опытные «ворчуны» знали, что нам необходимо дать дополнительное пространство, но однажды один из новичков неотрывно держался у меня за спиной. Наконец я повернулся и предупредил его:

— Если ты не хочешь схлопотать пулю, тебе лучше удвоить расстояние между нами.

Судя по выражению его лица, он видно думал, что я выстрелю в него, тогда как я имел в виду лишь то, что если по мне откроют огонь, то он тоже может схлопотать пулю. Так или иначе, ко мне он больше не приближался.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
1 мая 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Пока сижу в Ан-Хоа и пробуду здесь еще день или два, а после вместе с Дэном отправимся в Дананг на стрельбище снайперской школы для переквалификации.

Прошлой ночью «Чарли» (гуки) попытались прорваться через периметр, и мы выхватили, по крайней мере, две сотни минометных мин. Поначалу мне показалось, что «Чарли» собираются заняться нами вплотную, и мы уж думали, что сможем

увидеть какое-то действие, однако через пару часов они отступили. Остаток ночи прошел достаточно спокойно.

Вчера получил жалованье, так что мы смогли скинуться деньгами и договориться с «морскими пчелами» насчет пива. Здесь оно ценится на вес золота.

Вчера получил письмо от тебя и Лауры, и очень благодарен вам за них.

Сегодня облачно, а температура всего около 100 градусов.³⁹ Никогда бы не думал, что 100 градусов — это холодно, но по сравнению с тем, что было, это действительно так.

В своем письме ты упомянула, что Майк находится на базе в 11 милях к юго-востоку от Дананга и, насколько я могу судить, скорее всего это высота 37. Пришли мне его полный адрес, может быть, я смогу увидиться с ним. Конечно, было бы приятно увидеть знакомое лицо.

Добро, лучше пойдю, схожу на почту и оформлю тебе денежный перевод вместе с этим письмом. Со мной все в порядке. Накануне у меня случился приступ диареи, и пришлось сходить в лазарет, чтобы мне что-то дали от нее. Здесь такое происходит с каждым. Все это от местной воды в реках и деревьях. Береги себя. Я действительно благодарен за твои письма.

С любовью,
Джо

***

Каждый снайпер должен был пройти стрельбище в Дананге, чтобы подтвердить свою квалификацию и остаться в своем подразделении. Если мы не подтверждали квалификацию, нас «понижали» (переводили в линейные подразделения). И хотя переквалификация была важна, но несколько дней вне джунглей в Дананге, в относительной безопасности, были реальной помощью расшатанным человеческим нервам. Развлечений на «Холме свободы»⁴⁰ с его Объединенной организацией обслуживания,⁴¹ солдатским клубом, хорошей едой, и кондиционированным кинотеатром могли по-настоящему помочь парням забыть, что они находятся в эпицентре войны.

Снайперская школа оказалась серьезной, но дружеской конкуренцией между снайперами из других подразделений морской пехоты. Шесть самых метких дальноточных выстрелов в мире были сделаны ради небольшого, но редкого приза. За первое место награждали обычной зажигалкой «Зиппо» с какой-то очень необычной гравировкой. Одной стороны был изображен «Мрачный жнец» — знак снайперов-

---

³⁹ Около 38 градусов по Цельсию.

⁴⁰ «Холм свободы» (*Freedom Hill*, также известный как «высота 327», «Дивизионный холм» или Кэмп-Ризонер) — крупная база КМП США и Южновьетнамской армии. Располагалась на возвышенностях в 4-х километрах к западу от авиабазы Дананг.

⁴¹ Объединённые организации обслуживания вооружённых сил (*United Service Organizations, USO*) — независимое объединение добровольных религиозных, благотворительных и других обществ по содействию вооружённым силам США. Принимает участие в организации досуга военнослужащих, прежде всего путём создания клубов.

разведчиков.⁴² С другой стороны были выгравированы слова: «1-е место, школа снайперов-разведчиков, 1-я дивизия, КМП США, Вьетнам, 1969 г.», и далее следовало имя победителя. Когда Дэн и я покидали Дананг, на зажигалке стояло мое имя, и я постоянно ощупывал карман, чтобы убедиться, что она все еще там. Позднее, трехдолларовая зажигалка стала причиной инцидента, который постоянно возвращался и преследовал меня, как и любые другие воспоминания о войне.

Несколько месяцев спустя я обнаружил, что сижу на холме, в двадцати милях от Дананга, наблюдая, как огромные огненные шары проделывают дыры в облаках, когда вьетконговские саперы (команды смертников) взрывали склады боеприпасов снайперской школы и «Холма свободы». На следующий день я узнал, что саму базу и школу сравнивали с землей. Удивительно, но при этом погибло всего несколько человек. Снайперы не пострадали, но моральный ущерб от потери «Холма свободы» был огромным и распространился повсеместно.

***

*Снайперы-разведчики,
Штабная рота,
5-й полк морской пехоты,
Ан-Хоа,
3 мая 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Привет тебе напрямиком из ада. Боюсь, что несколько моих писем потерялись или задержались пару недель назад, когда вертолет с почтой был сбит.

Чтобы ответить на ваши вопросы, скажу следующее. Что касается места, в котором находится Ан-Хоа, то я подумаю, как подсказать тебе, где его найти.

Считаю ли я, что Ви-Си так же хороши, как вам говорят? Да, определенно. Хо-Ши-Мин поклялся стереть морпехов из 5-й дивизии с лица земли. Он поклялся съесть рождественский ужин в 1968 году в Ан-Хоа. Он был рядом, но так не смог это сделать. Когда 5-я дивизия впервые пришла сюда, боевые действия велись в основном против Вьетконга, но потом «Дядюшка Хо» начал отправлять сюда полнокровные дивизии НВА. Их бойцы хорошо обучены и будут упорно стоять, и сражаться. Они эксперты в вовлечении нас в бои на своих условиях. У НВА в этом районе даже есть база отдыха, в месте под названием остров Гоу-Ной. И хотя там иногда находится два или три полка НВА, всякий раз, когда мы прочесываем его, мы натываемся только на новые мины-ловушки. Это такой трюк, чтобы скрыть такое большое количество хорошо оснащенных войск.

Обстрелы — это другая история. Это то, о чем в газетах не расскажут. «Чарли» используют, в основном, минометы и ракеты класса «земля-земля» весом 250 фунтов.⁴³ Ракеты, когда падают, практически не оставляют следов, и они такие быстрые, что к тому времени, когда мы слышим их звук, они уже падают. Другая

---

⁴² Англ. *Grim Reaper* — костлявая с косой, символ смерти.

⁴³ Около 114 кг.

штука, — у них есть танки, которые используются для подавления артиллерии огнем с горных вершин.

Сейчас я в 29 милях к юго-западу от Дананга, недалеко от Майка. Пытаюсь придумать способ, чтобы его увидеть.

Насколько плотно мы подвергаемся цензуре? На самом деле, не сильно. Мы просто должны использовать чуток здравого смысла. Как я уже говорил, почтовые вертолеты тоже сбивают.

Как они добывают карты наших лагерей и баз? Обычно их рисуют дети. Мирных жителей внутрь периметра не пускают, но они могут видеть все, что им нужно, находясь на окраине. Вы не поверите, насколько подробными являются эти карты. Когда я говорил вам, что у нас на базе есть мирное население, то это касалось только более крупных баз, таких как Ан-Хоа. Здесь работают несколько гражданских лиц, и за ними достаточно внимательно наблюдают.

Еда в тылу не так уж и плоха, у нас здесь трехразовое питание. Но я только ужинаю, потому что в дневное время слишком жарко для того, чтобы есть. Когда мы находимся в джунглях, то с собой не берем ничего, кроме пищевого рациона «С», так что закуски очень удобны. Что касается конфет и тому подобного, попробуйте найти те, которые не тают на жаре. «Кулэйд» — это просто супер.⁴⁴ Вода в джунглях плоха и на вкус, и на запах, а та, которая в деревнях, не очень чистая, поэтому диарея возникает повсеместно. Когда вы ее здесь подхватываете, могу поклясться, что возникает ощущение, что вы передали свою задницу в собственность дьявола.

Надеюсь, я ответил на все твои вопросы. Получил письмо от Дейва. С ним, кажется, все в порядке, и он говорит, что он единственный в своем подразделении, который еще не получил «Пурпурное Сердце».⁴⁵

Прошлой ночью я затосковал по дому, и получение почты по-настоящему приободрило меня, и сейчас у меня все нормально. Да, кстати, я здесь уже целый месяц, хотя на самом деле я чувствую, что как будто прошло больше полугода. Время здесь тянется медленно. Береги себя.

С любовью,
Джо

***

Снайперы располагались в пяти палатках недалеко от штабного бункера и полевого госпиталя. При наихудшем раскладе, — прорыва на территорию базы, — во время основной атаки противника, снайперы в Ан-Хоа должны были быть последней линией обороны штабного бункера, применяя карабины М-14 с прицелами «Старлайт». Нам также была предоставлена сомнительная честь производить зачистку территории после нападения, что означало беготню за каждым вражеским подрывником, который мог проникнуть внутрь. Зачистка была игрой на нервах. Если мы их не обнаруживали,

---

⁴⁴ «Кулэйд» (Kool-Aid) — растворимый порошок для приготовления фруктовых прохладительных напитков.

⁴⁵ Пурпурное Сердце (Purple Heart) — военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

наши шансы произвести выстрел прежде, чем он подорвет и себя и нас парой десятков килограммов взрывчатки, были мизерны. Подрывники были одеты только в набедренную повязку и каждый сустав заматывали проволокой, чтобы удержать на месте оторванную руку или ногу, и продолжать движение. Обычно их целями являлись артиллерийские склады, госпитали, и пункты управления. Появление подрывников всегда означало плохие новости. Одного такого пленного мне с Дейвом Миксом удалось взять в ночь на десятое число, после жестокой атаки на крупные силы НВА.

***

*Снайперы-разведчики,
Штабная рота,
5-й полк морской пехоты,
Ан-Хоа — район «Аризона»,
18 мая 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Я полагаю, что ты с нетерпением ожидаешь мое письмо. Когда я расскажу тебе, что я делал и чем занимался, может быть, ты поймешь, почему я так долго не писал.

Во-первых, Дэн и я вернулись в Ан-Хоа десятого числа. Позже той же ночью противник ударил по базе из всего, что у него было, даже пустил газ. Все это началось примерно в полтретьего ночи и не прекращалось до семи утра. Враг пустил внутрь нескольких подрывников, но они не причинили большого ущерба.

На следующий день нас перебросили вертолетом к роте «D», и как только вертолет приземлился, по нам ударили. На следующий день они наносили по нам удары еще четыре раза.

За сутки у нас было восемь медицинских эвакуаций и двое из парней умерло прежде, чем до них добрались. Одним из убитых оказался лейтенант из 2-го взвода. Мы называли его Чип, и он был отличным парнем. Он был первым офицером, с которым я подружился. После того, как все успокоилось, я сделал то, чего поклялся, что никогда не сделаю — я заплакал. В тот момент все казалось таким бессмысленным! Поначалу я думал, что мы должны быть здесь, и это та причина, почему мы здесь. Сейчас я не знаю. Все это ослабило мой дух.

Сегодня восемнадцатое, и все это время, каждый день и ночь, мы были в движении. Сейчас мы находимся примерно на полпути между Ан-Хоа и Данангом. Это первое место, на котором мы расположились более чем на одну ночь, так что у меня есть возможность черкануть пару писем.

Вчера, впервые с десятого числа, мы получили почту. Чем дольше я нахожусь среди дамб, тем больше прибытие почты является даром небес. Скорее всего, мои письма отправить не успеют, так что не волнуйтесь, если я ничего не сообщу о получении.

С тех пор, как мы тащимся в патрулировании, у нас уже шестнадцать пострадавших, двенадцать раненых, а оставшиеся — пострадавшие от жары и малярии. Со мной и Дэном пока все в порядке.

Вы можете решить, что я подтруниваю, но сейчас здесь еще даже жарче. Температура поднялась до 130 градусов, поэтому можете представить, откуда у нас потери от тепловых ударов. «Ворчуны» несут на себе до 100 фунтов различного снаряжения и боеприпасов.⁴⁶ Не редкость, когда человек выпивает в сутки от трех до пяти литров воды. Я начал использовать таблетки «Хализон»,⁴⁷ так что, надеюсь, не слягу снова с диареей. «Кулэйд» всячески приветствуется.

Собственно, это все, я надеялся получить сегодня какую-то весточку от тебя, но так ничего не получил.

Кстати, у меня появились фурункулы. Был бы признателен, если бы купила какое-то лекарство от этой напасти и отправила его мне. Также пригодится баночка витамин.

Буду заканчивать, должен написать еще Лауре. Береги себя.

*С любовью,
Джо*

***

Взлет красной ракеты означал, что периметр базы прорван или что на каком-то участке возникла опасность неминуемого прорыва. В ночь на десятое число, красные ракеты взлетали почти на каждом участке на северной, южной, и западной сторонах лагеря Ан-Хоа. В самом начале боя погибли двое морских пехотинцев из пулеметного расчета, находившиеся в бункере, и три солдата НВА развернули пулемет М-60 с обильным запасом патронов против нас.

Несколько попыток отбить бункер провалилось, пока его не заставил замолчать зажигательный снаряд с белым фосфором, выпущенный 155-мм гаубицей, поставленной на прямую наводку. Через образованный проход на базу хлынуло огромное количество «Чарли» и в этот момент явился ангел милосердия — над нами, в жутком свечении, создаваемым осветительными ракетами, мелькнул кружащий ганшип «Спуки» (он же «Огнедышащий дракон»). Это был модифицированный транспортный самолет с тремя миниганами, установленными по каждому борту. Миниганы чем-то напоминали пушки Гатлинга с шестью вращающимися стволами, и выпускали 6000 выстрелов в минуту. Каждый четвертый патрон был трассирующим, но пушки стреляли так быстро, что все это выглядело одной непрерывной красной линией, льющейся с самолета на землю.

В немом изумлении я смотрел, как вражеские трассеры стреляют с земли по самолету. Интересно, что это за сорт людей, и по какой причине они могли раскрывать свою позицию такому грозному оружию. Небольшое изменение курса — и десяти- или пятнадцатисекундный залп пушек «Спуки» подавил вражеский зенитный огонь на этом участке. Зачастую ведя огонь по территории базы, ганшип израсходовал боекомплект за тридцать минут, предоставив пехоте достаточно времени, чтобы отбить то, что осталось от бункера, и закрыть брешь в наших рядах.

---

⁴⁶ Около 40 кг.

⁴⁷ Так в тексте (*Hallizon*). Правильное название — Халазон (*Halazone*, химическая формула: 4-дихлорсульфамил бензойной кислоты) — таблетки для обеззараживания воды.

После того, как «Спуки» зачистил территорию, наша артиллерия и минометы открыли массированный заградительный огонь по позициям врага. Большие пушки (175-мм) все время стреляли прямо над нашими головами, и в конечном итоге мы все получили контузию от собственной артиллерии. Интенсивный огонь велся до рассвета одиннадцатого числа, когда враг отошел.

Считалось, что ночь принадлежит «Чарли», они знали, что с рассветом начнутся авиаудары. Кроме того, за ночь тысячи артиллерийских снарядов настолько превращали местность в лунный ландшафт, что у них практически не оставалось мест для укрытий. Враг понес большие потери — на колючей проволоке осталось висеть более сотни тел, в основном подрывники, и неизвестно, сколько еще было унесено.

На рассвете мы начали зачистку местности. Микс и я прочесывали участок возле столовой, когда обнаружили в открытую бродившего живого подрывника, настолько обкурившегося опиумом, что он потерял сумку с взрывчаткой и понятия не имел, где находился. Он стал нашим пленником и уцелел в той битве, в которой он был обязан умереть.

После бессонной ночи и действующего на нервы поиска подрывников, мы с Дэном как раз успели собраться и запрыгнуть в вертолет, вылетавший в роту «D». Я должен был догадаться об этом, когда мой командир отделения заявил:

— Мне очень жаль, но я должен вас отправить в «Аризону», — те же самые слова, которые я сам позже говорил снайперским командам, став командиром отделения.

Район «Аризона», — место, где казалось весь мир развалился на части, — представлял собой равнинный участок местности площадью семьдесят квадратных миль, расположенный к северо-востоку от деревни Ан-Хоа. Мы высадились под огнем на недавно лишенной листвы участке, и целую неделю постоянно вели стычки с «Чарли». Всю эту неделю нас окружала мертвая и умирающая листва, покрытая маслянистой пленкой, и густой запах гербицида под названием «Эйджент Оранж».⁴⁸

Наступил рассвет шестого дня, когда нас прижали огнем. Я стоял на колене, и разговаривал с лейтенантом Чипом, и пуля из АК-47 попала ему в горло, забрызгав мое лицо его кровью. В то же мгновение граната РПГ прошла так близко от моей головы, что я почувствовал порыв ветра, когда она пролетела мимо и взорвалась на противоположной стороне небольшого возвышения в тридцати футах от меня.

Полуденная жара, страх, и выброс адреналина — все это заставило меня сильно вспотеть. Когда я упал на землю, пыль на моем лице и руках быстро превратилась в грязь. Я поднял глаза, только чтобы увидеть Чипа, лежащего на спине, хватавшегося за горло и делавшего гротескные судорожные движения своими ногами.

Я подполз к нему и понял, что мало чем могу ему помочь, но попытался в какой-то степени остановить кровотечение, зажав рану. Пуля прошла рядом с кадыком и вышла из левой стороны шеи, попав в яремную вену, миновав позвоночник. Кровотечение было сильным, но контролируемым, однако главная проблема заключалась в том, что травма привела к вздутию горла и блокировке дыхания, — он задыхался. Рана не была бы смертельной, если бы он мог вдохнуть немного воздуха. Граната от РПГ, которая прошла чуть выше возвышения, попала прямо в штаб-сержанта на командном пункте.

---

⁴⁸ «Эйджент Оранж» (*Agent Orange*, оранжевый реагент) — название смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения. Неформальное словесное название «Оранж» появилось из-за оранжевой окраски бочек для транспортировки этого химиката.

Я сидел с головой Чипа у себя на коленях, сильно надавливая на фонтанирующую точку, все громче и громче крича: «Санитар!», — безуспешно пытаюсь заглушить звуки боя и крики, доносящиеся с другой стороны холма.

Когда рядом с нами оказался санитар, он порылся в своей сумке в поиске единственного, что могло спасти Чипа, — дыхательной трубки, которую можно было засунуть ему в горло, чтобы он мог дышать. Из дыхательных трубок трех размеров (малая, средняя и большая), санитарам, которые были ограничены в размере медицинских средств, которые они могли переносить, чаще всего выдавалась средняя. Я держал голову Чипа, когда медик несколько раз с нарастающим беспокойством попытался вставить дыхательную трубку.

— Она слишком большая, — произнес он.

— Попробуй еще! — крикнул я ему в ответ, перекрикивая рев огня. Дальнейшие попытки оказались тщетными. Он швырнул дыхательную трубку на землю, схватил скальпель, и сделал трахеотомию, но это не помогло, — горло Чипа слишком опухло.

Сел медицинский вертолет, и прежде, чем была опущена рампа, санитар оказался на борту, лихорадочно пытаюсь найти небольшую дыхательную трубку. И опять ничего, все они были среднего размера. Шесть пехотинцев схватили Чипа и побежали к вертолету, который быстро взлетел.

Огонь начал стихать, исключение составляли лишь наши стреляющие минометы. Штаб-сержант умер прежде, чем прилетел вертолет.

Я встал, покрытый грязным потом и кровью, и сделал несколько шагов, прежде чем я понял, что один из моих набедренных карманов вспучился, — кровь Чипа уже просочилась через ткань, наполовину заполнила карман, и стекала вниз по ноге.

Я нашел Дэна прислонившегося к дереву, и рассуждавшего о том, как они должны были нас вытащить, что мы все должны были умереть и тому подобное. Я сел на рюкзак, слишком уставший, чтобы думать, и просто смотрел на Дэна, продолжавшего разговаривать. Когда я увидел санитаря, оказывавшему помощь Чипу, медленно идущего ко мне, я уже знал, что он собирается сказать.

— Пилот вышел на связь и сообщил, что ему жаль, но они потеряли лейтенанта.

Когда он ушел, я обнаружил, что слезы стекают по моему лицу, оставляя на нем чистые полосы. Я должен был найти силы, чтобы сменить свою форму и умыться. Просто от одного моего вида Дэну сделалось еще хуже.

На следующий день рота, потеряв половину личного состава, и со следами усталости от напряженного боя на лицах оставшихся в живых, была срочно эвакуирована с посадочной площадки.

Наш вертолет только набирал высоту, когда вражеская пуля пробила днище и попала в гидравлическую магистраль на передней переборке, облив всех жидкостью. Неужели мы пережили неделю в аду только для того, чтобы умереть в авиакатастрофе? Возобладала изобретательность янки, когда один из бортстрелков спокойно подошел к переборке и повернул клапан, включив одну из двух запасных магистралей. После этого он снял свой шлем — его стекло было настолько залито гидравлической жидкостью, что он не мог сквозь него ничего рассмотреть — вернулся к своему пулемету, и продолжил вести огонь. Если бы не толстый слой масла на всех и вся, ничто бы не говорило о том, что случилось.

Около десятка раз, когда я придавался роте или выходил на задания, нам при-

шлось передвигаться через районы, обработанные дефолиантом «Эйджент Оранж». Если распыление происходило недавно, то все на этом участке было покрыто грязной, жирной пленкой. Деревья, кустарник, и весь бурно растущий подлесок — все это быстро приобретало желтовато-коричневый цвет. Зачастую мертвые и умирающие деревья, особенно вдоль берегов рек, простирались настолько далеко, насколько позволял видеть глаз.

Почти у всех, кто побывал в местах, подвергнутых воздействию дефолиантов, впоследствии развились симптомы различных заболеваний, начиная с сыпи, фурункулов, онемения в кистях и руках и заканчивая воспаленными, зараженными суставами. Медики старались помочь нам всеми способами, которые они знали, дренируя гнойничковые язвы и применяя антибиотики и мази. К сожалению, истинный ущерб проявлялся тогда, когда активный ингредиент дефолиантов, диоксин, проникал через кожу и распространялся по всему телу.

Из почти 3,5 миллиона мужчин и женщин, служивших во Вьетнаме, у 53 тысяч было диагностировано отравление препаратом «Эйджент Оранж» средней или большой тяжести, также известно, что еще 250 тысяч подверглись его прямому воздействию. Свыше 18 тысячи человек умерли от прямых последствий такого отравления. К сожалению, только сейчас становятся известными колоссальные и длительные последствия такого воздействия для ветеранов, жителей и земли Вьетнама.

Мы знали о причинах дефолиации, но опасность даже кратковременного контакта с зараженными растениями и землей была для нас неизвестна. Печально, но компании, производившие «Эйджент Оранж», знали об опасности, которую он несет, еще в 1957 г.

Глава III

Долгий перегон

*Снайперы-разведчики,
Штабная рота, 5-я дмп,
«Мост свободы»,
20 мая 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Сейчас мы находимся у «Моста свободы», который расположен примерно в десяти милях от Ан-Хоа. Долго мы здесь не пробудем — похоже на то, что нас собираются перебросить для участия в операции на острове Гоу-Ной. Туда выдвигаются десять батальонов морской пехоты и куча армейских саперов. Мы должны сровнять то место с землей. Если же на эту операцию мы не выйдем, то отправимся в «Аризону».

Вчера я получил несколько писем. Прошло много времени с тех пор, как я получал весточку из дома, так что почта оказалась очень кстати. Ты, должно быть, читала мои мысли, когда спросила, нужны ли мне витамины, а я как раз написал об этом пару дней назад и просил, чтобы ты прислала мне их. Здесь у нас не получается часто есть, а когда это происходит, то все это не слишком благоприятствует здоровью.

Мне так неудобно из-за Дня Матери.⁴⁹ Я даже не знал, что это был за день. В снайперской школе все прошло хорошо, на самом деле ничего нового я не узнал, но это позволило мне на пару дней выбраться из джунглей. Нахожусь ли я где-нибудь рядом с районом «Аризона»? На самом деле, я смотрю на него прямо сейчас. Эта территория начинается прямо здесь, примерно в двух милях от моста, и тянется на юго-восток вдоль подножия гор. Это худшее место в округе. Роты заходят в нее и очень сильно раздергиваются. Сейчас там со вчерашнего дня проходит крупная операция. Мне неприятно это говорить, но нам, скорее всего, придется в течение ближайших трех недель вернуться в «Аризону». В 7-м полку морской пехоты, который там стоит, много людей, так что там может быть и Дейв.

База Ан-Хоа довольно большая. В ней дислоцируется весь 5-й полк морской пехоты и плюс армейский батальон. В любой момент времени в ней, наверное, находится от 2-х до 3-х тысяч человек.

Нет, муссоны еще не начались и не должны начаться еще пару месяцев. Дождь идет примерно каждые два-три дня, но я бы предпочел, чтобы было жарко и сухо, — нам и так приходится много ходить вброд.

Ну, мам, теперь ты должна получить письмо. Я знаю, что ты волнуешься, когда не получаешь их некоторое время, но на это есть много причин. Пожалуйста, не беспокойся, когда такое случается.

С любовью,

---

⁴⁹ Международный праздник в честь матерей. В Соединенных Штатах отмечается во второе воскресенье мая.

***

Если бобы и пули⁵⁰ заставляют колеса войны вращаться, то письма из дому — это та смазка, которая не дает пехотинцу застрять в этих колесах. Многие ребята вообще не получали почту, и мы делились новостями из дома также, как делились всем остальным.

Путь от Ан-Хоа в Дананг по земле означал длинную, пыльную и зубодробительную поездку в грузовике или более плавную, но более рискованную поездку сверху танка. Ежедневно рано утром инженерная разведка проходила дорогу и, как правило, ничего не находила, — «Чарли» часто ждали, пока она пройдет, чтобы потом установить на дороге фугас в виде двухсотфунтового ящика со взрывчаткой.⁵¹

Несколько «Джи-Ай», выживших после подрыва на фугасе, рассказывали об этом. Как ни странно, подрыв танка почти всегда приводил к гибели людей, которые ехали на броне. Экипаж мог выжить, однако ударная волна огибала танк с разных сторон, концентрируясь там, где сидели пассажиры, разрывая и сжигая их плоть с костей. Я никогда не собирался кататься на танке — ездить в грузовике или идти пешком было труднее, но зато безопаснее. Если грузовик подрывался на mine со взрывателем мгновенного действия, то его передняя часть буквально исчезала, а вот кузов оставался почти нетронутым.

«Мост свободы» представлял собой большой деревянный пролет через Сон Тху Бон (то есть реку Тху Бон), примерно на полпути между Ан-Хоа и Данангом. Чтобы подорвать мост, «Чарли» часто пускали вниз по течению взрывчатку, замаскированную листвой, поэтому охрана моста стреляла во все, что подплывало к опорам.

По ночам реку освещали прожекторы, часовые прохаживались взад и вперед, бросая осколочные гранаты в мутную воду, чтобы отогнать подрывников. Поговаривали, что мосту смогли причинить ущерб лишь однажды. Это случилось пару лет назад, когда несколько пьяных морпехов его подожгли. «Морские пчелы» восстановили мост, и его стали тщательно охранять, оборудовав с одной стороны опорный пункт, а с другой стороны выставив контрольно-пропускной пункт. В опорном пункте стояла вышка высотой футов двадцать,⁵² на которой часто располагались снайперы, которые несли сторожевую службу.

Подобная вышка стояла в любом крупном опорном пункте или базе, и на них располагались снайперские команды, которые не находились на патрулировании в джунглях. Для ведения наблюдения ночью, они, как правило, оснащались «большими глазами» (приборы наблюдения «Старлайт» стоимостью 50 тысяч долларов за штуку), которые превращали местность в подробную зеленую панораму. Днем мы постоянно вели наблюдение за местностью с помощью мощных биноклей и прицелов. Все это напоминало изучение войны через микроскоп.

---

⁵⁰ Фразеологизм *beans and bullets*, означающий продовольствие и боеприпасы.

⁵¹ Некислый такой фугас в 90 килограмм тротила.

⁵² 6 метров.

В конце мая мне выпал шанс, о котором мечтает каждый морпех-новобранец, — возможность встретиться со своим инструктором из лагеря для новобранцев. Я садился на грузовик, чтобы покинуть «Мост свободы», и вопреки всему, одним из дежурных на КПП оказался сержант Грейвс.

Он узнал меня сразу, и мы немного поговорили. Мое восхищение Грейвсом достигло небывалых высот. В лагере для новобранцев он решал, казалось бы, невыполнимые задачи, готовя пацанов к войне, зная, что его собственная замена во Вьетнаме неизбежна. В то время существовало только три вида морских пехотинцев — те, которые во Вьетнаме; те, которые собирались во Вьетнам; и те, которые возвращались домой. Поскольку мы разговаривали на одном языке, я увидел в его глазах тот тысячеярдовый взгляд,⁵³ который у человека появляется только на войне. Грейвс вернулся домой живым.

***

*Снайперы-разведчики,
«Мост свободы»
24 мая 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Вчера получил твои письма, и похоже, ты переживаешь. У меня все хорошо. Мы все еще на «Мосту свободы», но операция должна начаться в ближайшее время. Это новое наступление на Чарли — неудачное, но я не думаю, что они смогут снова его сдержать. Каждый раз, когда проходит колонна, я высматриваю Дейва. Поузи находится на другой стороне моста. Думаю подскочить, повидаться с ним.

*С любовью,
Джо*

***

Месяц май 1969 года стал для Соединенных Штатов шестым по количеству потерь за все наши десять лет войны. Однако что оказалось более существенным, — силам НВА мы нанесли потерь меньше. Враг изменил тактику. Они поняли, что не смогут выдержать второй Дьен-Бьен-Фу.⁵⁴ Даже в самых худших условиях, таких как Кхе-Сань,⁵⁵ американцы могли обеспечить себе неограниченную огневую мощь, поэтому

---

⁵³ Тысячеярдовый взгляд (*thousand-yard stare*) — пустой, отсутствующий, отрешенный взгляд. Выражение произошло от названия картины Томаса Ли, впервые напечатанной в журнале *Life*, где изображен солдат, переживший боевую психологическую травму.

⁵⁴ Сражение у Дьен-Бьен-Фу — крупное сражение между французской армией и силами Вьетмина, произошедшее в марте-мае 1954 года. Считается решающим сражением Первой Индокитайской войны, определившим общее поражение французских колониальных войск в регионе. Несмотря на победу, вьетнамцы понесли тяжелые потери.

⁵⁵ Осада Кхе-Сани — сражение между Народной армией Вьетнама и Корпусом морской пехоты США за военную базу Кхе-Сань во время Вьетнамской войны. По оценке американской историографии, осада Кхе-Сани стала самым долгим сражением войны с участием сил

продолжительная битва с США лицом к лицу была бесперспективной. В ответ на это «Чарли» начали дробить свои войска на небольшие части, как правило не больше полка, и использовать тактику «бей и беги», что крайне затруднило использование нами подавляющей огневой мощи. Нередко это напоминало борьбу с призраками, и усталость и разочарование от редко видимого противника оказывало большее негативное влияние на людей, чем высокий уровень потерь.

За прошедшие сорок пять дней моего присутствия в стране, мое уважение упорству и самоотверженности бойцов НВА и Вьетконга выросло безмерно. Вновь и вновь, будто мотыльки на пламя свечи, они набрасывались на огонь, который могли зажечь только американские военные. Всегда проигрывая, они точно знали, что эта свеча горела все слабее.

Немногие пленные, которых мы брали, как правило, были тяжело ранены или больны малярией, и не могли уйти. К немногочисленным *тиеу-хой* (сдавшиеся в плен) по большей части относились хорошо. Небольшая, отобранная группа *тиеу-хой* была перевербована и отправлена к нам, как «скауты Кита Карсона»,⁵⁶ названные так потому, что они носили вокруг шеи ярко-красные платки-банданы в западном стиле. Для меня было честью поработать с этими людьми несколько раз, возможно предателями своей страны, однако этим немногим вьетнамцам я доверял. Я получал бесценную информацию о замыслах и тактике противника. Кто может быть лучшим учителем, чем человек, который, возможно, несколькими неделями ранее возглавлял атаку на наш удаленный пост? Мы должны были присматривать за ними, но не из-за непосредственной опасности, а по причине того, что наши собственные распри и склоки могли быстро превратиться в опасную ситуацию для всех.

Находясь на «Мосту свободы», мы с напарником располагались с двумя скаутами Кита Карсона, саперами, и кинологом, служебную собаку которого убили накануне. Скауты затеяли спор из-за вшивого десятидолларового транзисторного радиоприемника, и один из них выдернул из гранаты чеку и выбросил ее наружу. Он так и стоял, держа прижимной рычаг на гранате так крепко, что костяшки его пальцев побелели, дрожа от ярости или страха перед тем, что собирался сделать. В палатке стало мертвенно тихо, мы все всемером неотрывно смотрели на гранату. Кинолог медленно протянул руку, снял с предохранителя свою М-16 и резко прицелился. Тишину нарушил его голос:

— Ты умрешь прежде, чем она упадет на пол, — сказал он.

Разведчик вышел из того оцепенения, в котором находился, взялся другой рукой, чтобы удержать прижимной рычаг, а другого скаута мы отправили наружу, чтобы он нашел чеку. Когда тот вернулся с нею, они вдвоем вставили ее обратно в гранату. Очевидно, что оставлять их вдвоем было небезопасно, поэтому мы распределили их по разным палаткам. Этот случай заставил меня задуматься о Северном Вьетнаме. Если

США, завершившейся победой оборонявшей базу морской пехоты, и одним из ключевых факторов, предопределивших исход сражения, стала американская огневая мощь. Осада Кхе-Сани является одним из наиболее известных и знаковых сражений Вьетнамской войны.

⁵⁶ Разведчики (скауты) Кита Карсона (вьетн.: *Hội Chánh Viên*, термин, который условно можно перевести как «люди, вернувшиеся на правильную сторону») — бывшие бойцы Вьетконга, перевербованные в рамках специальной программы и использовавшиеся как разведчики в американских подразделениях.

человек был готов умереть и забрать с собой семь человек ради транзисторного радиоприемника, то что бы он сделал ради настоящего дела? Впервые я осознал, что у нас во Вьетнаме большие проблемы.

С другой стороны, южновьетнамцы были более мягкими людьми. Отличить бойцов Вьетконга от гражданских лиц было затруднительно, — женщины и дети могли быть столь же смертоносными, как и любой их солдат. Тем не менее, подавляющее большинство было порядочными и трудолюбивыми людьми. Армия Республики Вьетнам (АРВН) была откровенно плоха, — либо в результате некомпетентности, либо из-за проникновения в нее Вьетконга, — и мы старались с ними не работать.

Местные отряды самообороны были другими. С ними я провел одни из самых приятных и полезных часов за все время своей службы. По какой-то причине, эти люди в силу будь то возраста или здоровья, были признаны непригодными к службе в регулярной армии и обеспечивали непосредственную защиту сел и деревень. Они были плохо подготовлены, зачастую вообще не имели какой-либо подготовки, у них был хронический дефицит нормального оружия, но они могли бороться насмерть, чтобы защитить дом и семью. Ради них я выпрашивал, одалживал, и выносил оружие и медикаменты из собственных излишков, чтобы им перепало чуть больше.

Сама деревня Ан-Хоа находилась примерно в двух милях от базы. Деревня представляла собой смесь каменных домов с железными крышами, служивших в качестве магазинов, и жилых хижин, крытых соломой. Ее население составляло от трех до пяти тысяч человек. Несколько раз меня приглашали разделить трапезу со старейшиной деревни или селения, и меня неизменно встречали, как почетного гостя. Как и большинство американцев, поначалу я мало что знал о вьетнамской культуре и обычаях. Перед своим первым таким приглашением, я знал только, что разворот ступней ног в сторону человека тот сочтет оскорблением, поэтом большую часть времени я провел, беспокоясь о том, куда деть свои ноги, и почти пропустил всю вкусную еду.

Старейшина деревни жил в большой хижине из бамбука и соломы, с твердым земляным полом и земляным очагом, в котором постоянно горел огонь под большим черным чугуном, и постоянно открытым входом в подземное укрытие. Единственная очевидная разница между хижинкой старейшины и любого другого жителя деревни была в том, что она была больше. Также казалось, что у него очень большая семья. Для таких различий имелись основания. Многие из тех самоотверженных стариков приютили детей-сирот и перемещенных лиц, у которых не было никого и которым некуда было идти. Почему-то они всегда могли выделить свободную комнату для кого-то еще. Для меня стало привычным делом урывать пару лишних коробок с рационами «С», с благодарностью принимаемых старейшиной, который мысленно подсчитывал, сколько ртов он может накормить ими.

Когда меня отрядили в местный отряд самообороны во второй раз, мне выделили особенного человека. Ли Оут являлся гражданским переводчиком и офицером связи, приставленным ко мне, чтобы помочь преодолеть языковые и культурные барьеры между мной, отрядом самообороны и жителями деревни. Он быстро стал одним из моих лучших друзей. Всякий раз, когда Ли и я работали вместе, мы могли провести много часов, разговаривая о жизни его народа, о войне, а иногда и об Америке. Впервые меня ему представил Чак Мауинни, когда взял меня в деревню Ан-Хоа в первый раз, и Ли был тем, кто сделал ее безопасной для меня. Поскольку я был одиноким американцем

во вьетнамской деревне, была высока вероятность того, что Вьетконг попытается меня убить, но у Ли была своя агентурная сеть, которая собрала информацию от местной самообороны и от деревенских жителей, которые также получали информацию от друзей и родственников в других селениях. Данные Ли считались нами достоверными и своевременными, и в то время, как существовал постоянный риск мести со стороны Вьетконга, сеть Ли и мои хорошие отношения с местными жителями сводили этот риск к минимуму.

Мы с Ли стали хорошими друзьями, и я беспокоился о том, что произойдет с ним и его семьей. Отдел личного состава мог содействовать эмиграции вьетнамских граждан в США, и с моим уровнем допуска и нахождением при штабе, выправить нужные документы для меня было легче, чем для большинства других американских солдат.

Я как-то предложил дернуть за несколько ниточек, чтобы вытащить Ли и его семью в США, и в тот момент, когда я это сказал, то понял, что совершил ошибку. Его вежливый, но твердый отказ подсказал мне то, что я должен был уже знать — Вьетнам был его родиной, и он ее не оставит. Мы оба знали, что война идет далеко не так хорошо, и уход американских войск, несомненно, приведет к коммунистическому перевороту. Ли был слишком тесно связан с американцами и будет, без сомнения, казнен одним из первых.

Программа помощи гражданскому населению являлась очень важным и успешным аспектом моей службы. В разное время аббревиатура «САР» использовалась морскими пехотинцами для обозначения различных программ, например, таких как Взвод Совместных Действий,⁵⁷ представлявший собой отряд морских пехотинцев, который мог располагаться в деревне для формирования взвода местной самообороны и для последующего ведения боев вместе с ним. Поскольку эта программа касалась и снайперов, она была постоянно работающим проектом, и участие в ней было добровольным. В той или иной степени в ней участвовали многие снайперы. Большинство из нас знали мало и не задавали вопросов о деятельности других снайперов. Мой уровень допуска, как снайпера, давал возможность обеспечить Ли и местную самооборону оружием, медикаментами и пищевыми рационами. Обычно я просто выписывал необходимый объем средств, поскольку со снайпером, имевшим винтовку с продольно-скользящим затвором, никто не спорил. Программа помощи гражданскому населению была для меня чем-то большим, чем простым лозунгом «завоевывать сердца и умы людей». Я был приверженцем той идеи, что наше присутствие во Вьетнаме не дает нам право притеснять местных жителей или попираť их образ жизни.

Помощь гражданскому населению в джунглях было разочаровывающим, а зачастую и душераздирающим зрелищем. Сельское население раздиралось войной, у него было мало оснований доверять кому бы то ни было — ночью приходили НВА и Вьетконг, чтобы убивать, похищать, насиловать, красть; днем приходили американцы, чтобы вести их поиск и уничтожать.

Я принял на себя личное обязательство держать свою дверь в эту программу открытой. Ключами к этой двери были Ли Оут и Ан-Хоа. Если мне не удавалось убедить испуганную мать, чтобы ее умирающего ребенка лечил медик, я прилагал больше уси-

---

⁵⁷ У терминов «Программа помощи гражданскому населению» (*Civilian Assistance Program*) и «Взвод совместных действий» (*Combined Action Platoon*) одинаковые аббревиатуры.

лий, чтобы доставить в деревню медицинские средства. Если я не мог забрать ребенка-сироту из джунглей в безопасный детский дом, я больше работал, чтобы помочь местной самообороне предотвратить нападение на Ан-Хоа. Выгоды значительно перевешивали потери. По мере своей службы во Вьетнаме, я проводил все больше и больше своего свободного времени с Ли, самообороной и жителями деревни.

В один из особенно жарких дней, мы с Ли сидели под навесом из пончо, открытым со всех четырех сторон, чтобы его мог продувать любой ветерок. Рядом ошивались дети. Обычно мы выставляли их прочь, но Ли давал мне ускоренный урок изучения вьетнамского языка, и мы уделили им немного внимания. Я достал свою самую заветную зажигалку, которую выиграл в снайперской школе, закурил сигарету, и положил ее на землю рядом с собой. Когда же я снова потянулся за зажигалкой, она исчезла. Я посмотрел вокруг, и до меня дошло, что кто-то из детей умудрился ее украсть. Придя в ярость, крича: *Лаи дай* («Иди сюда!» по-вьетнамски), я попытался схватить одного из них, но они исчезли, как дым. Я потопал обратно под навес, ругаясь так, как может ругаться только морской пехотинец, и обнаружил там Ли, уронившего голову на руки, и тихо всхлипывающего. Мой гнев перерос в недоумение:

— Ли, эта зажигалка была важна для меня, но не настолько.

Он медленно поднял голову и тихо проговорил:

— Я плачу не из-за твоей зажигалки, я плачу из-за детей, которые вынуждены воровать, чтобы выжить.

Я сел, обнял его за плечи, и тихо добавил несколько своих американских слез.

Мои усилия в течение многих лет найти Ли, оказались бесплодными, но каждый раз я уговариваю сам себя, что ему удалось покинуть страну до чисток и он спокойно проживает где-нибудь. Ли многому научил меня, но самое главное, что я от него перенял, так это то, что сострадание — это единственное, что способно уравновесить всегда односторонние веса войны.

***

*Снайперы-разведчики,
Остров Гоу-Ной,
28 мая 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Вчера получил твои письма. Ты тоже должна была получить сейчас письмо. У меня столько всего в голове и я настолько занят, что не мог тебе написать.

Сейчас мы продвигаемся вглубь острова Гоу-Ной. Мы соединились с еще тремя ротами, и с первого числа следующего месяца здесь должны находиться остальные батальоны.

У нас много пострадавших от мин-ловушек и мы пять раз вступали в боестолкновение с противником. Самое худшее в этой операции — это ходьба. Сейчас не могу называть тебе ее название.

Было облачно, но не намного прохладнее. Прошлой ночью шел дождь, достаточный, чтобы прибить к земле москитов. Пока мы выходили туда, где находимся сейчас, головной дозор обнаружил 1000-фунтовую бомбу. Ну, мы вызвали саперов, чтобы подорвать ее после того, как пройдем. Не пройдя и 200 метров, мы увидели бегущих са-

перов, кричащих чтобы все делали ноги, потому что они подожгли огнепроводный шнур, и сейчас бомба взорвется — они думали, что мы уже ушли достаточно далеко, а такая здоровая бомба разбрасывает осколки на тысячу метров во всех направлениях. Когда каждый начал бежать, пытаясь своевременно разглядеть мины-ловушки, это было довольно нелепым зрелищем. Дэн и я воспользовались первой ямой, которую увидели, и запрыгнули туда. Бахнуло так, что попадали даже крупные деревья. Никто не пострадал, но над саперами поприкалывались.

Уверен, что в тылу меня ждут несколько посылок, так что я с нетерпением жду возможности вернуться в Ан-Хоа. Хочу также побриться и принять душ.

Транспортные вертолеты доставляют горячую пищу. Не могу в это поверить. Первый раз вижу горячую пищу в джунглях.

Ты говорила, что подумываешь об отправке консервированных фруктов. Это было бы здорово. На такой жаре это лучше всего. Можешь также положить пару банок пива.

Ну, мам, думаю, на этом пока закончим. Береги себя и не беспокойся так сильно.

С любовью,
Твой младшенький

P.S. Самый младший я только по возрасту.

***

Операция «Каньон Пайпстоун», проводившаяся на острове Гоу-Ной, являлась упражнением в безумии. Огромные «Римские плуги» (машины, похожие на большие бронетранспортеры, с поднимающимися отвалами, которые могут мгновенно срезать дерево толщиной в двенадцать дюймов),⁵⁸ несколько танков и бронетранспортеров выстроились в линию и двинулись вперед, сметая все на своем пути, а мы топали через завалы за ними. Деревни были сожжены, рис рассыпан, бункеры взорваны. Мы почти не видели противника, как будто он лишь оформил сцену и ушел. То, что от него осталось, представляло собой бесконечный лабиринт из ловушек всех мастей, начиная от кольев панджи⁵⁹ и заканчивая нашими собственными неразорвавшимися бомбами. Санитарные вертолеты летали постоянно.

Естественной реакцией при начале перестрелки было упасть за насыпью рисового поля и надеяться, что она обеспечит определенную защиту от привходящего огня. На острове Гоу-Ной «Чарли» сломали эту логику, спрятав колья панджи в воде вдоль тропы на противоположной стороне от засады. После того, как я увидел одного бойца с

---

⁵⁸ «Римский плуг» (*Rome plow*) — тяжелый бронированный бульдозер *Caterpillar D7E*, оборудованный специальным тяжелым (порядка 2 тонн) и очень острым отвалом, способным перебивать деревья и проделывать другие проходы. Название бульдозера произошло от названия компании, их выпускавшей — *Rome Plow Company*, находившейся в городке Рим, штат Джорджия.

⁵⁹ Панджи — побеги бамбука или других деревьев различной длины, тщательно заостренные с обоих концов и вбитые в землю. Зачастую смазывались ядом, грязью, навозом. Были очень опасны, поскольку наносили тяжелые, долго заживавшие раны, а иногда могли привести к заражению крови.

двухфутовым колышком панджи, который вошел ему в пах и вышел из ягодицы, то понял, что мы с Дэном должны заставить себя прыгать навстречу вражескому огню, и это должно стать рефлекторным действием. При этом мы должны были находиться на открытом пространстве, и долго ползти до следующей насыпи, но я поклялся себе, что если «Чарли» захотят заполучить нас, то им придется стрелять в нас, а не наблюдать, как мы насадим себя на бамбуковые колья.

Казалось, что ловушками в округе было нашпиговано буквально все. «Чарли» хорошо знали наши привычки, одна из которых состояла в том, что когда американский патруль входил в селение, большинство «ворчунов» сбрасывали свои рюкзаки и садились отдыхать возле ближайшей пальмы. Крайний раз, когда я это проделал, то услышал громкий хлопок, и тут же все оказалось затянутым густым облаком белого дыма. Я в ярости перекатился прочь, удивляясь, почему я до сих пор жив. После того, как дым рассеялся, саперы исследовали основание дерева, и обнаружили, что я умудрился шлепнуться своей задницей прямо на 81-мм минометную мину.

— Тебе повезло, — сказали они. — Взрыватель отсырел, и его инициации оказалось недостаточно, чтобы подорвать мину. «Глупость, но похоже на правду», — подумал я.

Непрерывное выматывание по причине ловушек и нашей неспособности сковать противника довели войска почти до точки отчаяния. Хотя мы с Дэном старались как можно больше держаться вместе с ротой «D», по запросу мы оказывали поддержку и другим ротам. Один из таких запросов вверг нас в кошмар.

Одна рота планировала совершить ночной марш на семь «кликов» (в то время как «клик», как правило, означал один километр, мы, снайперы, понимали его как 1000 ярдов), чтобы добраться до деревни, жители которой подозревались в симпатии к Вьетконгу. Мы двигались в полной темноте, держась за пояс человека перед собой, чтобы не потеряться. Едва пройдя один «клик», в передней части колонны прогремел взрыв, и осколки просвистели над нашими головами. Мы все сели там, где находились, на середине тропы, в ожидании санитарного вертолета. В огневой группе, шедшей в головном дозоре, шел мой приятель по учебке по имени Лептман, и, прежде, чем слух пронесся обратно по колонне, я уже знал, что он ранен, но поборол искушение пойти в голову колонны, чтобы проведать его. Он зацепил мину-ловушку, собранную из минометной мины, и был настолько искалечен, что, умирая, лежал на одной из своих ног под затылком. Люди, шедшие впереди и позади него, оказались убиты, и почти все морпехи из головного отделения требовали медицинской эвакуации.

Мой ум был опустошен, пока я смотрел, как ритмично мигал проблесковый маячок, указывая наше местоположение вертолету, и слушал напряженные голоса медиков, пытавшихся спасти то, что осталось от головного отделения. Из-за смерти Лептмана я больше оцепенел, чем разозлился, и начал размышлять о своей собственной смертности. Вертолет прибыл и ушел, и когда мы двинулись дальше, на нас снова опустилась тишина и темнота.

Спустя несколько часов тыканий в темноте, мы, наконец, достигли своей цели. Рота остановилась в семи сотнях ярдов от деревни и стала ждать рассвета. Я откинулся на свой рюкзак и заснул, забыв раскатать штанины вниз и завязать тесьму. Несколько минут спустя я был грубо разбужен болезненным укусом чуть выше голенища, а затем еще одним выше по ноге, потом еще одним. Я бил своей ладонью, пытаясь не нарушать

тишину, пока пятидюймовая сороконожка прокладывала свой путь с внутренней стороны моей ноги, кусая каждый раз, когда я пытался ее прибить. Когда же она направилась к моему паху, я запаниковал. Наконец, мне удалось прибить ее возле набедренного кармана. Нога пульсировала от семи огненных рубцов, я освободился от своих штанов и почувствовал вокруг ошметки маленького монстра. В двух или трех бойцах позади Дэна находился санитар, и хотя мой напарник был от меня всего лишь в трех метрах, стояла такая непроглядная тьма, что я вынужден был искать его на ощупь. Схватив его за рукав, я потянул ближе.

— Скажи доку, что меня только что адски покусала сороконожка, — прошептал я.

Таким же образом он передал мое послание следующему человеку, а я лег на спину, вытирая пот со своего лица. Через несколько минут Дэн обернулся и шепнул мне, чтобы я держал руки ладонями вверх. В одну руку он опустил несколько обезболивающих таблеток, добавив:

— Прими сейчас это.

В мою другую руку он положил таблетку антитоксина:

— Если чувствуешь себя плохо, возьми это.

Я проглотил их все, и минут через двадцать почувствовал себя лучше. Скоро поднимется солнце, и когда это произойдет, я должен нормально работать.

Ранний свет озарил небольшую деревню из восьми хижин, притулившихся на дальней стороне большого, сухого рисового поля и плотную пелену тумана чуть дальше в ста ярдах от них. Пока я вглядывался в деревню через свой прицел, она казалась безлюдной, за исключением пары буйволов, стоявших в загоне на одной из окраин. Буйвол не может запереть себя в загоне, так что я знал, что в округе кто-то есть. Внезапно, без предупреждения, от хижины отделились трое молодых вьетнамцев, убегая со всех ног по направлению к туману. Послышался че-то вскрик:

— Снайпер, ты можешь их видеть?

Конечно, я мог их видеть, это моя работа, и то, что я увидел, было отнюдь не Вьетконгом.

— Оружие? — спросил я Дэна, который наблюдал через бинокль.

— Ответ отрицательный, — ответил он.

— Подтверждаю, огня не открывать, — произнес я, думая, что они, возможно, были уклонистами или дезертирами АРВН. Секунду спустя они исчезли в тумане. Сразу после этого весь ад вырвался на свободу. Все морпехи, кроме управления роты, ломанулись к деревне, крича и стреляя. Шкипер и ганни тщетно пытались отозвать людей назад, но их голоса потонули в грохоте более ста стволов автоматического оружия. Два лейтенанта задержались позади своих взводов, наклонившись, чтобы взять камни, или что-нибудь, чем они могли бы бросать в своих людей. Один даже швырнул в них свой пистолет .45-го калибра, но все было бесполезно — кое-кто собирался сполна отплатить за все ловушки предыдущей ночи. Более ста человек заполнили деревню, забрасывая по две или три гранаты одновременно в каждый бункер и хижину. Через пять минут все было кончено, и управление роты медленно двинулось в деревню. Мы с Дэном шли сзади, я отдал ему свою снайперскую винтовку и использовал его М-14 как трость, чтобы немного снять нагрузку с ноги. Я оказался совершенно не готов к тому, что мне открылось после того, как мы вышли на окраину деревни. По всему поселению были разбросаны тела шестнадцати женщин и детей. Один из «ворчунов» прислонил

тело девяти или десятилетней девочки к столбу, положил сигарету в детский рот, и фотографировал ее. Моим первым порывом было пристрелить этого парня.

Все и вся в этой деревне было мертво. «Дьявол, — подумал я, — они убили даже кур». По мере того, как я хромал между хижинами, я больше поражался, как все эти приличные парни, все эти настоящие американцы, оказались способными на такой поступок. Когда я добрался до дальнего края деревни, буйволы были мертвы. Один лежал на боку, изрешеченный пулями, другой, со связанными ногами, стоял неподвижно, прислонившись к одной стороне загона. Подойдя к комендор-сержанту, я спросил его, что он думает. Он покачал головой и пошел прочь, чтобы побыть в одиночестве. Я сделал то же самое. Шкипер неистовствовал, заставляя людей рыскать в округе в поиске каких-либо признаков ошибочного артиллерийского огня, на который можно было бы «перевести стрелки» за случившееся. Удивительно, но некоторые бойцы обнаружили недалеко от деревни полтора десятка старых минометных воронок, и этот вопрос для капитана был закрыт. Больше я никогда не слышал об этом инциденте, но мое убеждение в нашем моральном превосходстве над противником было окончательно разрушено.

***

*Снайперы-разведчики,
Операция «Каньон “Пайпстоун”»,
30 мая 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Давай я просто расскажу тебе о том, что произошло за последние двадцать четыре часа. Мы снова переместились. Вчерашний день прошел без происшествий, за исключением того, что нас обстрелял один из наших ударных вертолетов. Прошлым вечером мы стояли и наблюдали за работой в районе бомбардировщиков В-52. Они сбрасывали то, что, как мы полагали, являлось 500, 750 и 1000 фунтовыми бомбами и находились на удалении не менее двух миль от нас, что достаточно близко.

В течение последних нескольких дней периодически шел дождь. Я спустился к реке, и впервые за полторы недели побрился и помылся. Несомненно, мне было это необходимо.

Если я хочу отправить это письмо следующей «птичкой», то мне лучше заканчивать. Передавай всем привет и береги себя. Со мной все будет в порядке.

*С любовью,
Джо*

P.S. Название операции, в которой мы участвуем — «Каньон “Пайпстоун”».

***

29 мая, сумерки. Мы с Дэном вернулись к роте «D», как только она подошла к большой поляне с тремя хижинами, которые выглядели подозрительно заброшенными. Признаком того, что нам надо быть осторожными, было отсутствие каких-либо домашних животных и готовящейся на огне пищи. Первое отделение двинулось вперед и

начало в правильном порядке зачищать каждый бункер, выкрикивая пару раз: *Лай дай!* — перед тем, как бросить туда осколочную гранату М-30. Затем морпехи делали шаг в сторону и смотрели, не вылетит ли граната обратно. Потом на поляну вышло управление роты. Из бункеров все еще валил дым, но я заметил кое-что другое — отдельно стоящую хижину в двухстах ярдах от нас, находившуюся прямо на конце небольшого заросшего выступа, выходявшего на большой открытый участок. Ее занятие позволило бы нам с Дэном получить хороший обзор на три тысячи ярдов в трех направлениях. Чтобы выдвинуться туда, я собрал огневую группу.

— Осторожнее там, — напутствовал нас шкипер.

Мы отправились в путь, не зная, что в это же время из одного бункера вытащили раненого вьетконговца. И совсем не важно, что был только один раненый, — у нас было боестолкновение с противником, и вскоре над нами загрохотал ударный вертолет «Кобра», чтобы обеспечить прикрытие для санитарного вертолета, запрошенного для эвакуации раненого.

Мы впятером отошли от основных сил роты, но все время оставались на связи. Обыскав хижину, мы нашли только двух *мама-сан* (пожилых женщин) и свинью, и уже начали было продвигаться на господствующую позицию, которую я заприметил, как вдруг на высоте 150 футов над нами пролетела «Кобра», развернувшись затем в двухстах ярдах от нас на 180 градусов, и зависая неподвижно. Мы помахали вертолетчикам, и я сказал радисту, чтобы он связался с ними, чтобы обозначить, что мы свои. «Кобра» приняла атакующее положение, которое, как мы часто наблюдали, использовалось против вражеских позиций, только на этот раз целью были мы.

Радист не успел связаться с вертолетом до того, как он хищно клюнул носом, изготовившись к атаке, и тут-то мы поняли, что находимся в полнейшей заднице. Вертолетчики открыл огонь из пушки и НУРСов.

Мы оказались отрезаны от бункера в хижине, и нашим единственным укрытием стала небольшая выемка пяти футов в ширину и максимум трех футов в глубину. *Мама-саны* вбежали в свой бункер, тогда как мы впятером забились в эту маленькую дыру. Это было весьма хреноватое укрытие, скажу я вам, особенно когда над нами свистели пули с темпом 6000 выстрелов в минуту. Земля вибрировала от попаданий, некоторые из которых были очень близко к нашему укрытию. Свинья, стоявшая в нескольких футах от нас, упала, наспигованная пулями. Первые два реактивных снаряда врезались в крышу хижины, оставив там огромные дыры, а остальные хаотично накрыли весь участок. Мы все знали, что скоро умрем. И каждая секунда казалась вечностью.

Из-за грохота радиста не было слышно, и было всего лишь вопросом времени, когда пушка выстрелит прямо по нам. Секунды тянулись медленно, даже медленнее, чем мы покрывались грязью, летящей от попаданий пуль. Через минуту «птичка» прекратила пальбу, благодаря радисту из роты, докричавшегося до нее.

В полной тишине и в полнейшем ошеломлении мы поднялись на ноги, изумленно глядя друг на друга. Земля вокруг нас была взрыхлена так, будто кто-то подготовил ее для посадки сада.

Тут момент созерцания был прерван вышедшим с нами на связь летчиком, который, как ни в чем не бывало, произнес:

— Я дико извиняюсь! Есть пострадавшие?

Тут нашего радиста порвало:

— Ну, что ты, братишка, ни одной ебучей царапины! Ты чертовски хреновый стрелок!!! — и на этой мажорной ноте он выключил рацию.

У *мама-сан* случился припадок из-за их павшей свиньи, поэтому нам пришлось оттащить ее в хижину. Они разрезали у нее горло и собрали кровь в большую глиняную миску, чтобы затем сварить ее с сахаром и превратить в конфеты, считавшиеся тут деликатесом. Ни одна из частей животных не должно было тратиться впустую. Я отказался от предложения остаться на конфеты, но взял горсть печенья, сделанного из тонко нарезанных кусочков испеченных кукурузных початков. После возвращения в роту, я их распробовал и понял, что печеньки эти очень даже ничего.

В то время как мы присоединились к основным силам, на горизонте появилась санитарная «птичка». Я увидел, что вьетконговец сидит на земле, с осколочными ранами в ноге и голени. Его глаза налились кровью из-за сотрясения, и он говорил так быстро, что я не смог понять ни слова из того, что он говорил.

Внезапно те шестьдесят секунд абсолютного ужаса превратились внутри меня в ярость. Я взял в руки снайперскую винтовку, снял с предохранителя и сунул дуло к кончику его носа. «Разве не из-за этого куска дерьма мы сейчас чуть не сдохли?» — спрашивал я себя.

Если до этого он просто тараторил, то сейчас внезапно начал рассказывать мне всю историю своей жизни. Лейтенант, видя, что происходит, подошел и стал рядом со мной:

— Здесь всем на него наплевать, но уж больно он словоохотлив, и разведка хочет, чтобы он остался живым.

Все мы ходили по натянутому канату, со здравым смыслом по одну сторону, и безумием — по другую, и в тот момент я очень близко подошел к опасной черте. По крайней мере, мой палец уже давил на спусковой крючок силою в два фунта, тогда как шептало затвора срывалось при усилии 2,8 фунта.

Рота организовала позицию на ночь в деревне, а мы с Дэнном сидели сверху бункера, и, испытывая искупительное мщение, наблюдали, как В-52 утюжат соседнюю деревню перед нами.

Когда мы рано утром вошли в район, подвергшийся бомбардировке накануне вечером, предрассветная дымка еще не полностью разошлась. Не нужно было обладать развитым воображением, чтобы понять, что мы только что вышли на поверхность другой планеты. В полосе шириной несколько сотен ярдов по обе стороны от нас, и на протяжении двух миль перед нами не осталось никаких сооружений или какой-либо растительности. Район был испещрен воронками сорок шириной от сорока до семидесяти футов и глубиной не менее 30 футов. Силой взрывов все в округе сравняли и перемешали с землей и грязью, выброшенными из воронок. Ветром относил дым от чего-то, что все еще горело на дне некоторых из них. Пока мы более часа продирались между ямами, один из «ворчунов» попытался пошутить:

— А что, если бы у гуков были В-52?

Но никто не засмеялся. А что, если бы они действительно у них были?

***

*Снайперы-разведчики,
Операция «Каньон “Пайпстоун”»*

1 июня 1969 г.

Дорогая мамочка,

Извини за мокрую бумагу, последние три дня постоянно шел дождь. Это так жутко, — пытаться заснуть в трехдюймовой грязи. Я не получал почту уже четыре дня, и каждый день надеюсь, что она прилетит ко мне с транспортной «птичкой». Но ее все нет и нет.

Вчера нам с Дэном сказали, что один из нас будет отправлен в тыл. Нам назначили нового первого сержанта, и он кое-что у нас поменял. Там решили, что рядовые первого класса теперь не должны носить снайперскую винтовку, так что, судя по всему, мне придется уступить. Полагаю, что узнаю об этом в ближайшее время. Сейчас мы стоим вдоль реки и блокируем рубеж для сил прочесывания, идущих в нашу сторону.

Добро, мам, буду заканчивать. Вертолет прилетит через час, а я хочу еще написать Лауре. Береги себя и передавай привет бабуле.

*С любовью,
Джо*

***

Первая линия прочесывания добралась до нас в виде батальона АРВН, и по правде говоря, увидев нас, они начали стрелять. Мы попали под огонь из стрелкового оружия и минометов, и шкипер, вызвав их командира по радио, не стал тратить время попусту, а сразу приступил к делу:

— Если немедленно не прекратите огонь, банда обозленных морпехов разгрузит по вам весь свой боезапас!

Они вышли из боя в большой спешке и остановились на противоположном берегу реки, — ближайший рубеж, разрешенный шкипером.

Мы так долго несли на себе основную тяжесть войны, что южные вьетнамцы либо разучились воевать, либо потеряли волю к борьбе. Было несколько частей АРВН, обладавших дисциплиной и мужеством, но определенно, они были исключением, а не правилом.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
2 июня 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Мы с Дэном вернулись в Ан-Хоа вчера, и там меня ждали посылки и куча почты. Это было похоже на Рождество со всеми его подарками. Я, конечно, ценю все, что ты прислала.

Что касается новостей, то тут вот в чем дело. Я уже упоминал в предыдущем письме, что рядовой первого класса не может больше носить снайперскую винтовку. Но мой командир отделения сказал, что я делаю хорошую работу, и что я могу оста-

вить свою винтовку при себе, так что я по-прежнему командир снайперской команды. Завтра ухожу на операцию и буду отсутствовать до первых чисел следующего месяца.

Хочу ответить на твои вопросы. Рота «Дельта» — это рота «D». Для ясности мы используем фонетический алфавит, так что рота «С» — это рота «Чарли», рота «В» — рота «Браво», ну и так далее. Рота «Дельта» входит в состав 1-го батальона 5-го полка морской пехоты. Сокращенно это обозначается как D1/5. Мы стараемся находиться с ротой «Дельта» как можно больше, но в полку много рот и мы работаем с большинством из них. Мне нравится рота «Дельта». Она меньше по численности, чем большинство рот, но она одна из лучших. Эта рота обычно там, где происходит основная работа.

Да, фурункулы на лице и шее прошли. У нас, как правило, много солевых таблеток. Обычно их носят медики и у меня есть немного своих собственных.

Быть командиром снайперской команды означает, что я отвечаю за своего напарника, когда мы выходим на «свободную охоту» или на патрулирование. Также я руковожу отделением, огневой группой или взводом, который идет с нами в качестве прикрытия.

Конечно же, присыпка для ног пригодится, а белые хлопчатобумажные носки окажутся очень в тему. Здесь идет постоянная борьба за то, чтобы содержать ноги в хорошем состоянии.

С сожалением узнал новости о Нике. Никто не знает, что у него, — он подхватил заболевание, для которого здесь даже нет названия.

Лучше буду заканчивать. Прилагаю денежный перевод и несколько фотопленок, которые нужно проявить. Я служу здесь третий месяц. Два уже прошло и еще одна-дцать впереди.

Как я уже сказал, завтра ухожу обратно в джунгли, так что особо не волнуйтесь, если почта немного задержится.

*С любовью,
Джозеф*

***

Рота «Дельта» была несколько необычным подразделением, так как в ней было около 150 человек, — на 95 человек меньше, чем в большинстве других рот, но все морпехи отличались высокой дисциплиной и были готовы надрать задницу любому. Шкипер хорошо относился к своим людям и пользовался их уважением. После одного особо изнурительного усиленного марша на несколько «кликов», мы остановились в заброшенной деревне без воды и пищи. Предполагалось, что в деревне нас встретит «птичка» с припасами, но из-за какого-то косяка она задержалась почти на четыре часа, и когда наконец прибыла, один из «ворчунов» взял ящик с пайками и отправился в хижину к ротному. Я слышал, как тот рывкнул внутри:

— Убирайся отсюда, я буду есть только после того, как примут пищу все остальные.

Это был первый и последний раз, когда я услышал, как он кричит на кого-то из своих людей.

Каждый день я подавал шкиперу свои соображения по ведению «свободной охоты» или патрулированию, и он либо немного изменял положение дел в роте, чтобы приспособиться к моим планам, либо направлял мое мышление в иную сторону. И такой образ действий неизменно оказывался практичным и эффективным.

Ротный комендор-сержант во многом напоминал своего шкипера. Быть ротным «ганни» в Корпусе морской пехоты — задача очень сложная. Он является своеобразным посредником между морпехами и ротным и несет ответственность буквально за все, начиная от получения новых батарей для радиостанций и заканчивая разрешением споров.

Рота «Дельта» была сродни одной большой семье, и в ней я всегда чувствовал себя более комфортно, чем в большинстве других рот. Наверное, отчасти это было из-за того, что «Дельта» была небольшим подразделением, и хотя снайперы в ротах обычно старались близко ни с кем не сближаться, в этой роте это было особенно сложно делать. Потерять человека здесь было равносильно тому, что потерять члена семьи. И не важно знал ли я его или нет, это всегда было очень тяжело.

***

*Снайперы-разведчики,
о-в Гоу-Ной,
9 июня 1969 г.*

Дорогая мамочка!

Постараюсь закончить до прибытия «птички». Мы все еще на острове Гоу-Ной, операция идет полным ходом. Здесь находится часть подразделений 7-го полка, 26-го полка, 5-го полка, 101-й воздушно-десантной дивизии, южнокорейские морпехи, а также подразделения АРВН.

Прошлой ночью на нас напали, и утром, когда мы прочесали этот район, то обнаружили мертвого бойца НВА. В нашем подразделении потерь не было. Завтра прочесывание продолжится.

Подразделение Дейва в этой операции не участвует, но я получил от него весточку, — он сообщил, что участвует в операции возле «Додж Сити», который находится недалеко от Ан-Хоа. Надеюсь, с ним все в порядке. С него уже довольно Вьетнама, в общем, как и с меня.

Видел ли я Поузи? Я писал Лауре о том, что с ним произошло. Он наступил на мину-ловушку и потерял обе ноги и руку, и к тому же поймал много осколков. Наверное, сейчас он в Штатах. Отправляю с письмом еще больше фотопленки. Большинство фотографий на ней я делал с вертолета.

Ладно, мам, буду заканчивать, чтобы успеть отправить тебе письмо.

*С любовью,
Джозеф*

***

Во время прочесывания, крупные силы, численностью не менее роты или батальона, разворачиваются и двигаются длинной цепью, вытесняя противника на силы бло-

кирования, стремясь, таким образом, словить его в смертоносный «огневой мешок». На острове Гоу-Ной прочесывание редко когда заканчивалось чем-либо подобным, за исключением одного случая. Тем утром, 16 июня, мы обеспечивали блокирование для роты южнокорейской морской пехоты, когда корейцы обнаружили несколько сотен солдат северовьетнамской армии.

Плотные джунгли не позволили нам наблюдать за боем, но мы могли его слышать. Бой был яростным, и мы старались следить за всеми событиями по радио. Спустя час после первого боестолкновения, и не наблюдая никаких признаков того, что противник отходит в нашу сторону, наш шкипер вызвал по радиостанции командира южнокорейцев и предложил нашу помощь, поскольку мы находились от них всего в нескольких минутах.

— Нет, спасибо, — ответил тот.

— Надеюсь, он знает, что делает, — сказал шкипер, повесив трубку. Прошло еще два часа, мы продолжали слушать ожесточенную перестрелку в джунглях, вне нашего поля зрения. У противника был только один путь к отступлению, и он вел прямо к нам. Но где же он? Наконец, бой стал стихать и воцарилась тишина. Никаких признаков вражеских войск. Через несколько минут тайна была раскрыта, — южнокорейский ротный вышел в эфир и на ломанном английском сообщил:

— Противник уничтожен.

И это было еще мягко сказано. Они застали роту северовьетнамцев врасплох и в непрерывных лобовых атаках, которые бы сделали честь любому подразделению морской пехоты, уничтожили такое же количество вьетнамцев. Ни один вражеский солдат не смог отойти к нашей блокирующей позиции. Корейцы не брали пленных, и когда их командир сказал, что противник уничтожен, он имел в виду именно это, — последний пересчет тел, который я слышал по радио, оканчивался на цифре двести. Также погибло одиннадцать корейцев.

Однажды один из «ворчунов» сказал мне:

— Никогда не связывайся с корейцами.

На тот момент я не знал, что он имел в виду. Я слышал, что они даже не потрудились натянуть колючую проволоку вокруг своей базы в Дананге. Несмотря на свою жестокость в бою, корейцы были вполне способны к состраданию и обладали чувством человеческого достоинства столь же сильным, как и их способность вести войну. Я испытывал перед ними благоговейный страх, и без сомнения, «Чарли» тоже.

Операция «Каньон “Пайпстоун”» проводилась силами множества различных подразделений, тыл и снабжение были огромными, и укоренившаяся гордость морских пехотинцев иногда должна была отходить на второй план. При медицинской эвакуации с посадочной площадки, вертолеты морской пехоты имели склонность кружиться высоко над головой до тех пор, пока не подавляли вражеский огонь с земли. В сухопутных войсках это делалось по-другому. Армейские вертолеты шли прямо над верхушками деревьев, резко и быстро, часто снижая скорость настолько быстро, что задний рулевой винт почти бил по земле. Они могли подсаживаться на площадку и уходить с нее прежде, чем «Чарли» успевали взять их на прицел. Поэтому по возможности мы использовали армейские санитарные вертолеты.

После одной из перестрелок, в которой у нас появилось несколько раненых, высоко над площадкой стал кружить наш санитарный борт. По нам все еще вели спорадиче-

ский огонь из стрелкового оружия, и пилот вертолета все не садился. Мы тратили драгоценное время, а радист продолжал передавать, что у нас есть тяжелораненые. Наконец ему это надоело — он вызвал борт и сообщил пилоту:

— Если ты сейчас не сядешь и не заберешь этих парней, то можешь забыть о гухах, потому что мы сами прострелим ваши задницы.

После этого вертолетчики быстро приземлились и подобрали раненых. Странная война. Я только что услышал, как ланс-капрал отдал приказ майору и воочию наблюдал, как он выполнялся.

Военно-воздушные силы обеспечивали непосредственную авиационную поддержку, время от времени сбрасывая свой смертоносный груз менее чем в двухстах ярдах от наших собственных позиций и зачастую храбро встречая губительный огонь противника. Бесчисленное количество раз это выручало нас в трудных ситуациях. Однажды я был с отделением в патруле, и мы попали в засаду, должно быть, не менее роты НВА. Нас вжали огнем в двухфутовую грязь за насыпью рисового поля, и нам срочно требовалась быстрая и интенсивная огневая поддержка. Я вызвал авиацию, и через несколько минут над нами появился «Фантом» с зажигательными бомбами, прошедший так низко и быстро, как никакой другой самолет, который я видел во время бомбардировки. Быстрый радиообмен с пилотом подтвердил, что он находится на правильном курсе и имеет точные координаты, что было чрезвычайно важно, так как мы находились, в лучшем случае, в 150 ярдах от противника. Он выпустил НУРСы, а затем разгрузил на цель весь груз напалма. Через пятнадцать секунд он скрылся из виду.

Вся последовательность действий заняла меньше минуты, но за это короткое время он полностью подавил весь вражеский огонь. Потом я вызвал артиллерию, чтобы прикрыть наш отход к роте, и собирался связаться с летчиком, чтобы поблагодарить его за работу, но он уже разговаривал с авиадиспетчером авиабазы Дананга, спокойно описывая «небольшую» проблему, которая у нас возникла. Он шел так низко, что одним из своих воздухозаборников втянул верхушки некоторых деревьев, однако смог добраться до Дананга и благополучно приземлиться. Я попросил диспетчера выразить ему нашу признательность.

Я находился на войне всего два месяца, но почти каждый день узнавал о гибели или ранении кого-то из моих друзей со Штатов и из парней, которых просто встречал во Вьетнаме.

***

*Снайперы-разведчики,
о-в Гоу-Ной,
13 июня 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Ну что ж, прошел еще один день. Дождь перестал идти каждый день, поэтому сейчас стало еще жарче. И сейчас, когда сижу и пишу это письмо, я потный настолько, будто на меня вылили ведро воды.

Вчера получил твое письмо. Не переживай, письма я получаю всегда, просто иногда с задержкой.

Мы все еще стоим на острове Гоу-Ной, и не знаю, как долго мы еще здесь пробуем. Слышал, что нас собираются на день или два вернуть в Ан-Хоа, а затем отправить в «Аризону». Пожалуйста, не волнуйся, если меня туда отправят. В любом случае от снайпера там больше толку. Нам только что дали команду выдвигаться, так что побегу собирать свое снаряжение. Напишу, как только появится время.

16 июня 1969 г.

Как видишь, мам, мне понадобились целых три дня, чтобы закончить это письмо. Мне кажется, что их цель была заставить нас пройти ногами каждый квадратный фут в Гоу-Ной. Мы закончили только что.

Несколько дней назад я отправил тебе фотопленки и кое-какие вещи. Дай мне знать, когда их получишь.

Ну, что тебе сказать, эта говёная страна, наконец, начинает меня доставать. На левой щиколотке меня появилась угревая сыпь, и наш санитар дал мне какую-то мазь. Скорее бы это прошло, потому что я чешусь как сумасшедший. В течение четырех дней у нас не было нормальной воды, соответственно ни помыться, ни побриться. Разумеется, вонь от нас идет просто ядреная, а когда от меня несет, меня это удручает. Впрочем, скоро нам должны доставить питьевую воду.

Мама, не могла ли ты отправить мне в следующий раз тюбик цинковой мази?⁶⁰ Мой нос так обгорел на солнце, что кровоточит каждый раз, когда я его касаюсь или тру.

Буду закругляться, черкану еще пару писем. Не принимай все слишком близко к сердцу.

*С любовью,
Джо*

P.S. Извини за грязную бумагу, — только что приземлилась «птичка» и все нафиг сдула.

***

Первое, что я делал, когда наша рота располагалась на месте, так это сооружал из двух пончо небольшое укрытие, и снимал с себя мокрые ботинки и носки. Пот, постоянные переходы через ручьи и рисовые поля делают невозможным содержание своих ног в сухости на протяжении более-менее длительного времени. Я скрупулезно следил за состоянием своих ног, но здесь все оказалось безрезультатным.

На острове Гоу-Ной я подхватил тяжелую форму дерматомикоза и тропической язвы, которая началась с моих щиколоток. Наш санитар попытался справиться с болячкой на месте, но мне становилось все хуже и язвы распространялись по всему телу. Как бы мне не хотелось идти в тыл, но, к сожалению, я проигрывал эту небольшую личную битву с бактериями.

Спустя очень короткое время мои ноги, туловище и руки оказались покрыты ярко-красными пятнами размером от десятицентовика до трех дюймов в диаметре. К

---

⁶⁰ Мазь с оксидом цинка, всем известное с детства средство против раздражения кожи.

шестнадцатому июню я чесался как угорелый, не имея никакого покоя. На следующий день, когда я посмотрел в зеркало для бритья, то увидел, что вся эта хренотень уже распространилась по всему моему лицу и скальпу. То, как я держался, побудило Дэна собрать нас обоих в рекордное время, а я пока отправился поговорить со шкипером. Я выглядел так, будто меня потрепал большой осьминог, и когда шкипер увидел меня, все что он смог сказать, было:

— Вот дерьмо, Уард, как тебе это удалось?

Утренним рейсом на «птичке» меня с Дэном отправили обратно в Ан-Хоа.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
20 июня 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Маленькое дополнение к фотопленке. Я буду в Ан-Хоа до тех пор, пока не вылечу эту хрень на ногах и щиколотках. Док говорит, что это стригущий лишай и грибок. Ох, мама, ты бы начала чесаться только взглянув на меня.

Надеюсь, ты можешь прочитать мое письмо, хотя написано оно довольно коряво. Прошлой ночью мне пришлось постоять в боевой линии, и я вообще не сомкнул глаз, потому как мы должны были быть в полной боевой готовности. Постараюсь чуть подремать после того, как напишу несколько писем. Сегодня нас заставили стричься. Я предпочел бы остаться в джунглях, здесь все так мелко.

Ты хотела узнать больше о Пуузи. Я спросил санитаря, который оказывал ему помощь, попали ли какие-нибудь осколки ему в живот или лицо, и он ответил, что нет. По крайней мере, это уже большой плюс.

Добро, мам, буду заканчивать свое письмо. Я положу в него несколько фотографий отсюда. Большинство из них — это остров Гоу-Ной, несколько авиаударов и все такое. Береги себя.

*С любовью,
Джо*

***

Несомненно, самый распространенный вопрос, который задавался парнем, который услышал о ранении своего друга, особенно если тот подорвался на мине-ловушке, звучал так: «Получил ли он ранение в живот?»

Я считал, что у санитаров была самая суровая работа в мире. Они спасали людей, зная, что отныне их жизнь разрушена навсегда. Это на самом деле правда, что умирающие солдаты хотят поговорить со своими матерями. Если они, конечно, могут говорить. Санитары и стали их суррогатными матерями и сидели рядом с этими умирающими людьми, тихо разговаривая, когда они уходили.

***

Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
28 июня 1969 г.

Дорогая мамочка,

Я, конечно, отстал в своем писательстве. Только что вернулся из Дананга, где провалялся четыре дня в военно-морском госпитале. Когда я прибыл в Ан-Хоа с этим грибокком, у меня развилась вторичная инфекция на ногах и щиколотках. Все было настолько плохо, что я едва мог ходить, поэтому было решено отправить меня в госпиталь, где все стерильно и я мог бы воздерживаться от ходьбы. Меня хотели эвакуировать санитарным вертолетом, но я сказал, что полечу на плановой «птичке», за что попросил прощения. К тому времени, как я попал в госпиталь, из моих носков можно было отжимать кровь.

Когда меня увидел доктор, он воскликнул:

— Боже мой, ты что делал, ходил на носках?

Неожиданно состояние моих ног стало улучшаться, и через три дня я снова стал ходить.

Ну, во всяком случае, сейчас я сижу на лекарствах и у меня облегченный режим службы. Ты постоянно спрашиваешь, что мне отправить. То, что ты отправляешь сейчас, — все это здорово. Сублимированные супы и несколько консервированных продуктов, таких как фрукты и сардины. Думаю, Лаура сейчас уже начала занятия в школе. Если ей нужны деньги, дай мне знать. Я смог отложить около 500 долларов, и если надо, я обязательно ей помогу.

Мне присвоено звание ланс-капрала. Я не очень парюсь по поводу звания, но дополнительные 20 баксов в месяц не помешают.

Ты спрашивала, употребляем ли мы речную воду. Да, пьем. Она грязная и наверно не стоит говорить, что в ней обитает, но она мокрая, а это самое важное.

Добро, мама, должен еще успеть написать письмо Лауре, прежде чем отправиться в лазарет. Не волнуйся, я иду на поправку.

*С любовью,
Джо*

***

Спустя несколько дней в Ан-Хоа, проведя большую часть времени на своей койке с поднятыми ногами, стало ясно, что грибок распространяется все больше и больше. Боль в моих ногах была просто убийственной, щиколотки были настолько заражены, что я не мог выносить ощущение крови, приливающей к ним. Я удерживал мочу как можно дольше, придумывая при этом различные способы, как бы это получше делать в уборной. Когда я больше не мог сдерживаться, то просто садился там на задницу. Два дня я пытался мочиться, прыгая с одной ноги на другую, поднимая поочередно каждую ногу до ягодиц, пытаясь предотвратить прилив крови. Чернокожий морпех, который отливал рядом со мной и наблюдал за моими сумасшедшими выкрутасами, произнес:

— Отличный ритм, бро!

Врач в полевом лазарете решил, что мое состояние слишком хреновое, чтобы лечить меня на месте, и договорился о санитарном вертолете, чтобы доставить меня в госпиталь в Дананг, однако я решил полететь 24-го июня на плановой «птичке», вылетающей по расписанию.

В военно-морском госпитале было очень холодно. Это делалось для того, чтобы свести к минимуму распространение инфекции. После интенсивной процедуры вымачивания, уколов и намазывания меня отвратительной желтой мазью, мое состояние стало улучшаться. Я совсем перестал носить зеленую военную униформу и попросил маму прислать мне, по меньшей мере, сотню пар белых хлопчатобумажных носков. Моя мама, оба брата которой воевали в южной части Тихого океана во время Второй мировой войны, прекрасно знала, что отправлять в этих бесценных посылках — белые носки, карамель, пакеты сублимированного супа, и «Кулэйд», чтобы перебить привкус местной воды.

В такой влажной стране было очень трудно найти нормальную питьевую воду. Деревенские жители облегалась на рисовых полях, реки постоянно имели темно-коричневый цвет от донных отложений, вымываемых течением, и обычно в них водились пиявки. Даже если река была почти черной от донного ила, человек залезал в нее, чтобы наполнить флягу и смыть грязь войны. Когда появлялась такая возможность, вертолеты доставляли пресную воду в пятигалонных пластиковых контейнерах, но этого едва хватало.

Однажды во время операции «Каньон “Пайпстоун”» рота передвигалась вдоль реки, и после нескольких дней без мытья я не смог удержаться от соблазна раздеться и прыгнуть в воду. Пока я пил воду, как животное и наполнял фляги, Дэн нес охранение на берегу выше по течению. Вскоре он вернулся и сказал:

— Думаю, тебе лучше пойти и посмотреть на это.

Я вылез на берег и последовал за ним примерно тридцать ярдов вверх по течению к месту, где река делала небольшой поворот. Там лицом вверх плавал мертвый вьетконговец. Тело было обнаженным и раздувшимся раза в два. Ему отстрелили гениталии, и он, судя по всему, умер ужасной смертью. Внезапно весь окружающий меня мир сконцентрировался на двух голых мужчинах: один живой стоял на берегу, а другой плавал в воде мертвым. «Вот ублюдок, — подумал я. — Ты вернулся из мертвых, чтобы отомстить, не так ли?» Меня тут же вывернуло наизнанку. Личная гигиена здесь была такой же сложной штукой, как и борьба на войне.

Если бы чистоплотность была сродни благочестию, то мы со Всевышним потусовались бы в один из дней, когда проходили мимо дружественной деревни. Три предприимчивые молодые женщины спешно организовали бизнес вблизи местного колодца — за коробку пищевого рациона «С» парень мог приобрести себе купание в чистой колодезной воде. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Так быстро я не сбрасывал свой рюкзак даже в перестрелке. Выхватив из него две коробки с пайком, я быстро дернул туда!

Ганни, всегда наблюдавший за своими людьми, захотел узнать, что, черт возьми, я делаю.

— Завоевываю умы и сердца, сержант! — крикнул я, бросившись к колодцу. Какая удача — я оказался первым, и отдал пайки одной из девушек. Она поклонилась и передала их ребенку, который убежал с ними в деревню. За несколько секунд она сняла

с меня всю одежду и начала мыть меня с головы до ног. Самая молодая женщина принесла в деревянных ведрах воду и вылила ее мне на голову, хихикнув, когда холодная вода перехватила мое дыхание. Булыжники, отполированные бесчисленными ваннами, принимаемыми там жителями деревни, успокаивали мои усталые ноги.

Это были исключительно приятные ощущения, настоящее удовольствие от чистоты. Я на несколько минут абсолютно выпал из войны, и вернулся только тогда, когда кто-то крикнул: «Эй, снайпер, поторопись!» Очнувшись, я увидел очередь из приблизительно тридцати человек, державших в руках коробки с пайками.

Я видел, как очередь растет, в то время как сам уселся на камень и начал переодеваться в чистую униформу. Рота остановилась, и шкипер понял, что нужно дать событиям идти своим чередом. В этом случае, чтобы остановить роту морских пехотинцев, не нужны были пули, а понадобились всего лишь три классные девки.

До конца дня мы снова были грязными, но только не тут, не сразу. Благодаря наставлениям Ли Оута, я зачастую мог, по крайней мере, заглянуть, а иногда и приобщиться к культуре, обычаям и удовольствиям которой насчитывают тысячелетия, и которые часто ошарашивали наш западный образ мыслей. Очень трудно было преодолеть туман смерти и разрушения, чтобы познать красоту этой земли и людей, живущих на ней, но это можно было сделать. По мере того, как продолжалась моя служба, я не только научился использовать многие привычки вьетнамцев, но и часто находил, что больше знаю их, чем своих собственных людей.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
5 июля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Лучше поздно, чем никогда. С днем рождения! Все, что могу сказать, — запиши на свой счет событие, который я должен компенсировать, когда вернусь. Надеюсь, у тебя был хороший день, я просто хотел бы сделать его еще лучше.

Получил твои письма с фотографиями. Ты говоришь о том, что я худой, а у тебя самой остались кожа да кости. Уверена, что чувствуешь себя хорошо?

Мне не нравится то, что ты сидишь дома и то и дело беспокоишься обо мне. Я бы чувствовал себя намного лучше, зная, что ты пользуешься всеми шансами и делаешь все, что тебе хочется. Жизнь слишком драгоценна, чтобы тратить ее впустую. Высылаю тебе деньги. Назовем их «Поздний подарок на день рождения».

Есть другая вещь, о которой я думаю. Если по какой-либо причине тебя уведомили, что я ранен, пожалуйста, оставайся спокойной. Скорее всего, какой-то морской пехотинец придет к тебе лично. Один из моих друзей снайперов был ранен около двух недель назад, и у его матери случился сердечный приступ, когда она увидела, что двое военных идут к ее дому. Ей уже лучше, но ты должна сохранять хладнокровие. Да и кроме того, я не собираюсь получить ранение.

Ты говоришь, что на фотографиях я мало улыбаюсь. Возможно, это правда, но не думай, что это всегда так. У нас тоже бывают хорошие времена, просто они выпадают не очень часто. Когда мы возвращаемся из джунглей в день выплаты жалова-

ня, кто-то обычно приходит с парой ящичков пива, и мы начинаем вести разгульный образ жизни.

Около часа назад нас обстреляли ракетами, и одна из них попала в грузовик с боеприпасами на взлетно-посадочной полосе. Никаких взрывов на земле я не слышал, поэтому предполагаю, что пожар успели потушить.

Не знаю, кто станет моим новым напарником, и не узнаю этого, пока снова не буду готов к выходу в джунгли. О, да, по состоянию на вчерашний день, в нашем взводе усилили меры безопасности, так что придется подождать до моего возвращения, чтобы я мог рассказать тебе о причинах.

На протяжении пяти дней я не получал письма от Лауры. Наверное, у нее сейчас активная школьная жизнь. Очень хочу получить весточку от нее.

Ну что ж, мам, письмо получилось очень словоохотливым. Береги себя.

С любовью,
Джо

***

Кроме снайперской школы в Штатах и в Дананге, мы никогда не виделись и не общались со снайперами из других подразделений. Мы все были молчаливы, ничего не видели и не слышали. В силу необходимости, мы также являлись весьма скрытной группой военных специалистов, каждый аспект существования снайпера был направлен на обеспечение оперативной маскировки. Казалось, временами мы были везде, а в других случаях нас не было нигде. Это сбивает с толку, если не сказать больше, но такой образ жизни нам нравился.

Постоянно действующие приказы определяли, что снайперы не должны общаться с журналистами, и если возникали слухи, что они планируют быть в каком-то районе, снайперы просто исчезали. С такими мерами безопасности, мы стали во взводе чрезвычайно неразговорчивыми. Причиной такой таинственности были, конечно же, рыцари плаща и кинжала (управление контрразведки, составная часть ЦРУ, не путать с управлением уголовных расследований).⁶¹ Репутация нашего подразделения привлекла внимание контрразведчиков, которые спланировали ряд операций, в которых я был вынужден поневоле принять участие.

***

Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
8 июля 1969 г.

Дорогая мамочка,

Отправляю с этим письмом несколько пленок. Большинство снимков сделано в Дананге. Сейчас я в Ан-Хоа. Еще два дня, и я должен буду снова вернуться в джунгли топтать землю. Мне не терпится вернуться в круговорот событий.

---

⁶¹ Управление контрразведки (*Counter-intelligence department*) и Управление уголовных расследований (*Criminal Investigation Division*) обозначаются одинаковой аббревиатурой.

Сегодня утром у нас не было ставшего привычным утреннего ракетного обстрела. То, что «Чарли» ускользнули, стало почти разочарованием. Это не очень большое письмо, но я хотел, чтобы ты знала, что у меня все хорошо.

*С любовью,
Джозеф*

***

«Чарли» понимали, что Ан-Хоа было им не по зубам, но они все еще вели против нас войну нервов, обстреливая базу из ракетных установок и артиллерийских орудий с горного хребта Нун в четырех милях отсюда. Они делали несколько залпов, и уверен, что успевали смотаться до того, как наши большие пушки открывали ответный огонь по хребту. Наряду с потерями, ракеты сильно подрывали боевой дух и мешали повседневному ритму жизни на базе.

Попадание в столовку не только привело к гибели нескольких человек, это также означало, что до ее восстановления мы лишимся пищевых рационов. Яростный удар по водопроводу, идущему на базу, привел к отключению воды в душевых и почти вызвал беспорядки среди парней, желавших помыться, особенно после возвращения из джунглей.

Одновременный свист и взрыв прилетающих ракет и снарядов стали настолько привычным делом, что зачастую мы не удосуживались уходить в укрытия. Обычно они стреляли залпами от шести до десяти ракет, но не было ничего необычного в том, чтобы сделать несколько выстрелов в минуту на протяжении часа или дольше.

***

*Снайперы-разведчики,
«Мост свободы»,
15 июля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Несколько слов о том, как у меня дела. Я вернулся на «Мост свободы» — Дейву Миксу, командиру команды, нужен был напарник, поэтому таким напарником на некоторое время стану я. Потом уже вернусь обратно, получу свое снаряжение, винтовку и нового напарника. С 17-го по 20-е число нам с Дейвом нужно будет работать с ротой «Эхо», нас перебросят туда на «птичке», так как там горная местность. Пока что это все, что мне разрешено сказать.

Сегодня, перед посадкой в вертолет, мне передали письмо. Около часа назад один «ворчун» чистил свою винтовку и случайно нажал на спуск, прострелив другому парню живот. Думали, что он не выживет, пока будет добираться до Дананга.

В последнее время ничего не слышно от Лауры. Но ничего ей не говори. Думаю, она могла бы сделать и получше. Ну что ж, ладно.

Сегодня вечером очень жарко. По радио передали, что в Дананге 85 градусов, так что здесь, скорее всего, все 95 или даже 100 градусов.⁶² Как для 10 часов вечера —

---

⁶² 35-40 градусов по Цельсию.

это просто невыносимо жарко. Я еще нигде не встречал таких чудовищных moskitov, как здесь. Мне кажется, что я сойду с ума, когда приеду домой и увижу летящего комара.

Все, мам, должен бежать. Как всегда, бабуле пламенный привет. Береги себя.

*С любовью,
Джозеф*

***

Когда все мужчины носят огнестрельное оружие, нередки несчастные случаи. Мы с напарником должны были очень внимательно следить не только за собой, но и за остальными, особенно, когда рядом находятся большое количество «Джи-ай».

На высоте 55,0 я с недоумением наблюдал, как два скучавших «ворчуна» играли в скорострел с автоматическим пистолетом «Кольт» .45 калибра, и один из них случайно застрелил другого. В роте «Зулу», 2-го батальона, 5-го полка морской пехоты какой-то неадекват бросил в огонь боевой гранатомет LAW.⁶³ В итоге — два трупа и еще четверо раненых.

Наркотики тоже играют свою роль. Однажды утром на высоте 65,0 я проснулся от суеты в нашей палатке — ночью от передоза героина скончался в своей койке один человек. Мы накрыли его пончо и перешли спать в другую палатку. Проведя всю ночь в палатке с трупом, мы все безотчетно чувствовали себя оскверненными. Потом я задавался вопросом, было ли это каким-то предзнаменованием.

***

*Снайперы-разведчики,
«Мост свободы»,
Операция «Дархэм пик»,
21 июля 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Только что получил почту. Я всегда знаю, что ты напишешь. Если бы не ты, я бы вообще вряд ли бы что-либо получал.

Ты, наверное, думаешь, что у меня не очень хорошее настроение. Думаю, это просто усталость — последние несколько дней были очень насыщенными. Сейчас работаю с ротой E2/5, и на протяжении трех дней мы практиковались в спуске по 150-футовому тросу с вертолета. Сначала все шло хорошо, но через некоторое время мы стали очень уставать. Причиной всего этого является то, что завтра мы отправимся в горы на очередную операцию.

Мы будем первым подразделением, которое там высадится. Вся местность покрыта двойным ярусом джунглей, так что «птички» не могут там даже приземлиться.

---

⁶³ M72 LAW (*Light antitank weapon*) — легкий одноразовый противотанковый гранатомет, принят на вооружение американской армии в 1962 году.

ся. Операция называется «Дархэм пик». Рассказываю тебе это все по одной-единственной причине — пока уйдет почта, мы уже будем там.

От Ника или Дейва никаких вестей. Думаю, у меня больше времени, чтобы писать письма, чем у них.

Снова дождь. Впрочем, все как всегда, каждый божий день, и все это будет длиться минимум пару месяцев.

Здесь стало чуть поспокойнее. Я думаю, что США совершают ужасную ошибку, выводя свои войска. Все, что они делают, — так это дают противнику время, чтобы накопить сил, а после того, как мы выведем достаточное количество войск, они просто придут сюда и возьмут над нами верх. Конечно, некоторые политики не могут упасть лицом в грязь, вернув войска обратно сюда, если ситуация ухудшится. Никакими силами в мире невозможно будет возместить наши подразделения силами АРВН, потому что эта армия просто недостаточно хороша. Не могу отделаться от чувства, что США потихонечку «сливает» Южный Вьетнам, но к тому времени, как они это осознают, будет слишком поздно. Сильно надеюсь, что я ошибаюсь.

По радио мы слышали про космический корабль «Аполлон-11».⁶⁴ Они только что закончили ходить по Луне и вернулись на корабль. Хотел бы я быть на их месте!

Ну добро, мам, пойду, закину это на почту. Бабуле привет. Береги себя.

С любовью,
Джозеф

***

Дейв Микс и я снова работали вместе, Дэйв был командиром снайперской команды. Он был тем самым командиром отделения, который впервые познакомил меня с джунглями. Нам тогда дали весьма паршивое задание — вместе с ротой «Эхо», 2-го батальона, 5-го полка морской пехоты проникнуть в один из районов Центрального Нагорья, которое покрыто очень густой растительностью. Из-за плотных многоярусных джунглей видимость была очень ограничена. При себе мы имели карабин М-14 с установленным прицелом «Старлайт», поскольку обычная снайперская винтовка в таких условиях была практически бесполезна. С самого начала операции у меня возникло дурное предчувствие.

В половину шестого утра 22-го числа было все еще темно, когда мы с Дейвом поднялись на борт одной из пяти боевых «птичек» «Хьюи».⁶⁵ В каждом вертолете было по пять человек: отделение морпехов для огневой поддержки, капитан-ротный, ганни, первый лейтенант, четыре сапера, один радист, один санитар и один скаут Кита Карсона. Все вместе мы не составляли даже половину нормального взвода морской пехоты. Мы должны были застать врага врасплох, если он там был, зачистить район и расчистить посадочную площадку, на которую могла бы высадиться остальная часть роты.

---

⁶⁴ Аполлон-11 — американский пилотируемый космический корабль, в ходе полёта которого 16-24 июля 1969 года жители Земли впервые в истории совершили посадку на поверхность Луны.

⁶⁵ Многоцелевой вертолет УН-1 «Хьюи» («Ирокез»). Один из символов Вьетнамской войны.

После чересчур короткого перелета, мы достигли своей цели — верхушек деревьев высотой около ста футов,⁶⁶ под которыми футах в тридцати располагался еще один ярус джунглей. Когда мы пристегнулись карабинами к тросу и свесились по сторонам «птички», Солнце только начало пробиваться на горизонте. Меня же в тот момент беспокоила только одна мысль — добраться живым до земли.

Если при посадке и присутствовал элемент внезапности, то он как раз нас и поджидал. Как только мы появились из-под верхушек деревьев, стало сразу понятно, что у нас проблемы — мы спускались прямо на головы полнокровной роты НВА, и тут же в ветвях вокруг нас стали взрываться гранаты от РПГ. Наши вертолеты ответили НУР-Сами, большинство которых взрывалось в верхушках деревьев. Осколки летели во все стороны, и у нас сразу же появились потери.

Я ускорил свой спуск, надеясь, что второй ярус деревьев обеспечит некоторую защиту, но под ним оказалось еще хуже. Выстрелы из АК-47 застрекотали подобно миллиону сумасшедших сверчков. Я едва мог контролировать свое падение и, вероятно, сломал бы ноги, если бы не подлесок из плотных джунглей.

Мы с Миксом быстро восстановили связь, но все было очень сложно. Листва была настолько плотной, и под деревьями было так темно, что я не видел ни одного человека, который благополучно добрался бы до земли. Мы с Дэйвом находились достаточно близко, чтобы слышать голоса друг друга во время перестрелки, но, к сожалению, ничего не могли увидеть.

Постоянно выкрикивая имена друг друга, в итоге мы встретились. И без долгих обсуждений было понятно, что все хреново. Мы были практически уверены, что находимся где-то посередине места посадки нашего подразделения, но не имели ни малейшего понятия, выжил ли кто-либо из наших товарищей, высадившийся по сторонам от нас. Ситуация быстро менялась, и мы приняли решение оставаться на месте, пока все не утихнет. Мы тихо сидели спиной к спине, каждый вглядывался в свою сторону, готовый выстрелить в первый же лист, зашелестевший не от американского голоса. Я начал ощущать тянущую боль в спине, как будто кто-то нанес мне сильный удар по почкам, — похоже я ударился, когда приземлялся.

Перестрелка, — если только можно было назвать стрельбу по листьям и лианам перестрелкой, — начинала утихать. Я расстегнул пояс с обоймами к М-14, а Дейв задрал мне рубашку.

— Эге, парень, да у тебя там синяк размером и формой как магазин к М-14, — сказал он. Я взял пояс и посмотрел на него. Вот оно, — осколок около дюйма длиной и толщиной в четверть дюйма попал в обойму, и выбил две пули внутрь магазина. Удар был очень сильным, но во время своего безумного скольжения к земле я его просто не ощутил.

Было тихо, за исключением криков раненых, и голосов остальной части нашей группы, изо всех сил пытавшейся перегруппироваться. Мы с Дейвом пытались разобраться в обстановке. Я знал, что «Чарли» должны были нас попросту растоптать, и единственное, что их остановило — это то, что они не знали сколько нас. Если бы им было это известно, — нам всем был бы пиздец. Во время спуска почти треть из нас были убиты или ранены. Погибли командир роты, санитар, один сапер и «ворчун». Дру-

---

⁶⁶ Около 30 метров.

гой сапер и радист были тяжело ранены, и их нужно было нести. Лейтенант и еще один «ворчун» отделались легкими ранениями.

Мы с Дейвом встали в тыловой дозор, сидя на задницах и подталкивая себя вверх по крутому склону с помощью винтовок, выставленных вниз на небольшую тропинку, которую мы прокладывали. Два «ворчуна» взялись расчищать тропу с помощью мачете, и когда они уже больше не могли поднять руки, их место заняли двое других парней. Тропа была очень узкой, и едва ли давала возможность разминуться ползком двум людям. Мы изо всех сил пытались добраться до вершины холма в семидесяти ярдах от нас, откуда с помощью двух оставшихся саперов мы могли бы эвакуировать своих убитых и раненых, которых перетаскивали на пончо. Скорость продвижения была исключительно медленной, четыре или пять ярдов в минуту в лучшем случае.

Вскоре настала наша с Дейвом очередь идти впереди. Мачете уже притупились, и мы передали их назад, попросив заточить, а сами взяли свои турецкие тесаки, и работа пошла чуть быстрее. К тому времени, когда нам передали обратно острые мачете, мы уже были слишком измучены, чтобы размахивать ими дальше, и тогда нас сменило двое других людей.

Мы ухаживали за ранеными, пока несли их вверх по крутому склону, но джунгли уже почти выиграли нашу битву со временем, когда начало понемногу редеть, — показалась вершина холма, и саперы вышли вперед, в то время как остальные остановились.

Через несколько минут один из саперов вернулся и дал команду собрать все мины «Клэймор».⁶⁷ В итоге собрали семь штук. Когда дело дошло до меня, любопытство взяло верх, и я сам потащил мины на вершину, — мне хотелось знать, что они собираются делать с минами.

Сапер, который забрал их у меня, удовлетворил мое любопытство. Он сел и поддел заднюю крышку мины, чтобы извлечь заряд С-4.⁶⁸ Затем саперы протянули детонирующий шнур (шнур с зарядом взрывчатого вещества толщиной в карандаш) между деревьями, как паутину, соединив шашку или кусок взрывчатки у основания каждого из них. Они не были уверены, что для выполнения задуманного будет достаточно даже взрывчатки С-4, извлеченной из мин. Я отошел на безопасное расстояние, и саперы подорвали взрывную цепь.

Когда дым развеялся, я увидел весьма странное произведение инженерного искусства. Во время спуска мы потеряли много подрывных зарядов, но даже имея очень ограниченные ресурсы саперы расчистили почти идеальную посадочную площадку. Она была небольшой, но достаточной для того, чтобы на нее сел санитарный вертолет, который крутился невдалеке.

Видимо у «Чарли» была та же проблема с ранеными, потому что пока «птичка» садилась и взлетала обратно, не прозвучало ни выстрела.

У нас появилось время, чтобы отдохнуть, подумать о событиях последних сорока пяти минут и дожидаться, пока следующий вертолет доставит нам запасы и больше за-

---

⁶⁷ M18A1 «Клэймор» (*Claymore*) — противопехотная осколочная мина направленного действия. Функциональный аналог нашей МОН-50.

⁶⁸ С-4 (*Composition 4*) —пластичное взрывчатое вещество.

рядов взрывчатки, чтобы расширить посадочную площадку. И вот когда она прибыла, противник открыл по нам интенсивный огонь.

Мы были окружены северовьетнамцами и должны были все это время находиться в горах. Остальная часть роты попала под сильный огонь, и мы никак не могли этому помешать. Кроме того, обнаружить врага в плотных джунглях, которые нас окружали, оказалось почти невозможно.

Ценою четырех погибших и четырех раненых мы заняли безымянную высоту, отмеченную лишь цифрой на карте, и незаслуживающую даже упоминания. Я спросил у скаута Кита Карсона, что он думает по этому поводу. Он ответил:

— Это плохо, это реально дерьмово.

Это все, что я хотел услышать. Мы с Дейвом заняли позицию внутри периметра, но чуть в стороне от остальной части группы, где и находились все время на страже.

Рота, находившаяся в джунглях, требовала постоянного пополнения боеприпасов и других запасов, огромного количества и того, и другого. Первую запланированную «птичку» с запасами обстреляли так, что ей пришлось вернуться обратно, оставляя за собой дымный след. Весь наш дневной рацион оказался потерян. На следующий день рано утром повторилась та же хрень. Все попытки пополнить наши запасы на протяжении следующих двух дней оказались безуспешными. Мы оказались в полной жопе, сидя на холме, окруженные крупными силами противника, из-за которого мы не могли даже получить свои запасы. Плюс ко всему этому у нас кончилась пища и вода.

Прошел еще один день, и шкипер вызвал трех добровольцев, которые могли бы спуститься по склону в надежде найти ручей. Добровольцы нашлись, и со своего места я наблюдал, как они исчезли в зеленой стене чуть ниже посадочной площадки, каждый с тремя пятигаллоновыми пластиковыми канистрами, привязанными к своим спинам. Прошло три часа, и шкипер нервно ходил вперед-назад, когда, наконец, они появились из джунглей, но увы, с пустыми канистрами. Уже четвертый день как мы сидели без всяких запасов. Ситуация становилась все драматичнее.

Когда «птичка» приближалась, по нам вели беспокоящий огонь из минометов, но когда она пыталась подсесть, «Чарли» открывали такой интенсивный огонь, что о посадке не могло быть и речи. Они перерезали наше снабжение, и получали удовлетворение от того, что мы умирали от обезвоживания на этой сильной жаре. В середине пятого дня все отчаянно надеялись, что вертолет снабжения, который появился на горизонте, все-таки сможет прорваться. На его внешней подвеске болталась куча канистр с водой. Однако в четверти мили от нас «птичка» загорелась, и огонь стал усиливаться.

Мы смотрели и задавались вопросом, как долго он пролетит прежде, чем развернется. Но в этот раз с пилотом было что-то не так — похоже, он не собирался замедляться или разворачиваться обратно. Я посмотрел в бинокль и увидел, что это армейский вертолет. Его интенсивно обстреливали, из некоторых пробитых канистр выливалась вода.

У меня мелькнула мысль — он или сделает это, или умрет. Он добрался до точки, сразу за пределами нашей позиции, где начал набирать высоту и отпустил груз. Мои глаза разбежались — я попытался увидеть, как подвеска, полная припасов, падает на землю и одновременно проследить за вертолетом. Груз упал на край крутого склона, который вел к оврагу далеко внизу. «Птичка» поднялась выше и вскоре скрылась из поля зрения. Не иначе, как ее нащипговали пулями под завязку.

Почти все запасы пищи скатились в овраг, и исчезали навсегда, но на склоне осталось лежать десять канистр воды. Два «ворчуна», обвязавшись веревками, спустились вниз, чтобы достать их. И хотя каждому из нас досталось менее, чем полторы фляги, все это было благодаря пилоту, который все же рискнул, чтобы доставить нам пятьдесят галлонов воды.

К счастью, у меня еще оставался частичный ответ на нашу трудную ситуацию с едой. Я всегда носил с собой пакеты сублимированного супа, который мне отправляла мама, и у меня еще оставалось четыре пакета. Я вытащил их, Дейв осторожно залил их водой и начал подогревать. Мы смогли немного утолить жажду и чуть подкрепиться. Мы медленно и с наслаждением смаковали эту чашку супа, прилетевшего с другого конца света, ведь прошло почти три дня с тех пор, как мы последний раз ели. Конечно же было искушение использовать два оставшихся пакета, но мы воздержались, так как понимали, что это наш завтрак.

В начале следующего дня появился вертолет снабжения в сопровождении четырех боевых вертолетов «Кобра», и их огневая мощь во взаимодействии с ротой, стрелявшей из всего, что у нее было, позволила транспортной «птичке» относительно спокойно сесть на площадку и затем взлететь. Первый борт притащил воду, 106-мм безоткатное орудие и снаряды к ней, с которыми вертолет только и смог подняться в воздух. Снаряды были не обычные, а кассетные. Когда безоткатка выпускала такой снаряд, примерно на половине своей траектории он открывался, и выпускал восемь тысяч стреловидных поражающих элементов (стальных стрел длиной в дюйм). Наконец-то, проблемы начались и у «Чарли».⁶⁹

Пока собиралась безоткатка, на расстоянии нескольких миль кружилась дюжина транспортных «птичек». Когда орудие было готово, первый вертолет направился к нам. Как и ожидалось, к нему тут же потянулись зеленые трассеры. *Бууууум! Ззззззинг!* — и первые стальные стрелы прорвались через джунгли. Трассеры прекратились, а потом начали лететь с другого места. И снова, — *Буууууум! Ззззззинг!* — и трассеры исчезли. Расчет стрелял из этого орудия все быстрее и быстрее, и вертолетам, наконец, удалось подлететь к нам.

Вскоре у нас оказались все снабженцы, которые копились в тылу. Довольно скоро мы с Дейвом смотрели на туеву хучу еды, которую мы не смогли бы съесть и за две недели, начиная от консервированного бекона и заканчивая томатным соком в банках.

На следующее утро поступил приказ сворачиваться, и мы не смогли утащить с собой и десятую часть этих запасов. Только что мы прожили четыре дня практически без пищи и воды, и вдруг сейчас выливают воду на землю и складывают еду в штабеля, чтобы сжечь.

Я стоял там, наблюдая, как тонны припасов исчезают в чадающем дыму, и думал, а чего мы все-таки достигли.

***

*Снайперы-разведчики,
10 миль к югу от Ан-Хоа,*

---

⁶⁹ Имеется ввиду 106-мм безоткатное орудие М40, принятое на вооружение американской армии в 1950-х годах. Одно из наиболее эффективных орудий в своем классе.

18 июля 1969 г.

Дорогая мамочка,

Начинается шторм, поэтому я напишу столько, сколько успею. Ветер дует, как сумасшедший, скоро начнется дождь.

Ты спрашивала, где я сейчас. Я в горах. Вчера рота, стоящая рядом с нами, попала под удар, и когда они попытались вызвать медицинскую помощь для раненых, гуки сбили две «птички». Наша рота отправила им на помощь свой взвод, чтобы вытащить экипажи. Мы с Дейвом тоже пошли, но как только мы оказались рядом с ближайшей вертушкой, нас прижали к земле. Мы вызвали авиаподдержку и самолеты отработали очень близко от нас. Я поднял голову в неподходящее время и получил удар куском сломанного дерева. Теперь у меня огромная шишка на лбу, которая просто капец как болит. Так что все в порядке, за исключением того, что Дейв постоянно называет меня «бойком».

Наши астронавты вернулись в целости и сохранности, и знаешь, вчера вечером я лежал, глядел на Луну, и думал, что отныне там есть наш американский флаг. Есть чем гордиться.

Прошел слух, что возможно мы вернемся на мост. После крайних нескольких дней, могу сказать, что совсем не против вернуться туда. Конечно же, я дам тебе знать об этом.

Мы больше не работаем с ротой «Эхо». Нас хотели придать роте «Гольф», которую называют «Сумасшедшим гольфом» но, признаться честно, я не очень доверяю этой роте.

Свой отпуск я решил провести в Сиднее, в Австралии. Постараюсь получить его в октябре или ноябре.

Ну, мам, сегодня дождь дал мне поблажку, и я могу нормально закончить письмо. Это мой последний лист бумаги, но я что-то придумаю. У меня все хорошо, так что не волнуйся. Береги себя. Пока.

*С любовью,
Джозеф*

***

Каждый день мы совершали марш через плотные джунгли, зачастую прорезая свой путь сквозь густую растительность, а ночью организовывали позиции на последовательности холмов. Поскольку мы постоянно меняли местоположение, у врага возникли проблемы с прерыванием нашей линии снабжения, и он обратил свое внимание на нас. Каждую ночь они выпускали по нам как минимум сотню мин. У меня даже развилась определенного рода ненависть к звуку прилетающих минометных боеприпасов.

К проведению операции «Дархэм пик» привлекали целый батальон из 5-го полка морской пехоты. «Чарли» одинаково давили на все четыре роты батальона, и мы полагаем, что там должен быть, по крайней мере, полк северовьетнамской армии, который хорошо снабжался. Однако обнаружить их в условиях труднопроходимых джунглей было невероятно сложно. Постоянное восхождение на высоты и небольшие горки было достаточно тяжелым испытанием, но когда мы на одной из высот столкнулись с силь-

ным сопротивлением, шкипер разозлился и вызвал «блокбастер» (авиабомбу весом 15000 фунтов).⁷⁰ Мы отошли назад и закрыли уши.

Военно-воздушные силы уронили ее прямо на цель, и по нам прокатился, казалось бы, бесконечная взрывная волна. Позже мы без единого выстрела поднялись на вершину, и были поражены масштабом разрушений и мертвыми солдатами НВА. Вьетнамский бункер был раздавлен, будто гигантской рукой.

Менее чем через шесть месяцев, я оказался с ротой всего в пяти милях от того же места, где разорвался «блокбастер», когда «Чарли» ударили по нам ракетным огнем с холма примерно в миле от нас. Шкипер вызвал артиллерийскую поддержку, и был удивлен, когда его переключили на пост управления артиллерийским огнем линкора «Нью-Джерси». Мы находились в 11 милях, а линкор — в семи милях от берега. Комбат едва успел передать координаты, как один 2200-фунтовый осколочно-фугасный снаряд просвистел над головой, как невидимый грузовой поезд, и с ужасным грохотом ударил в холм. Этого единственного выстрела оказалось достаточно, чтобы весь вражеский огонь прекратился. Шкипер передал:

— Прямое попадание, «Нью-Джерси».

Мы услышали, как над нашими головами просвистел первый полный залп главным калибром, и врезался в холм. От ударной волны у нас выпрыгнули желудки. Ментально последовал второй залп, а вскоре за ним раздался третий. За считанные минуты линкор выплюнул шестьдесят тысяч фунтов взрывчатки прямо на холм. Рота взорвалась овалцами, когда холм буквально испарился.

Когда радист корабля вышел на связь, чтобы узнать, нужна ли нам еще помощь, шкиперу только и оставалось, что сказать:

— Нет, спасибо, «Нью-Джерси», здесь уже ничего не осталось.

И хотя морская пехота является частью Военно-морских сил, между двумя этими родами войск существует дружеское, а иногда и не очень, соперничество. И яростная гордость как минимум одной роты морских пехотинцев уступила в тот день место восхищению тому, что проделал один военный корабль в восемнадцати милях от нее.

***

*Снайперы-разведчики,
Где-то в горах,
2 августа 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Небольшая заметка, которую я отправляю вместе с этими фотопленками. К этому моменту почту мы не получали уже неделю.

Я только что написал письмо Лауре, поэтому, думаю, буду повторяться. Мы все еще в горах, и все еще работаем с ротой «Гольф». Вчера патруль обнаружил гостиницу НВА, вырубленную прямо в горе, и мы решили, что нам лучше остаться и изучить окрестности, — возможно, мы найдем еще что-то.

---

⁷⁰ Фугасная авиационная бомба весом 6800 кг — самая мощная авиабомба в арсенале американских ВВС.

(Дописано позже) Пришлось прерваться, потому что прозвучала команда «Снайперы — вперед!» В трех «кликах» от нас появилось примерно 120 северовьетнамских солдат, перетаскивавших через овраг раненых. Они были слишком далеко от нас, поэтому мы не могли стрелять, и просто навели на них авиацию.

Вчера санитар сказал мне, что у меня дизентерия. Он дал мне лекарства, которые не позволят моему состоянию ухудшиться. Дейв пару недель назад тоже подхватил ее, и ему было реально плохо. Тебе приходится шевелиться, чтобы избежать всей той дряни, которую здесь можно поймать.

Уже буду заканчивать и готовлю письмо к отправке следующей «птичкой».

*С любовью,
Джозеф*

***

Когда утром 1-го августа я поднялся, земля просто уходила у меня из-под ног. Голова кружилась так, что до санитаря, которого я знал, мне пришлось добираться на четвереньках. Я сказал ему, что чувствую слабость, двоится в глазах, и и меня поносит. Он сразу понял, что произошло — привет, дизентерия. Док вколол мне лошадиную дозу антибиотиков и начал запихивать в меня таблетки. В какой-то момент я не мог двигаться, а мое тело, казалось, весило целую тонну, но через сутки, благодаря усилиям санитаря, я оправился от болезни, которая обычно продолжалась около недели.

Эмпирическое правило гласит, что санитары должны уметь в любой момент оказать первую медицинскую помощь, а саперы — разогреть еду с помощью взрывчатки С-4. Она горит очень быстро, поэтому с ее помощью еду и воду можно разогреть намного быстрее, чем с помощью таблеток сухого горючего, находившихся в каждой коробке с пайком. Равным образом, и санитары и саперы старались постоянно быть рядом со снайперами, так как мы знали и располагались в наиболее безопасных местах периметра базы.

Во время нашего нахождения в горах я провел немало времени со скаутом Кита Карсона. Он показал мне ряд тонких моментов ведения разведки, которые зачастую упускаются из виду, и которым невозможно было научиться на любых учебных занятиях в Штатах. Например, если на ягодных кустах и банановых деревьях не было плодов, это означало, что в течение последних 48 часов через этот район прошли вражеские войска. Это также могло быть что-то очень неприметное, например, ветви определенного кустарника, сломанные определенным образом, но которые четко показывали направление передвижения войск. Однажды он спас меня, не дав мне наступить на ловушку — он заметил растяжку, а я нет.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
26 августа 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Я знаю, что ты очень волнуешься, когда от меня нет письма. Прости, пожалуйста. Может быть, я смогу немного увлечься своим писательством.

Сейчас я в Ан-Хоа. За последние три недели довелось много пережить. Нас с Дейвом придали другой роте, и мы отправились на участок «Аризона». Там мы сменили 7-й полк морской пехоты. Знаю, что предстоят суровые времена.

Причина, по которой я оказался сейчас в Ан-Хоа, заключается в том, что сегодня утром ранили Дейва Саттлза, и нам пришлось его эвакуировать, поэтому мне пришлось прихватить его винтовку и снаряжение в тыл. Это не тот Дейв, с которым я работал ранее. Здесь я останусь до тех пор, пока мне не назначат нового напарника, но сейчас никого подходящего нет. Не думаю, что с Дейвом все плохо, завтра я уже буду знать все подробности. Он словил осколок в заднюю часть шеи и задницу, со мной же все в порядке, не беспокойся. Единственное, что мне нужно подлечить — это нервы. Попробую взять в октябре отпуск, мне он действительно необходим.

Сегодня получил твое первое письмо с тех пор, как мы оказались в «Аризоне». Оно пришло давно, но к сожалению, «птички» никак не могли добраться до нас. Я получил от тебя пару посылок и фотографии. За них тебе отдельное большое спасибо. Завтра или уже послезавтра, когда я немного отдохну и соберусь с мыслями, отвечу на все твои вопросы.

Мам, это не самое многословное письмо, но мне нужно заканчивать. Хочу еще написать родителям Дейва, думаю, им будет приятно. Я еще даже не почистил свою винтовку. Главное, что ты знаешь, что со мной все в порядке. Береги себя, вскоре напишу тебе снова.

*С любовью,
Джозеф*

***

Мне назначили другого напарника, им стал Дейв Саттлз, и нас придали одной из рот в «Аризоне».

Отправка подразделения на участок «Аризона» была равносильна трению ластиком по грубой наждачной бумаге — потери там были постоянными и высокими. Со временем подразделение «кистиралось» там до состояния деморализованной, неуправляемой группы людей, более не способной эффективно выполнять свои задачи. Мне приходилось часто бывать в «Аризоне», и я непременно видел, как это происходит.

Район или участок «Аризона» представлял собой плоскую равнину, состоящую из рисовых плантаций, полей, разбросанных редких деревьев и подлеска. Участок имел порядка двадцати миль в длину и примерно от пяти до двенадцати миль в ширину. С одной стороны, на протяжении в четверть мили «Аризона» граничила с Данангом, а с другой стороны она была ограничена рекой глубиной по пояс и горным хребтом. Это была постоянная заноза в заднице 5-го и 7-го полков морской пехоты, и одна лишь мысль об «Аризоне» могла свести человека с ума.

Ну, начнем с того, что для того, чтобы добраться туда, не существовало безопасных путей. Мы должны были либо переправляться вброд через реку, держась за нейлоновый канат, чтобы течение не унесло нас, и надеяться, что нас не обстреляют, пока мы беспомощно барахтаемся в воде, либо лететь на «птичке» под огнем. Вне зависимости

от способа выхода, вьетконговцы могли обстрелять нас в любой момент, и постоянно тревожили нас, пока мы там находились.

Пока мы летели на вертолете в расположение роты «Чарли», я вспоминал свой крайний выход в «Аризону».

В тот раз мы с Дейвом Миксом работали с ротой «Хоутел», когда пересекали реку Дьен Бен. Замыкающий еще не вышел из воды, когда огонь из АК-47 заставил нас залечь — пули летели в трех футах от земли.

Головная часть колонны открыла ответный огонь из пулеметов М-60 и из всего остального, что у них было, но вскоре по цепи передали: «Патроны!», — у пулеметов заканчивались боеприпасы. Мы с одним из бойцов, Роном, укрывшись за могильным холмом, на кладбище, с покрытыми травой могилами высотой в три и длиной в шесть футов, что обеспечивало нам хорошую защиту. Я намеревался отсидеться в своем укрытии, однако опять последовала команда передать патроны.

Странная мысль пришла мне в голову, когда я представил стволы этих пулеметов, выплевывающих дульное пламя. Пулеметные расчеты носили запасные стволы, которые можно было заменить в течение нескольких секунд. Они меняли их таким образом, чтобы каждый ствол успел остыть, но в тот момент пулеметчики, конечно же, этим вопросом не заморачивались. Следующий запрос на патроны был более настойчивым.

Во время подготовки в учебке нам вбили в голову одну вещь: «Если тебя прижали огнем, то ты либо двигаешься, либо умираешь». Я наклонил голову, и выглянул из-за могилы на следующий холмик в десяти ярдах впереди от меня и увидел, как там, свернувшись в позу зародыша и дрожа от страха, лежал один из морпехов. Им оказался «Эф-Эн-Джи»,⁷¹ для которого эта перестрелка, скорее всего, была первой.

В одной руке он крепко сжимал короб с патронной лентой. Я все думал про себя: «Ну давай же, очнись, вперед!» — потом отдал Рону свою снайперскую винтовку и сделал одну из тех вещей, о которых парень сразу же сожалеет. Я подполз к морпеху, и когда наши глаза встретились, то увидел, что он смотрит сквозь меня. Он вцепился в короб мертвой хваткой, и когда мне наконец удалось выдернуть его от него, его лицо начало меняться.

Я начал ползти к пулеметам, волоча за собой короб с боеприпасами. Довольно скоро мне пришлось вжаться в землю, толкая короб впереди себя. К тому времени, как я добрался до места, откуда мог видеть дымок от одного из наших пулеметов, вокруг меня шелкали пули, попадавшие по земле и по деревьям. Я вдруг осознал, что оказался в полной заднице, в ситуации, из которой, скорее всего, не выберусь живым. Я перевернулся, и обеими руками швырнул короб к пулемету так сильно, как только смог, после чего распластался на земле и наблюдал, как выбежал второй номер расчета, схватил патроны и вернулся обратно.

С меня было достаточно, и я, как бешеный, начал ползти назад в укрытие на кладбище. Не успел я отползти, как увидел того самого морпеха, который застыл на полпути к пулеметам. Его переползание было самым безумным из всех, что я только видел, — он полз как червяк, держа в каждой руке по коробу с боеприпасами.

---

⁷¹ FNG (*Fucking new guy*) — необстрелянный новичок. Термин носит уничижительный оттенок.

Я укрылся за первой же могилой, куда смог доползти, и наблюдал оттуда, как он проделал в такой же манере еще две ходки. На третий раз он посмотрел на меня, и улыбнулся. Было видно, как с его лица градом катился пот. В ответ я просто кивнул, и он пополз дальше. Мы оба понимали, что он сделал: преодолел тот парализующий страх, который охватывает человека в бою, мешая выполнять ему свою работу.

Когда бой закончился, я пошел посмотреть на пулеметы. Они были действительно сожжены, внутренние поверхности канала ствола были безнадежно изношены, а сами стволы деформированы настолько, что я засомневался, что они вообще могли попасть в цель хотя бы в двадцати ярдах. В «Аризоне» мы сражались с бескомпромиссными и закаленными подразделениями НВА, многие бойцы которых имели опыт борьбы еще с французами.

Бортстрелок вертолета открыл огонь, сигнализируя о нашем снижении и о том, что по нам откуда-то стреляют, и мои мысли вернулись в настоящее.

К тому времени, когда мы с Дейвом Саттлзом высадились в расположении роты «Чарли», ее численность, даже с учетом пополнения, была ниже штатной на 20 процентов. Шкипер отчаянно пытался снизить потери, и когда мы высадились из вертолета, он утащил нас на совещание. Это был призванный из запаса капитан, недавно прибывший во Вьетнам, и было ясно, как Божий день, что он никогда не видел ничего подобного тому, что творилось в «Аризоне».

Он был хорошим шкипером, но спустя неделю, на протяжении которой его люди постоянно убывали мертвыми и ранеными, ему нужно было решение. Казалось, что все авиационные и артиллерийские удары малоэффективны. Я едва не сказал ему, что в «Аризоне» так будет всегда, и мы мало чем можем ему помочь. Это было самое опасное место в округе, но как бы парадоксально это не звучало, здесь был рай для снайперов. Обширные просматриваемые зоны давали нам возможность использовать снайперские винтовки с продольно-скользящими затворами по своему прямому назначению. Это же являлось преимуществом и для противника, и снайперские дуэли не были здесь чем-то необычным. За полтора года до моего прибытия в таком поединке убили друг друга снайпер 5-го полка морской пехоты и снайпер НВА, — они выстрелили одновременно.

Шкипер дал «добро» на реализацию моего плана по защите «Аризоны». Мы хотели частично воздержаться от дневного патрулирования, и вместо этого с Дейвом выходили бы перед восходом или закатом солнца в надежде поймать передвигающиеся вражеские войска. В условиях ограниченной освещенности или в лунную ночь снайперская винтовка позволяла устойчиво работать на дистанции до тысячи ярдов. У Дейва будет радиостанция, поэтому в случае какого-либо замеса, мы сможем вызвать авиационную или артиллерийскую поддержку, чтобы прикрыть свой отход.

В течение следующих двух недель мы достигли хороших результатов, но это была лишь отчаянная попытка спасти положение. Я зафиксировал восемь подтвержденных уничтожений и множество вероятных. Интенсивность вражеской деятельности мешала нам проводить осмотр тел, поэтому большинство моих выстрелов были всего лишь вероятными уничтожениями. В двух случаях мы засекли такие крупные передвижения вражеских войск, что я даже не рассматривал возможность ведения огня из винтовки. Вместо этого, я сразу же вызывал огонь артиллерии, и после того, как мы отмечали точное попадание в цель, сразу же отходили к роте.

Снайперы не должны были становиться в боевую линию, но в «Аризоне», когда нам приказывали, мы это делали. Это означало, что рота поистрепалась до такой степени, что больше не могла эффективно держать периметр. Мы сменили смертельно уставших радистов, находившихся в контакте с ночной засадой или с постом прослушивания где-то там в темноте. Мы ходили в ночные засады. В одну такую августовскую засаду, выйдя на свою назначенную позицию, мы оказались так близко от противника, что запах рыбы, составлявшей основную часть их рациона, почти ошеломил нас. По той же причине они, несомненно, узнали о нашем присутствии, потому что американцы пахли мылом. Мы, должно быть, прошли в нескольких ярдах друг от друга, хотя обе группы людей были слишком утомлены, чтобы идти дальше.

Ночная засада — это чудовище, уникальный монстр, требующий заблаговременных ритуалов. На лица, шеи и руки наносился камуфляжный крем, заряжались дробовики, проверялось и перепроверялось оружие, устранялся любой звук снаряжения. Дробовики обеспечивали основную огневую мощь в течение первых трех-пяти секунд засады, после чего в дело вступали М-16. Несмотря на то, что правильно организованная засада могла длиться всего лишь несколько секунд, обычно это означало часами сидеть ночью абсолютно тихо. С ротой мы общались, изредка нажимая один или два раза на тангенту радиостанции, чтобы сообщить ей о том, что с нами все в порядке.

За день до того, как Дейв Саттлз был ранен, в предрассветной засаде мы поймали отделение НВА. После того, как я просидел неподвижно всю ночь, я был измотан и чувствовал себя весьма хреново.

За час до рассвета сработала ловушка, когда вражеские войска начали втягиваться в зону поражения. Ночь осветили вспышки выстрелов из дробовиков и М-16. После двух вспышек стало тихо. Пустили сигнальную ракету, которая высветила на тропе три мертвых северовьетнамских солдата. Два были расстреляны выстрелами из дробовиков, а третий принял в себя почти весь магазин М-16. Мы взяли трех пленных, — двух солдат регулярной армии и медсестру. Еще от двух до четырех человек смогли скрыться в густой растительности на склоне холма, который тянулся на сотню ярдов вдоль места засады.

Пленных прямо на месте допросила контрразведка, агенты которой также участвовали в засаде. Разозленный тем, что один из пленных упорно молчал, один из агентов взял его за волосы и ткнул лицом в мозги одного из его мертвых товарищей, но тот по-прежнему отказывался говорить. Другие пленные сидели связанные спина к спине на небольшой полянке. Я больше не хотел видеть этот «допрос», и избавил от него «ворчунов», которые их охраняли.

Медсестра скулила, и по мере того, как вставало Солнце, этот звук нарастал. Что-то явно было не так. Когда рассвело достаточно, я увидел в ее глазах такую мольбу, которую не мог проигнорировать, поэтому развернул ее и увидел причину. Один из агентов контрразведки так крепко связал ее руки, что они почернели и стали похожими на наполненные воздухом резиновые перчатки.

Пленные были «собственностью» контрразведки, но когда я увидел ее руки, я бросился к агенту, которого к тому времени уже невзлюбил.

— Я собираюсь развязать руки этой женщины, — сказал я ему таким тоном, который трудно было не понять. Контрразведчики здесь играли не последнюю роль, и этот парень мог арестовать меня. Однако он не сделал этого по двум причинам. Во-первых,

я входил в состав штаба полка, что представляло проблему даже для генералитета, и, во-вторых, он знал, что выбешивать снайперов — это не очень умно. Разозлить одного снайпера означало разозлить всех снайперов. Наличие возможности стрелять без предупреждения и ореол неуловимости вызывали некий страх и неуверенность в том, что касается снайперов, даже среди братишек-морских пехотинцев. Поэтому он просто зло посмотрел на меня и не сказал ни слова.

Я вернулся к пленным и потянул медсестру в сторону. Потратив довольно много времени на то, чтобы найти место, где опухоль не полностью закрывала веревку, я сильно ударил своим боевым мачете между ее запястьями. Она медленно скрестила руки на груди, и по ее лицу хлынул поток слез. «Блядь...» — подумал я, и пошел за санитаром, чтобы тот ее осмотрел.

— Ее левая рука еще может поправиться, но вот правую, она, скорее всего, потеряет, — ответил тот.

Моя неприязнь к этому агенту быстро нарастала. Когда во время прочесывания склона холма попались еще двое пленных, один из которых был капитаном НВА, я быстро напомнил агенту положения Женевской конвенции об обращении с пленными офицерами.

— Окей, снайпер, будешь сам за него отвечать, — процедил он сквозь зубы.

Я отвел капитана в сторону от остальных заключенных и прислонил его к скале. У него проявлялись признаки малярии и он был слишком болен, чтобы убежать. Положив свою винтовку так, чтобы он до нее не добрался, я присел на корточки, чтобы внимательно посмотреть на нашего противника. То, что я увидел, изменило мое отношение к войне навсегда.

У меня еще не было возможности по-настоящему изучить живого офицера северо-вьетнамских войск, и наши глаза застыли в ледяном взгляде. Я предложил ему воду — никакого ответа. Я предложил ему сигарету — никакого ответа. Я был загипнотизирован этим взглядом в душу противника и подумал, что будь у меня тысяча таких людей, как он, и я смогу завоевать весь мир. Мы сражались с целым народом по их правилам. Уже тогда я знал, что мы дорого заплатим за то, что мы во Вьетнаме. Я резко встал, чувствуя, что только что увидел свою собственную смерть, и позвал санитаря, чтобы тот его осмотрел. Док предложил ему таблетки хинина от малярии, но, как я и ожидал, ответа не последовало.

Приземлилась «птичка», и пленные вместе с агентами контрразведки исчезли из поля зрения. Спустя непродолжительное время на связь с нами вышел пилот, который сообщил:

— Неприятно говорить вам об этом, ребята, но один из ваших пленников просто выскочил из вертолета.

«Твою ж мать», — подумал я. Его или ее просто выбросили, чтобы разговорить других. Я был уверен, что это не капитан, — он был слишком ценным, чтобы его убивать, — но кто это был из остальных, я не знал и не хотел знать.

На следующий день, вопреки своим лучшим суждениям и утомлению от предыдущей засады, я согласился выйти с отделением на короткое, рутинное патрулирование. Но из-за усталости я забыл важный факт — в «Аризоне» никогда не было рутины.

В двух «кликах» от роты нас поймали в быструю засаду, организованную сходу. Первая минометная мина ударила в нескольких ярдах справа позади меня, ранив Дейва и двух «ворчунов» позади него.

Я вызвал авиацию, которая сбросила груз напалма на полосу джунглей, где — я был уверен в этом, — уже никого не было. Следующим моим приоритетом стала эвакуация раненых, и как только это было сделано, мы вернулись в роту, и с каждым шагом мой гнев на себя самого возрастал.

Снайперская команда — это, прежде всего, команда. Если ваш напарник идет поссать, вы прекрасно знаете, куда он идет и через сколько вернется. Тесная связь в команде формировалась быстро, и потерять напарника было морально тяжело. Я прыгнул на дневную транспортную «птичку», вылетающую на Ан-Хоа.

Когда снайпер возвращался со снаряжением своего напарника, проводился определенный неофициальный ритуал. Снайперы, находившиеся на тот момент на базе, проследовали за мной в палатку Дейва. Если бы я положил его снаряжение ему на койку вместе с винтовкой, это означало, что он все еще жив. Если бы я положил его снаряжение под койку и направился бы с винтовкой в оружейную комнату, это означало, что он мертв. Я положил его снаряжение и винтовку на койку, и когда сел, посыпались вопросы: «Насколько все плохо?» «Где его ранили?» «Чем его зацепили?»

Кажется, что расспросы не прекращались, а меня переполняло эмоциональное и физическое истощение. Кто-то дал мне банку содовой, и я медленно потягивал ее, пытаясь ответить всем. Мне было горько. Я до сих пор не терял напарника в бою, и чувствовал, что мог бы это предотвратить. Я допил воду и неохотно направился к палатке ганни Ферджи (комендор-сержанта Фергюсона), чтобы доложить об этом. Ферджи был отличным парнем, и он знал, что я сейчас испытываю, ведь раньше ему приходилось составлять такой же отчет. Его работа была суровой. Он должен был сообщить об этом шкиперу, который тоже воспринимал это тяжело. Думаю, что если дерьмо когда-нибудь и поднимается наружу, то это был как раз один из тех случаев.

Он закончил писать свой отчет и сказал, чтобы я сходил в столовую, поел чего-нибудь горячего, и привел себя в порядок. Позже он должен был взять для парней немного пива. Когда я толкнул дверь, чтобы выйти с его палатки, он окликнул меня:

— Кстати, Уард, тебе что-нибудь известно о курении травки в взводе?

— Да, а в чем дело?

— Этим утром шкипер нашел несколько косяков между палатками и поручил мне проверить это. Ты их куришь?

— Да.

— Никогда не пробовал, — ответил он. — И на что это похоже?

— О, это классная штука, ганни. Совсем не то, что выпивка. Хотите, я принесу вам несколько штук?

— Нет, нет, я просто любопытствовал, — сказал он сухо.

— Что-нибудь еще, ганни?

— Нет, это все.

На обратном пути я останавливался у каждой палатки и говорил ребятам, чтобы они были поосторожнее со своими косяками в перерывах между заданиями. Больше к этому вопросу никто не возвращался.

Столовая и душевые еще были закрыты, поэтому я отправился в свою палатку, чтобы написать маме и родителям Дейва. Я хотел, чтобы они узнали об этой истории из первых рук. После душа и горячей еды я почувствовал себя лучше, но мне было трудно залатать трещины в своих обычно спокойных нервах. Верный своему слову, Ферджи позже заглянул ко мне в палатку.

— Это от шкипера, — произнес он, ставя на стол ящик пива, и вышел на улицу.

***

Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
30 августа 1969 г.

Дорогая мамочка,

Только что вернулся из столовой. Прошлой ночью дежурил, впрочем, как и всегда, поэтому нормально отдохнуть не получается, но по крайней мере, я хорошо питаюсь. Вчера впервые за все время нахождения в этой стране я ел салат. Пожалуй, это почти всё, что я съел, и все было довольно-таки вкусно. У нас новый начальник столовой, и, собственно, еда стала намного вкуснее.

Разобрал свою почту и увидел твое письмо, датированное 25-м числом. Там были фотоснимки, которые ты снимала, мне они очень понравились.

Мам, мне трудно описывать то, о чем я думаю, так что, пожалуйста, будь терпелива. Уверен, ты всё ещё беспокоишься из-за того, что так долго не получала от меня писем. Когда я писал тебе это письмо, 26-го числа, мне казалось, что у меня вот-вот случится нервный срыв. У меня тряслись руки. Сейчас я уже успокоился, но по-прежнему чувствую себя подавлено. В тот момент, когда я считал, что готов абсолютно ко всему, мы вернулись опять в «Аризону» и это выбило меня с колеи.

Возможно, это прозвучит так, будто я жалею о своей судьбе, но я действительно в замешательстве. Знаю, что ты, возможно, будешь не в восторге от того, что я пишу тебе, что не могу всего рассказать, но поверь, есть еще очень много вещей, о которых я тебе не буду говорить просто потому, что считаю, что не должен этого делать.

Лучше напишу о чем-то другом. Погоды стала еще жарче, чем была до сих пор. В следующем месяце, скорее всего, начнутся муссоны, так что думаю, что лето еще не собирается отступать.

Нет, Дейв Янг и я не были в одном подразделении. Он служил в роте G 2/5, а я — в роте G 2/7 (где «2» означает батальон, а «5» и «7» — номера полков). Когда перед выходом в «Аризону» мы находились на высоте 65, я выяснил, что подразделение Дейва находилось на высоте 22, примерно в 8 милях отсюда, но у меня не было времени с ним увидеться. В своем письме он ничего не писал о ранении.

Что касается Дейва Саттлза, то последнее, что я о нем слышал, что он в Японии и что он не так сильно ранен, как я думал. Написал его родителям и рассказал, что случилось.

Как только получу немного денег, то отправлю тебе кучу вещей. У меня есть пять катушек пленки, несколько монет и документы. У меня осталась только одна новая катушка пленки, а в военторге они закончились, поэтому если сможешь, то от-

правь, пожалуйста, и я буду снимать больше. И не беспокойся о том, что подарить мне на день рождения, — в этом году я его не буду праздновать.

Мам, сделай мне одолжение — напомни, когда день рождения у Лауры. Это место напрочь выбивает всё из головы. Только не говори ей, что я забыл.

Добро, мам, я уже достаточно долго болтаю и хочу еще написать Лауре, так что мне пора закругляться.

Знаю, что об этом писать бесполезно, но, пожалуйста, постарайся сильно не волноваться. Береги себя, я напишу в следующий раз, когда буду отправлять вещи.

*С любовью,
Джозеф*

***

Слишком мало было снайперов и слишком много людей нуждалось в нас. Помимо дежурства на снайперских вышках, и прочесывания после нападения, нахождение в относительном тылу — будь то в Ан-Хоа, на «мосту свободы», на высоте 65 или высоте 55 или на любой другой номерной базе огневой поддержки — означало лишь относительный отдых, по сути небольшую передышку между выходами в джунгли. Тот факт, что в Ан-Хоа мы могли стрелять без дополнительного разрешения, заставлял «ворчунов» подкупать нас марихуаной и бухлом, чтобы мы дежурили в бункерах в их секторах. Подобные предложения несколько раз приводили меня на дежурство в самый опасный бункер периметра нашей базы. Он находился на нейтральной территории и немного в отдалении от других бункеров. Именно с этой стороны вьетконговцы чаще всего прощупывали и атаковали Ан-Хоа.

В полночь двадцать девятого числа, я стоял на посту, и, борясь с желанием спать, вел наблюдение в «Старлайт». Рядом дрыхли новый паренек, которого я прихватил в качестве напарника, и двое морпехов. Через час меня должен был сменить мой напарник.

Осматривая участок перед бункером, мне показалось, что в 450 ярдах от нас я что-то увидел. «Да нет, это просто усталость», — подумал я, отстранился от прицела и протер глаза. Когда же я снова посмотрел в него, то увидел, как к нашему местоположению, через лабиринт колючей проволоки и растяжек, пробираются два вьетнамских подрывника.

Я мог бы завалить одного из них, но тогда бы я засветил дульной вспышкой прицел, и этого бы оказалось достаточно, чтобы второй смог уйти. Я знал, где стояли наши мины «Клеймор», потому решил позволить им двигаться дальше. Разбудив остальных, я вызвал штаб, чтобы предупредить, что в нашем секторе будет открыт огонь, и чтобы другие бункеры огня не открывали. После этого я вернулся к прицелу, чтобы понаблюдать за продвижением подрывников.

Они двигались, как кошки, но направлялись прямо на минное поле в пятидесяти ярдах от нас, на котором каждая мина была способна при взрыве выдать в веерообразном секторе семьсот стальных шариков. Один из «ворчунов» положил руку на подрывную машинку, ожидая, когда я подам команду. Когда гуки оказались в пятидесяти футах от мин, я сказал ему:

— Жми! — и быстро наклонил голову. Он повернул рычаг, и четыре «Клеймора» сработали одновременно. Взрывная волна подняла камни и грунт, полетевшие через амбразуру бункера, и над нашим сектором взлетели осветительные ракеты, прежде чем осели дым и пыль.

Я передал снайперскую винтовку новенькому и попросил его проверить. Через какое-то время он сказал:

— Я ничего не вижу.

— Ну, ясен пень, не видишь, — ответил я, сидя на огнетушителе и откинувшись на мешки с песком. — Ведь они мертвы.

Я был очень измотан, и прежде, чем заснул, у меня мелькнула мысль, что мне нужно было бы увидеть Ли Оута. Прошло уже некоторое время с тех пор, как я был в деревне с припасами, и мне также нужно было узнать, появилась у Ли какая-либо новая информация о расширении активности противника.

На рассвете первое, что я услышал, было мое имя, которое называл мой новый напарник.

— Парни хотят знать, будешь ли ты осматривать тела.

— Ты иди, а я скоро подтянусь.

Подрывники не носили с собой документов, кроме того, я знал, как будут выглядеть их тела. Если бы я поспешил, то мог бы добраться до душевых прежде, чем они закроются на день. После бритья и душа я пошел к койке, чтобы немного поспать, и проснулся тогда, когда объявился новенький, который начал описывать тела двум командирам снайперских команд. В одном из подрывников он насчитал 127 дырок.

Я посмотрел на часы. Было почти 10.00. Вспомнив о Ли, я вывалил свой рюкзак на койку, схватил винтовку и направился в полевой госпиталь.

Это была двухмильная прогулка к деревне Ан-Хоа, а я слишком устал, чтобы нести боеприпасы или оружие. Медицинские принадлежности весили легче, и один из санитаров, которого я знал в больнице, очень хорошо меня упаковал ими. В мой рюкзак он сложил кучу бинтов, антисептиков, хинина и других предметов. В медпункте было так здорово и тихо, что я так и лег бы там на один из операционных столов и просто поспал, однако если я хотел застать Ли до того, как вернусь в джунгли, мне стоило поторопиться.

Мы не должны были посещать деревню в одиночку или без разрешения, но я часто так делал. В начале своей службы во Вьетнаме я обнаружил, что у меня есть пропуск в любые места — моя снайперская винтовка. Она позволяла мне добираться до Дананга в течение двадцати четырех часов без всяких приказов или проходить через контрольно-пропускной пункт в Ан-Хоа без всяких пропусков. Когда со мной была моя винтовка, никто никогда не спрашивал меня, куда я иду.

Я пропустил утренний конвой, поэтому мне пришлось переться по жаре и по пыли до первого поста местной самообороны. Там я спросил, где находится Ли. Из-за моего плохого вьетнамского и их ужаснейшего английского, они взяли палку и начертили в пыли бункер на противоположной стороне деревни. Я оставил им кое-что из своего рюкзака и медленно пошел через деревню.

Мне всегда нравился образ, звуки и запахи жителей Вьетнама во время их повседневной жизни. В деревне парень мог купить все — от бананового пива (оно варилось из местного вида маленьких, сладких бананов) и фруктового мороженого до опиума и

девятилетней сестры кого-то из детей. Я знал, какие магазины были безопасны для «Джи-Ай», и получал удовольствие от посещения открытого рынка. И хотя Ли сделал такие визиты максимально безопасными, я всегда оставался уязвим для убийства со стороны вьетконговцев. Тем не менее, я чувствовал себя спокойно.

Слух о том, что я в деревне, быстро распространился, и вскоре я оказался в окружении детворы. В тот день у меня не было для них жевательной резинки или конфет. Они были очень настойчивы, и я словил себя на мысли, что они обчистят меня в мгновение ока. Вдруг хлопок в ладоши и окрик заставили их разбежаться.

Я увидел одну из самых красивых женщин, с которой когда-либо встречался. Будучи выше, чем средняя вьетнамская женщина, она обладала утонченными, прекрасными чертами, характерными для детей из смешанных французско-вьетнамских семей. Прежде чем я смог поблагодарить ее, она спряталась за своим зонтом и пошла прочь. Эта короткая встреча оказала на меня неизгладимое впечатление. Я много раз был в деревне и не мог понять, почему я ее раньше не видел.

Я поспешил найти Ли прежде, чем у детей появится возможность собраться вновь. Он уже шел поприветствовать меня своим обычным жестом, протягивая руки, и приговаривая: «Ах, Джо, Джо, Джо». Мы всегда обнимались, радуясь, что оба все еще живы. Я успел как раз к обеду вместе ополченцами и при малейшей возможности ел с людьми. Мало того, что это было вкусно, это еще была и прекрасная возможность немножко отдохнуть от нашей столовской стряпни и сухих пайков.

Я попросил Ли взять пончо и расстелить его на земле. Когда он вернулся, я высыпал по центру содержимое своего рюкзака. Ли просто кивнул — для него это была высшая степень благодарности.

Мне потребовались недели, прежде чем я овладел способом сидеть по-вьетнамски — низко присесть на корточки, подвесив задницу над землей и оба колена приставить к грудной клетке.

Мы с Ли присели на корточки и начали разговаривать, когда местный ополченец принес мне мелкую пиалу с рисовой водкой. Я вспомнил о своей первой трапезе с ополченцами и о своем знакомстве с этой водкой крепостью в 190 пруфов.⁷² Тогда мне дали пиалу, подобную той, которую я держал, и походу с водой. «Отлично, — подумал я в тот момент, — у меня в горле просто пересохло». Я сделал большой глоток и сразу же начал задыхаться. Все засмеялись, а Ли положил мне руку на плечо и сказал:

— Медленно.

Он был прав. Когда я отхлебнул водку, меня окутало теплое, успокаивающее чувство. Затем появилась миска с рисом и овощами и мясом. Это было вкусно, но я не мог понять, что это за мясо, оно очень отличалось от того, что я пробовал раньше. Держа кусок мяса палочками для еды, я повернулся к солдату рядом с собой.

---

⁷² Пруф (*Proof*) — единица измерения крепости напитков в англоязычных странах. В настоящее время в США пруф равен удвоенному количеству градусов алкоголя, в Великобритании исторически был равен 7/4 градусов алкоголя, но сейчас не используется. Название восходит к XVI веку, когда в жалованье английских моряков входила порция рома. Чтобы убедиться, что ром не был разбавлен водой, доказательство (англ. *proof*) его крепости приводилось путём смачивания им пороха. Если смоченный ромом порох было невозможно зажечь, то крепость рома считалась недостаточной. Поскольку порох не горел в смеси с содержанием алкоголя ниже 57%, то крепость в 57 градусов стала называться «100° proof». Другими словами, главному герою дали почти чистый спирт.

— Ко-ко-ко? — спросил я, имитируя курицу.

— Гав-гав-гав, — ответил он. Была ли это собачатина или нет, но это было вкусно, и я был рад, что это не кошка или обезьяна.

То же самое знакомое, теплое чувство вновь расслабило сейчас мой уставший ум и тело. Пока мы ели, я спросил Ли о женщине, которую я видел в деревне. Он ответил, что ее зовут Энн Бай, и поскольку она не являлась чистокровной вьетнамкой, то была изгоем. Она была замужем за лейтенантом АРВН, которого убили год назад, и сейчас вполне неплохо жила за счет государственной пенсии.

— Такая красота — произнес я, — очень ценится в моей стране. Ты можешь устроить мне встречу с ней?

И он устроил ее.

Она жила в обычной хижине на задворках деревни. Я не брал с собой каких-либо подарков. Если бы я и взял что-то, то по вьетнамскому обычаю означало бы, что хозяйка или хозяин должны предложить что-либо взамен, а я не хотел, чтобы она заморачивалась этим. Она поприветствовала нас внутри, бросилась в подпол и вернулась с маленьким складным креслом, чтобы я мог сесть. Когда же я отказался от кресла и присел на корточки, лед был сломан.

Она присоединилась с банкой холодного американского пива и села напротив меня. Я смотрел на ее безупречное лицо, думал о том, как такой цветок мог выжить на фоне всего безумия, которое творилось во Вьетнаме, и едва ли мог догадываться о том, что за пиво я держу в руках. Ли тихонько выскользнул из хижины, и мы остались одни.

Внезапно у меня язык присох к небу, я лишь поблагодарил ее за пиво, и все, о чем я смог с ней заговорить — так это о её погибшем муже. Когда она заговорила, я был удивлен, насколько хорош ее английский.

— Он был убит в засаде вьетконговцами десять месяцев назад.

Война — чертовски плохое место, чтобы влюбиться, но это было как раз то, что произошло со мной, пока мы с ней разговаривали. Как и на любой войне, вопреки обстоятельствам страсти вспыхнули очень быстро. Я как будто переносился домой, хотя мы оба понимали, что в любое время одного из нас могут убить.

Хижина Энн часто была моей первой остановкой, когда я отправлялся в деревню, чтобы повидаться с Ли, и она всегда встречала меня банкой пива. В нашем гарнизонном магазине я обычно брал для нее конфеты, сигареты и еще кое-что по мелочи. Без разницы, было ли у нас время заниматься любовью или нет, это всегда было интенсивное взаимопроникновение мужчины и женщины, таких разных по мироощущению, но составлявших единое целое.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
31 августа 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Только что вернулся из церкви, и я рад, что сходил. Мне пришлось поделиться своим песенником с каким-то майором, но в остальном все прошло хорошо.

Маленькое примечание ко всем этим вещам — монеты, бумажные деньги и некоторые бумаги, написанные по-китайски, лежали в бункере, который я «чистил», когда мы находились в «Аризоне». Там же был тяжело раненный «Ви-Си», но в такие подробности я вдаваться не буду.

Одна катушка с пленкой была отснята в горах. Другая — в основном в «Аризоне». На самом деле, мне не нужны никакие фотографии, напоминающие мне об «Аризоне». Надеюсь, что все эти вещи доберутся до тебя в целости и сохранности.

*С любовью,
Джозеф*

***

Один раз «туннельная крыса» (солдат невысокого роста, проверявший систему подземных ходов и бункеров) спросил меня, не хочу ли я проверить бункер, который они только что грохнули.

Проверка вражеских бункеров — не самая безопасная вещь, особенно в «Аризоне». Я не был уверен, что со своим ростом в шесть футов и три дюйма⁷³ пролезу через туннель, но я никогда это не делал, и мне хотелось попробовать. Прихватив автоматический «Кольт» .45-го калибра, я последовал за ним на четвереньках в то, что снаружи выглядело обычным бункером. Затхлый воздух в туннеле был наполнен густым острым запахом разорвавшейся гранаты, и мы медленно продвигались вперед, при этом «крыса» постоянно проверяла пол и стены штыком на предмет мин-ловушек. Внутри самого бункера слышался слабый звук, и мы остановились, прислушиваясь. Мы знали, что это такое — это был безошибочный звук человека, захлебывающегося в собственной крови. Я взвел курок на своем «Кольте», и мы двинулись к темному открытому пространству впереди.

«Туннельные крысы» пользовались огромным уважением, но я полагал, что для того, чтобы заниматься этим, надо быть полностью ебанутым на всю голову.

Когда мы добрались до бункера, он быстро посветил фонариком вокруг, на секунду остановился в одном месте, затем снова начал перемещать свет.

— Твою ж мать, — произнес он, передвигаясь на открытое пространство основного бункера. — Иди сюда, только глянь на это.

Пока я полз за ним, он фокусировал свет своего фонарика на фигуре, лежащей у стены справа. Она и была источником звука, — девушка, боец Вьетконга, около двадцати пяти лет, с АК-47, все еще переброшенным через спину. Должно быть, она находилась очень близко к разорвавшейся гранате, — у нее на теле не было ни одного участка, на котором не было бы осколочных отверстий. Она уже была на последнем издыхании, но «крыса» протянул мне фонарик, а сам полез проверить, нет ли у нее гранат, и не лежит ли она на ней. Он осторожно подошел к ней и начал осматривать.

— Мда, без шансов, — сказал он, протягивая руку, липкую от крови, и забирая фонарик. — Глянь! — добавил он, освещая бункер. Только тогда я понял, что мы находимся в большом помещении, с туннелями, отходящими в нескольких направлениях. Место было забито различными припасами. Это был старый туннельный комплекс, ко-

---

⁷³ 1,9 метра.

торый годами оставался необнаруженным. Когда он перемещал луч света от туннеля к тоннелю, у меня возникло ощущение, что мы только что вошли в нетронутую могилу фараона. Здесь штабелями лежало оружие, боеприпасы, большие плетеные корзины риса, стопки документов, бумажные деньги, монеты и ящики с медикаментами. На многих ящиках были отгрузочные бирки, на которых было написано: «Помощь Народной Республике от ваших друзей из колледжа Беркли». Я уже не первый раз встречал подобные маркировки из разных университетов и общественных организаций Соединенных Штатов. Однако мое внимание привлек шелк. Около триста рулонов черного китайского шелка, который шел на пошив униформы — более чем достаточно, чтобы сделать любого человека в Штатах богачом. «Крыса» вытирал кровь с рук каким-то материалом, который, должно быть, стоил сотню баксов.

Мы набили свои карманы деньгами и документами, что никак не повлияло на размеры той кучи барахла. В туннелях было так тесно, что нам с трудом удалось вытащить женщину наружу. Там мы положили ее на землю. Она уже едва дышала, ее веки иногда еле моргали. Ей оставалось жить всего лишь пару минут. Когда мы уходили, какой-то подорванный «ворчун» стянул с нее штаны, засунул ей во влагалище сигнальную ракету и дернул за шнур. Ее живот мгновенно раздулся, и вся брюшная полость взорвалась, будто вулкан, с грохотом и дымом. Господи, есть ли предел всему этому?

В туннель вошли морпехи и начали вытаскивать оружие, боеприпасы и документы. Затем весь туннельный комплекс был подорван огромными зарядами С-4. Весь этот красивый шелк исчез, а на меня все происходящее навяло тоску.

***

*Снайперы-разведчики,
«Аризона» / Дананг,
13 сентября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Что ж, они снова это со мной сделали — первым же рейсом отправили обратно в «Аризону». Там мы пробыли до вчерашнего дня, после чего нас с Роном опять отправили в Дананг в снайперскую школу. В этот раз, прежде чем нас отправили в «Аризону», я заявил своему командиру отделения, что он пожалеет, если не отправит меня в школу, чтобы я мог хотя бы несколько дней отдохнуть. Ну наконец-то он это сделал. Мы с Роном пробудем здесь шесть дней.

Рон — мой новый напарник, и он мне нравится больше, чем любой из тех, которые были у меня до сих пор. Надеюсь, что обстоятельства нас не разлучат.

С тех пор, как мы покинули Ан-Хоа двенадцать дней назад, я не получал никаких писем, так что понятия не имею, что происходит дома. На самом деле мне почти нечего тебе писать. В «Аризоне» все было как обычно, за исключением того, что начались муссонные дожди. Они наконец-то пришли, и поверь мне, таких ливней ты еще не видела.

После смерти Хо Ши Мина было объявлено перемирие, и гуки немного успокоились. Но только не мы, чему я лично был очень рад. Как я уже писал, последние две недели прошли почти так же, как и до этого. Надеюсь, что в следующий раз меня назначат в более интересное место.

Эти ребята в Дананге хорошо устроились. Там повсюду расположены зоны отдыха и магазины военторга. Хочу так же сходить в солдатский клуб.

Да, ты помнишь Уолтерса, который был со мной и Поузи в Америке? Он тоже здесь, в снайперской школе. Я был очень рад его увидеть. Он уже слышал о Поузи. Уолтерс — снайпер 7-го полка морской пехоты, и несколько дней назад он видел Дейва Янга. Хотел бы и я быть таким фартовым. Насколько я слышал, подразделение О'Грейди находится примерно в пятнадцати милях отсюда.

Добро, мам, буду закругляться. Скоро напишу снова. Береги себя.

*С любовью,
Джозеф*

***

Первого сентября я со своим новым напарником, Роном Фиксом, был переброшен вертолетом в «Аризону», в расположение роты «Хоутел». Начался сезон муссонных дождей, и большую часть своего свободного времени мы тратили на чистку своих винтовок, чтобы они не ржавели. Это была бесконечная борьба за содержание всего нашего снаряжения в сухости.

Пребывание в «Аризоне» тут же отразилось на моей нервной системе. Когда у меня выпадало время поспать, мне тут же начинались сниться кошмары. К счастью, Рон был довольно наивным и веселым парнем, и я мог немножко подпитываться его энергией.

На следующую ночь на нас свалилось более трехсот минометных мин. Бывали времена, когда лучше было бы окапываться и времена, когда этого не стоило делать. В ту ночь я сделал неправильный выбор. В темноте, мы с Роном нырнули в ближайшую яму и не обнаружили там вообще никакого дна. Когда мы заскользили вниз, весь район осветился первыми осветительными ракетами, и мы поняли, что оказались в очень большой воронке от бомбы. Я крикнул Рону, что нам нужно выбираться из нее, но подняться вверх по грязным сторонам воронки никак не удавалось. Мы отчаянно схватились за край, и как только перекатились через него, в воронку попала одна мина, а вслед за ней и вторая. Если минометная мина попадет в воронку, она изрешетит каждую пядь ее стенок. Нам исключительно повезло, — мы очистили эту воронку буквально за долю секунды до взрыва, и лежали ничком, пока не прекратится обстрел. Я так много раз обманывал смерть, что чувствовал себя старым котом, у которого девять жизней, и который уже не помнил, какая это по счету. Рон хорошо действовал в этой ситуации, он станет хорошим командиром команды.

На следующий день мы покинули наше расположение с небольшим взводом (от двадцати до тридцати человек) для проведения планового патрулирования. Муссоны значительно ограничивали видимость ночью и в предрассветные часы, поэтому мы в основном ограничивались дневными патрулями.

Накануне днем прошел дождь, и сейчас было особенно жарко и влажно. Патрулирование оказалось долгим и будничным, не отмеченным никакими событиями, и когда мы на обратном пути находились в трех «кликах» от расположения роты, лейтенант объявил десятиминутный привал на небольшом пригорке размером около тридцати ярдов. Я даже еще не успел найти себе место, где пристроится, как вдруг один из «вор-

чунов» наступил на ловушку, сооруженную из минометной мины. Его правую ногу оторвало по колено, левая нога держалась только на лоскутах кожи и сухожилий, а живот, руки и подбородок получили множественные осколочные ранения. Я видел, как люди умирали и с меньшими ранами, однако этот парень упорно сражался за свою жизнь. Там не было никакой тени, и лучшее, что мы могли придумать — это положить на глаза раненого мою полевую панаму, чтобы уберечь от палящего солнца.

Лейтенант бросился ко мне с усталым выражением лица, в его глазах была боль. Медицинская эвакуация на пути к нам, но в тысяче ярдов отсюда замечено передвижение противника, которое могло бы отрезать нас от роты.

— Ты можешь их задержать, пока сюда не доберется санитарная «птичка» и не улетит обратно? — спросил он.

— Черт возьми, конечно! — ответил я, точно зная, что здесь нет никакой нормальной огневой позиции, и мне придется стрелять стоя. Попасть в движущуюся мишень на одной тысяче ярдов — нетривиальная задача даже при стрельбе лежа с упора, но стоя?

Рон посмотрел в бинокль и определил, что силы численностью около взвода передвигаются вдоль опушки леса на дистанции примерно в тысячу ярдов.

— Откуда ты собираешься стрелять? — спросил он.

— С тебя! — ответил я, приказав ему прикрыть уши и стоять настолько неподвижно, как только можно, и положил винтовку на его правое плечо. Установив прицел на тысячу ярдов, я взял поправку еще чуть вверх и — промахнулся. Взяв прицел еще чуть выше, я попал в одного. Они шли передо мной цепью, и я успел завалить пулеметчика, прежде чем остальные укрылись. Когда они снова попытались двинуться, я срезал человека, переносившего минометный ствол. Мне удалось рассеять их подразделение, и они пытались перегруппироваться.

Попытались дернуться еще четыре человека, которых я тоже уложил. По нам выстрелили несколькими трассерами, которые прошли довольно близко. Они были в отчаянии и пытались выбраться из положения, в котором оказались, но я поклялся себе, что они никуда не уйдут. После пятнадцати выстрелов с винтовки, тепловые волны, поднимающиеся от ствола, превратили картинку в прицеле в подобие изображения сквозь стакан с водой. Не знаю, как Рон стоял, — дульный срез находился всего в нескольких дюймах от его головы. Должно быть, каждый выстрел был для него сродни удару молотом.

Послышался чей-то крик:

— Вертолет!

Пока санитарная «птичка» садилась, я успел выстрелить еще несколько раз, глядя поверх прицела — тепловые волны сделали его бесполезным. После того, как вертолет улетел, в дело вступили наши минометы и тяжелая артиллерия, и я плюхнулся на землю, вытер пот с глаз и подобрал гильзы. Рон ходил кругами, трясая головой, пытаясь отойти от шока, которому я его подверг.

Ко мне подошел лейтенант, протянул мне мою панаму и просто сказал:

— Спасибо.

— За что? — переспросил я. Он ответил, что по «птичке» противник не сделал ни единого выстрела.

— Он еще жив? — задал я вопрос.

— Да. Дай мне свой формуляр, я подпишу его прямо сейчас. К нам идет третий взвод, потом мы проверим эту опушку.

Когда мы зачистили опушку, среди семнадцати тел, которые там были, я нашел шесть своих, а остальные погибли от артиллерийского огня. «Чарли» только что потеряли половину взвода, и пока я заполнял свой килл-лист, из моей головы никак не шел вид изуродованного морпеха. Меня это поразило, — ведь через это место прошли и мы с Роном, и еще несколько ребят, но именно этот парень наступил на эту ловушку. Почему, вашу мать?

В ночь на шестое число, после трехдневного затишья в связи со смертью Хо Ши Мина, мы пережили мощную атаку. Буквально за несколько минут после первого выстрела, весь периметр озарился красными сигнальными ракетами. Мы оказались как в тюрьме, окруженные со всех сторон. Нет ничего страшнее, чем вражеские войска, идущие на прорыв периметра, особенно ночью. Где бы ты не оказался в тот момент, тебе лучше было оставаться на месте. Стандартный порядок действий требовал, чтобы огонь открывался по всему, что двигалось, и совершенно не важно, был ли это гук или испуганный морпех.

Мы с Роном сидели спина к спине в нашей «лисьей норе»,⁷⁴ внимательно осматривая каждый свою сторону и пытаясь понять, какого черта тут вообще происходит. На базе стреляла каждая винтовка и каждый миномет. Вдруг два сильных взрыва потрясли нас. Один оказался настолько близко, что земля вокруг нас, казалось, перевернулась и мы треснулись о стенки окопа — вьетнамскому подрывнику удалось бросить свою сумку с подрывным зарядом на расстояние менее десяти футов от нас. Нас попросту контузило. Ремень моей винтовки был продет через мою руку, но вместо того, чтобы слететь с нее, винтовка отлетела назад, и ударила меня стволом по лицу, но я не понял, что у меня из носа идет кровь. Голова ходила ходуном, и последующие несколько минут я был как в тумане. Рон находился точно в таком же состоянии. Мы почти не слышали друг друга, но все-таки пытались донести, что пока еще живы.

Мы не могли прийти в себя до тех пор, пока серия осветительных снарядов не осветила всю местность вокруг будто днем. Рота едва держалась вместе. Артиллерия грохотала по периметру базы, и свет от осветительных ракет не давал нам с Роном провалиться в глубокий сон. Нам это нужно было, чтобы ослабить эффект контузии. Рано утром седьмого числа я очнулся, и увидел, что мы сами и наше снаряжение покрыто толстым слоем пыли и грязи. Я не смог встать — в моем теле болела каждая кость. Потом разбудил Рона и спросил его, все ли с ним в порядке.

— Что? — спросил он.

Я спросил еще громче:

— Ты в порядке?

— Да, но мои уши... — Я понимал, что он имеет в виду; в моих ушах точно так же сильно звенело.

— Пойду, скажу шкиперу, что сегодня мы не в лучшей форме для патруля. — Отряхнув слой пыли со своей панамы, я отправился на поиски ротного.

Как только я чуть отошел, то наткнулся на тело морпеха. Он, видимо, попытался дернуться куда-то во время атаки, и все выглядело так, будто он полз на четвереньках,

---

⁷⁴ Здесь имеется ввиду парный стрелковый окоп с перекрытой щелью.

когда между его грудью и землей упала граната. Никто даже не потрудился накрыть то, что осталось от его тела. Остальная часть его огневой группы молча сидела рядом, глядя в пустоту. Они только что потеряли своего собрата, и страдание отчетливо было видно на их лицах. Не знаю, почему, но в моей голове мелькнула мысль о том, что его убила одна из их собственных гранат.

— Где его снаряжение? — спросил я непреднамеренно громким голосом. Один из парней указал на рюкзак, лежащий рядом. Я раскрыл его, достал пончо и накрыл им его тело. После пошел дальше, не желая видеть снова эти страдальческие лица.

Шкипера я нашел склонившимся над картой, разговаривавшим с ганни и лейтенантом. Когда он глянул на меня, стало понятно, насколько он устал. Прежде чем я успел что-то сказать, он, как мне казалось, что-то мне пробормотал. Но на самом деле он не бормотал — это я просто его не слышал. Я тряхнул головой и показал на свои уши. Он заговорил громче.

— Сегодня патрулирования не будет!

Я кивнул и повернулся, чтобы уйти, когда вдруг понял, что мое лицо покрыто засохшей кровью от винтовки, которая ударила меня в нос. Я обошел весь периметр и увидел, что каждый находится в подавленном состоянии. Потом наткнулся на останки подрывника, чей заряд взорвался, будучи все еще привязанным к нему. От него осталась половина стопы и то, что напоминало фрагмент ноги. Это объясняло первый большой взрыв. Отправившись дальше, я обнаружил еще одного подрывника внутри периметра. Его застрелили то того, как он смог бросить свой заряд. Еще семь солдат НВА лежали мертвыми за пределами периметра. Если не считать кратера глубиной в пять футов возле нашего окопа, это было все.

Внезапно до меня дошел смысл того, что происходило. Подрывник, подошедший так близко к нам с Роном, прошел через периметр роты, проник к штабу подразделения, и смог выйти обратно. Поскольку у нас был только один мертвый морской пехотинец, а остальные вражеские тела находились за пределами периметра, это могло означать только одно: огневая группа не смогла собраться на своей позиции. Я вспомнил того мертвого «ворчуна» и остальную часть огневой группы. Выражение их лиц навсегда запечатлелось у меня в памяти.

Днем седьмого числа мы с Роном отдохали, к нам потихоньку возвращался слух. Нетрудно было заметить, что рота была деморализована, и только ради того, чтобы не допустить повторения событий прошлой ночи, мы отправились помогать линейным морпехам. Я сменил на командном пункте роты радиста, а Рон стал перемещаться из одной «лисьей норы» в другую, имея М-14 с установленным на ней ночным прицелом «Старлайт». Ночка предполагалась долгая, и Рон очень осторожно передвигался от одной огневой группы к другой, обозначая себя, чтобы его не спутали с подрывником. Видел ли он врага, или нет, было делом десятым — появление в каждом стрелковом окопе ночного прицела, пусть даже на короткое время, обнадеживало людей, да и мы знали, что они настороже. Рон осматривал местность и докладывал мне, так что я в любой момент знал, где он находится, на случай, если бы что-то случилось.

Нам понадобилась серия кодовых слов, чтобы мы называли их каждому, находящемуся в боевой линии — я не хотел, чтобы Рон получил пулю от какого-то нервного «ворчуна». Мы остановились на пароле «Снайпер», на который должен был последовать правильный отзыв: «Что снайпер?» Тогда Рон говорил: «Снайпер на позиции». Он

должен был повторить эту процедуру в тридцати или около того окопах, опоясывавших расположение роты. Я поделился этой идеей со шкипером, и прежде, чем я закончил говорить, он послал за лейтенантами, чтобы удостовериться, что никакой путаницы не возникнет. Все морпехи были на нервах, и малейшая ошибка могла стоить Рону жизни.

Ночью воздух был удушающим, москиты — жирными, а репеллент — не очень хорошим. Если бы я сделал глубокий вдох, то хапнул бы сразу несколько штук. Чтобы хоть как-то защититься от этих маленьких гадов, я поднял воротник и опустил рукава, и сидел, следя за контрольными щелчками постов прослушивания и слушая приглушенную болтовню роты, сидевшей на позиции. Как мы и спланировали, Рон обходил периметр. Восьмого числа мне исполнялось двадцать лет, и мне почему-то показалось, что мой день рождения должен пройти без происшествий. Вскоре, около часа ночи я получил подарок — звук летевшего снаряда, сопровождаемый ярким взрывом позади меня. Один из наших 155-мм снарядов, начиненных белым фосфором, бахнул прямо посреди командного пункта. Кто-то сделал неправильный вызов огня (дал набор чисел вместо полных координат) и выдал орудийному расчету координаты роты вместо места за пределами периметра. Расчет все сделал правильно, он отработал ту информацию, которую ему выдали. Когда на мой воротник и рукав упал горящий фосфор, я содрал с себя рубашку, а несколько человек выкатились из своих «лисьих нор», срывая разные элементы одежды. Удивительно, но только один человек получил ожоги, достаточно сильные, чтобы ему понадобилась медицинская эвакуация. Когда прилетела «птичка», я отозвал Рона обратно — мне не хотелось, чтобы он оставался на передовой.

На тыльной стороне шеи и на правом предплечье в меня появились волдыри, и, если я смогу уберечь их от заражения, то санитар сможет вылечить меня и в джунглях. Как только док наложил мазь от ожогов и повязку, у меня исчезли последние капли доверия к роте. В ней было слишком много необстрелянных людей, и я сомневался в ротном командовании.

Не все роты были такими же спаянными, как роты «Альфа», «Дельта» или «Чарли». При назначении в проблемную роту, решение работать в ней или нет оставалось за командиром снайперской команды. А это значило, что ланс-капрал или капрал сталкивались лбами с капитаном, а это было непросто. Ситуация должна была оправдывать действия, и все должно было делаться правильно.

Переговорив об этом с Роном, мы поняли, что они вроде еще не собираются нас убивать, так что мы тут чуть задержимся. Возможно, нам нужно было присматривать за нашими братьями-морпехами так же, как и за нашим противником, если не больше.

Утром одиннадцатого числа мы вышли со взводом, и только-только вошли в идеальное место для засады, как вдруг справа спереди по нам открыли огонь с опушки джунглей. Я шел в десяти шагах от лейтенанта, и прыгнул в сторону засады, но приземлился неудачно, и как только начал переползать к следующей насыпи на рисовом поле, из-за боли в груди мне показалось, что я сломал ребро. Над головой пролетели три гранаты от РПГ. Удар и взрыв в двадцати футах от меня. Дьявол, мне нужно добраться до этой насыпи. Оглянувшись, я увидел Рона и санитаря, которые укрылись за небольшой пагодой. Мое внимание снова переключилось вперед, когда лейтенант крикнул:

— Стреляю из гранатомета!

Как и у базуки,⁷⁵ у гранатомета LAW обратная реактивная струя представляла опасность на дальности до сорока футов. Этот офицер был «новичком Луи»,⁷⁶ он проскочил через один этап в порядке подготовки стрельбы из ручного противотанкового гранатомета — он не оглянулся проверить, чтобы в опасной зоне не было людей. А там позади него находился человек.

Он уже раздвинул трубу, и откинул пластиковую рамку прицела. Гранатомет был взведен и готов к стрельбе. Я находился всего в пятнадцати футах за ним.

— Стой! — Успел крикнуть я и попытался на карачках сделать поворот вправо, но знал, что у меня ничего не получится. Он нажал на спуск, и реактивная струя сбила меня на землю. Мои штанины оказались разорваны, верх моих ботинок оплавился, а силой струи меня отшвырнуло обратно к насыпи, к которой я направлялся изначально. За исключением незначительного ушиба на левой голени, мое тело не пострадало, но я был пиздец как зол.

Когда я добрался до дамбы, перестрелка уже закончилась, и обнаружился источник моей первоначальной боли — при приземлении я приложился о винтовку достаточно сильно, чтобы сбить прицел и ушибить себе ребра. Но несмотря на это, я был в бешенстве и хотел по-взрослому разобраться с офицером. По нам все еще спорадически постреливали из легкого стрелкового оружия, когда я начал на него орать:

— Гребаный мудака, что ты пытаешься сделать, оторвать мне чертову голову!?

Он что-то начал мычать о неповиновении, и я уже был готов ударить его прикладом, когда вмешался Рон. Он оттянул меня в сторону и громким, четким голосом сказал:

— Я держал его на прицеле, и если бы ты пострадал от реактивной струи, я бы его просто пристрелил.

Услышав Рона, лейтенант смертельно побледнел. Вот так из «новичков Луи» рождаются лейтенанты.

Мы с Роном ушли, обсуждая, что нам нужно сделать, чтобы выбраться с этой роты живыми. Взвод перегруппировывался, мы сели чуть поодаль, и пока разговаривали, я ножом обрезал то, что осталось от моих брюк на коленях, и починил оплавленные шнурки. У меня был план. Я сбил прицел, а это была та штука, которую мы с Роном могли исправить, только вернувшись в расположение роты. Снайперская винтовка — тонкая вещь, и если крепление имело хоть малейшее повреждение, то прицел выставить уже не получится. У нас не было иного выбора, кроме как забрать ее на ремонт в оружейку в Ан-Хоа, а оказавшись там, мы бы получили другое задание. Мы могли бы вообще избежать конфронтации. Раньше мне никогда не приходилось бросать в беде свою роту, и я хотел быть осторожным.

Когда мы вернулись в роту, я сказал капитану, что хотел бы пострелять в определенном секторе, чтобы проверить пристрелку своей винтовки. Сделав три выстрела, я

---

⁷⁵ Базука (*Bazooka*) — американское название динамореактивного (без отдачи при выстреле) ручного противотанкового гранатомёта, появившегося во время Второй мировой войны. Название «базука» после войны стало нарицательным и часто используется для обозначения противотанкового гранатомёта вообще, прежде всего в США (и вообще какого-либо большого и мощного орудия).

⁷⁶ «Новичок Луи» (*Boot Louie*) — лейтенант, которому только присвоили его воинское звание и который не обладает военным опытом.

привел винтовку к нормальному бою, но выстрелил еще несколько раз, чтобы все выглядело пристойно. Потом вернулся к капитану и сказал ему, что у меня возникла небольшая проблема с пристрелкой, и я не буду уверен в целостности и сохранности крепления прицела, пока я не воспользуюсь ею снова. Тогда еще я не знал, что мне не нужна такая сложная схема.

Рано утром следующего дня рота пришла в движение. Где-то через час, мы остановились на плато с видом на маленькую деревню, расположенную в семистах ярдах от нас. Мы с Роном внимательно осмотрели ее через прицел и бинокль и решили, что это дружественная деревня. Насколько я знаю, никто другой тоже не видел ничего угрожающего, что сделало последующие события еще более зловещими.

Капитан решил вызвать авиацию, и вскоре два «Фантома» сбросили на деревню полный груз напалма, превратив ее в один огромный огненный шар. Затем раздалась команда: «Снайперы — вперед!». Капитан показывал на фигуру, бегущую прямо к позиции роты.

— Стреляй — сказал он.

Мне не нужно было смотреть в бинокль, чтобы понять, что это молодая женщина с маленьким ребенком. Я было подумал, что что-то пропустил. Я посмотрел через прицел, и убедился, что это была женщина лет двадцати, с младенцем, которого она крепко сжимала обеими руками, бежавшая из ада, который несколько минут назад был ее домом. Я был поражен тем, что она пережила налет авиации.

— Это женщина с ребенком, — ответил я ему.

— Стреляй! — потребовал он более настойчиво.

Я посмотрел ему в глаза и понял, что он это говорит на полном серьезе. Мое разочарование этой ротой и этим командиром оказалось слишком велико. Я ткнул винтовкой прямо перед его лицом и заявил:

— Если хочешь, чтобы они умерли, стреляй сам.

— Это прямой приказ, морпех!

Без комментариев я повернулся к Рону и сказал готовиться к вылету на следующей «птичке». Мы отошли от роты, чтобы расположиться отдельно, тогда как капитан что-то продолжал орать о военном трибунале, гауптвахте и тому подобном.

Официально мы с Роном больше не были приданы роте, и когда сидели в ожидании «птички», то были готовы стрелять в любого, кто попытался бы нас остановить. Час спустя подсел вертолет, и мы побежали к нему, как вдруг увидели спрыгнувшего командира нашего отделения. Он спросил, куда мы собрались, и одновременно мы спросили его, что он тут делает.

Разговаривая, мы запрыгивали на борт — вертолеты в «Аризоне» не задерживались. Дейв Микс сообщил Рону и мне, что мы отправляемся в снайперскую школу в Дананг. Когда мы взлетели, я рассказал ему, что произошло. В ответ он только кивнул.

Как только мы приземлились, я отправился к шкиперу, и он молча выслушал мою историю. Когда я закончил, он наклонился вперед, и хитрая усмешка появилась у него на губах.

— А вот хер когда они получают другого снайпера!

Так и случилось.

В ту ночь мне впервые приснился кошмарный сон, который преследовал меня все время, пока я был на войне. Мне приснилось, что глубокой ночью на базу проник под-

рывник и задушил меня гарротой. Каждый раз мне снился один и тот же сон, и каждый раз я просыпался в холодном поту, с дико колотящимся сердцем.

Когда мы с Роном отправились в Дананг на переквалификацию, выиграть зажигалку за первое место уже не входило в мои планы. Мне хотелось на некоторое время выбраться из джунглей, да и у Рона уже проявлялись признаки боевой усталости.

Я хорошо знал Дананг, и между всеми этими занятиями мы собирались хорошенько зажечь. Я знал одно место, откуда можно выскользнуть из базы в местный бордель к шлюшкам и вернуться обратно, не будучи застреленным. Мы могли также отправиться на местную авиабазу и добыть лучшую жратву в американских вооруженных силах.

Там также находился «Холм свободы» с огромным военторгом, крепкий алкоголь в котором могли покупать военнослужащие в звании не ниже штаб-сержанта, но если у главного входа начинал маячить ланс-капрал в полевой форме, то какой-то «штабной» — ганни или кто-то еще в достаточно высоком звании — мог остановиться и спросить, что ему нужно. Я воспользовался этим на второй день, когда ко мне подошел майор и спросил, чего я хочу. Старший офицер просто так этого не сделал бы, и я опасался, что это какая-то ловушка.

— Э, водка, сэр? — запнулся я и потянулся в карман за деньгами.

— Ай, заberi свои деньги, — ответил он и открыл дверь. Вскоре майор вернулся и вручил мне пакет с двумя литрами водки крепостью в 100 пруфов.

— Держись подальше от неприятностей, морпех, — произнес он и ушел. Он дал мне достаточно выпивки, чтобы той же ночью все шесть снайперов в школе набухались в хлам.

Существовал один шанс на миллион, что в то же время в школе окажется Уолтерс. Дорогой Уолтерс! О, какие трюки он, вместе со мной и Поузи проделывал в этом мире. Мы втроем были очень дружны, настолько, насколько только могут быть дружны три человека. Всего шесть месяцев войны, и один из нас уже тяжело ранен. Когда мы разговаривали о Поузи, то всегда вспоминали те сумасшедшие вещи, которые мы устраивали все вместе в Штатах. Никто из нас не решался говорить об этом, но мы знали, что шансы на то, что кого-то из нас убьют или ранят до конца срока службы, с каждым днем увеличиваются.

Если у кого-то и был характер похуже, чем у меня, так это у Уолтерса. За пару дней до окончания школы мы накачивались алкоголем в солдатском клубе. На обратном пути к своим палаткам, по какой-то неизвестной мне причине, он прошел через палатку, полную «ворчунов». Кто-то что-то сказал, и завязалась драка. На следующее утро Уолтерс предстал перед офицерским собранием (предварительное слушание дисциплинарного дела перед комиссией, которое могло привести к военному трибуналу). Каждый снайпер был вызван в ротную канцелярию и расспрошен о подробностях инцидента.

Поскольку один из морпехов был черным, существовали опасения по поводу того, что конфликт возник на расовой почве. Я знал Брюса лучше всех и поэтому на допрос меня дернули первого. Майор, начальник стрельбища, знал, что снайперами трудно управлять, но «ворчуны» были разозлены, и он вынужден был хотя бы для вида показывать, что делу дан ход. Он спросил меня, что я знаю об этом.

— Ну, сэр, меня не было в палатке, поэтому я не могу ничего сказать определенно.

— Это потому, что один из них — негр? — задал он следующий вопрос.

— Понятия не имею, сэр.

Майор уже понял, что у него ничего не получится, но у него был последний вопрос, который он задал, откидываясь назад на своем стуле.

— Скажите мне, ланс-капрал Уард, как вы думаете, что там произошло?

— Майор, я давно знаком с Уолтерсом, и если он ударил кого-то, то это только потому, что тот парень это заслужил.

После этого меня отпустили, и на допрос был вызван следующий снайпер. От всех нас майор услышал ту же историю. «Держаться вместе и выжить!» — вот каков был наш девиз. В конечном итоге все было спущено на тормозах.

Мы закончили перекалфикацию, и когда настало время для каждого из нас возвращаться в свои подразделения, мы с Уолтерсом плакали и обнимались. Пройдет десять лет, прежде чем мы увидимся снова.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа, рота «Чарли»,
21 сентября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

У меня совсем немного времени, так что я быстро. Наконец-то встретил Майка О'Грейди. От Дананга пришлось долго идти пешком, ловить попутки, но все же я туда добрался. Майк находится ближе к Ан-Хоа, чем к Данангу. Вместе мы просидели всю ночь, и это было славно. У него все хорошо, так что можешь передать это его маме и папе. Мне очень не хотелось уезжать на следующий день, но нужно было возвращаться.

Мы с Роном прибыли в Ан-Хоа днем 19-го числа, и я был рад увидеть посылки от тебя. Не могу поверить, что мой праздничный пирог пришел в идеальном состоянии, так что у нас вроде как был поздний день рождения с пирогом и подарками. Все с нетерпением ждали, когда я открою посылки, и ребята очень быстро прикончили большую часть лакомств. Все свои носки, присыпку для ног, катушку с пленкой и как можно больше еды я сложил в свой рюкзак. Во время муссонных дождей присыпка для ног и чистые носки — это наиболее ценные вещи. Спасибо за все, это было круто!

После моего крайнего письма из Ан-Хоа, которое я написал после возвращения из «Аризоны», у меня определенно пошла какая-то лажа. Кажется, я уже говорил, что Дейв Микс подхватил малярию, и моим следующим напарником стал Дейв Саттлз, и именно он был ранен. Дейв Микс вернулся сюда и время от времени исполняет обязанности командира моего отделения. У Дэйва Саттлза дело идет на поправку, и он может вернуться в Ан-Хоа после медосмотра.

Прямо сейчас я опять в джунглях и придан роте С 1/5, и мы примерно в десяти милях от Ан-Хоа, недалеко от «Моста свободы». Вместе со мной моя снайперская винтовка с продольно-скользящим затвором и два новых напарника, оба прибыли в строну около трех недель назад, но они быстро учатся.

Так что, говоришь, Дейв Янг получил свое второе «Пурпурное сердце»? Теперь если он получит еще одно ранение, его отправят домой, каким бы незначительным оно не было. Я слышал, что собираются выводить 3-ю дивизию морской пехоты, и Ник, вероятно, уйдет с ними. Я здесь уже почти 6 месяцев, а после середины всё уже идет по нарастающей.

Отправляю очередную катушку фотопленки. Здесь есть несколько снимков Майка и моего праздничного пирога.

Добро, мам, если я поспешу, то смогу отправить письмо следующей «птичкой». Береги себя и передавай всем привет. Еще раз спасибо за все.

*С любовью,
Джозеф*

***

Когда мы с Роном покинули Дананг, вместо того, чтобы сесть на первую доступную «птичку», как и было указано в наших распоряжениях, я потащил Рона на одну из своих экскурсий. Я разнюхал, что на базе под названием «высота 37», в нескольких милях от дороги на Ан-Хоа, служит снабженцем Майк О'Грейди. Следующая запланированная «птичка» на высоту 37 должна была быть только поздним вечером. Я знал, что у нас с ним не будет много времени, но если схитрить, то мы могли бы оказаться там до полудня. Мы вернемся в Ан-Хоа с задержкой на один день, и ганни как всегда скажет:

— Опять поздно возвращаемся, Уард?

— Блин, ганни, трудно было поймать «птичку».

И тогда он ответит:

— Ну да, конечно. Сходи, отметься у своего командира отделения, уверен, что у него есть задание для тебя.

Первым мы остановили джип с двумя корейскими морпехами. Мы на мгновение заколебались, поскольку я вспомнил слова того «ворчуна»: «Не шути с корейцами». На пассажирском сиденье сидел капитан, поэтому я решил, что поездка, должно быть, безопасна. Когда он коротко кивнул в сторону задней части джипа, мы запрыгнули внутрь. Рон наклонился и с широкой улыбкой сказал:

— Может, они еще не завтракали, а мы и являемся этим завтраком.

Пока мы ехали несколько миль до нашего поворота, я с восхищением наблюдал за ними. Казалось, что они целиком отутюжены и накрахмалены, головы были напыщенно подняты, а глаза направлены только вперед. Их униформа была безупречна. «Классно они выглядят», — подумал я, когда мы вышли на нашей остановке. Мы поблагодарили их, и капитан быстро поклонился, потом глаза снова уставились только прямо вперед, и они уехали. Мне явно начали нравиться корейцы и я их уважал. Мы прошли пешком пару миль, прежде чем поднебесный пилот (священник) подобрал нас и подкинул до пункта назначения.

Найти Майка оказалась несложно, база на высоте 37 была не такой уж большой. Он не мог поверить своим глазам, что это был я. Было здорово увидеть родного человека и понимать, что как минимум двое из нас четверых все еще живы. Работа снабженца означала, что Майку не составило труда добыть бутылку шотландского виски, после чего мы уселись и начали выводить войну из своей головы, по крайней мере, на одну

ночь. Наша беседа вернулась к воспоминаниям о довоенном времени, об учебе в колледже и тех безумных вещах, которые мы вытворяли. Время пролетело просто незаметно.

На следующее утро мы с Роном должны были прыгнуть на первый борт, вылетавший на Ан-Хоа. Пока мы готовились к вылету, Майк исчез и вскоре прибежал с двумя бутылками скотча.

— Вот, прихватите это с собой!

Пока мы шли на посадочную площадку, я постоянно оборачивался. Он просто стоял там и улыбался самой грустной улыбкой на свете. Я махнул рукой, и мы побежали к нашему вертолету.

Мы приземлились в Ан-Хоа, и я отправился доложить ганни. Вручив ему наши распоряжения, я услышал:

— Опять поздно возвращаемся, Уард?

— Блин, ганни, трудно было поймать «птичку».

— Ну да, конечно. Сходи, отметься у своего командира отделения, уверен, что у него есть задание для тебя.

Когда я добрался до своей палатки, моя койка была завалена посылками. Мой день рождения! Я совсем о нем забыл. Прошло тринадцать дней с момента моего неожиданного подарка в «Аризоне». В армии слухи разносятся очень быстро, и довольно скоро все снайперы, находившиеся на базе, оказались в моей палатке. Некоторые парни выглядели очень забавно. Я думаю, что на протяжении нескольких дней они засматривались на эти посылки, ожидая, когда я вернусь. Хм, все это серьезно, подумал я, отделяя пакеты, которые хотел открыть сам.

Как только все остальное оказалось на столе, воцарился хаос. Мне приходилось кричать на людей, разрывающих коробки:

— Носки, присыпку для ног и фото пленку вернуть мне!

Пока я открывал посылки и читал открытки, меня забросали носками, фото пленкой и баночками с присыпкой для ног. Ганни взял себе кусочек пирога, и еще один я ему дал, чтобы он отнес шкиперу. День рождения был не у меня, он был у всех нас.

Я еще никогда не видел, чтобы человек так быстро заболел малярией, как это случилось с Дейвом Миксом. В конце сентября мы находились на высоте 65, сидя на одной из двух снайперских вышек. Она стояла на возвышенности, несколько в стороне от основного расположения базы, и отличалась от обычной вышки тем, что на ней был установлен пулемет .50-го калибра с оптическим прицелом, позволявшим вести точный огонь на дальность до 3000 ярдов. Эту вышку снайперы иногда занимали днем, а ночью сидели на основной, вооружившись винтовкой М-14 и «Старлайтом». Крупнокалиберный пулемет использовался в основном для того, чтобы удерживать людей и лодки как можно дальше от этого сектора. Из него можно было вести огонь бронебойно-фугасными патронами, и однажды мне удалось потопить пустой сампан⁷⁷ на реке в двух тысячах ярдов, когда пулемет заклинил — пулю расплющило о стенку патронника, и пока я извлекал патрон, который, к счастью, не выстрелил, то забыл о Дейве, сидящем позади меня. Выстрелив несколько раз, чтобы убедиться, что пулемет работает нормально, я повернулся, чтобы что-то сказать Дейву, как вдруг он стал оседать мне на руки. Когда мы выходили на задачу, с ним все было в порядке. но всего за несколько

---

⁷⁷ Сампан — китайская лодка, служащая также и жилищем.

минут он пожелтел и настолько ослабел, что мне пришлось помогать ему спускаться с башни. Вдвоем мы видели достаточно много случаев малярии, чтобы понимать, что он нуждается в немедленной медицинской помощи. Я спросил его, может ли он пройти сто метров до медпункта, и он ответил, что справится, но было видно, как его шатало.

С помощью телефона на вышке, я запросил замену как можно быстрее. Пятнадцать минут спустя ко мне прибыл единственный свободный снайпер, находившийся на высоте, и я помчался в медпункт. Прошло не более получаса с момента заклинивания пулемета, когда я добрался до медиков, где и обнаружил Дейва на посадочной площадке, ожидавшего срочной эвакуации в больницу Дананга.

Его температура прыгнула почти до 41 градуса, и я не мог поверить, что они с ним делают. Он был совершенно голым и лежал на резиновом матрасе, внутри которого по трубкам циркулировала ледяная вода. Он был полностью обложен льдом, особенно в области паха и подмышек. В каждой руке было по капельнице, и над всем этим висел большой вентилятор, обдувавший его с полной силой. Каждая клетка его тела дрожала от холода. Я знал, что внутри он горел, и если это не контролировать, то температура будет расти до тех пор, пока у него не случится повреждение мозга или он не умрет. Его зубы стучали так сильно, что он не мог говорить. Единственное, что я смог разобрать, было: «Моя экипировка». Я опасался, что он сломает зубы или откусит себе язык, поэтому схватил влажную тряпку и сунул ему в рот. Он сжал ее, как тисками, и качнул головой, благодарный даже за такое облегчение. Приземлился вертолет, и его забрали. Я собрал его снаряжение и вернулся к нашей палатке, думая на каждом шагу: «Господи Боже, не дай мне заболеть малярией».

К тому времени, как я узнал, что Дейв Янг ранен во второй раз, у меня уже были очень серьезные сомнения, что мы все вчетвером вернемся домой живыми.

***

*Снайперы-разведчики,
Безымянная высота недалеко от «Аризоны»,
25 сентября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Вчера получил от тебя четыре письма, которым очень обрадовался. Прошло уже много дней с тех пор, как мы получали почту.

Во время муссонных дождей здесь становится прохладнее. Собственно, тут не так и холодно, временами бывает и 40, и 50 градусов,⁷⁸ но для тех, кто привык к 120 градусам, это действительно прохлада. Последние пару дней дождя не было; не ожидал, что он может не идти так долго. Однако к концу месяца ожидается еще более семнадцати дюймов⁷⁹ осадков.

Мы расположились на холме прямо напротив «Аризоны» и пробудем здесь еще пару-тройку дней. С тех пор как нас придали этой роте, у нас всего пару раз возникали

---

⁷⁸ От 5 до 10 градусов Цельсия.

⁷⁹ Почти 45 см.

стычки. Это довольно-таки хорошая рота, и в основном мы выходим парой на «свободную охоту» — работа, которую я люблю выполнять.

Слышал по радио, что дома температура опустилась до 50 градусов. Думаю, зима уже на пороге. У нас тут ходит шутка насчет того, пойдет снег или нет. У звуков действительно возникнут большие неприятности, если снег выпадет фута на три.

Вряд ли действия Никсона способны остановить эту войну. Единственное, чего они добьются, выводя войска, — это усложнят задачу тем, кто должен остаться и продолжать вести войну. Если они будут продолжать так вести дела, то шансов победить нет никаких. По правде говоря, я не понимаю, как можно поддерживать такой высокий моральный дух войск, и от этого стал еще больше уважать парней, с которыми я хожу в джунгли.

Да, им не хватает снайперов. Мы не можем держать команду вместе со всеми, поэтому нас часто перебрасывают с места на место. Черт побери, приятно, когда ты востребован, не так ли?

Ходили ли мы в солдатский клуб в Дананге? Мам, ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы спрашивать об этом. Тут такой шанс выпадает очень редко.

Я здесь уже 220 дней. Скоро я начну думать, что это не так уж и много. Передай Лауре, чтобы не унывала — она оглянуться не успеет, как я вернусь. Ну, а ты не принимай всё близко к сердцу. Сильно не переживай, потому что мне сейчас гораздо лучше, чем раньше. Береги себя.

*С любовью,
Джозеф*

***

Перед тем, как покинуть Ан-Хоа и прибыть в подчинение роте «Чарли», мы с Роном провернули еще одно задание. Это была «свободная охота» с изюминкой. И это была не та операция, которую мы планировали и выполняли самостоятельно. Задание поступило даже не из штаба, а от информации, полученной Ли Оутом. Он услышал о командире северовьетнамцев, у которого появилась плохая привычка постоянно навещать свою подружку, жившую в деревне Зянг-Хоа, примерно в 13 кликах к северу от Ан-Хоа.

Ведение «свободной охоты» являлось наиболее опасной и сложной задачей, с которой сталкивались снайперы, и во время войны я участвовал примерно в двадцати пяти подобных операциях, и ни одна из которых не длилась свыше семидесяти двух часов. Ношение радиостанции только замедляло нас и сильно затрудняло бесшумное передвижение, поэтому выходя на такое задание, мы знали, что были предоставлены сами себе. Подготовка к ведению «свободной охоты», такой как эта, моей двенадцатой по счету, была чрезвычайно сложной. Мы неоднократно изучали топографические карты и видели два затруднения. Самым опасным было совершить переход на тринадцать кликов, и остаться необнаруженным. Второе затруднение — пересечь реку Тху Бон, не зная, насколько она глубока.

В 3 часа ночи 22-го числа мы с Роном подготовились к выходу с первыми лучами света. Как обычно, мы надели камуфляж, трижды проверили все свое снаряжение и кратко повторили весь порядок действий, однако что-то в этой конкретной «охоте» за-

ставляло наше очко сжиматься. В конце концов, мы списали это на долгий дневной переход и преодоление реки вброд.

Мы выдвинулись в 05.00 и через полклика прошли мимо деревни Ан-Хоа, когда солнце выглянуло из-за горизонта. В течение дня нам приходилось постоянно менять свой маршрут, чтобы избежать встреч с фермерами и местным населением, с которыми мы могли столкнуться. Быть замеченным кем-либо означало провалить операцию.

Менее чем за час до заката мы достигли реки. Рон пошел впереди меня, постоянно прощупывая дно, чтобы мы оба не попали в яму. Было крайне важно, чтобы я не упал и не намочил прицел.

Было почти темно, когда мы добрались до противоположного берега, где и расположились на ночь, сняли с себя камуфляж, развесили его сушиться, завернулись в пончо и по очереди спали и вели наблюдение. Оба замерзли и устали.

До рассвета мы снова были уже в пути, двигаясь в темноте со скоростью улитки, чтобы избежать мин-ловушек. Когда мы приблизились к району нашей предполагаемой огневой позиции, Солнце уже поднялось. Мы должны были проползти последние пятьсот ярдов и замаскироваться на своей огневой позиции в восьмистах ярдах от тропы. Вскоре мы обнаружили, что тропа, предположительно используемая командиром северовьетнамской армии, интенсивно используется, и нам придется смотреть во все глаза, чтобы как-то выцелить свою цель в потоке местных жителей. Далеко не самая идеальная ситуация.

Участок тропы, ведущей от густо поросшего холма, откуда обычно капитан приезжал в деревню, был длиной около мили. Окружающая местность была равнинной и открытой. В Зянг-Хоа, которая состояла сплошь из соломенных хижин, окруженных густыми деревьями и высокой травой по колено, проживало от ста до трехсот человек.

Моя работа заключалась в том, чтобы наблюдать за холмом и ждать его появления, — если оно, конечно, наступит. Дьявол, насколько я знал, он мог вообще изменить свой распорядок и вообще не появиться в тот день. Рон вел наблюдение за участком от точки предполагаемого поражения цели до деревни.

Вскоре на тропе появились местные жители. Старики тащили повозки со свежими овощами, женщины несли на плечах корзины с рисом, держа равновесие, несколько человек проехали на велосипедах. Рон посмотрел на меня и в отчаянии произнес:

— Черт, Уард, да там как на шоссе!

— Да, и уже почти десять часов. Мы не можем дать парню много времени, прежде чем отложим операцию. Полагаю, он ждет момента, пока сможет смешаться с сельскими жителями, — ответил я. Рон кивнул в знак согласия.

С утренним солнцем пришли жара и влажность. Вскоре на нас, подобно мерцающему облаку, обрушился рой комаров. Ситуация быстро ухудшалась. Нам обоим пришлось переворачиваться и ссать лежа, запах мочи раздражал так же, как и мошкара. Для снайпера с диареей также было вполне обыденным и срать на позиции. Приходилось терпеть и запахи, и насекомых, поскольку передвижение могло демаскировать нашу позицию. Когда мы вытерли пот с шеи и лица, наши ладони оказались покрыты сплошной черной массой раздавленных комаров. Посмотрев друг на друга, мы просто покачали головами.

— Полдень, Рон, мы даем ему время до полудня. Если он не появится к тому времени, мы уходим.

— Отличная, мать ее, идея, парень!

В 10.40 из-за холма осторожно вышел человек, ненадолго остановился, чтобы осмотреться, и направился к деревне. Он был одет в гражданскую одежду, но его действия выдавали напряжение. Даже на дистанции 1200 ярдов я чувствовал, что он нервничает. Бинокль был более мощным, чем прицел, и когда Рон посмотрел на него, все, что он смог сказать, было:

— Черт возьми, это должен быть он! Он соответствует описанию, и я вижу часть кобуры, торчащую из-под низа его рубашки!

На меня накатило и быстро прошло знакомое чувство нервного ожидания. Я обернул пот с глаз и наблюдал, как он приблизился ближе к зоне поражения. В моей голове громоздились вопросы. Зачем человеку в таком звании постоянно придерживаться одного и того же, такого опасного, образа действий, — снова и снова ездить в одну и ту же деревню? Почему он пошел днем? Он что, боялся ночной засады? Или чувствовал себя более привычно, когда пытался слиться с крестьянами? Мои умозаключения прервала одна пугающая мысль: а что, если этот парень вовсе не офицер, а просто «наживка», — «одноразовый» человек, расходный материал, подстава, которого выдают за офицера? Вьетконговцы, безусловно, обменяли бы жизнь одного рядового, чтобы подловить пару снайперов. Я быстро отбросил эту идею как слишком чудовищную, чтобы раздумывать над ней и сосредоточился на работе.

В девяти сотнях ярдов от него, я начал медленно нажимать на спусковой крючок. На восьмистах ярдах я произвел выстрел. Пуля попала ему в грудь с силой, достаточной для того, чтобы чуть приподнять его и отбросить назад на несколько футов. Люди на тропе рассыпались, будто солома на ветру. Мы прождали двадцать минут. Я смотрел на тело, лежавшее на тропе, пока Рон осматривал местность в поиске чего-то необычного. После этого мы начали двигаться, выбравшись, окоченевшими и больными от долгого лежания, из-под листьев и веток, служивших нам укрытием. Если бы это оказалась ловушка, то по мере нашего движения к цели это скоро стало бы известно. Когда мы добрались до тела, я начал его обыскивать, а Рон продолжал наблюдать за округой. Было очевидно, что этот человек упитан и ухожен, и до того, как моя пуля пронзила ему сердце, он был очень здоров. Я проверил одежду на наличие документов и ничего не нашел. Чуть помедлил, вспомнив о женщине в Зянг-Хоа, ожидавшей человека, который к ней больше никогда не придет.

— Капитан Лавлорн, — пробормотал я.⁸⁰

— Что?

— Ничего, Рон. Просто разговариваю сам с собой.

Когда я извлек из его кобуры пистолет, и увидел, что на рукоятке вырезана красная звезда, моя сентиментальность исчезла. Я положил один из своих матчевых патронов ему на грудь и сунул пистолет в набедренный карман.

— Я закончил. Валим отсюда!

Медленной, равномерной рысью мы отошли примерно на «клик», прежде чем остановились на отдых. Я заполнил килл-лист, добавив в него некоторые детали. Преодоление реки Тху Бон на обратном пути при дневном свете значительно облегчило

---

⁸⁰ Мрачная шутка снайпера. Лавлорн (англ. *Lovelorn*) — человек, покинутый любимой; страдающий от безнадежной любви.

наше возвращение. В Ан-Хоа мы вернулись полностью истощенные и немного грязные, я отправился прямо в палатку Ферджи и положил килл-лист ему на стол. Он только кивнул. Никто из нас не проронил ни слова. После этого я отправился к своей палатке, где и уснул во время чистки винтовки.

***

Если природа когда-либо и хитрит с Землей-матушкой, то это происходит во время муссонных дождей. Слово «дождь» не совсем точно описывает это явление. Лучше всего его можно охарактеризовать словом «потоп». Зачастую мы брали кусок мыла, раздевались и принимали душ во время ливня. Стоял конец сентября, и уже все жаловались на то, что просохнуть нет никакой возможности. Сезон муссонных дождей только начался.

В конце сентября нас с Роном Фиксом вновь придали роте «Эхо» 1/5. Все пристально наблюдали за центром территории «Аризона». Там была засада, только вот это была не совсем обычная засада. Мы беспомощно смотрели и слушали, как батальон морской пехоты избивался полком НВА. Из-за интенсивности авиационных и артиллерийских ударов, которые непрерывно вызывали морпехи, попытка добраться до них, оказавшихся в зоне поражения, была бы для нас или любого другого подразделения форменным самоубийством. Любая более-менее продолжительная пауза, дававшая нам возможность добраться до своих товарищей, также позволяла северо-вьетнамцам задавить их. Морские пехотинцы должны были сами выбираться из ловушки, и противник превосходил их численно в соотношении пять к одному. Мы были свидетелями отчаянной борьбы между тремя тысячами человек, длившейся целый день.

Пойманный в ловушку батальон получал артиллерийскую поддержку с каждой базы, находившейся в пределах досягаемости. На вражеские позиции сыпались сотни артиллерийских снарядов. Потом наступило короткое затишье, и почти сразу же появилось несколько реактивных самолетов, которые сбросили напалм и тысячефунтовые фугасные бомбы. Как только самолеты ушли, артиллерийский обстрел возобновился. К полудню дым и пыль от тысяч артиллерийских снарядов и бомб зловеще затянули большую часть «Аризоны», как будто тонкий туман мог скрыть под ними зону поражения.

Час за часом мы внимательно слушали в эфире самое крупное и продолжительное сражение, которое мы наблюдали. Ближе к вечеру враг начал прогибаться под напором артиллерийских и авиационных ударов, которые по своей интенсивности не уступали никакой другой войне.

Наша общепринятая формула для потерь рассчитывалась как три или четыре раненых на одного погибшего. И хотя мы не могли оценить количество раненых, окончательный список погибших дал нам довольно хорошую пищу для размышлений. Пятьдесят три морских пехотинца погибло, включая командира батальона, что соответствовало выходу из строя целой роты. Оценка убитых и раненых солдат противника колебалась от нескольких сотен до более двух тысяч, однако если брать в расчет разницу в размерах обоих воинских формирований, то было ясно, что ни одна из сторон бой не выиграла. В «Аризону» все время прибывали все более и более обученные, лучше вооруженные и опытные подразделения НВА.

Снайперы являлись элитным подразделением. Мы прошли дополнительный путь в своей подготовке, начиная с учебного лагеря для новобранцев и заканчивая снайперской школой, но нас было так мало.

Помимо капитана, гани, сержанта, штаб-сержанта и двух или трех командиров отделений, редко когда на весь полк нас было более двадцати действующих снайперов или десяти команд из двух человек.

Статистические данные о количестве снайперов-разведчиков, которые служили во Вьетнаме, найти трудно. Максимум было десять снайперских взводов, которые были приданы каждому из следующих воинских частей и подразделений: 1-й и 3-й разведывательные батальоны, 1-й, 3-й, 4-й, 5-й, 7-й, 9-й, 26-й и 27-й полки морской пехоты. По численности это соответствует десяти офицерам и около 340 действующих снайперов.

Снайперы 5-го полка работали на вышках и в периметре трех основных баз, а также в Ан-Хоа и на «Мосту свободы». Команды поочередно придавались каждой роте полка, от «Альфа» до «Зулу», работали с местными ополченцами, и все же умудрялись выполнять специальные задания, которые иногда подкидывал штаб.

Черные, белые, коричневые и красные, — все мы приехали со всех концов Соединенных Штатов, но наши уникальные узы товарищества сделали нас единым целым. Наш сержант был филиппинцем, чей акцент почти никто не мог понять, когда он был в гневе.

Конечно, был Чак Мауинни, мой первый и единственный командир команды, и то наследие, которое он оставил после себя. Насколько мне известно, личный счет Чака (101 подтвержденное уничтожение) за всю войну превысил результат любого другого американца: каждый выстрел — точно в цель!

У нас в джунглях также было кое-что уникальное — «свободный огонь». Снайперы могли стрелять в любое время без разрешения. Мы были единственными военнослужащими, которым было разрешено вести огонь изнутри периметра баз поверх голов других морских пехотинцев. Большую часть времени, если только они не находились под огнем противника, морским пехотинцам приходилось получать разрешение от полкового командования на открытие ответного огня, и подобная задержка могла составлять несколько минут. Так как мы являлись частью полкового командования,⁸¹ у нас были полномочия самостоятельно начинать огневой контакт с противником. Само собой разумеется, что очень многие хотели иметь снайперов, и казалось, что мы всегда находились или в вертолете, или грузовике, перебрасываемые с одного задания на другое.

Если кто-то просил нас о работе, которая, по мнению шкипера, была неподходящей для снайперов (конечно, если только она не исходила от полкового штаба), то все, что ему нужно было сделать, это сказать: «Извините, все снайперы сейчас на задании» — что обычно оказывалось правдой. Если запрос поступал из штаба, то шкипер обязан был вывести нас на работу.

Поскольку мы были не только снайперами, но еще и разведчиками, у нас должно было быть развито шестое чувство. Если рота оставалась на ночь, и мы начинали копать окоп, то довольно скоро стучать лопатами начинали все. «Ворчуны» говорили:

---

⁸¹ Имеется в виду, что взвод снайперов-разведчиков подчинялся непосредственно штабу полка морской пехоты.

«Если снайперы начинают окапываться, окапываются все». Нас учили более внимательно наблюдать за окружающей обстановкой, и зачастую, после дневного поиска неприметных признаков присутствия вражеских войск или просеивания немногочисленных остатков заброшенного вражеского лагеря, мы действительно формировали весьма разумное представление о том, что может произойти в следующие несколько часов. Иногда это было просто внутреннее чутье.

Однажды я осознал, что за все это мне еще и платят. С учетом прибавки за работу в опасных условиях и «боевые» выплаты, я получал 43 цента в час.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
11 октября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Вчера получил твое письмо. Как обычно, я долго отвечаю. Не знаю, смогу ли я взять с собой свои письменные принадлежности, когда меня отправят обратно в джунгли, так как в прошлый раз все насквозь промокло. Что бы мы ни делали, результат будет тот же. Уже сейчас я вижу, что следующие три месяца будут просто паршивыми.

Да, мам, я помню про отпуск, но в этом месяце у меня его так и не было. В следующем месяце я вновь попытаюсь его получить, в надежде попасть в Австралию. У нас будет только шесть дней отпуска, и ты права, это не очень долго. Что меня реально бесит, так это то, что парни, воюющие в джунглях, которым отпуск действительно нужен, должны бороться, чтобы заполучить хотя бы один, в то время как некоторые парни в тылу могут ухватить два или даже три отпуска.

Только вернулся с «Аризона», и там нисколько не похолодало. Пожалуй, это не есть хорошо, так как это один из районов, который муссоны не затапливают полностью.

Ваш снегопад для меня как дар небес. Нам всегда сообщают, какая погода дома в определенных штатах, и в нашем в том числе.

Получил посылку, которую ты прислала. Не могу передать словами, что значат для меня твои посылки. Некоторые ребята не получают ничего, а ты восполняешь этот пробел. Так парни понимают, что с нашими людьми дома всё в порядке.

Буду закругляться. Похоже у вас там всё хорошо. Скажи бабуле, что мне понравилось её письмо. Береги себя, мама, и не беспокойся обо мне. Я в порядке, просто слегка намок.

*С любовью,
Джозеф*

***

Четвертого октября мы с Роном находились с ротой «Чарли», расположившись на ночь после форсирования реки в районе «Аризона» чуть ранее. Днем ничего не предвещало возможной атаки гуков, но я нутром чувствовал неладное.

Мы отрыли небольшую «лисью нору», которая по размеру как раз вмещала нас двоих в полный рост. Естественно, окоп такого типа усложнял применение оружия, но зато его было легче выкопать, и он обеспечивал лучшую защиту. Когда пробило 11 часов вечера, началась атака, сильная даже для такого места, как «Аризона».

Без всякого предупреждения по нам начали прицельно долбить ракетами и минами, с темпом два-три выстрела в секунду. В первые секунды перестрелки очень трудно думать, но одна вещь была очевидна — чтобы вести такой плотный огонь, нужна была как минимум рота тяжеловооруженных северо-вьетнамцев.

Мы с Роном одновременно нырнули в окоп и оказались лицом к лицу, вплотную друг к другу. Одно я знал точно, — если так будет продолжаться и дальше, огневой вал, который окутал нас, сможет подавить даже такую хорошо вооруженную и закрепившуюся роту, как «Чарли».

Один из нас должен был развернуться, чтобы у нас был круговой обзор, а это значило, что-либо я, либо Рон должны были подставиться под осколки, которые летали в воздухе. Хороший командир команды никогда не скажет своему напарнику или кому-либо другому под своим командованием сделать то, что он никогда не сделал бы сам.

Я передвинулся, чтобы подняться, и меня тут же отбросил назад кусок алюминия размером с ноготь, скорее всего, от оперения ракеты, которая только взорвалась в дереве рядом с нами. Он попал мне над правым глазом, и когда я взялся за него, чтобы вытащить, он все еще был горячий. Попади он на четверть дюйма ниже или окажись он из стали, это подпортило бы мою медицинскую книжку, но все обошлось. Я вытер струйку крови со своего глаза и попытался вытащить его снова. На этот раз у меня получилось, и пока я лежал в окопе, на тыльной стороне моей руки накапливались красные полосы от того, что я продолжал вытирать кровь со лба.

В то время как мы наблюдали за красными вспышками и ждали, пока снаряд не упадет в наш окоп, на нас летели грязь и ошметки деревьев. После непрерывного трехминутного обстрела стало понятно, что нас накрыло больше, чем остальную роту. Моя челюсть уже болела от того, что при каждом близком промахе, который встряхивал нас, я сильно стискивал зубы.

В суматохе шкиперу удалось выйти на связь с несколькими батареями крупного калибра на одной из баз, находившейся в пределах их досягаемости, и вызвать их огонь. Кто бы ни управлял этим оружием, но он отправлял 175-мм артиллерийские снаряды над нашими головами прямо на позиции противника с невероятной скоростью, о существовании такой я даже не догадывался. Артиллеристы наконец сравняли шансы, и вражеский огонь стал стихать. Наконец, «Чарли» решили, что оно того не стоит и отошли.

Рота устояла. При вспышках сигнальных ракет, освещавших район, я увидел, что за несколько минут рубеж роты превратился в нагромождение воронок и разбитых деревьев.

Я вытащил свою флягу, сел на край окопа и начал смывать кровь с глаза. Когда Рон увидел меня, он сказал:

— Пойду, найду санитаря.

Я хотел его остановить, но тут же передумал, так как знал, что даже небольшая царапина в джунглях может стать причиной опасного заражения, а санитар может обработать рану правильно.

После того, как док обработал рану антисептиком и наложил лейкопластырь, он произнес:

— Я представляю тебя к «Пурпурному Сердцу».

Я возразил. У нас было три погибших морских пехотинца и семь раненых, и я не считал себя вправе получить эту награду за столь незначительное ранение.

Когда он ушел, мне послышалось, как он бормотал себе под нос что-то о том, что он все равно включит меня в список. Несколько месяцев спустя я без всяких торжественных церемоний получил «Пурпурное Сердце» за этот случай из рук офисного клерка на Окинаве.

Рано утром 6-го октября роту «Чарли» перебросили в большую плоскую долину, где она и расположилась в трех четвертях мили от роты «Индия» 3/5, которая была прижата огнем вражеского снайпера, находившегося на опушке леса в тысяче ярдов от них. Он подстрелил уже пять человек, двоих из которых — насмерть. Я прикинул расстояние — до опушки выходило около двух тысяч ярдов, что технически превышало пределы эффективного огня из снайперской винтовки. Я попросил у шкипера разрешения подойти ближе.

— Отклоняю!

— Но шкипер, ребят прижали так крепко, что им приходится мочиться лежа. Им нужна помощь!

— Извини, Уард, но делай все, что ты можешь, прямо отсюда. Как только очистится небо, мы вызовем авиацию, и, черт побери, я не хочу, чтобы ты оказался там в тот момент.

Я ненадолго задумался о той снайперской дуэли в «Аризоне», которая произошла в середине августа, и в которой я чудом остался жив. Мы с Дейвом Саттлзом только вышли на предрассветную «свободную охоту», и наблюдали за линией деревьев в семи сотнях ярдов от нас, когда я заметил облачко дыма из винтовки. Через долю секунды пуля попала в двух футах передо мной. Я сделал глубокий вдох и выстрелил в ответ, попав своему противнику в лицо. Между двумя выстрелами прошло не более семи секунд. Когда мы обыскали тело, то нашли американский карабин М-1 с оптическим прицелом. Я еще удивился, как ему удалось в меня не попасть?

Отогнав воспоминания, я спросил шкипера, можем ли мы с Роном переместиться на огневую позицию, находившуюся в ста ярдах впереди нашего расположения.

— Хорошо, Уард, но держитесь поближе.

Последнее слово было за шкипером, и нам необходимо было выполнять его указания, но место, которое я выбрал, на самом деле было в двухстах ярдах. Восемнадцать сотен ярдов было лучше, чем две тысячи. Я действительно хотел поиметь того сукиного сына.

Рота «Чарли» забрасывала опушку минометными минами; рота «Индия» не имела более возможности использовать свои собственные. Мы проходили мимо минометного расчета, торопливо разворачивавшего мины и бросавшего их в трубу, как вдруг все закричали:

— Недолет!!!

Все рефлекторно попадали на землю. Недолет — это был выстрел из миномета, который мог поразить подразделение, стрелявшее из него. Такое происходило не часто и обычно не по вине расчета. В основном это было вызвано тем, что заряд мины горел

ненадлежащим образом, и если она вообще вылетела из трубы, то могла попасть куда угодно.

Я вытянул шею и увидел, как мина поднимается вверх на сто футов и снова падает вниз. Смотрел я на нее до того момента, пока она почти не упала в тридцати футах далее, после чего зарылся лицом в грязь и закрыл голову обеими руками. Свист осколков, пролетавших так близко от нас, почти заглушил звук взрыва. Никто не пострадал, и минометный расчет мог бы постебаться над этим, но это считалось не профессиональным и являлось верным путем к увольнению. Мы с Роном встали. Пока мы вытирали грязь с лица, один из «ворчунов» крикнул:

— Эй, отсыпь им побольше, ладно? — после чего послышался другой голос: — Промахнулся, давай еще раз! — потом несколько сальных шуток, и на этом все.

Мы побежали к небольшому возвышению, которое я выбрал в качестве огневой позиции. Это было не очень хорошее место, но шкипер был прав, — не стоило соваться слишком далеко, раз уж наготове были авиаудары. Мы лежали распластанные на земле, прежде чем я понял, что при определении дальности местность сыграла со мной злую шутку, и мы все еще находились в двух тысячах ярдов от деревьев. Я установил прицел на пятнадцать сотен ярдов и никак не мог вспомнить цифры, чтобы установить его на две тысячи. Порывшись в карманах, я извлек влажный лист бумаги, на котором были расписаны все установки прицела. Рон наблюдал за опушкой бинокль, а я переустанавливал прицел. Через пару минут он произнес:

— Я не вижу его.

Наши минометы все еще стреляли, и я через прицел рассматривал роту «Индия» на расстоянии.

— Они все еще лежат, — ответил я. — Он где-то там.

Я пристально разглядывал линию деревьев, пытаюсь понять, где он находится. Слабое облачко дыма, может быть вспышка выстрела, какое-то движение — что-нибудь. Через несколько минут мне пришлось отвести глаз от прицела. Я посмотрел на Рона, который тер лицо.

— Рон, ты видишь что-нибудь?

— Да ни хрена! Пять минут уже плююсь...

— Я тоже.

Я спросил у него, не собирается ли он дать огоньку, — может, мы сможем засечь вспышку выстрела, если он будет сделан в нашем направлении.

— Давай попробуем, — ответил он.

Я сказал ему вставить в винтовку М-14 магазин с трассирующими патронами и дать очередь по деревьям, чтобы не оставить никаких сомнений относительно нашего местоположения. Я всматривался сквозь прицел на все, что могло бы демаскировать вражеского снайпера, но не видел ничего, потом посмотрел на следующую огневую позицию, находившуюся в семистах ярдах дальше. Нам нужно было подойти поближе, чтобы найти этого парня, не говоря уже о том, чтобы сделать выстрел. Я посмотрел на небо и понял, что облака могут разойтись в любой момент, но когда подумал о том, что шкипер надерет мне задницу за это, то решил ничего не делать.

В течение последующих двух часов мы перепробовали все, что могли, чтобы привлечь внимание вражеского стрелка. В какой-то момент Рон даже встал и прыгнул, размахивая футболкой, но безрезультатно. Он не клюнул. Шкипер, когда смотрел, как

мы работаем, должно быть, подумал, что мы немного тронулись мозгами. В тот момент нам еще не было известно, что за это время вражеский снайпер застрелил еще одного человека в роте «Индия».

Когда облака начали рассеиваться, и первый из трех «Фантомов» вывалил свою бомбовую загрузку на опушку, рота «Индия» 3-го батальона 5-го полка морской пехоты была прижата к земле уже более пяти часов. Мы вели наблюдение в течение двух часов и не заметили ни малейшего намека на местонахождение снайпера. «А он хорош, — подумал я, — чертовски хорош!». Если у «Чарли» и существовало звание «снайпер-эксперт»,⁸² то этот явно находится в этой категории, поэтому я мысленно поставил себя на его место и начал думать как он. Наилучшая русская снайперская винтовка, которая могла быть у него, имела максимальную дальность стрельбы от 1200 до 1500 ярдов. В таких же условиях, из своей снайперской винтовки я мог поразить грудную мишень на дистанции максимум в две тысячи ярдов. Он знал, что не должен раскрывать свое местоположение, и сосредоточился на том, чтобы отстреливать роту, которая находилась у него в зоне поражения.

Дым от двух навесок 750-фунтовых бомб и напалма полностью закрыл нам обзор, поэтому мы с Роном вернулись в расположение роты. По возвращению, мы услышали по радиостанции на ротном командном пункте, что наша соседняя рота вызвала дополнительную авиаподдержку. Снайпер был жив и ранил еще одного человека. Думаю, что по последующем авианалете самолеты отбомбились по пустой опушке леса. Скорее всего, снайпер сделал то, что в тот момент сделал бы и я — просто свалил оттуда к чертовой маме.

Пока мы чистили свои винтовки, я подумал, что у дядюшки Хо сегодня выдался удачный денек. Всего за полдня один вражеский снайпер убил трех морпехов, ранил четверых, отвлек на себя две роты и шесть истребителей-бомбардировщиков, а мы даже и не учуяли его след.

Следующим утром морпехи из роты «Индия» были встревожены, — двоих часовых обнаружили с перерезанным горлом. Думаю, что к этому тоже был косвенно причастен тот снайпер, — ему удалось за целый день настолько измотать роту, что часовые попросту заснули на посту.

Погода на протяжении последующих трех дней была ужасной. Количество боестолкновений с врагом значительно сократилось. Мы, также, как и они, попросту увязли в грязи. Прилет случайной минометной мины казался незначительным неудобством по сравнению с тем, что мы целыми днями ходили вымокшие до нитки.

На рассвете девятого числа небо полностью прояснилось, и в спокойном прохладном утреннем воздухе я почувствовал опасность. Тем же утром, чуть позже, нам было приказано как можно быстрее уходить в Ан-Хоа.

В течение сорока восьми часов ожидался тайфун, и полк отводил на базы как можно больше своих людей. Для эвакуации дальних постов и подразделений, которые не успевали совершить марш, были задействованы все доступные вертолеты. Мы рассчитывали совершить форсированный марш на сорок «кликов» по местности, превратившейся из-за многодневных проливных ливней в сплошное болото. Чтобы успеть вовремя, нам нужно было перебраться через северную развилку реки Сон, чтобы выйти

---

⁸² Снайпер-эксперт — высшее квалификационное звание снайперов в Армии США.

из «Аризоны», срезать дорогу через середину острова Гоу Ной, а затем форсировать южную развилку Сон, чтобы выбраться на дорогу, ведущую в Ан-Хоа. Форсированный марш означал, что отдыхать мы будем не более пяти минут, да и то очень редко. Парни повеселели, и начали сбрасывать любой ненужный груз в костер — на счету был каждый фунт снаряжения.

Мы шли строго по времени но, достигнув реки, охренели. Обычно она была глубиной по пояс, но теперь, из-за ливней доходила до подбородков. Шкипер позвал лучшего пловца в роте. Подбежал крепкий, рыжий парень и быстренько снял с себя одежду. Завязав вокруг пояса нейлоновую веревку толщиной в четверть дюйма, он направился вверх по течению реки, чтобы компенсировать его, и нырнул. Что-то я ему совсем не завидовал. Ему надо было проплыть триста ярдов, и никто из нас не верил, что он сможет это проделать. Он справился с задачей за несколько очень тревожных минут, и выбравшись на берег и чуть отдышавшись, привязал веревку к ближайшему дереву. Раздалась команда:

— Если не хотите намокнуть, держитесь выше! — и мы начали форсирование.

«Последний вошел, первый вышел», — это очень хорошее эмпирическое правило для «Аризоны», поэтому мы с Роном переходили реку со вторым отделением. Чтобы винтовка не промокла, я обвил рукой веревку и поднял винтовку как можно выше, удерживая ее обеими руками. Когда мы пересекали реку, я смотрел на впереди идущего морпеха, чтобы он не вступил в яму.

Первый взвод, достигший противоположной стороны, установил пулеметы М-60, чтобы обеспечить охранение во время переправы остальной части роты. Некоторые из морпехов сняли свою одежду и развесили ее в бесполезной попытке хоть как-то ее просушить. К тому времени, когда крайний человек из четвертого взвода вошел в воду, головная часть роты находилась в четверти мили в глубине острова Гоу Ной, увязая по колено в липкой грязи. Когда в воде находилось крайнее отделение, противник открыл огонь из засады со стороны «Аризоны», чуть ниже по течению реки. Три «ворчуна», стоявшие посреди реки, были убиты мгновенно, и через прицел я наблюдал героические усилия по эвакуации тел под огнем противника. Два тела удалось вытащить, но третье уплыло вниз по течению в сторону Южно-Китайского моря.

Я посмотрел на противоположный берег и увидел дым от двух АК-47 в пятидесяти ярдах от того места, где мы вышли из «Аризоны». Кто знает, как долго они преследовали нас, ожидая такого подходящего момента.

Если бы я стоял, то мог бы выстрелить с семисот ярдов, что было весьма неплохо, но мне пришлось бы вести огонь в дюймах поверх голов людей, находившихся в колонне позади меня, и изо всех сил пытавшихся пробиться сквозь грязь. Решив не рисковать, мне оставалось лишь наблюдать через прицел на разыгравшуюся трагикомедию. Большая часть первого отделения была голой, их одежда все еще сушилась. В какой-то момент пулеметчик начал перебегать через песчаную полосу берега, расстреливая противоположную сторону из пулемета М-60, а из одежды на нем были только две патронные ленты, поспешно переброшенные через плечо.

Это была очень быстрая засада с ходу, однако она оказалась чрезвычайно эффективной. У четвертого взвода появилась еще одна проблема. В морской пехоте своих не бросают. Если кто-то получал ранение, медицинская эвакуация начиналась сразу же,

даже несмотря на нехватку вертолетов. В это же время отправляют и погибших, однако погибшие сами по себе не имеют приоритета — им уже все равно.

Четвертому взводу не нужно было вытаскивать их в одиночку. Каждый в роте, даже шкипер, поочередно менялись и держались за концы пончо, на котором лежали погибшие морпехи. Остров Гоу Ной превратился в жидкий суп, там были места, где нам приходилось буквально вытаскивать друг друга через грязь, хватаясь за руку или ремень винтовки человека, идущего за тобой, и налегать всем телом вперед, чтобы вытаскивать себя и своего товарища в место, где можно было бы подняться.

Когда настала наша с Роном очередь нести пончо, мне пришлось мысленно отвлечься и от груза, который мы несли, и от жгучей боли в ногах. Я вспомнил свои тренировки в лагере Кэмп-Пендлтон. Так получилось, что тогда в моем взводе оказался самый маленький парень во всей роте. Он весил не более 130 фунтов,⁸³ и когда рота совершала форсированный марш, командир взвода всегда давал парню камень весом в пятьдесят фунтов.⁸⁴ И с самого начала он ясно давал понять, что камень должен быть доставлен из точки А в точку Б, иначе нам всем придется проделать марш снова. В первый раз этот небольшой паренек с трудом пробежал сотню ярдов, но камень все же попал в нужное место.

Этот чертов камень стал источником гордости нашего взвода. Если переносивший его человек падал, мы поднимали и его, и груз. Если человек мешкал и не спешил поднимать камень, я хватал его и бежал с ним вперед, в голову взводной колонны, где он вновь начинал свое странное путешествие от одного человека к другому, пока мы маршировали. Мы могли передавать камень следующему взводу, но только не мои парни. Неважно, насколько это было тяжело, мы всегда несли его с собой. Во время нашего выпуска из учебного полка, на камне был нанесен краской номер нашего взвода, и он был установлен перед казармами, молчаливо ожидая следующих курсантов.

Я начал думать, что на сей раз «камень» слишком тяжел. Когда мои ноги подкосились полностью, я вспомнил, что находилось в пончо. Два тела, как и тот камень, были переданы спереди назад через всю роту, где они и остались. Там их снова подобрал замыкающий взвод и передал в голову колонны, когда мы уже достигли южной развилки реки Сон.

Чтобы выйти с острова Гоу Ной, мы воспользовались нашим обычным местом переправы. Брод здесь был шире, но мельче, чем на большей части реки, и тут между берегами были постоянно натянуты веревки. На противоположной стороне всегда находились плавающие транспортеры, чтобы при необходимости прикрыть огнем и помочь с эвакуацией погибших и раненых, особенно, когда веревки были скрыты под водой. Мы сделали это. В невероятных условиях рота «Чарли» за сутки преодолела маршрут, который планировала пройти за тридцать шесть часов. Утреннее небо постепенно приобретало зловещий темно-фиолетовый цвет, напоминая уродливый синяк.

Мы с Роном пересекли реку на машине-амфибии, вместе с командованием роты и двумя погибшими морскими пехотинцами, после чего отделились от роты и начали свой долгий путь к Ан-Хоа. Мы зашли в деревню с задней стороны, и, как бы мне не хотелось повидать Ли и Энн, я был слишком грязный и измотанный, чтобы там оста-

---

⁸³ 59 килограмм.

⁸⁴ 23 килограмма

навливаться. Все, о чем я мог думать в тот момент, — так это как добраться, помыться и просто вытянуть ноги. Рон и я с нетерпением ждали, пока немного обсохнем, но у приближающегося шторма были иные планы.

Когда мы шли через деревню, я обратил внимание, что владельцы магазинов опускали и закрывали ставни, а большинство сельских жителей сносили ценные вещи в свои убежища.

Когда мы добрались до Ан-Хоа, все были заняты тем, что задраивали базу, и поток людей заполнил наши палатки. В каждой восьмиместной палатке находилось больше десяти человек, и нам с Роном пришлось бороться за место на полу. Тут нужно понимать одну вещь — мы были очень закрытым подразделением. Обычно, чтобы попасть в наше расположение, посторонний должен был сопровождаться снайпером, но сейчас обстоятельства были из ряда вон выходящие. Даже в палатках у ганни и шкипера сидели люди.

Для такой закрытости было несколько причин. Основная из них состояла в том, что, будучи частью штаба подразделения, мы имели доступ к секретной информации. Также у нас было дорогостоящее вооружение. На черном рынке стоимость снайперской винтовки составляла две-три тысячи долларов, а за один небольшой винтовочный прицел ночного видения «Старлайт» для М-14 или М-16 можно было отхватить более восьми тысяч.

Находясь на базе, мы также старались избегать «ворчунов», чтобы снизить количество просьб от недовольных морских пехотинцев пристрелить их шкипера или ганни. Перед входом в наше расположение стоял ярко-красный знак, который в дружелюбном тоне уведомлял, что вы заходите на территорию снайперов, а в задней части расположения стоял большой, не очень дружелюбный, знак «Мрачный жнец» — наша эмблема, на которой ежедневно выставлялась цифра наших подтвержденных ликвидаций. За исключением случайного офицера или друга кого-либо из снайперов, я не припомню, чтобы кто-то смог объявиться на нашей территории без разрешения.

Душевые были оставлены открытыми, чтобы принять весь тот поток людей, возвращавшихся из джунглей, поэтому нам с Роном пришлось прождать полчаса в длинной очереди морпехов. Парни, постоянно обитавшие в тылу на базе, не имели возможности попасть внутрь. По сравнению с остальными, они были чистыми, поэтому их твердо и неизменно оттесняли назад в конец очереди, пока, наконец, они не сдались и не вернулись в свои подразделения.

Мы вошли в душ полностью одетыми, чтобы смыть как можно больше грязи с нашей одежды и ботинок, а потом уже разделись прямо под струями холодной воды. Вода в душе всегда была холодной. После трехминутного душа мы схватили мокрую форму и быстро запрыгнули назад в свою палатку, где переоделись в чистую, сухую униформу.

Заняв свои места на полу, я впервые за несколько дней почувствовали настоящую роскошь находится в сухости. Сразу же почистив свои винтовки, мы улеглись спать.

Поздно вечером я почувствовал постоянно усиливающийся ветер, который затем стал сопровождаться потоком дождя. Вскоре ветер достиг силы урагана, и казалось, что потоки дождя идут во все стороны. Все наши усилия надежно закрепить палатку не сработали — ветер с силой задувал по ее полог, и вода заливалась внутрь. Вскоре мы

снова вымокли, но крайний марш был настолько изнурительным, что растущая ярость шторма не помешала мне снова погрузиться в глубокий, но беспокойный сон.

Ночью вырубилось электричество. Кто-то повесил на опорном столбе палатки фонари, которые отбрасывали призрачные тени, качаясь вместе с движением палатки, которую ветер пытался сорвать.

Во сне я почувствовал странное ощущение. Открыв глаза, я увидел, что на моей груди сидит большая коричневая крыса, уставившись прямо на меня. Я подскочил, хлопнул крысу одной рукой, а другой потянулся к своему мачете. За то мгновение, которое понадобилось мне, чтобы подскочить на ноги, я, должно быть, использовал все ругательства, которые только были в моем словарном запасе. Шагнув за крысой, я споткнулся об одного спящего на полу человека и шлепнулся на другого. Они оба с криком проснулись, и вокруг меня начали появляться головы забеспокоившихся людей — палатка оказалась забита морпехами.

— Блядь, придурки, откуда вы все взялись? — заорал я.

Кто-то ответил мне:

— Нашу палатку сорвало ветром.

Остаток ночи я просидел, держа мачете на коленях, в ожидании возвращения крысы, но знал, что она не вернется. Возможно, это просто разыгрались нервы из-за того, что вокруг меня было столько незнакомцев.

К середине утра следующего дня Ан-Хоа оказалась в эпицентре урагана. Над базой установилось жуткое затишье, тогда как вокруг, на некотором расстоянии от нее, клубились и закручивались в ярости облака. Не прошло и двух часов, как нас накрыл другой край шторма. Мы попытались максимально обсушить внутреннюю часть палатки и вывести лишних людей из нашего расположения; у них было достаточно времени, чтобы починить свои собственные палатки.

Тридцать процентов палаток было снесено ветром, везде висели оборванные линии электропитания и телефонные провода, лагерь оказался завален мусором и обломками. Шторм ударил вновь, но он уже утратил большую часть своей разрушительной силы. Скорость ветра упала до 50 миль в час,⁸⁵ а значительная часть его энергии ушла в виде сильнейших ливней.

Я только что выжил в эпицентре урагана, но не считал нужным писать об этом домой. Здесь я находился шесть месяцев, и все еще не понимал, насколько уже заебался.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
17 октября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Уже поздно, но я постараюсь закончить письмо сегодня вечером. Только что получили известие, что на нас сегодня нападут, так что на наших М-14 уже установлены «Старлайты». Снайперы — единственные, кто может вести огонь изнутри пери-

---

⁸⁵ 80 км/ч.

метра. Обычно, когда передают такого рода сообщения, вероятность нападения составляет около 50 процентов.

Похоже, у вас действительно наступила зима. Как бы плохи не были дела, надо радоваться. Слышал, что есть места, где никогда не бывает снега. Догадываешься, какое место я имею в виду?

Да, война значительно поутихла. Мы не можем пробиться через эту грязь, а гуки — так тем более. В это время года они обычно уходят в горы, чтобы накопить силы перед весенним наступлением.

Как мы греемся? Никак. У нас есть прорезиненные дождевики, которые мы надеваем поверх своей полевой униформы, но дождь такой сильный, что мы все равно промокаем насквозь. Дождевик лишь немного помогает сохранить тепло тела, это единственная польза от него. Что касается сна, то мы обычно лежим в воде. Не такая уж большая проблема — мы и так все время вымокиши до нитки.

Прыгать по грязи действительно утомительно. Когда мы вернулись с острова Гоу Ной, в некоторых местах было по колено воды. Но в этом есть и свои плюсы — я получаю удовольствие, наблюдая, как парни падают в эту жижу. Со мной это происходило достаточно часто, так что я могу позволить себе смеяться над другими. Но если кто-то падает в воронку от бомбы со всем своим снаряжением, то может просто утонуть. Воронки заполнены водой и могут иметь глубину 20 или 30 футов, а увидеть мы их не можем, потому что все вокруг покрыто толщей воды около шести дюймов.

У меня новый напарник. Он новенький в этой стране и зовут его Пэт Зенишек. Пэт схватывает всё на лету и мне он нравится.

Я получил твое письмо с датой рождения Лауры, и успел прочитать его разок, прежде чем отправились в джунгли и письмо намокло так, что прочитать его снова стало невозможно. Не могла бы ты прислать его еще раз? Не понимаю, что со мной происходит. Когда я прибыл в Ан-Хоа, мне срочно понадобилось что-то из моего матросского чемодана, а я не мог вспомнить код к замку. У меня этот код со времен учебки, и я мог открыть его с закрытыми глазами. В конце концов пришлось его попросту сломать. Это место определенно плохо влияет на мозги.

Ну, мам, я не думаю, что буду ждать пиротехнику, уже полночь, так что мне лучше лечь спать. Рано утром мы с Пэт и ротой «Дельта» отправляемся в «Аризону». Прошу, не переживай просто потому, что мы будем в «Аризоне», — это уже мой шестой выход туда, и уже научился чувствовать это место. Кроме того, там меньше мин-ловушек, чем в большинстве других районов, а это одна из тех штук, которые пугают меня больше всего. Мне только что сообщили, что там что-то происходит. Передавай привет бабуле.

С любовью,
Джозеф

P.S. Кстати, мой командир отделения пошел и принес мне пару банок пива, а потом начал намекать, чтобы я постригся. Думаю, они совсем отчаялись. В джунглях совершенно не важно какой длины у меня волосы.

***

В шесть утра восемнадцатого числа облака достаточно рассеялись, чтобы нас перебросили вертолетами в «Аризону», и, зона высадки, как обычно, находилась под интенсивным огнем. На этот раз моим напарником был Пэт Зенишек. Снайперы часто меняли напарников из-за ранений, болезней, ротации или назначения на должность командира команды. Пэт был новичком в этой стране и произвел один из лучших чертовых выстрелов, которых я когда-либо видел. В «Аризоне» мы оказались, чтобы помочь подразделению АРВН, которое уже сутки вело непрерывный бой против «Чарли». Это будет первый и последний раз, когда я буду сражаться вместе с АРВН.

Когда мы приземлились, они почти неорганизованно выходили из того, что выглядело относительно легким боестолкновением. Шкипер роты «Дельта» был полон решимости заставить южно-вьетнамцев остановиться и сражаться. По нам открыли сильный огонь, и вскоре стало понятно, что АРВН — лишь приманка, а основная рыба — это мы.

Шкипер и ганни сумели перегруппировать подразделение АРВН, в то время как «Дельта» вступила в бой, чтобы организовать оборонительную позицию. Роту перебросили в «Аризону» на двенадцати «Чинуках». Обратное улетело десять — у двух вертолетов повреждения оказались слишком сильными, чтобы оторваться от земли, и сквозь дым и сумятицу я увидел, как экипаж одного из них бежит, чтобы запрыгнуть на борт другого.

В течение следующих нескольких дней мы, казалось, постоянно переносили убитых и раненых морских пехотинцев, и солдат армии Южного Вьетнама в армейские санитарные вертолеты, садившиеся с уже опущенными трапами, что обеспечивало посадку и взлет менее чем за две минуты.

К утру девятнадцатого числа южно-вьетнамцы перестали отходить, однако идти вперед все еще не собирались. Мы несли тяжелые потери. Шкипер выслал ганни, чтобы заставить их двигаться вперед, как только рота «Дельта» начала лобовую атаку на противника, — это было единственным способом выбраться из всего того дерьма, в котором мы оказались. В промежутках между медицинскими эвакуациями позиции противника подвергались артиллерийским ударам. Мы продвигались вперед с черепашьей скоростью, и к концу дня стало понятно, что мы сцепились с подготовленным и агрессивным батальоном регулярной северо-вьетнамской армии.

Лобовая атака — это конек морской пехоты. Сначала сильный артиллерийский налет, затем бросок вперед, пусть даже незначительный. У роты «Дельта» это хорошо получалось, а с пинками ганни в правильном направлении двинулись и южно-вьетнамцы. Нам предстояло выдерживать этот особый вид ада в течение нескольких часов, прежде чем мы переползли через вражеские тела и поняли, что мы на коне. Мы находились вне досягаемости любых орудий большого калибра, и было все еще слишком пасмурно для авиаударов, но точные и массированные налеты 105-мм и 155-мм орудий с небольших огневых баз, в радиусе поражения которых мы находились, собрали среди «Чарли» обильную жатву.

К полудню у роты начали заканчиваться боеприпасы, и транспортные «птички» сбрасывали свой груз с высоты ста футов, попадая при этом под испепеляющий огонь. Только три вертолета прибыли со свежими силами, всего около девяноста человек. Один из трех вертолетов «Сикорски» во время выгрузки получил минометную мину, и его экипажу пришлось ждать следующей санитарной «птички». Мы не планировали

задерживаться надолго, поэтому я захватил с собой только восемьдесят матчевых патронов, но уже потерял счет количеству выстрелов, сделанных из своей снайперской винтовки. Пэт опустошил весь свой боезапас, и мне пришлось отдать ему двадцать патронов, чтобы он смог набить ими один магазин к своей М-14.

Мы ползли сквозь кровавую бойню, и когда, наконец, добрались до брошенных позиций АРВН, то повсюду были разбросаны тела и их части. Грязь, кровь, пот и куски человеческой плоти смешались в адское месиво. Подняв глаза, я увидел, как один морпех, страдавший дизентерией, перевернулся, сдернул штаны и обдристал все прямо на месте. «Почему бы и нет, — подумалось мне. — Кто-то же должен был добавить к этой картине последний штрих».

Благодаря выдающемуся командованию, упрямой решимости роты «Дельта» не останавливаться в своем движении вперед и тысячам артиллерийских снарядов, к середине дня мы отеснили противника к подножию гор на дальней стороне «Аризоны». Казалось, противник отступал и, несомненно, был измотан, впрочем, как и мы. Пытаться бежать по крутым склонам холмов, покрытым густыми джунглями, было бы самоубийством, поэтому северо-вьетнамцы должны были пойти либо на север, либо на юг вдоль подножия гор, но в каком именно направлении, можно было только гадать. У шкипера уже был план, и он не собирался тратить время понапрасну, но сначала мы должны были убраться отсюда к чертовой матери и как можно быстрее, — «Боинги» Б-52 уже были на пути к нам, а мы находились в зоне поражения. Мы тут же побежали назад по земле, за которую только что так упорно боролись, приостанавливаясь только для того, чтобы подобрать убитых и раненых. Бомбардировщики должны были накрыть это место 500, 750 и 1000-фунтовыми бомбами.

Последняя санитарная «птичка» забрала раненых, и нам удалось преодолеть около тысячи ярдов, когда раздалась команда:

— Окопаться, у нас две минуты!

Бомбардировщики Б-52 вели бомбардировку с помощью радиолокационного прицела с высоты 30 000 футов и были безошибочно точны даже ночью и в плохую погоду. Я не беспокоился о том, что бомбы не попадут в цель, но у меня в голове определенно засела цифра в тысячу фунтов, а времени окапываться не оставалось.

По вьенконговцам вот-вот должно было ударить то, чего они боялись больше всего, да и мы должны были принять нехилую дозу этого удара. Пэт еще не видел до этого Б-52 в деле, и я не знал, что творилось у него в голове, когда я приказал ему укрыться за деревом, держась за его основание и не поднимать головы.

Я был свидетелем многих таких бомбардировок и всегда представлял себе, что самолеты, летящие высоко над головой — это гражданские реактивные лайнеры, летящие, чтобы забрать нас домой. Иллюзия всегда рассеивалась, когда первая из сотен бомб со свистом направлялась к земле. На этот раз моя иллюзия будет не рассеяна, она будет разбита нахрен вдребезги. Первые бомбы легли в пяти милях к югу от нашего последнего места соприкосновения с врагом и на десять миль к северу от подножия гор. Отдельные взрывы слились в один непрерывный гул, который усиливался по мере того, как бомбы ложились все ближе и ближе к нашему месторасположению. В ближайшей от нас точке падения, над нами с отвратительным свистом начали проноситься осколки тысячефунтовых бомб. Ударные волны, прокатывавшиеся сквозь землю и воздух, не

давали мне сфокусировать взгляд, а пейзаж, казалось, дрожал, как «Джелло».⁸⁶ Одному дьяволу было известно, что творится там, у врага.

Через минуту после того, как все стихло, шкипер поднял нас и снова повел в путь. За оставшиеся три часа светлого времени суток он хотел, чтобы мы оказались на три часа ближе к выходу из «Аризоны». Глаза Пэта выдавали его потрясение от того, что только что произошло, он был глубоко погружен в себя. На самом деле, находиться во Вьетнаме означало находится по уши погруженным в дерьмо. Когда мы двинулись дальше, то проходили мимо осколков, некоторые из которых были больше восьми футов длиной, несколько дюймов шириной, с острыми как бритва краями.

Солнце уже садилось, когда мы встретили транспортный вертолет и стали располагаться на ночь. Боеприпасы получили все, кроме нас с Пэтом. В М-14 и снайперской винтовке использовались одни и те же матчевые патроны. Каждая коробка матчевых патронов и каждый патрон в коробке должны были иметь один и тот же номер партии, что означало, что они были изготовлены на одном и том же заводе в один и тот же день и с одной и той же партией пороха. После того, как мы пристреливали свои винтовки патронами определенной партии, мы должны были использовать только эту партию боеприпасов, пока они не закончатся. После этого мы брали новую партию патронов, пристреливали винтовку и вновь использовали только эти патроны, пока они не закончатся, и так далее. Хотя точный тип боеприпасов для М-14, которой вооружался наблюдатель, стрелявший на дальность от пятисот ярдов до дальности прямого выстрела, был не столь важен, но для снайперской винтовки с продольно-скользящим затвором это была совсем другая история. В боевых условиях мы работали на дальностях от пятисот до почти двух тысяч ярдов, и даже малейшее отклонение от выстрела к выстрелу сделало бы точность винтовки совершенно недопустимой.

Пэт израсходовал двадцать патронов, которые я ему дал. Оставалось шестьдесят. Я считал оставшиеся у меня патроны — сорок девять. Внезапно на меня нахлынули события этого дня. До меня дошло, что я не заполнил ни одного килл-листа, и прикинул, что оставшихся сорока девяти патронов будет вполне достаточно, поскольку мы должны были пробыть в «Аризоне» ровно столько, сколько нужно было, чтобы выручить подразделение АРВН. Для получения большего количества патронов с тем же номером партии, мы должны были сесть на «птичку» до Ан-Хоа и вернуться обратно. Снайпер мог забыть настройки своего прицела, комбинацию на замке своего матросского чемодана, или даже напиться до такого состояния, чтоб не помнить собственное имя, но две вещи он не забывал никогда: номер партии боеприпасов, с которыми он работал в тот момент, и свой медицинский номер. (Медицинский номер представлял собой последние три цифры личного номера военнослужащего, и его использовали, чтобы следить за ним, когда он проходил через медицинские учреждения).

У нас было только одно преимущество — снайперская винтовка, винтовка М-14 и пулемет М-60 стреляли одним и тем же типом боеприпасов. Хотя валовые патроны к М-60 были слишком неточными для снайперской винтовки, но, по крайней мере, они прекрасно работали в М-14 в ближнем бою. Я отрыл для нас «лисью нору», пока Пэт опустошал пулеметную ленту и набивал свои магазины. И я рад, что в тот момент мы

---

⁸⁶ Джелло (*Jell-O*) — фирменное название концентрата желе, входившего в пищевой рацион.

не знали, что Пэту придется сделать это еще дважды, прежде чем мы выберемся из «Аризоны».

Б-52 определенно привлекли чье-то внимание, и я так и не понял, были ли они сумасшедшими или просто воспользовались улучшением погодных условий. Как бы там не было, в ту же ночь на нас обрушились удары, продолжавшиеся весь следующий день и ночь.

Утром третьего дня, двадцатого числа, мы с боем пробились в небольшую деревушку, которую только что сравнивали с землей артиллерийским огнем, и один «ворчун» буквально провалился через потайной люк в госпитальный бункер северных вьетнамцев. «Туннельная крыса» пошустрила там достаточно долго, чтобы обнаружить трех мертвых солдат НВА и медикаменты. «Чарли» были там всего несколько минут назад, иначе они забрали бы своих мертвецов. Поскольку у нас было слишком много дел, чтобы возиться с подрывом бункера, то шкипер отметил место на карте для последующей бомбардировки.

Враг заставлял нас двигаться по «Аризоне» зигзагами, перемещаясь не только вперед, но и в стороны. Санитарные вертолеты находились в режиме ожидания, готовые броситься между артиллерийскими налетами, чтобы забрать убитых и раненых. Один санитарный борт и один боевой вертолет «Кобра» были сбиты, а их экипажи погибли.

К концу четвертого дня мы все еще находились в двух милях от Сон Тху. До реки мы так и не добрались. Даже с прибытием подкрепления в девяносто человек, численность роты «Дельта» за это время сократилась до семидесяти одного морпеха. В роте АРВН от первоначальной численности в 240 человек, в строю осталось лишь сорок. По нашим же подсчетам, вьетконговцы потеряли по меньшей мере полторы тысячи. Потери с обеих сторон, всего за четыре дня боев, были ошеломляющими. Я потерял нескольких своих друзей, а те из нас, кто остался в живых, выглядели полумертвыми. На следующее утро шкипер запросил срочную эвакуацию.

Чтобы обеспечить такую возможность, самолеты в течение двух часов заливали напалмом всё вокруг нашего расположения. После такого выжигания окрестностей, три вертолета «Сикорски» попробовали сесть под обстрелом. Одну машину подбили, и ей пришлось вернуться обратно. Два других добрались, и морпехи вместе с южно-вьетнамцами ломанулись на борт. Мы с Пэтом сели в «птичку» вместе с пятьюдесятью двумя другими военнослужащими. Пятьдесят четыре человека стояли, тесно прижавшись друг к другу, в вертолете, рассчитанном на перевозку тридцати пяти солдат. Оба бортовых стрелка вели огонь из пулеметов .50-го калибра, грохот стоял оглушительный, но вскоре его затмил нарастающий звук вращающихся лопастей, когда летчики начали менять их шаг и увеличивать мощность двигателей. Мне пришлось заткнуть уши, потому что двигатели гудели все громче и громче, и вертолет начал вибрировать. «Ни малейшего шанса, — подумал я, — у нас же перегруз!» Сдвоенные турбины заревели на полную мощность, и я задавался вопросом, сколько еще можно выжать из двигателей, когда мы медленно поднялись в воздух, едва миновали линию деревьев впереди и постепенно набрали высоту около восьмисот футов во время двадцатиминутного полета до Ан-Хоа. Мы с Пэтом просто смотрели друг на друга и гадали, когда же один из винтов сломается к чертям собачьим от такой нагрузки.

В Ан-Хоа вертолет начал проделывать то, что поначалу показалось обычной посадкой, но когда мы приблизились к площадке приземления, стало очевидно, что борт недостаточно быстро снижает скорость. Винты ревели еще громче, чем когда мы покидали «Аризону». Вертолет ударился о середину площадки достаточно сильно, чтобы сломать переднее шасси, и заскользил на носу и задних колесах, но даже с такими повреждениями тот пилот совершил удивительный подвиг. Мы с Пэтом, вместе с другими американцами, спрыгнули на землю и поцеловали ее. Когда же мы отправились на доклад к своему командиру, я оглянулся на «птичку» — эта махина и ее летчик отдали все свои силы, чтобы вытащить нас. Позже нам стало известно, что другой вертолет не смог проделать весь наш путь и был вынужден сесть посреди острова Гоу Ной, чтобы распределить часть груза и пассажиров на другой вертолет. Тут меня посетила последняя мысль, и я решил проверить, сколько патронов у меня осталось. Четыре.

***

Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
25 октября 1969 г.

Дорогая мамочка,

Мне потребовалось несколько дней, чтобы успокоится настолько, чтобы написать это. В крайний раз у нас в «Аризоне» возникли проблемы, и теперь я буду здесь находиться до тех пор, пока я не увижу, как наступает мой отпуск. Я действительно в нем нуждаюсь. Пэт вернулся в «Аризону» с другим командиром команды. Мне не нравится менять напарников, но я опасаясь, что какие-то штабные крысы здесь, на базе, мой отпуск попросту спилят. С моими ногами все в порядке — присыпка и носки, которые ты мне прислала, здорово помогли.

Да, я очень рад, что Ник может быть выберется отсюда. Не могу избавиться от мыслей, что он уедет как раз вовремя. Я действительно сыт по горло местной американской политикой. Как только мы уйдем, гуки пройдутся по всей стране, а это значит, что сорок тысяч американцев погибли ни за что, ни про что. Люди, которые имеют такие вещи, как «белый билет», и демонстрируют его, вызывают у меня отвращение. Теперь сжигание американского флага или повестки о призыве на военную службу стало таким же привычным явлением, как и плевков на тротуар, и то, — за плевков ты выхватишь намного больше звиздюлей. Ты понятия не имеешь, как выглядит всё это дерьмо на самом деле, пока ты не согласишься на него со стороны — так, как вижу это я или ребята из других стран. Не знаю, наверное, причина, по которой я сейчас так расстроен, заключается в том, что в крайний раз в «Аризоне» мы снова обнаружили в бункере несколько ящиков с медикаментами с надписью: «Пожертвование Народной Республике от друзей из колледжа Беркли». Меня стошнило прямо на месте. Каждый раз, когда мы берем в руки «Звезды и полосы»,⁸⁷ то видим трындеж о мирных демонстрациях по всему миру, и, возможно, где-то там, среди кучи мусора, ты сможешь найти небольшое упоминание о демонстрации в поддержку

---

⁸⁷ Журнал «Stars and Stripes», официальный печатный орган Корпуса морской пехоты США.

наших войск здесь. Я даже не хочу больше брать его в руки. США неизбежно ждёт огромная зуботычина, и она уже близко. Ты наверняка считаешь, что я псих, но разговаривать об этом здесь с кем-либо бессмысленно — все видят то же самое. Пожалуй, на этом стоит остановиться и дать тебе немного передохнуть. Мне бы не помешали еще витамины и пара батареек для радиоприемника, так как их здесь трудно достать.

Весна здесь начинается примерно в конце февраля. Очень надеюсь, что дожди прекратятся до того, как у меня начнется отпуск. Когда идет сильный дождь, «Мост свободы» находится под водой, и единственный выход отсюда — это вертолет, но во время сильного дождя «птички» тоже не летают, а я не хотел бы из-за этого пропустить свой отпуск.

Когда здесь задождило, то дождь шел почти постоянно, днем и ночью, на протяжении почти трех недель. Думаю, худшее еще впереди. Добро, мам, буду закружляться. Бабуле обязательно передавай привет. Береги себя и будь осторожна за рулем, когда на улице скользко. Пока-пока.

*С любовью,
Джозеф*

***

После двух дней, проведенных в Ан-Хоа, стало очевидно, что мой отпуск в последнюю минуту накроется медным тазом. Пэт находился в «Аризоне» вместе с ротой «Виски» 3/5. Он был хорошим напарником, поэтому я сел на «птичку», чтобы встретиться с ним снова и сменить командира команды, с которым он был.

Пэт был превосходным стрелком, с крепкими нервами, и мы с ним настолько хорошо ладили, что мне хотелось, чтобы он снова стал моим напарником. Это решение едва не погубило меня. Я был утомлен непрерывными боями, и добровольное возвращение в «Аризону» в таком состоянии граничило с безрассудством.

В течение последующих нескольких дней стояла переменчивая погода, то плохая, то хорошая, и мы могли чередовать авиаудары и артиллерийские обстрелы, чтобы держать противника в напряжении.

У нас с Пэтом были хорошие результаты. Я записал на свой счет одно попадание на 1800 ярдах во время легкого морозящего дождя, и по иронии судьбы сделал это, положив винтовку на могильный камень. Когда мы начали обыскивать тело, то обнаружили хорошо упитанного, хорошо вооруженного вьетконговца. Как для пулевого отверстия между лопатками он выглядел слишком хорошо. Его оружие и снаряжение были новыми, а на его ноге мы обнаружили заживающую осколочную рану, которая была квалифицированно обработана.

Все это было весьма нехорошим знаком, и я был так обеспокоен открытием, что когда заполнял килл-лист, написал по диагонали большими буквами: «ВАЖНО, СМОТРИ ПОДРОБНОСТИ!» — я хотел, чтобы мой шкипер в Ан-Хоа получил эту информацию как можно скорее. Обычно мы сдавали свои формуляры по возвращению на базу, но я не знал, когда это произойдет, поэтому отправил его вместе с бортстрелком на следующей «птичке». Что-то тут было не так — «Чарли» выглядел лучше, чем следовало бы.

В полдень тридцатого числа, рота «Виски» заняла позицию на небольшом возвышении с густыми зарослями деревьев по обеим сторонам, находившихся в шестистах ярдах от нас. Вскоре по нам открыли огонь из стрелкового оружия с одной из опушек. «Виски» — хорошая рота, но когда шкипер вызвал авиаудар, вышло какое-то недопонимание.

При вызове авиационной поддержки необходимо было выполнить два условия. Первым и самым важным было то, что самолет не должен был лететь прямо на нас. Реактивные истребители обладали настолько высокой скоростью, что как только они начинали бомбометание, у нас оставалось всего от пяти до пятнадцати секунд, чтобы скорректировать летчика, который не должен был сильно отклоняться от цели, чтобы не сбросить свои бомбы прямо на нас. Вторым условием было то, что самолет не должен пролетать сзади прямо над головой. Гильзы, вылетающие из 20-миллиметровых бортовых пушек реактивного самолета, летели со скоростью четыреста миль в час. Не один «Джи-Ай» был убит не тем концом 20-миллиметрового снаряда.

Вся рота смотрела, как с неба на нас несется «Фантом». Он разгрузил на цель всю свою боевую нагрузку из тысячефунтовых бомб, но вышла заминка. Все бомбы взорвались, кроме одной. Вражеский огонь прекратился, но тут же нам был наглядно показан пример инерции, так как бомба поначалу скакала, будто камень по воде, а потом начала скользить. Она проломила четыре плотины между рисовыми полями и влетела на позицию роты, где и замерла на рюкзаке у одного из морпехов. Если бы бомба такого размера взорвалась там, где она оказалась, рота «Виски» в полном составе прекратила бы свое существование. Все мы тихо отошли от неё, как будто это была огромная вонючая куча дерьма, и когда оказались на безопасном расстоянии, саперы спросили «ворчуна», не хочет ли тот забрать свой рюкзак, и если да, то ему придется пойти за ним самому. Этот бедолага должен был вот-вот потерять все свое личное снаряжение, и он это знал. С очень несчастным выражением лица он отрицательно покачал головой. Саперы осторожно приблизились к бомбе и установили на нее накладной заряд С-4. Была подожжена зажигательная трубка, и вскоре бомба вместе с рюкзаком превратились в очень большую дыру в земле.

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
8 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Сейчас ты, наверное, знаешь, что случилось. Хотел оправить тебе письмо, чтобы ты знала, что я не сильно пострадал. Нас с Пэтом ранило в 7.30 утра, мы получили осколочные ранения от разрыва гранаты, но осколки оказались не слишком большими. Я получил осколок в правую сторону, две штуки в свое правое бедро и один — в правое колено. Все кости целы, просто дырки в теле. Пэт словил осколки в лоб, — один отскочил, а другой застрял под кожей. Скорее всего, он вернется в Ан-Хоа через три или четыре дня.

Как я уже сказал, нас зацепило в полвосьмого утра, а из операционной я вышел в половине одиннадцатого. Довольно хорошее медицинское обслуживание, да? Прямо

сейчас я лежу со своей третьей капельницей, и рядом со мной на койке лежит Пэт. Он выполняет все мои поручения.

Было очень больно, и у меня останутся несколько щегольских шрамов, но это все, так что, прошу тебя, не слишком беспокойся. У них здесь симпатичные медсестры, которых я постоянно проверяю, так что ты должна знать, что я не могу быть тяжелораненым.

Все, мам, буду заканчивать. Знаю, что если я попрошу не сильно беспокоиться, то это никак не поможет. Все, что могу сказать, — мы могли пострадать намного хуже, чем есть на самом деле. Скоро напишу снова.

*С любовью,
Джозеф*

Мой адрес:

*Ланс-капрал Джозеф Т. Уард, личный номер 2452991
п/я 4В NSA,
Дананг,
п/п Сан-Франциско, 96695*

***

Второго числа, рота «Виски» шлепала через ряд рисовых полей в «Аризоне», когда что-то в воде бросилось мне в глаза. Я наклонился, чтобы рассмотреть это получше. Во Вьетнаме касаться чего-либо, в чем ты не уверен, было исключительно плохой идеей, но это была не ловушка. Вытащив предмет из воды, я обнаружил, что смотрю на красивый предмет ручной работы. У меня в руке была плетеная трубка, дюйма четыре в диаметре и дюймов пятнадцать в длину. Она была сделана из тончайших тростниковых пластинок, сплетенных с одного конца, а снаружи оставалось достаточно большое круглое отверстие, через которое проходила вода. На противоположном конце самые тонкие тростинки были собраны в конус и сплетались в центре трубки. Я не мог понять, что это, пока не засунул руку до конца в конус и не смог вытащить ее обратно. Это была рыболовная ловушка для ловли маленьких серебристых рыбок, которые населяли ручьи и рисовые поля. Чтобы извлечь руку, мне пришлось аккуратно раздвинуть тростинки. Я хотел было прихватить ее с собой, но она была слишком хрупкой, чтобы тащить ее через джунгли. Кроме того, нам с Пэтом будет трудно выбраться из «Аризоны» целыми и невредимыми. К тому же, эта ловушка могла означать для семьи разницу между наличием и отсутствием протеина, поэтому я осторожно положил ее обратно в воду, и поспешил догнать напарника.

На следующий день, у меня появилась еще одна проблема со своими ногами. На самом деле проблема заключалась не в ногах, а в ботинках. Алюминиевые пластины в подошве, предназначенные для предотвращения протыкания стопы колями панджи, протерли внутреннюю часть подошвы и стельки, и ношение этих ботинок стало походить на ходьбу по плоскому лезвию бритвы.

Когда рота достигла места, где она должна была находиться в течение нескольких дней, я попросил ганни заказать мне новую пару. Разувшись, старые ботинки я выбросил, поскольку от них было больше вреда, чем пользы.

На следующее утро, Пэт бросился к транспортному вертолету, чтобы посмотреть, пришли ли мои ботинки. Их не было. Я спросил ганни:

— Что случилось?

— В Ан-Хоа не оказалось твоего размера, и их должны доставить из Дананга.

Он продолжил что-то говорить о том, что переказал их с вечерней поставкой, но я уже не слушал. Мой мозг подсчитывал, сколько людей в Корпусе носило ботинки того же двенадцатого размера,⁸⁸ и оценивал тот факт, что мы могли в день доставлять боеприпасы на миллионы долларов, но не могли получить пару ботинок для парня в джунглях. В тот же день я вышел на короткое патрулирование босиком, а к вечеру пришла пара ботинок, но они оказались на три размера меньше, так что мои ноги в любом случае остались опухшими.

Ганни рассвирепел больше чем я. Он вызвал по радио Ан-Хоа и наорал на штабных:

— Если утренняя «птичка» не притащит ботинки нужного размера, то я вернусь назад тем же бортом и надеру задницу первому же встречному, который попадется мне с ботинками того же размера, как и у Уарда, будь то офицер или рядовой!

На следующее утро транспортный вертолет не только уложил на землю подвешенный груз, но и приземлился. После более чем двух дней чавкающей грязи между моими босыми ногами, у меня был неподдельный интерес к этому борту. Когда рампа опустилась, по ней спустился бортстрелок с парой ботинок, переброшенной через плечо. Я быстро пошел, чтобы приветствовать его. Через шум двигателей он прокричал:

— Это ваши?

Я кивнул и проверил размер. Он оказался правильным.

— Кто-то поднял большую бучу насчет них, — добавил он.

Я поднял вверх большой палец, и он побежал обратно к вертолету. Ботинки пришли как раз вовремя — рота «Виски» в тот день двигалась дальше, и во время марша босиком я попросту угробил бы себе ноги.

На ночь мы остановились на огромной, чуть пологой вершине холма. Периметр лагеря оказался побольше, чем обычно. Я выбрал для нас с Пэтом самую высокую точку периметра, откуда мы могли бы безопасно стрелять поверх голов в три стороны, не меняя позицию. Небольшая впадина в земле, окруженная стволами деревьев, служила хорошей стрелковой ячейкой и огневой позицией. В трех шагах от нас торчали какие-то кусты, которые мы могли бы использовать для натягивания малозаметного пончо.

Из-за того, что мы видели ранее тем же днем, я даже не сомневался, что на нас нападут, и, поразмыслив, решил уложить наши винтовки и боеприпасы в ячейку для того, чтобы сэкономить несколько драгоценных секунд, когда начнется перестрелка. У меня даже возникло предположение, откуда по нам начнут стрелять, что и случилось сразу же после захода солнца. По нам работали в основном из стрелкового оружия и РПГ.

В три прыжка мы добрались до ячейки и прыгнули туда так быстро, что соскользнули прямо к своим винтовкам. Пули свистели близко над головами и били по стволам деревьев, выбивая щепки. Я глянул поверх бревен, и понял, что оказался прав — гук засел среди деревьев, в трехстах ярдах от нас. Это была работа Пэта. В отличие от всех

---

⁸⁸ Соответствует нашему 44-45 размеру.

остальных, он мог все видеть через прицел ночного видения на своей М-14, и не боялся подставлять себя под вражеский огонь, выискивая их в прицел. Он посмотрел на меня, ожидая моего разрешения на открытие огня. Я тут же шлепнул его по заднице, когда вокруг раздался знакомый звук перестрелки. Он выстрелил три раза: первый патрон был трассирующим, за которым последовали матчевые патроны. Он сделал паузу, чтобы картинка в прицеле восстановилась от дульной вспышки, и снова — один трассер плюс два обычных.

Мы поменялись с Пэтом ролями, — теперь я корректировал его стрельбу, что было не так уж сложно. После того, как он опустошил свой магазин примерно наполовину, вокруг нас стали роиться пули, пролетая буквально в дюймах над нашими головами, но Пэт держался молодцом. Он сорвал план вьетконговцев.

Если аккуратно растянуть, а затем повторно сжать подающую пружину, то мы могли поместить в магазин винтовки М-14, рассчитанный на 20 патронов, на один патрон больше. Пэт хладнокровно отработал семь серий по три выстрела в каждой, и потом быстро пригнулся, чтобы сменить магазин. Но как только он снова занял свою огневую позицию, я одернул его. Двадцать одна дульная вспышка от выстрелов и семь трассеров не оставили никаких сомнений относительно нашего местоположения, и по нам открыли сильный ответный огонь. Прежде чем мы могли снова высунуть свои головы, нам необходимо было залечь, пока другой сектор не отвлечет на себя внимание врага. Пока мы там лежали, и слушали перестрелку, которую больше не могли видеть, мне показалось, что я услышал звук летевших артиллерийских снарядов. Не успел я подумать об этом, как первый из наших 175-миллиметровых снарядов упал прямо внутри нашего расположения, срикошетировав от земли достаточно близко от нас.

«Дружественный огонь»⁸⁹ был слишком распространенным явлением войны во Вьетнаме, а от ошибочных авиационных и артиллерийских ударов страдали мирные жители и американцы. Причины таких несчастных случаев зачастую были сложными и неявными.

Одна из первых вещей, которой научил меня Чак, заключалась в том, чтобы забыть то, чему меня учили при вызове авиационной и артиллерийской поддержки. Стандартная процедура заключалась в передаче координат и вашего собственного подразделения, и противника. Учитывая подвижный характер боевых действий во Вьетнаме, четко установленной линии фронта практически не существовало, и как правило фронт был там, где находились мы. В суматохе боя даже самые стойкие и хладнокровные парни могли перепутать две цифры, авианаводчики и оружейные расчеты, в своем порыве помочь, совершали ту же ошибку. За вызов огневой поддержки в подразделениях морской пехоты часто отвечали снайперы. Чак научил меня просто не передавать свои координаты. Когда авианаводчики или арткорректировщики давили на нас, все, что нам нужно было им сообщить, это: «Мы передвигаемся, наносите удар по указанным координатам».

Роте, находившейся в джунглях, в силу необходимости материально-технического обеспечения, приходилось постоянно передавать свое местоположение в штаб полка, что также включало в себя и целеуказание. Но какова бы ни была причина, мы быстро забывали о враге, когда по нам долбили большие пушки (175 мм).

---

⁸⁹ Ошибочный огонь по своим войскам.

Разбросанность расположения роты той конкретной ночью, которая поначалу казалась недостатком, внезапно сыграло в нашу пользу, когда на нашу позицию стали прилетать снаряд за снарядом.

Мы с Пэтом свернулись в ячейке калачиками, тогда как удары и звуки каждого взрыва делали почти невозможным думать.

Наш собственный обстрел и перестрелка прекратились практически одновременно. Я мысленно представлял этих косоглазых, ржущих вплоть до Ханоя. С другой стороны, один погибший и пятеро раненых морских пехотинцев давали нам мало поводов для радости, и если бы не необычное расположение роты, результаты оказались бы намного плачевнее.

Мы с Пэтом вернулись к нашему укрытию, чтобы увидеть, что пончо сдуло близким разрывом. Один из осколков прошел через рюкзак Пэта, и в полях моей широкополой шляпы было две дырки. Стал накрапывать дождь, и мы восстановили свое укрытие, натянув на растяжках пончо. Натянув дождевики, мы опять улеглись спать в грязи.

Восьмого числа, на рассвете, когда рота готовилась к маршу, мы слышали в отдалении четыре слабых взрыва. Мы даже не обратили на это внимание, пока не увидели над верхушками деревьев крутящийся крупный черный предмет, который шлепнулся в грязь в тридцати пяти футах от нас. Враг выкопал в земле неглубокие ямы, взял четыре наших неразорвавшихся 155-мм артиллерийских снарядов, вставил их в гильзы и использовал заряды С-4, чтобы разогнать в нашу сторону наши же собственные боеприпасы. К счастью, то, что приземлилось рядом со мной и Пэтом, не разорвалось. Если бы снаряд взорвался так близко, нас бы разорвало пополам. Остальные три выстрела оказались удачнее.

У «ворчунов» была привычка раскладывать свои гранаты на краю своих окопов, чтобы до них можно было легко добраться. Два снаряда взорвались без каких-либо серьезных последствий, но третий попал точно в центр незанятой «лисьей норы». Я увидел, как в нескольких дюймах от земли мелькнула серая полоска и ударила между мной и Пэтом. Моей первой мыслью было, что это осколок размером с кулак, но он приземлился в пяти футах от нас и взорвался.

Это оказалась одна из наших собственных ручных гранат М-30, разорвавшаяся на полпути к периметру. Она предназначена для уничтожения всего, что по размерам крупнее кролика, в радиусе пятнадцати футов. Мои ноги торчали прямо в небо, когда я воткнулся в землю головой и правым плечом. Пэта взрывом отбросило назад.

Когда граната взорвалась, мы находились друг от друга на расстоянии вытянутой руки, но в итоге оказались на расстоянии более тридцати футов. Когда я приподнялся, чтобы посмотреть на напарника, меня пронзила острая боль. Он поднялся на ноги, обеими руками закрыв лицо. Между пальцами струилась кровь. «Боже мой, — подумал я, — он потерял лицо».

Я еще не осознавал, насколько сильно ранен, пока не начал ползти к Пэту. Далеко я не ушел, и закричал:

— Санитары! — И только тогда понял, что вся промежность моих штанов пропитана кровью.

— О нет! Сука, нет, только не мои яйца! — воскликнул я, в то же время отчаянно пытаюсь здоровой рукой расстегнуть свой дождевик и стянуть камуфляж. Два осколка попали во внутреннюю часть правого бедра. Всего на два дюйма ниже моих гениталий!

Другой осколок поразил мое правое колено, и еще один попал на четыре дюйма ниже моей правой подмышки, скользнул по ребру и ушел в сторону спины. Один из осколков перебил бедренную артерию, которая кровоточила настолько сильно, что я чуть было не забыл о Пэте и других своих ранах. Подбежал санитар и, осмотрев меня первым, занялся моим бедром. Мне было так больно, что я не мог говорить, поэтому просто указал на Пэта, все еще лежавшего на земле. Док наложил мне несколько повязок и пошел оказывать помощь моему напарнику, оставив меня заботам второго санитаря.

К тому времени, как он вколол мне дозу морфина и моей же кровью пальцем вывел большую букву «М» на моем лбу, поменяли уже четыре повязки, пропитавшиеся кровью из набедренной раны. «М» — это своего рода записка для врачей, которая означала, что мне уже ввели морфий. Санитар привязал к моему запястью бирку размером 3х8 дюймов и снова использовал мою кровь, чтобы написать мой медицинский номер. Потом он сказал радисту с ротного командного пункта, стоявшему рядом:

— Срочно вызывай вертолет, нужна экстренная медицинская эвакуация. И не тупи — у Уарда сильное кровотечение.

Не могу сказать, что морфий подействовал на меня чудотворно. Я глянул на Пэта и увидел, что он отупело сидит, но его раны были неглубокими. Главная проблема заключалась в том, что из-за ранения в голову ему не могли вколоть морфий.

Вызов экстренной медицинской эвакуации получил многоцелевой вертолет «Хьюи», который находился всего в пяти минутах от нас, и у медика едва хватило времени перевязать мне другие раны, прежде чем тот приземлился.

Морфин понемногу, очень понемногу, начал действовать. Когда несколько человек схватили меня и понесли к вертолету, я потребовал, чтобы мне дали мою винтовку. Если только снайпер не погиб или не потерял сознание, его обязанностью было следить за своим оружием. Обняв винтовку, я немного успокоился, пока меня несли к вертолету.

Нас загрузили на борт. Вертолет был американский, но оба пилота были южнокорейцами, а в дверях маячил американский советник, работавший бортстрелком.

«Хьюи» был быстрым вертолетом, но небольшим, поэтому лежать в нем не получалось, и во время полета к Данангу пришлось сидеть. Я уселся между Пэтом и советником. Пэт постоянно отключался и сползал вперед, мне пришлось поддерживать его своей здоровой рукой. На борту нас даже не пристегнули ремнями.

Благодаря размеру вертолета, я на себе прочувствовал каждую воздушную яму во время нашего короткого, но, казалось, бесконечного полета в госпиталь. Я бы сравнил его с подвешиванием на длинной веревке на сильном ветру. Советник продолжал рассказывать о том, как быстро мы летим. Черт, да если бы мы даже летели со скоростью тысячу миль в час, это не было бы для меня достаточно быстро. Из-за боли, сильного кровотечения и жесткого полета, я не был уверен, что смогу это вынести.

Когда мы приземлились на огромную асфальтированную посадочную площадку госпиталя, к нам подбежало несколько медсестер и санитаров с носилками. Я был в шоке и не знал, как Пэт думал передвигаться, но лично я был настроен идти своим ходом. Но выбравшись из вертолета, и сделав буквально пару шагов, я упал прямо лицом в асфальт, и по итогу оказался на носилках.

Пока меня везли на сортировку раненых, санитар попытался взять мою винтовку.

— Оружие в госпитале не разрешено.

Я сжал винтовку еще сильнее.

— Позови офицера, — сказал я. — Я могу отдать винтовку только в присутствии офицера.

Они усадили меня, и медсестра помчалась на поиски ближайшего начальства. Мой мозг отключался. Я смутно осознавал, что другая медсестра ставит мне капельницу на обе руки, кто-то еще ножницами разрезал наполовину мой дождевик и камуфляж. Не пощадили ничего, и когда парень добрался до моих ботинок, я очнулся.

— Мне только выдали эти ботинки, — решительно заявил я.

— Мы дадим тебе новые.

Я осмотрелся и заметил, в какое необычное место меня привезли. Вокруг стояли ряды деревянных столов, установленные на цементном полу, в котором было полно сливных отверстий. С трех сторон место было огорожено стенами из мешков с песком, крыша была из простого кровельного железа. Я спросил, где я очутился, но без особой надежды, что кто-то ответит.

— Мы возле операционного блока. Это помещение используется, когда идет поток раненых во время крупного сражения.

Я не должен был задавать следующего вопроса.

— Почему здесь везде сливные отверстия?

— Так кровь легче стекает со столов.

— Пиздец... — только и смог ответить я, и откинул голову назад.

Найти офицера в Дананге оказалось несложно, особенно возле госпиталя. Медсестра вернулась через пару минут вместе с полковником. Это был тот редкий случай, когда я обрадовался начальству.

— Сэр, пожалуйста, проверьте, чтобы мою винтовку передали в оружейную комнату и зарегистрировали ее серийный номер!

— Хорошо, морпех, я сделаю это. А теперь отпусти эту чертову штуку, пока ты не истек кровью!

Теперь я был спокоен.

Когда меня подняли снова, я понял, что на мне из одежды ничего не осталось. Меня перевезли внутрь главного корпуса, где положили на холодный металлический стол. Они уже оперировали Пэта, который лежал на соседнем столе.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил он.

— Хреново. А ты?

— Тоже хреново.

Все происходило очень быстро. Пока врач осматривал мои раны, мне вкололи анестезию. Санитар выбрил правую сторону моего тела, полностью — ногу, лобок, руку, все абсолютно! На меня накатила сонливость, подумалось вдруг: «Да похуй на все это...». Тот же самый санитар открыл очередной пакет с кровью, столкнул меня на каталку и повез к рентгеновскому аппарату, чтобы узнать, где засел осколок.

Хотя я находился в двенадцати тысячах миль от дома, я вдруг вспомнил, насколько стал тесным наш мир. Рентгенолог спросил, откуда я родом, — так буднично, будто он делал это со всеми остальными людьми, которые побывали здесь до меня. Я ответил. Он спросил, из какого я города. Я ответил снова.

— Черт, нет! — произнес он. — Моя девушка живет там. Ты знаешь Линду Томас?

«О, Господи, — думал я, — Промеж всех своих недоразумений с Лаурой, я познакомился с Линдой и познал ее намного лучше, чем этот парень хотел бы знать!»

— Да, мы вместе ходили в колледж.

— Не, ну не хрена себе, какое совпадение! — воскликнул он. Отлично, это как раз то, что мне нужно. Я попытался расслабиться и выкинуть боль из головы, пока он, делая рентгеновские снимки, без умолку трещал об этой чертовой случайности, что я хорошо знал его подружку. Я же думал о том, что с моих набедренных ран кровь вытекает на стол, затекая за мою спину.

Через несколько минут он стоял напротив света и рассматривал рентгеновские снимки моего тела. Я насчитал на них три ярких блестящих пятна размером от половины до четверти дюйма.

— А где четвертый? — спросил я.

— О, они иногда прячутся за костями и не проявляют себя на рентгеновских снимках.

Положив снимки на мою грудь, он начал бегом катить меня в операционную. Когда мы катились по коридору, я смутно понимал, что медсестра готовит мои раны к операции.

Внезапно я очнулся от анестезии, — медсестра начала проверять мои повязки. Дернувшись вверх, я левым предплечьем толкнул ее в грудь, сбив при этом на соседнюю кровать, — вспышка боли была настолько сильной, что я чуть не отключился. Моя правая сторона была абсолютно неподвижной. Медсестра быстро оправилась и помогла мне медленно лечь и перевести дыхание. Вытирая пот с моего лица, она снова и снова повторяла:

— Мне очень жаль, мне так жаль, если бы я только знала.

Когда я уже навел резкость, то на ее лацкане заметил дубовый лист. Но в тот момент мое рукоприкладство по отношению к майору меня мало интересовало.⁹⁰

— Я сделаю укол, — сказала она и направилась к выходу.

— Подождите, мэ.м... Насколько я плох?

— Вы поправитесь, — просто ответила она и поспешила дальше.

«Да, приятель, с тобой не может быть все хорошо после всего происходящего», — подумал я, и посмотрел на кровать слева от меня. Там лежал и глядел на меня вьетнамский мальчик около восьми лет. Лишь малая часть его тела не была перевязана, демонстрируя признаки ожогов от напалма. Он должен был страдать от чудовищной боли, но его лицо оставалось бесстрастным, а вся боль проявлялась в его глазах — я видел такое раньше. Такой же запоминающийся взгляд был у того захваченного северо-вьетнамского капитана.

Медсестра вернулась с огромной дозой Демерола,⁹¹ какую они только могли мне дать. Она ввела его внутривенно, и я почувствовал, что улетаю снова.

Меня перевели в большую палату с тридцатью девятью другими пациентами. Пэт лежал на койке справа от меня, слева лежал южнокорейский лейтенант, а остальные

---

⁹⁰ В Армии США дубовый лист — знаки различия майора.

⁹¹ Демерол — торговая марка петидина (меперидина), сильного обезболивающего препарата, наркотического анальгетика группы опиоидов. Считается более безопасным по сравнению с морфином, поскольку имеет меньший риск привыкания.

парни были морскими пехотинцами и моряками с различными заболеваниями и ранениями.

На одной из дальних стен палаты висел яркий, черно-белый плакат, на котором было написано: «НАУЧИСЬ С ЭТИМ ЖИТЬ». Не имея возможности полноценно использовать свою правую руку, я попросил медсестру помочь мне написать мое первое письмо домой.

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
9 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Пока новостей, о которых можно написать, немного, но я буду это делать не смотря ни на что, чтобы ты знала, что со мной в порядке. Сегодня не такой хороший день, но я не ожидаю слишком многого. Думаю, такие вещи требуют некоторого времени. На самом деле я не так уж и плох, тут есть маленький вьетнамский мальчик с ожогами по всему телу. Ему можно только посочувствовать.

Медсестры утыкивают меня множеством иголок и впихивают в меня кучу таблеток. Не могу видеть, как мне ставят капельницу, потому что бóльшую часть уколов мне ставят через нее.

Похоже, Пэт завтра выписывается. Мне будет одиноко без него. Если бы он все время не бегал туда и обратно в уборную с моей «уткой», то я не смог бы даже сходить в туалет. Когда он уйдет, я собираюсь озадачить этих санитаров упражнениями. Пусть катают меня вокруг в инвалидной коляске. Надеюсь, что они не будут снова менять мои повязки. Пэт просто сунул мне градусник в рот. О, да, мой отпуск в этом месяце «сгорел» и теперь я не смогу использовать его.

Ну, мам, береги себя, буду писать при малейшей возможности.

*С любовью,
Джозеф*

***

Шесть дней меня мучила невыносимая боль, которая просто глумилась над человеческой выносливостью. Боевые раны, как правило, глубокие и грязные, угроза сепсиса существует постоянно. Чтобы увеличить вероятность заражения, наш противник часто мазал колья панджи и пули буйволиным навозом, а осколкам подобная помощь вообще была не нужна. Когда они проходят сквозь тело, их острые, зубчатые края разрушают огромное количество мышц, нервов и костей.

Когда во время утреннего обхода ко мне пришел доктор, чтобы проверить мое состояние после операции, казалось, что ему пришлось перерезать несчетное количество слоев марли, чтобы добраться до ран. То, что я увидел после этого, настроения мне явно не подняло. У меня был открытый разрез длиной в четыре дюйма, сделанный на глубину кости, под моим правым коленом, дыра размером в четыре дюйма и такой же

глубины с внутренней стороны моего бедра, и глубокий восьмидюймовый разрез вплоть до ребер на правой стороне тела.

Врач сказал, что он вытащил из ран много резины (материал, из которого были сделаны дождевик и камуфляж), грязи, песка, и три осколка.

— Три? — спросил я.

— Еще один, подмышкой, мы не нашли. — Ответил он. — Если он все еще там, то вероятно, будет медленно перемещаться по твоему телу. Примерно через год он обрстет хрящевой тканью и не причинит никакого вреда.

Раны должны были открываться, очищаться, обрабатываться антисептиком и перевязываться, по крайней мере, один, или два раза в день. Я уже видел, как проходит перевязка у других раненых в палате, и все гадал, как мне это пережить. Сначала укол большой дозы Демерола, затем через двадцать-тридцать минут подъезжала каталка с перевязочной. Мужики плакали, кричали и даже пытались уползти с коек в бесполезной попытке спрятаться и не дать перевязать свои раны. Я не собирался делать ничего такого, так как с одной стороны от меня лежал корейский пехотинец, а с другой — Пэт.

Через два часа после разговора с доктором, у меня состоялся первый опыт работы с каталкой. Даже с огромной дозой болеутоляющего, я остановил санитаря на половине процедуры. Мне казалось, что мой мозг взорвется. Мне нужно было что-то, чтобы утомить боль. Я попросил санитаря снять наволочку с моей подушки и скрутить ее, после чего прикусил ее и кивнул, чтобы он продолжал. Все свои помыслы я направил только на то, чтобы уничтожить эту наволочку; я бил, рвал и кусал ее зубами. Первую наволочку я разжевал на кусочки за два дня.

Обычно ко мне приходил один и тот же санитар, и вскоре мы подружились. На второй день мне сделали две перевязки, а днем он вручил мне новую наволочку и мягко посадил меня в инвалидную коляску. Так как мне только сделали укол, я спросил, куда мы идем.

— Сам увидишь, — ответил он.

Мы проехали по длинному коридору, остановились у редко используемой боковой двери, и когда он толкнул меня внутрь, то сказал:

— Думаю, тебе нужен свежий воздух.

Внезапно я оказался в заброшенной части больницы. Он прикурил косяк с травкой и протянул мне.

— Может, это снимет тебе напряжение.

— О, да! Спасибо, Билл!

Мы молча покуривали косячок, передавая его друг другу по очереди, и внимательно наблюдая, чтобы не приперся кто-то из начальства.

Когда мы закончили, он спросил, готов ли я.

— Да, давай покончим с этим, — ответил я, после чего мы вернулись в палату. Такая небольшая прогулка стала частью моего повседневного ритуала. Я знал, что санитары и медсестры зачастую были беспомощны в облегчении окружавших их ежедневных страданий, но по крайней мере один санитар нашел половинчатое решение. Я был настолько обдолбан, что у меня троилось в глазах, и послеобеденная перевязка прошла легче, чем обычно. Но все равно ничто не могло остановить режущую боль от чистки раны, пробиравшую до мозгов.

Перевязка следующим утром прошла хреновато. Когда Билл удалил из раны на моем бедре сгусток крови размером с яйцо, в бедренной артерии вновь открылась маленькая рана. Кровь начала хлестать из моей ноги на высоту фута три, как будто кто-то выкачивал из меня жизнь огромным шприцем.

Я совершенно забыл о боли и тарашился на жуткое зрелище — Билл пытался остановить кровотечение. Вскоре его лицо и форма были в крови. В крови было и все вокруг — и постель, и пол, что здоровья не добавляло — становилось только хуже.

— Вот черт! — выругался он в прострации. — Держись, я сгоняю за врачом!

«Держись, — подумал я, — блядь, держись, а за что?»

Моя кровь хлестала так, что все, что я мог делать, так это просто лежать и смотреть на все это. Тогда я этого не знал, но кто-то внимательно наблюдал за всем этим действием.

Даже не думая накрыть рану чем-либо, я зачарованно смотрел за каждой струей и пытался посчитать, как долго смогу продержаться без переливания крови. Когда вернулся Билл, держа в одной руке пакет крови, а другой таща за рукав врача по коридору, то по моим предположениям у меня оставалось не более получаса.

В течение следующих двадцати минут хирург вытирал рукавом кровь со своих глаз, наверно, дюжину раз. Кровотечение прекратилось так же быстро, как и началось. Хирург сказал, что рану получилось зажать, только наложив на артерию швы.

— Как дела?

— Полагаю, что все окей, сэр.

Мне снова сделали укол обезболивающего и дали несколько минут отдохнуть. Потом сняли повязки, и очистили и обработали рану на боку. Таким образом, я прогрыз уже вторую наволочку.

Тем же вечером, в 11 часов, я наконец-то неплохо устроился на отдых, пытаюсь заснуть, как вдруг встретил самого маленького члена нашей палаты. Со стола корейца на мое плечо прыгнула мышь, перебежала по моей груди на мой стол и исчезла. Сначала я разозлился. Крысы и мыши являлись во Вьетнаме вездесущей проблемой, а я вообще не любил грызунов. Когда она проделала это снова следующей ночью и стала после этого появляться каждую ночь, я начал ее уважать за смелость. По ней можно было бы сверять часы. Казалось, что она делает обходы, прямо как врачи. Думаю, что каждый человек в палате пытался поймать ее поймать, но так никогда и не смог к ней приблизиться. Ну, а что они еще хотели, это же была вьетнамская мышь. Я прозвал ее «Дядюшка Хо», и когда меня в конце концов перевели в другую палату, я оставил для нее конфету в полуоткрытом ящичке своей тумбочки.

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
10 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Я иду на поправку, обо мне хорошо заботятся. Пэт сегодня остается, чему я несказанно рад, хотя не думаю, чтобы он обратил на это внимание. Вчера вечером я узнал одну вещь. Вы должны быть экспертом по использованию «утки». Пэт рассме-

шил меня, заявив: «Я не возражаю выносить твою банку для мочи, но “утка” — это уж слишком!» — поэтому пришлось попросить санитаров позаботиться об этом. Его зовут Билл. Медсестры здесь тоже хорошие.

Пэт повесил над моей кроватью флаг моего штата. Это хорошо для разговора. Сейчас закончу на этом и буду писать Лауре. Завтра напишу еще раз.

С любовью,
Джозеф

***

Я уже привык к однообразной рутине — лошадиная доза болеутоляющего, затем поездка на инвалидной коляске по коридору и обратно для очередного сеанса с наволочкой.

Однажды утром, когда мы с Биллом передавали друг другу косяк, он беззаботно заметил:

— Знаешь, нам пришлось увеличить заказ на наволочки. — Затем его голос стал серьезным, — Ты завоевал здесь большое уважение, Джо.

Я спросил, что он имеет в виду.

— У тебя самые плохие раны в палате, но ты не кричишь, когда их промывают.

Мы докурили косяк в молчании. Билл знал только, что это как-то связано с наволочками. Он не спросил, как я это проделал, и я был рад этому. Не знаю, был ли у меня самого достойный ответ.

Одним из самых мотивирующих шагов в моем выздоровлении стал инцидент с «уткой». Я поклялся, что в следующий раз доберусь до уборной. Когда пришло время, Билл усадил меня в инвалидную коляску и покатил в уборную. Он немного колебался.

— Ты уверен, что справишься?

— Да, просто оставь меня рядом с унитазом.

На то, чтобы пересесть с инвалидной коляски на сиденье унитаза и обратно, у меня ушло почти два часа. Казалось бы, небольшое достижение, но я был на ногах и двигался самостоятельно, пусть даже всего на пару футов. Было слишком больно и трудно проделывать это каждый раз, чтобы пописать, но я не собирался снова использовать «утку».

***

Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
11 ноября 1969 г.

Дорогая мамочка,

Небольшая заметка к этой фотопленке, хочу, чтобы Пэт отправил ее для меня по почте. Думаю, что эти фотографии тебе покажутся действительно интересными. Надеюсь, что они получатся. Кроме того, у меня есть и вторая катушка для отправки тебе.

Большинство из этих снимков я сделал в свой крайний раз в «Аризоне». Кстати, именно там нас и ранило. Также здесь есть несколько фотографий, сделанных во вре-

мя боя. Оставшуюся часть пленки мы доснимали в госпитале. К сожалению, у меня не было фотовспышки, так что я не знаю, получатся они или нет.

Все, буду бежать!

*С любовью,
Джозеф*

***

За все время моей службы у меня было три камеры, и я фотографировал все, за исключением тел. Мой разум вполне был способен постоянно формировать образы убитых и раненых, кроме того, что мама могла бы увидеть на снимках. Я отправлял домой десятки катушек с пленкой для проявки, и мама делала копии. Она хранила один комплект снимков у себя, а другой отправляла мне, чтобы я мог убедиться в том, они получились.

Я много передвигался, и, как и любой снайпер, был настолько активен в поле, что практически невозможно было вести дневник. Сочетание фотографий, писем домой, и подробные мамины записи в ее дневнике и помогли написать эту книгу.

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
12 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Видишь, я же говорил тебе, что буду писать при малейшей возможности. Сегодня вечером чувствую себя довольно хорошо. Ушла некоторая болезненность, так что мышцы ноги начали понемногу работать, однако по-прежнему нужно убирать из раны запекивающую кровь. Док говорит, что пройдет еще дня два, прежде чем он сможет меня зашить.

Пэт выписался, и подобно курице-несушке, я дал ему всевозможные инструкции. Он попытается передать всю мою почту, находящуюся в Ан-Хоа, ко мне сюда.

Сейчас мне помогает мой корейский друг. Он не знает ни единого слова по-английски, а я не знаю корейский, но, кажется, он всегда знает, когда мне что-то нужно. В этот вечер, когда принесли еду, я спал, и когда он разбудил меня, его поднос был завален едой. Думаю, он полагает, что такой большой парень, как я, ест намного больше, чем он. Я просто улыбаюсь и киваю головой, и он знает, что я ему благодарен.

Добро, мама, скоро выключат свет. Со мной все в порядке, так что тебе не о чем волноваться.

*С любовью,
Джозеф*

***

В госпитале в Дананге оказывают помощь всем, кто в ней нуждается, даже если это требует некоторого отступления от правил. Здесь лежат северные и южные вьет-

намцы, корейцы, несколько австралийцев, и идет бесконечный поток больных и раненых морских пехотинцев и военнослужащих военно-морских сил.

Иногда санитары и медсестры перегружены. Если человек нуждается в помощи и не может позаботиться о себе сам, он должен полагаться на своего напарника. Когда Пэт вернулся в Ан-Хоа, я думал, что потерял своего напарника, но нет. Билл оказался прав. Я завоевал уважение своим методическим уничтожением одной наволочки за другой.

Тот, кто молча следил за кровотечениями и чистками ран, не стеснялся заменить собой Пэта. Корейский лейтенант оказывал мне честь, постоянно ожидая меня. Он восстанавливался после малярии и был в состоянии свободно передвигаться. В течение следующих нескольких дней, он опустошал мою «утку», приносил еду, подхватывал вещи, которые я ронял, и знал, когда нужно бежать вниз и звать санитаря, чтобы вколоть мне обезболивающее. За все это время между нами не было произнесено ни единого слова, но он обладал поистине сверхъестественной способностью говорить, когда я в чем-то нуждался. Мне безмерно нравились наши южно-корейские братья по оружию, и единственное, о чем я искренне сожалел, — что мне не довелось послужить с ними бок о бок в реальном бою.

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
14 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Ну что ж, еще один день, и я справляюсь. Доктор сказал, что меня могут зашить сегодня после полудня. Конечно, это будет большим облегчением. Из Ан-Хоа приехал Дэн и привез почту, которая у меня там была.

(Дописано позже) Только что вернулся с перевязки, где меня зашили. Сейчас я уже не чувствую себя так хорошо, но нет ничего такого, с чем не мог бы справиться и ребенок. По крайней мере, им больше не придется меня чистить. Все, должен заканчивать. У меня все ХОРОШО.

*С любовью,
Джозеф*

***

Когда Дэн притащил из Ан-Хоа мою почту, первое же письмо меня обеспокоило. Письмо было от Лауры, и в нем она в основном рассказывала о походе на вечеринку и о том, как она замечательно провела там время с моим другом. Значит, я тут лежу, а этот «Джоди»,⁹² вернувшись домой, ухлестывает за моей девушкой! Это не могло произойти в худшее время, и я решил расторгнуть свою помолвку с Лаурой по возвращению домой. Я знал, что мы уже не будем прежними.

---

⁹² Джоди (*Jody*) — воображаемый или реальный любовник, развлекающийся с женой или подругой солдата, пока тот несёт службу вдалеке от дома.

Когда человека зашивали, в палате проводилось неофициальное торжество. Ему больше не приходилось чистить и перевязывать рану. Пришло, мать его, и мое время. В предвкушении и с чувством опасения, и конечно же, с надежной наволочкой, меня покатали в большую комнату и уложили на другой, такой же металлический стол, над которым сияла одна яркая лампа.

Казалось бы, из ниоткуда, в ореоле света возник крупный и сильный доктор, спросивший:

— Ну-с, с какой раны начнем?

— Не имеет значения, док, — ответил я, пытаюсь понять, какая вообще разница, откуда начинать.

Он начал с моего колена, наложив на него кетгут, и все прошло хорошо. Затем он занялся раной на бедре, и снова все прошло хорошо. За все это время я даже не вспотел. Потом пришло время раны на боку. Когда он вставил кетгут в мой бок, то мои мышцы живота напряглись так сильно, что грудь и ноги сжались вместе, а зубы заскрежетали. Он вытащил нить, и мои мышцы медленно расслабились, и я смог снова откинуться назад.

— Эй, док, что это была за хрень?

— Извини, приятель, это часть основных нервов, которые помогают контролировать мышцы живота. Я дам тебе дополнительную местную анестезию, но сомневаюсь, что это поможет.

Это не помогло, и когда то же самое произошло во второй раз, я попросил его остановиться.

— Подожди, док, нам нужно что-то придумать, а то еще один такой раз и я сломаю шею.

Мы решили продолжать зашивать рану, пока я наклонялся вперед. В любом случае, я решил покончить с этим. Такой подход сработал, но мне понадобилась еще неделя, прежде чем я смог полностью выпрямиться.

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
14 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Небольшой комментарий, чтобы ты знала, что происходит. Меня перевели в другое отделение. Сейчас я уже могу ходить, так что меня скоро переведут к выздоравливающим. Здесь, в Дананге я останусь, по крайней мере, еще дней десять, а после отправлюсь в Ан-Хоа, чтобы завершить выздоровление.

Я пока не готов ко всяким маршам, но могу ходить, если не спешу. Док говорит, что я восстанавливаюсь исключительно хорошо, не переживай. Береги себя, я напишу тебе, когда меня переведут.

*С любовью,
Джозеф*

***

Как только я стал ходить самостоятельно, то начал каждый день приходить в оружейку и проверять свою винтовку. Я знаю, что свел бедного оружейника с ума, но мой рюкзак и все его содержимое исчезло. Мой государственный флаг, которым я обмотал ствол винтовки, чтобы сохранить его сухим, сама снайперская винтовка, и пять матчевых патронов были в том же состоянии, как я их оставил. Но он вежливо взял ее с полки и показал мне. Он даже почистил ее и смазал ложе льняным маслом.

Кроме того, я начал искать способ выбраться из госпиталя, чтобы немного развлечься.

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
15 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Меня до сих пор не перевели, и я не знаю, в чем дело. Но не думаю, что они это сделают. Я просто брожу по всей территории госпиталя. Этим утром мне даже удалось помыться в душе, впервые с тех пор, как покинул Ан-Хоа, к большому облегчению всех. Чувствую, будто хожу как на свалке, хотя, чтобы зашить меня, врачи использовали стальные нити. Черт, скоро я вернусь к своей работе.

Вчера вечером пошел посмотреть «Унесенные ветром».⁹³ Конечно, все это было очень давно, но он очень неплох как для фильма тридцатилетней давности. Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня. Возьми с моего счета столько денег, сколько понадобится, и выплаты как можно скорее платеж за кольцо Лауры.

У меня не было никакой почты, кроме той, которую мне привезли из Ан-Хоа. Ни одно письмо не пришло на этот адрес, хотя прошло уже восемь дней, и я немного волновался, что что-то не так.

У меня все в порядке, что удивляет даже меня. Я рад этому, потому что происходящее вокруг действует мне на нервы. Прошлой ночью к нам поступил мой друг из 5-го полка. Он получил ранение в спину и, похоже, его отправят в Японию.

Добро, буду заканчивать, пойду немного посижу. Береги себя.

*С любовью,
Джозеф*

***

Уход в госпитале был исключительным, но я был закален джунглями и чувствовал себя в нем тесновато. Я продолжал свои ежедневные прогулки, точнее, должен сказать, ковляние, все дальше и дальше. Госпитальный комплекс был огромным, и я был полон решимости осмотреть его весь.

Однажды, вернувшись в палату из столовой, я заметил большое, трехэтажное здание, стоящее отдельно от основных корпусов. Оно было окружено сетчатым забором

---

⁹³ Унесенные ветром (*Gone with the Wind*) — эпическая кинодрама, снятая по одноименному роману Маргарет Митчелл, повествующая о Гражданской войне в США.

десять футов высотой, увенчанным колючей проволокой и прожекторами. На линии, нарисованной вокруг здания футах в пятидесяти от забора, на определенных интервалах стояли береговые патрули. Это должно было быть долгое и мучительное путешествие, но мое любопытство взяло верх, и я отправился на прогулку.

Я подошел к береговому патрулю, и часовые сразу же взяли оружие на грудь:

— Стой, кто идет? Назовите свое имя, звание и должность.

— Что это за место? — спросил я.

— Здесь содержатся раненые военнопленные.

— Да? Э-э-э, а что это за нарисованная линия?

— Любой, кто пересечет эту линию без разрешения, будет застрелен.

— Понял, спасибо.

Я в последний раз посмотрел на суровое здание и его окрестности, прежде чем, прихрамывая, отправился обратно в палату. Я назвал это здание «Ящиком Пандоры».

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге,
17 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

До сих пор брожу в окрестностях — мне дали ещё примерно неделю, прежде чем меня отправят обратно в Ан-Хоа. Конечно, жаль, что я не знаю, что там происходит.

Приходил какой-то генерал и вручил мне «Пурпурное Сердце». Вот уж награда, которую я не рассчитывал получить.

Этим утром меня отправляют в блок для выздоравливающих. Док говорит, что я очень хорошо иду на поправку. Такая жизнь начинает действовать мне на нервы, так что я не против вернуться, и у них не будет никаких проблем найти кого-то, кто займет мою койку.

Ту я повстречал нескольких ребят, с которыми был в учебке для новобранцев и в учебном полку. Те, которые оказались здесь, выглядят гораздо лучше, чем многие, о которых я слышал. Многие из моих друзей в Штатах еще не прошли через это.

Мам, раны на мне заживают, как на собаке, я оказался крепче, чем думал, поэтому тебе нет необходимости волноваться.

На этом закончу, и приготовлю свои скромные пожитки к переезду в другой корпус. Передавай всем привет, береги себя.

*С любовью,
Джозеф*

***

Как-то раз, гуляя в очередной раз по госпиталю, я случайно зашел в палату, где лежали в основном парни, потерявшие свои гениталии. Меня сразу поразила там полная тишина, — ни малейшего разговора и, конечно же, никакого смеха. Каждая койка сопровождала меня пустым взглядом, и я уже прошел полпути по палате, прежде чем

осознал это. Меня охватило ужасное чувство, как будто я вторгся в личное пространство страданий, с которыми не мог справиться мой мозг.

Я унес оттуда ноги так быстро, насколько смог. Когда я прислонился к стене, чтобы отдышаться, то вздрогнул от мысли о том, как близко подошел к этой палате, которую я обозвал «Палатой смерти после жизни».

Вернувшись к своей кровати, я увидел, что мне сменили постель, а поверх нее аккуратно положили чистую больничную пижаму. Обычно они не меняют постельное белье так рано, потом я заметил, что сменили не все постели.

Когда Билл зашел с болеутоляющим, я спросил у него:

— В чем дело?

— Сегодня утром тебе вручат медаль. После того, как ты переоденешься в чистую одежду, не отходи от койки.

После своих прогулок я, как правило, испытывал немалую боль, особенно она была сильна на этот раз, из-за моего ошибочного визита в «палату смерти после жизни». Поэтому я был не прочь отдохнуть и позволить болеутоляющему притупить мою боль и мои мысли.

Через полчаса пятерых из нас откатали на койках ближе к коридору и равномерно выстроили вдоль стены. Почти сразу в зал вошел двухзвездный генерал и его небольшая «свита». Помощник прочитал короткую речь о ранах, полученных во время боя в защиту Южного Вьетнама, и что-то там еще о благодарности американского народа, после чего я перестал слушать.

Когда произнесли мое имя, генерал подошел к моей койке, и спросил, как я себя чувствую.

— Спасибо, сэр, хорошо.

— Я слышал, тебе было немного тяжело на наших наволочках.

— Да, сэр, было такое.

Он наклонился и негромко сказал:

— Будь здоров, морпех, — и соответствующим образом приколот «Пурпурное Сердце» к моей подушке.

Перед тем, как меня перевели в отделение для выздоравливающих, Билл принес мне новую свернутую наволочку.

— Это от нас, — сказал он. — А то, что внутри — от меня лично.

Я развернул наволочку и обнаружил там шесть уложенных друг за другом косяков.

— Спасибо, брат, я тебя никогда не забуду, — это все, что я смог вымолвить.

Перевод в отделение для выздоравливающих был моим шансом вырваться оттуда, если бы я только смог достать униформу. Мне по-прежнему не давали пропуска, но я твердо решил на какое-то время покинуть госпиталь. Восемнадцатого числа, совершенно неожиданно, мне выпала такая возможность.

Помещение для выздоравливающих больше напоминало казарму, где вместо кроватей были установлены складные койки. Мои раны хорошо заживали, но болезненная хромота в колене по-прежнему сохранялась, и даже когда я был в форме, мой неуклюжий способ ходьбы вызывал подозрение у берегового патруля, стоявшего у ворот. Когда я лежал там, пытаюсь придумать выход из положения, мне показалось, что увидел знакомое лицо. «Не может быть!» — подумал я, протер глаза и снова присмотрелся.

Конечно же, это был никто иной, как Дейв Янг. Он просто подхватил малярию и узнал, что я был в госпитале.

Мы очень обрадовались тому, что встретили друг друга, и, пока что трещали без умолку, обмениваясь новостями, Дейв бросил свой рюкзак мне на койку и раскрыл его, вытащив комплект униформы и пару ботинок.

— Я было подумал, что ты захочешь попользоваться этим, и вижу, что оказался прав. В этой пижаме ты выглядишь как полный придурок.

— О, да, именно так я себя и чувствую. Я должен свалить отсюда. Скажи, как ты узнал мой размер обуви?

— А я и не знал! Просто сказал тыловой «крысе» на складе, чтобы тот дал мне пару ботинок большого размера, а он сказал, что обуви именно такого размера у него больше, чем любого другого. И я вспомнил, что в Дананге у нас был излишек обуви двенадцатого размера.

Но проблема хромоты сохранялась, поэтому, пока Дэйв приводил форму в порядок, я обшарил палату в поиске болеутоляющих таблеток. Обнаружив горсть Дарвона,⁹⁴ я проглотил их, пока медленно одевался. Таблетки помогли, но хромота все еще присутствовала. Мы решили, что если Дэйв будет идти близко к моей правой стороне, я смогу опираться на него достаточно, чтобы скрыть эту проблему, и это сработало. Мы прошли мимо охранников, поймали первый автобус к пивным на открытом воздухе, и провели там целый день. Сочетание таблеток и пива сделали из моих мозгов полную кашу. Я грохнулся оземь, отчего вновь открылась рана в колене.

Когда мы вернулись в палату, Дейв использовал свой рюкзак в качестве подушки, растянулся на полу и заснул. На моей койке лежала записка, на которой было написано: «Уард, ты где? Билл». Когда я передевался в свою больничную пижаму и халат, то удивился, чего он хочет — меня ведь перевели из его палаты. Но все это было пока неважно — мне нужно было проверить свое колено, а я не хотел, чтобы доктор мне задавал вопросы, на которые я не хотел отвечать.

Билл в ту ночь не дежурил, поэтому я пошел в его комнату. Он взглянул на меня и сказал:

— Ты сваливал с госпиталя, не так ли?

— Да, и это было непросто.

— Дурья твоя башка, ты почему меня не нашел? Я бы добыл тебе пропуск. Дай мне глянуть на твое чертово колено.

— Почему ты меня искал?

— Я хочу тебя кое с кем познакомить. Рана неопасная, я могу закрыть ее лейкопластырем, но ты должен быть более осторожным. Ты еще не вылечился.

— Ну, хорошо-хорошо, но с кем все-таки ты хотел меня познакомить? — Я смотрел за тем, как он перевязывал дюймовый разрыв на моем колене.

— Сам увидишь, — не отвлекаясь, ответил он. Надо сказать, что у Билла была любовь к драматизму. Может быть, поэтому мы так хорошо ладили с самого первого дня.

---

⁹⁴ Дарвон (Пропоксибен) — обезболивающее средство, наркотический анальгетик. Является слабым опиатом, по своей структуре очень близок к метадону, но обладает более слабым обезболивающим действием.

— Ну, вот — сказал он, добавив последние штрихи к своей работе. Я вновь спросил, с кем он хочет меня познакомить. Он посмотрел на меня:

— Сможешь идти или мне взять кресло-каталку?

Растущая боль в моих ранах дала мне понять, что я определенно начал приходить в чувство.

— Я пойду сам. Давай, пошли.

Он придерживал меня, пока мы проходили мимо простых личных комнат, в которых жили санитары. Мы зашли за угол, и в конце коридора мне явилась картина, которая не соответствовала никаким госпитальным нормам. Стены между двумя одностанными больничными палатами были снесены, а большой вход шириной в двадцать футов закрывал вьетнамский ковер.

Я озадаченно глянул на Билла. Он просто улыбнулся и сказал:

— Ты собираешься встретиться с настоящим обладателем «Медали Почета».⁹⁵

— Вот дерьмо! И насколько он плох?

— Ну, он очень даже живчик. Давай, заходи.

Меня распирало от любопытства, когда мы толкнули ковер, даже не спросив разрешения. Я ожидал там встретить тяжелораненого человека, лежащего в постели в пышном окружении, и оказался не готов к тому, что увидел. В комнате было тускло, в ней горело только три свечи. Слева стояла обычная брезентовая складная койка-«раскладушка», ящик для вещей и шкаф. Посреди комнаты стоял стол и стул, сколоченные из пустых ящичков из-под гранат. Импровизированный стол был обит декоративной тканью. Рядом со свечой небрежно лежала сама медаль.

За столом сидел человек с длинными волосами. По обеим сторонам от него сидели санитары. Билл представил меня. Когда человек вынул косяк из своего нагрудного кармана и зажег его, санитары начали беззлбно подшучивать, ну, а мы прошли в палату.

Я не знаю, что поразило меня больше, — медаль или ее владелец. Большинство людей награждаются «Медалью Почета» посмертно, но этот парень, похоже, совсем не собирался умирать.

Он видел, как я снова и снова переводил взгляд то на медаль, то на него. Как мне казалось, это было безумием, курить косяк возле Медали Почета. Когда мы закончили, мужчина сказал мне:

— Давай, можешь взять ее.

Мое мучение было очевидным. Большинство людей видят эту медаль только за стеклом, коснуться ее руками казалось каким-то святотатством. В комнате стало очень тихо, и я разрывался между желанием сделать это и чувством того, что не имел на это права.

— Ну, давай, посмотри на нее, — вновь произнес он. Я нерешительно поднял медаль и наклонился ближе к свече, чтобы рассмотреть ее.

Хм, медаль как медаль, не больше, чем любая другая. Прежде чем вручить владельцу, представление на нее тщательно изучается. Вещь, которая отличает ее от всех остальных — это то, что эта медаль носится на голубой муаровой ленте через шею.

---

⁹⁵ Медаль Почёта (*Medal of Honor*) — высшая военная награда США.

Медаль казалась дополнением, поскольку я ощутил материал ленты. Она была слегка загрязнена руками людей, пытавшихся проделать то же, что сейчас делал я — выяснить, что же делало эту награду такой особенной, сама медаль или муаровая лента. В смущении я поднял глаза.

— Полагаю, тебе интересно, как я ее получил.

Я кивнул. У меня просто не было слов.

— Я вытащил пару раненых «ворчунов» из-под огня и прыгнул на гранату.

Я посмотрел на него с сомнением.

Он слегка улыбнулся.

— На мне был бронежилет, и еще один в руках, который я бросил под себя, когда прыгнул на гранату. Потому и отделался лишь несколькими сломанными ребрами и парой царапин.

Должно быть, он умер в своем уме тысячу раз за те короткие минуты перед взрывом. Он прекрасно знал, что бронежилеты не предназначены для такого рода развлечений. Он заслужил свою медаль точно так же, как и тот человек, которого в подобной ситуации разорвало бы в клочья. Я в последний раз потрогал материал и положил медаль обратно на стол.

Когда я посмотрел на Билла, разговор начался снова.

— Пойдем, — сказал он. — Тебе нужен отдых.

Я пожал мужчине руку.

— Береги себя — сказал он.

— Ты тоже, — ответил я, и мы ушли.

На обратном пути, в коридоре, Билл повернулся ко мне.

— Ты знаешь, у него может быть все, что он только захочет.

— Почему тогда он живет таким образом?

— Это его способ выражения протеста против войны.

У меня была неслыханная возможность выразить свое личное уважение всем награжденным, которые не дожили до вручения своих медалей.

***

*Снайперы-разведчики,
Госпиталь в Дананге / Ан-Хоа,
28 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Пожалуй, начну с того, что я вернулся в Ан-Хоа, прибыв сюда вчера поздно вечером. Меня выписали из госпиталя 25-го, в тот же день, когда сняли швы.

С 20-го по 25-е я был амбулаторным больным, что означало, что я мог днем ходить в сержантские и солдатские клубы, но 18-го меня навестил не кто иной, как Дейв Янг, и вместе с ним мы оставались вдвоем до моего вчерашнего возвращения на базу. Он уже переболел малярией и сегодня или завтра собирался вернуться в свою часть.

Мы также встречали двух других земляков, которых знали, Рэнди Петерсона и его брата Барри. Это было похоже на старую добрую неделю дома. Мы пытались до-

звониться до Майка, но безуспешно. Проверили все госпитали в поисках Ника, но не нашли его следов.

Здесь для меня скопилось много почты, и не беспокойся о тех письмах, которые ты отправляла в госпиталь, потому что бóльшая их часть дошла до Ан-Хоа.

Твое последнее письмо датировано восемнадцатым ноября, так что я не слишком отстаю. Я знал, что ты будешь волноваться, поэтому сделал два звонка-«марсограммы», но мне никто не ответил. Позже попробую еще раз. Если я не справлюсь здесь, то буду просить отпуск. Уезжаю в январе и все еще хочу отправиться в Австралию.

Мам, единственная рана, которая может создать мне проблему, — это колено. Я могу нормально ходить, но ступеньки и холмы иногда причиняют боль. Док сказал, что проблемы с этим у меня останутся на всю оставшуюся жизнь. Это действительно создает неудобства.

Не знаю, вернусь ли я в джунгли, но думаю, что да. Две другие раны все еще немало побаливают, но думаю, что после некоторых упражнений с ними все будет в порядке.

Вчера был День Благодарения, и нам подали индейку со всеми гарнирами.⁹⁶

Добро, мам, я и так уже достаточно затянул. Я такой же злой, как и всегда. Спасибо за посылку. Скоро напишу снова.

С любовью,
Джозеф

***

Очень редко мне выпадала возможность поспать до четырех часов утра, но за целые сутки я устал как собака. Я проснулся в 8.00 утра девятнадцатого числа от монотонного звука — кто-то неоднократно называл мое имя.

Я еле-еле разлепил глаза, и увидел рядом стоящего Билла.

— Ну, как, ты жив?

— Ну, типа того, — я медленно сел. — О, Господи, чувствую себя отвратительно.

— Ну естественно, денек вчера у тебя выдался еще тот. Но ты бы все равно сделал это, кроме того, ты можешь избавить нас всех от головной боли.

Он положил на мою койку новую накрахмаленную униформу, вручил мне баночку обезболивающих таблеток и пропуск. Неожиданно я начал бороться со слезами, которые так долго сдерживал в себе.

— Эй, что это ты задумал? Дьявол, возможно, тебе по-любому выдали бы пропуск через пару дней.

Прежде, чем вернуться в Ан-Хоа, я видел Билла еще раз, но в тот день, когда пришло мое распоряжение о выписке из госпиталя, он находился в увольнении. Я знал, что у него была подруга в Дананге, но его отсутствие подозрительно совпало с моим отбытием. Зная Билла, я понимал, что прощание оказалось бы слишком тяжелым.

---

⁹⁶ День Благодарения (*Thanksgiving Day*) — национальный праздник, в США отмечается в четвертый четверг ноября. По традиции это семейный праздник, на котором торжественный семейный ужин украшают фаршированная индейка с клюквенным сиропом и большой сладкий тыквенный пирог.

С девятнадцатого по двадцать пятое я редко бывал в госпитале, поскольку мы с Дэйвом отправились повидать Дананг и найти знакомых ребят. На самом деле это было сложной задачей.

Мы знали, что Ника ранили, и все, что нам было известно, — это то, что он страдал не очень сильно, поэтому мы начали проверять все госпитали в Дананге. Не найдя его, мы предположили, что он был отправлен обратно в часть, тогда как все это время он находился на госпитальном судне «Рипоуз», стоящем на якоре в гавани Дананга. Разочарованные, мы отправились пить пиво.

Одно бесполезное утро мы провели в попытках связаться через полевой телефон с Майком на высоте 37. И снова провал, и снова мы отправились пить пиво.

Огромное шоу, организованное австралийцами из организации обслуживания, с рок-н-роллом и симпатичными девушками, заставило нас мучительно захотеть вернуться домой. Тоскуя по дому, мы опять отправились попить пиво. В Дананге мы побывали везде, от убогих лагерей для беженцев до кондиционированной столовой для летчиков военно-воздушных сил.

Двадцать четвертого числа, утомительный поиск по журналу записей в организации обслуживания в Чайна-Бич⁹⁷ выявил имена двух братьев, с которыми мы ходили в колледж — Рэнди и Барри Петерсонов. Они располагались в автопарке рядом с аэропортом. Мы решили попробовать найти их на следующий день, после того, как с меня снимут повязки и выпишут из госпиталя.

В моем распоряжении была указана дата выписки 25-е число, и, естественно, однозначно предписывалось сесть на первый доступный вертолет до Ан-Хоа.

— В жопу приказы! — заявил я Дэйву, и мы пошли проверить мою винтовку. Мой приятель растянул свое пребывание в Дананге путем внезапного «легкого рецидива малярии».

Когда мы нашли Рэнди, он был, мягко скажем, очень удивлен и послал друга за Барри.

— Мы собираемся сходить в солдатский клуб. Как вы меня нашли, ребята?

— Мы просто следовали за мухами, — ответил Дэйв.

Когда Барри вошел в палатку, нам удалось вместе собрать четырех друзей из среднестатистического американского городка с населением в пятнадцать тысяч человек. Вероятность такого события во Вьетнаме была исчезающе мала. Без сомнения, я знал, что вернусь в Ан-Хоа позже, чем обычно.

Казалось, мы жили полноценной жизнью, и разговаривали о разных мирных вещах, пока шли в солдатский клуб. Рэнди вошел первым, и от волнения, вызванного встречей с нами, забыл снять с себя головной убор. Вышибала, размером с буйвола, стоявший прямо у дверей, сдернул его с головы Рэнди и врезал ему в живот. Мы разозлились, но клуб был забит, и драка быстренько закончилась бы не в нашу пользу и настроила бы всех против нас, поэтому мы предпочли тактически отступить.

Мы все заснули в стрелковой ячейке, и на следующее утро я проснулся от боли — я не спал на земле с тех пор, как был ранен, и мне не нужен был Билл, который бы меня успокаивал. Приняв несколько таблеток, я поднял остальных, чтобы мы могли переме-

---

⁹⁷ Чайна-Бич (*China Beach*, досл. Китайский пляж) — район Дананга, прибрежная полоса пляжей, где сосредоточены развлекательные заведения.

ститься в палатку Рэнди, и там немного согреться. Мне было очень больно, и я действительно должен был принять это легче, чем раньше.

Вчетвером, мы коротали время, пили пиво и разговаривали о доме. Ближе к полудню Рэнди забеспокоился о человеке из его палатки, который ушел накануне вечером и до сих пор не вернулся. Он отправился на его поиски, и вернулся через полчаса, едва сдерживая смех, чтобы рассказать историю.

Парень оказался настолько под кайфом, что угнал из автопарка грузовик и погнал его на полной скорости по взлетно-посадочной полосе одного из самого загруженного аэропорта мира. Каким-то чудом он избежал столкновения с самолетом, и, убедившись, что он не сможет заставить десятитонный грузовик подняться в воздух, вылетел с конца взлетки и разбился. Удивительно, но он отделался только сломанным носом и парой синяков. Самолет, который забрал его обратно в Штаты для возможного увольнения по восьмой статье,⁹⁸ летал гораздо лучше, чем грузовик.

Мое время заканчивалось. Если бы я опоздал в Ан-Хоа больше чем на два дня, комендор-сержант отправил бы на мои поиски моего командира отделения, а этого я опасался больше, чем любых уставов и наставлений.

Дейв собирался остаться на день или два в Дананге, прежде чем почувствовать чудесное выздоровление от «рецидива» малярии. Я неохотно попрощался и сел на вечерний борт на Ан-Хоа, и вскоре уже отдавал свои бумаги ганни.

— Опять поздно возвращаемся, Уард?

Но прежде чем я выдал свой фирменный ответ, он спросил:

— Ну как ты?

— Я в порядке, ганни, правда колено болит просто до чертиков, но я не хочу занимать штабную должность.

— Хорошо, ты можешь работать с вышки и на периметре, пока долечиваешься.

— Я не против, ганни, — ответил я прежде, чем встать и уйти. Но у двери не удержался, повернулся к нему и сказал:

— Блин, ганни, трудно было поймать «птичку».

С блеском в глазах и с усмешкой на лице, он крикнул:

— Убирайся отсюда, Уард!

Я ушел к себе палатку и сел на свою койку. Я был дома.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
29 ноября 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Ты хочешь знать, почему я захотел, чтобы за кольцо заплатили. Хорошо, я скажу тебе: я разрываю помолвку с Лаурой. Я никогда не пытался привязать ее, пока был здесь. Это был долгий перегон. Что я могу еще сказать?

---

⁹⁸ Восьмая статья (*Section Eight*) — увольнение военнослужащего из армии за непригодностью, в связи с недисциплинированностью или недостойным поведением, с лишением привилегий.

Мам, пишу тебе просто дать знать, что со мной все хорошо. Не беспокойся обо мне, я не думаю, что эта война нуждается во мне гораздо дольше. Наверное, я просто устал.

Спасибо за посылки. Как я могу сказать тебе спасибо за то, что ты лучшая мама на свете?

Кстати, у меня осталось всего лишь сто двадцать дней, и скоро твой ребенок окажется дома. А сейчас буду лучше заканчивать и черкану еще несколько писем. Береги себя.

*С любовью,
Джозеф*

***

Я взял письмо, полученное от Лауры в госпитале, — это был «Дорогой Джон».⁹⁹ Из двух способов реагирования на подобные письма, я решил забить на него хер и продолжить заниматься своими делами. С другой стороны, несколько парней уже приняли «Дорогих Джонов» близко к сердцу, и что-то внутри них сломалось. Они могли приставить дуло пистолета .45-го калибра прямо к голове и нажать на спуск, или подняться во весь рост во время перестрелки и быть обреченным на верную смерть.

Однажды я видел, как один морпех вскочил во время боя и начал танцевать. Не знаю, почему его не убило, пули летали очень близко ко мне, и я просто распластался на земле. Когда бой закончился, он все еще танцевал. Двумя днями ранее он получил письмо с «приветом» от жены. Она нашла себе кого-то другого и требовала развод. По его словам, он утратил всякий смысл, ради которого стоило выживать на этой войне. Его товарищи из огневой группы повалили его на землю, а потом, когда несли в санитарный вертолет, он нес полную чушь.

В первые дни после своего возвращения в Ан-Хоа я отдыхал и проводил большую часть своей ненапряженной службы в том бункере, который стоял на «нейтралке». К нам присоединились двое новых ребят, и одного из них я взял к себе в качестве напарника. Мне казалось, что в этот раз война начиналась как-то чуть легче, чем в предыдущий.

Второго декабря, в 4.00 утра рядовой первого класса Сатер, который находился во Вьетнаме всего лишь четыре дня, вел наблюдение в «Старлайт». Неожиданно он позвал меня.

— Кажется, я что-то заметил, — сообщил он. После того, как мы несколько часов пялились в прибор ночного видения, усталость и нервозность могли вызвать видения даже у опытного бойца, не говоря уже о новичке. Я потер глаза и сел.

— Ты точно уверен в этом? — спросил я.

— Точно.

— В каком секторе?

Он указал на точку в шестистах ярдах от нас. Видимость в ту ночь была хорошей, но разглядеть в «Старлайт» что-либо еще, кроме миража, на расстоянии более пяти со-

---

⁹⁹ «Дорогой Джон» (*Dear John*) — письмо, полученное солдатом от жены или невесты с просьбой о разводе или с уведомлением о разрыве помолвки и выходе замуж за другого.

тен ярдов, было решительно невозможно. Как я пристально не вглядывался, но ничего разглядеть так и не смог, но знал, что если мы подсветим местность осветительным снарядом, то это предупредит «Чарли» и они улизнут. Если, конечно, они там есть.

Сатер был новеньким, но он был моим напарником, и я выдал ему кредит доверия. Я позвонил в штаб, чтобы убедиться, что ни один из наших патрулей не возвращается через этот сектор. Там ответили отрицательно.

Я перешел на частоту управления огнем, вызвал дежурного ганни на батарее 81-мм минометов, и передал ему координаты рубежа, находящегося в трехстах ярдах от нашего бункера.

— Подвижный заградительный огонь; разброс по фронту — пятьсот ярдов; работа на воздушных разрывах; перенос огня — от базы в сторону противника!

— Насколько далеко переносить? — спросил он.

— Я скажу тебе. Да, и никаких осветительных мин, пока не разорвется первая дюжина!

— Через шестьдесят секунд над вашими головами полетят мины, — и он повесил трубку. После первых сорока или пятидесяти взрывов Сатер посмотрел на меня с недоверием.

После еще семидесяти пяти мин я попросил прекратить огонь. Минометчики накрыли участок площадью пятьсот на тысячу ярдов.

Благодаря осветительным выстрелам, наш сектор будет освещаться до рассвета. И даже если кто-то там был, то он либо чувствует себя не очень уютно, либо успел свалить, пока его не заметили.

С первыми лучами Солнца, я, как обычно, отправился в душ, и после помывки и приведения себя в порядок направился в столовую. По дороге ко мне подбежал Сатер и сообщил, что на рассвете, в восьмистах ярдах от нашего бункера, обнаружил подрывной заряд в сумке, лежащий рядом с большой лужей крови.

— Почему ты мне поверил? Ты же ничего не видел. Как ты догадался? — Мне нужно было его заткнуть.

— Послушай, — ответил я, — я не был уверен на сто процентов, но я был бы очень хреновым командиром команды, если бы не слушал своего напарника, не так ли? А теперь пошли жрать.

Как обычно, взяв подносы с едой, мы вернулись к своим койкам, чтобы поесть в одиночестве. Не потому что нам это нравилось, а потому, что владея секретной информацией, разговоры в солдатской столовой могли быть опасными. Даже в относительно безопасных условиях на базе, это позволяло снайперам не высовываться.

— Как тебя зовут, Сатер?

— Называй меня Рэд.

— Ладно, Рэд, пошли поедим в столовую для сержантского состава. — В нее допускались морпехи в звании капрал и выше.

— Как я туда зайду, я же рядовой первого класса?

Я посмотрел на него и подумал: «Боже, неужели я тоже был когда-то таким наивным?» Наверное, да. Я снял со своего воротника эмблемы ланс-капрала и вручил их ему.

— Прицепи мои себе, а свои отдай мне. А теперь пошли.

Когда мы шли к столовке, я объяснил ему, что после того, как он некоторое время там побудет, большинство узнает, что он снайпер, и тогда лишних вопросов не возникнет, но нужно внимательно следить за запросами.

— Какими запросами? — спросил он. Когда я ему объяснил, он притих.

— Сержанты и лейтенанты идут в зачет только как фрэггинг, — добавил я.

— Что такое фрэггинг?¹⁰⁰

Я заколебался, — он выглядел слишком молодо.

— Тебе сколько лет?

— Девятнадцать, а что?

Я ничего не ответил. На мгновение я почувствовал себя намного старше своих двадцати лет.

Столовая сержантского состава была очень даже ничего, мы взяли свои подносы и сели за стол, на котором уже была вода, кофе, молоко и зеленый «Кулэйд». Да и вообще много еды в Корпусе имело зеленый цвет. Рэд заказал молоко и был слегка изумлен, когда я посоветовал ему не делать этого. Он быстренько поменял свой заказ на «Кулэйд».

— Почему нельзя пить молоко? — спросил он.

— Скоро ты отправишься в джунгли, и там молока у тебя не будет. Если ты пробудешь там слишком долго, то по прибытию обратно у тебя появится страстное желание выпить молока, и пить его много, так много, как будто в последний раз. На пару дней тебя раздует как баллон, так что лучше пересилить себя на время.

Пока мы ели, наш разговор стал более непринужденным, посыпались вопросы: Что происходит в США? Интересно, гуки на самом деле так хороши, как я слышал? Девушка есть? А каково это — находиться в джунглях? Какой у них личный номер в учебном лагере? — ну и так далее. После приема пищи я сказал Рэду, что мне нужна его помощь.

— Да, конечно, все что угодно, — ответил он. — Чем могу помочь?

— Мне нужен выучный мул. — Он посмотрел на меня в замешательстве. — Идем, я расскажу тебе, пока мы ходим за моей винтовкой и за боеприпасами.

Всё время, пока мы шли, я вводил его в курс дела.

— Прошло довольно много времени с тех пор, как я был в деревне, и я хочу побывать там до того, как меня отправят куда-нибудь в другое место. Я хочу взять какое-то оружие для ополченцев, но из-за своего колена я не могу переносить большой вес.

— Где мы возьмем разрешение? — спросил он. Я улыбнулся и взял в руки винтовку.

— Получим прямо здесь и сейчас.

Сержант на складе боеприпасов хорошо меня знал.

— Привет, снайпер. Что потребовалось в этот раз?

---

¹⁰⁰ Фрэггинг (*Fragging*) — убийство подчиненными своего командира во время боя. Чаще всего осуществлялось гранатой (*fragmentation grenade*), откуда и пошел сам термин. Обычно такие эпизоды фиксировались как несчастные случаи или же списывались на действия партизан. За время войны во Вьетнаме было зафиксировано порядка 700 таких случаев, но их было гораздо больше.

— Нуууу, дай-ка подумать. Шесть мин «Клеймор». Еще дюжину гранат, шесть лент к М-60 и пятнадцать сигнальных мин на растяжке. Мммм, есть еще что-то новенькое?

— Ага, — ответил тот. — Получили пару ручных противотанковых гранатомётов с осколочными гранатами.

— Отлично, давай шесть штук.

— Ну, в общем, ты знаешь, где нужно за все это расписаться, — буркнул он и начал тащить всё на прилавок. Поскольку снайперы имели специальный допуск, нам не требовалось для получения оружия и боеприпасов предъявлять письменные распоряжения. Лишь единожды он спросил меня, что я собрался делать со всем этим неснайперским вооружением.

— Мы используем все это для того, чтобы никто не подходил к нашим палаткам, — ответил я, и мы оба засмеялись. Больше вопросов о том, нахрена мне все это хозяйство, не последовало. Нагрузив Рэда так, чтобы он едва мог нести все это, я прихватил остальное.

Когда мы прошли мимо въездных ворот, у которых стоял береговой патруль, и нас никто не остановил, Рэд сказал:

— Черт, как всё просто! Мне говорили, что для покидания базы у меня должен быть пропуск.

— Когда станешь командиром команды, ты всё поймешь.

— Все эти минометы прошлой ночью... Ты вызывал их огонь так, будто в этом нет ничего особенного.

— Да хрень это. Если станешь командиром команды до того, как тебе отстрелят задницу, будешь вызывать авиационную и артиллерийскую поддержку еще тысячу раз.

— Ты часто ходишь в деревню?

— Всякий раз, когда есть время.

Деревня находилась всего в нескольких милях от нас, но нам пришлось несколько раз останавливаться по дороге. Моё колено начало просто адски болеть. Когда мы добрались туда, некоторые ополченцы пришли поздороваться с нами, и сразу отправили кого-то найти Ли Оута. Мы сгрузили все снаряжение и сели на пончо, моё колено по-прежнему давало о себе знать.

Один из ополченцев принес нам две чаши рисовой водки. Я было подумал предупредить Рэда, но решил, что поскольку я познал всё на собственной шкуре, то и он тоже должен. Когда он сделал большой глоток и начал задыхаться, я, наверное, смеялся громче, чем ополченцы, которые любили так подшучивать с наивными американцами. Через несколько минут ко мне быстрым шагом подошел Ли.

— Джо, Джо, я слышал, что ты ранен. С тобой всё в порядке?

— Да, конечно.

Мы обнялись, и Ли не мог сдерживать себя. Рэд наверняка думал, что это за странное зрелище разворачивается перед ним. Тут Ли впервые взглянул на него.

— Длинная винтовка?¹⁰¹

---

¹⁰¹ Длинная винтовка (*Long rifle*) — жаргонное название снайперской винтовки с продольно-скользящим затвором.

— Да, но с ним все в порядке. Когда придет время, научи его тому, чему ты когда-то учил меня. Я также хочу, чтобы он занялся здесь помощью местному населению. — Я указал на то, что мы принесли. — Жаль, не мог прихватить больше, Ли.

Он как обычно кивнул мне, но продолжал смотреть на меня так, словно я был призраком. Когда мы с Ли начали говорить на смешанном вьетнамском, французско-вьетнамском сленге и английском, Рэд растерялся. Мы разговаривали о таких вещах, которые понимали только Ли и я. Ли был основным источником разведывательной информации, и ему было что мне рассказать.

— Колено вроде уже не так болит. Как насчет еще одной чашки водки? — спросил я. Ли хлопнул в ладоши, и нам принесли еще по одной. Рэд храбро справлялся с последней чашей огненной воды, и не уверен, но думаю, что видел, как он несколько раз закатывал глаза. Ли спросил, видел ли я уже Энн.

— Нет, у меня и так было достаточно хлопот. Собственно говоря, может быть, ты подбросишь нас обратно на базу?

— Без проблем, Джо.

— Ли, с тех пор как мы виделись с тобой крайний раз, я видел кое-какие вещи, которые беспокоят меня. Сейчас НВА и вьетконговцы здоровее и лучше оснащены, чем когда я прибыл. Ли, сейчас здесь в основном северовьетнамцы.

Он опустил глаза.

— Да, ты прав. Солдат НВА все больше и больше, а вьетконговцы их очень поддерживают. Они действительно стали значительно сильнее.

— Ли, позволь мне увезти и тебя, и твою семью из страны.

Его отсутствующий взгляд сказал мне, что он тоже думал об этом. После нескольких минут молчания он нехотя отклонил мое предложение.

— Черт тебя побери, Ли! — воскликнул я. Хотя его лицо ничего не выражало, я знал, что он был разочарован. Мы закончили дискуссию, и я сменил тему разговора.

— Мне нужно вернуться и поспать. Я сегодня ночью на дежурстве. Как насчет того, чтобы отправиться обратно?

— Да, конечно, джи-ай, — и он улыбнулся. Потом ушел и вернулся с двумя мопедами и двумя молодыми женщинами, чтобы они отвезли нас на базу. По-своему, у Ли была уйма достоинств.

— Передавай привет Энн.

Он кивнул и, как только мы отъехали, махнул рукой. Мне нужно было отставить колено в сторону, но мопед все равно пошатывался. У Рэда же была проблема иного рода. От рисовой водки он опьянел так, что его голова моталась из стороны в сторону. Не проехав и пятидесяти ярдов, он свалился с мопеда. Нам пришлось воспользоваться старым способом, с помощью которого вьетнамцы переносили раненых в медицинское учреждение — мы связали его руки над грудью девушки, которая сидела за рулем мопеда. Выглядело очень мило.

Поскольку мы без разрешения притащили с собой на базу гражданских, у ворот нас остановил береговой патруль. Один из патрульных посмотрел на Рэда.

— Что с ним?

— Он влюблен.

— А по-моему, он бухой.

Я снял с плеча винтовку, и положил себе на колени. Это сыграло мне на руку — когда они увидели оружие, то не знали, что делать.

— Послушай, сержант, у нас сегодня ночью дежурство, и все, что мы хотим, это немного поспать. За девушек я ручаюсь, — сказал я.

— Я не знаю, что вы, ребята, делали, но проходите, и я вас не видел, — ответил дежурный сержант, качая головой.

Девушки помогли мне уложить Рэда на койку. Я дал каждой по пять долларов чеками,¹⁰² и они уехали.

Я добрался до своей койки и заснул в обнимку с винтовкой. В половину седьмого вечера мой командир отделения поднял меня на дежурство.

— Кого ты берешь собой, Сатера?

— Ага.

— И что ты думаешь о нем?

— Он умен, у него глаза, как у ястреба, и если он сможет стрелять, то станет хорошим солдатом.

И я отправился на очередное ночное дежурство.

***

*Снайперы-разведчики,
«Мост свободы»,
6 декабря 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Я все еще здесь. Вчера получил от тебя письмо с фотографией. Конечно, было приятно.

Я на «Мосту свободы» и все, что мы делаем, это сидим на вышках и иногда обеспечиваем охранение при прочесывании дороги. Время от времени мне мешает колено, но я учусь с этим справляться, в остальном же все в порядке. В следующем месяце у меня должен быть очередной отпуск, и надеюсь, что в этот раз ничего не случится.

Ты говорила, что Ник был на госпитальном судне в Дананге. Мы с Дейвом собирались навестить его, но решили, что его не должно быть там. Если бы мы только знали!

Добро, должен написать еще несколько писем. Береги себя.

*С любовью,
Джозеф*

***

Моим первым заданием после выписки из госпиталя стал «Мост свободы», куда я отправился вместе с Сатером в качестве своего напарника. Я полагал, что «Мост свободы» является не самой плохой службой. Там даже был маленький солдатский клуб. Я

---

¹⁰² Здесь имеется в виду MPC (*Military Payment Certificate*) — расчетная книжка, сертификат денежного довольствия.

схватил свой рюкзак и собрал все остальное снаряжение. Это было не трудно, поскольку все было уложено на моей ременно-плечевой системе: турецкий топорик-мачете, во семьдесят матчевых патронов, аптечка первой помощи, четыре фляги с водой и моя широкополая шляпа. Свой шлем и бронежилет я отнес к «птичке», засунул в карманы все свои топокарты и отправился за Рэдом. Как же ему было херово. У меня даже возникли сомнения, что он вообще когда-либо напивался до такого состояния.

— Так, по коням, мы выходим. Однако учитывая твоё состояние, не думаю, что тебе понравится полет на вертолете. Встречаемся у бункера «морских пчел» через двадцать минут.

Бункер «морских пчел» был большим, на его задней стенке было установлено два вентилятора, которые работали на полную катушку. Вентиляторы были предназначены не для охлаждения, а для вытягивания дыма. В любой момент в бункере могли сидеть от десяти до двадцати парней и пыхтеть как паровозы. Зачастую дым был настолько густым, что хоть топор вешай — было трудно разглядеть даже рядом сидящего человека. У входа всегда стояла коробка из-под патронов, полная сигаретами с травкой. Я взял одну и уселся рядом с инженером Роном Уиллингом, которого хорошо знал.

Гомон на мгновение прекратился, когда зашел командир роты. Он взял из коробки косяк, сел напротив нас и закурил. Это чем-то напоминало подпольный клуб. Многие на базе знали об этом, но ничего не предпринимали, чтобы закрыть нахрен это заведение. Подняв глаза, я увидел, что у входа топчется Рэд.

— Давай, Сатер, заходи.

Он колебался.

— Молодой, это приказ!

Он неохотно зашел.

— Да, и прихвати с собой пару сигарет, — я указал на коробку из-под патронов. Его глаза все еще приспособлялись к полумраку в бункере. Он взял две сигареты из коробки и направился к нам, а затем увидел командира роты. С ужасом он посмотрел на него и сказал:

— Доброе утро, сэр.

«Вот дерьмо», — подумал я, схватил его за пояс и усадил на скамью рядом с собой.

— Ты видишь этого человека, который сейчас перед тобой?

— Ну, не очень отчетливо, но думаю, что это командир ро..., — я прикрыл ему рот своей рукой.

— Здесь нет званий, и никогда не было, ты меня понял?

Он кивнул. Я убрал свою руку и сказал, чтобы он подкурил одну.

— Подкурил что?

— Одну из сигарет с травкой, которую ты взял.

— Но я никогда не курил эту дрянь.

Я взял его за воротник и притянул к себе.

— Послушай, Эф-Эн-Джи... Я не хочу, чтобы мой напарник блевал в вертолете просто потому, что он перебрал. Ты когда-нибудь видел, как кого-то выворачивало в «птичке»? — Он медленно покачал головой. — Ну, это не самое красивое зрелище, скажу тебе. На борту ветрено, и ты уделяешь не только себя, но и всех остальных, а я не позволю тебе позорить снайперов таким образом. А теперь закуривай!

Спустя сорок пять минут, Рэд, с моей помощью, взобрался на борт с самой широкой, и самой тупой ухмылкой на лице, которую я когда-либо видел. Бросив его бронезилет на скамью, я усадил его напротив меня, и не мог сдержать улыбку, когда смотрел, как он закрывает один глаз, а затем резко открывает его, и в тот же момент начало медленно закрываться другое веко. У него это был первый настоящий полет на вертолете.

На мосту мы сменили команду, и сразу оказались заняты ведением наблюдения с вышки и обеспечением безопасности инженерной разведки дороги. Инженерная разведка велась одним из двух способов. Два «ворчуна» шли по дороге с металлоискателями впереди танка. За танком всегда шел грузовик с пулеметом .50-го калибра, установленным на крыше, а в кузове сидело полдюжины морпехов, сапер, санитары, а иногда и снайперская команда. Второй способ заключался в установке на передней части танка минного трала. Передняя часть трала была длиной в двадцать футов, и на ней были подвешены тяжелые цепи, которые протаскивались по дороге с целью вызвать срабатывание мин на безопасном расстоянии. К сожалению, «Чарли» зачастую противодействовали этому, используя взрыватели замедленного действия, которые иногда ловил грузовик, идущий за танком. Еще одна инженерная разведка покинула Ан-Хоа в то же самое время, как выдвинулись мы, поэтому две группы должны были встретиться примерно на полпути между базами.

К полудню мы достигли обычного места встречи, но второй группы инженерной разведки там не оказалось — командир ихнего танка передал по радио, что они напоролась на мину. Когда мы добрались до них, с танком все было в порядке, но грузовик, ехавший позади него, оказался полностью уничтожен.

Я думал, что к тому времени уже огрубел и притерся к жестокостям войны во Вьетнаме, но от того, что увидел там, мне захотелось умереть. Двухсотфунтовый фугас со взрывателем замедленного действия взорвался точно под центром грузовика. Куски грузовика и останки людей, которые находились в нем, оказались разбросаны в радиусе сотни ярдов. Первое, что я подумал, была ли на борту снайперская команда, или нет, хотя единственная причина, по которой другая команда могла сопровождать инженерную разведку, — это получение задания в каком-нибудь другом месте.

Я подбежал к командиру танка и спросил, были ли в грузовике снайперы. Он был явно потрясен, его лицо было бледным. Дрогнувшим голосом он ответил.

— Я так не думаю.

Но мы все равно должны были проверить, так что мы вместе с Рэдом начали неприятный поиск среди обломков.

Мне было реально жалко напарника, я слышал, как у него несколько раз были позывы на рвоту, и он был не одинок — позади меня также блевал один из танкистов. Я же был просто ошеломлен тяжелым запахом сожженной человеческой плоти.

Мы не нашли никаких свидетельств того, что в грузовике была снайперская команда, но при виде такой кровавой бойни, что-то внутри, более, чем обычно, беспокоило меня. Это было чье-то тело. Точнее то, что осталось от тела — все, что было ниже талии, исчезло, а останки обгорели. Однако, кое-что от него там осталось. Я вернулся, чтобы посмотреть на его «собачьи бирки».¹⁰³ Они были обожжены и частично вплави-

---

¹⁰³ Собачья бирка (*Dog tag*) — личный знак, армейский жетон военнослужащего.

лись в его грудь. Когда я вытянул его личный знак, на нем остались кусочки обгорелой плоти. Когда я прочитал имя Лопес, то понял, что это был мой товарищ из нашего взвода в учебном полку. В своей памяти я сохранил его облик таким, каким он был на занятиях. Не знаю, как долго я просидел на корточках, пытаюсь воссоздать его образ. Мой разум был похож на сломанную запись, застрявшую в ночном кошмаре.

Рэд, должно быть, чувствовал то же самое, что и я. Он мягко положил мне руку на плечо, я встал и посмотрел ему в глаза:

— Господе Иисусе, Рэд. Давай съебываться отсюда к чертовой матери.

Я отдал личный знак командиру танка и сказал ему, что знал Лопеса.

— Он был хорошим парнем, — с горечью сказал я, и пошагал обратно к мосту. Один из парней из нашего грузовика крикнул нам вслед:

— Ребята, вас подбросить? — но я ничего не ответил, а только лишь зашагал быстрее. Мы пошли коротким путем, через рисовые поля и открытые пространства, что позволило сократить расстояние с восьми до почти четырех миль, но все равно нам потребовалась бóльшая часть утра, чтобы добраться до моста. К тому же, мне приходилось часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своему колену.

На следующее утро у нас была запланирована очередная инженерная разведка, и я всерьез подумывал о том, чтобы избавить нас от этого, но после определенных душевных терзаний все-таки решил, что мы пойдем на нее. Я понял, что если не вернусь в свой привычный ритм боевой службы, то уступлю своим страхам. А страх и безграмотность — это главные убийцы во Вьетнаме.

Когда на рассвете мы отправились на разведку дороги, такую же, как и накануне, я старался смотреть на вещи оптимистично. Оказавшись примерно в трех милях от моста, мы наблюдали, как реактивные самолеты обрабатывают на бреющем полете небольшую полосу джунглей в полумиле от нас, сбрасывая свой груз из пятисотфунтовых фугасных бомб. Мы всего лишь любопытствовали, поскольку находились вне опасной зоны для подобного удара, но случилось нечто странное — через открытое поле в нашу сторону полетел какой-то предмет размером и формой с грейпфрут. Я примерно прикинул, что пока он приблизится к нам, то должен истратить всю свою энергию, но не знал, было ли это частью бомбы или чем-то другим, но по мере его приближения размер и форма не менялись.

Эта штука находилась примерно в ста ярдах от нас, когда трое из нас крикнули: «Утка!»¹⁰⁴ Я схватил Рэда за руку и потянул его вниз. Она ударила в задний откидной борт с такой силой, что от удара содрогнулся весь грузовик, а в борту осталась вмятина глубиной восемнадцать дюймов.

Это стало последней каплей. В качестве снайперов мы не достигали во время прочесывания дорог никаких значимых результатов, а просто брать нас с собой, чтобы обеспечить для танка свободный огонь, не оправдывало риска. Я прекратил выходить на инженерную разведку и ограничил наши обязанности только ведением наблюдения с вышки и несколькими патрулями.

---

¹⁰⁴ «Утка!» (*Duck*) — кодовое слово при передаче сигналов, в том числе и в радиопереговорах, означающее «Внимание, опасность!»

Тринадцатого числа нам сообщили, что нас вызывают на высоту 65. Четырнадцатого числа нас сменила другая команда, и на ближайшей «птичке» мы отправились на новое место нашей снайперской службы.

Фотоматериалы

Те самые четверо, которые пошли в морскую пехоту (слева направо): Майк О'Грейди, Дейв Янг, Джей Ти Уард, Ник Херрера, лето 1968 г.

Дж. Уард получает звание отличника из рук подполковника Далласа Уокера. Учебный лагерь для новобранцев КМП США, Сан-Диего, осень 1968 г.

Дж. Уард на базе Ан-Хоа со своим первым письмом из дома, лето 1969 г.

Вид на базу Ан-Хоа со снайперской вышки, лето 1969 г.

Вооружение снайперов-разведчиков 5-го полка во Вьетнаме (сверху вниз): модифицированная винтовка Ремингтон, модель 700 со свободно вывешенным стволом, дульная скорость 2550 фт/сек; самозарядная винтовка М-14 с возможностью установки ночного прицела «Старлайт», дульная скорость 2800 фт/сек; винтовка М-16 с прицелом «Старлайт», дульная скорость 3250 фт/сек.

Пленный НВА, взятый в результате засады на острове Гоу-Ной, 1969 г.

Морские пехотинцы одной из рот, прижатых огнем на Центральном нагорье, провинция Куанг-Нам, лето 1969 г.

Снайперские вышки на западной стороне базы Ан-Хоа, лето 1969 г.

Войска грузятся на борт тяжелых транспортных вертолетов «Сикорски» во время проведения операции «Сад Форсайта», лето 1969 г.

Снайпер-разведчик Беар перед палаткой командиров команд, база Ан-Хоа, 1969 г.

Дж. Уард вместе с местным ополчением ест собачатину, рис и овощи, лето 1969 г.

Снайпер-разведчик Дейв Микс сооружает ловушку в провинции Куанг-Нам, 1969 г.

Эвакуация на двух вертолетах «Сикорски» роты морской пехоты и роты АРВН, оставшихся на территории «Аризона», осень 1969 г.

Дж. Уард в полном боевом снаряжении перед выходом на операцию, база Ан-Хоа, осень 1969 г.

Патруль морской пехоты пробивает себе путь через плотные джунгли на Центральном нагорье, весна 1970 г.

Глава IV

Сто дней до приказа

*Снайперы-разведчики,
Высота 65 / Ан-Хоа,
19 декабря 1969 г.*

Дорогая мамочка,

Тут много чего произошло за последние несколько дней. Я прошел от моста до высоты 65, а теперь снова вернулся сюда в Ан-Хоа. Расскажу тебе историю последних нескольких дней, когда вернусь домой. Ты мне не поверишь.

Ходят слухи, что 5-й полк должен выводиться в феврале, так что я могу по дороге домой застрять на корабле. Отменены все отпуска после января, так что не уверен, будет у меня отпуск вообще или нет. Возможно, мне по-прежнему удастся получить его, но я думаю, что нет. Так что ты можешь начинать ждать меня в любое время после февраля.

Ты помнишь Пэта, моего напарника, который был ранен вместе со мной? Он получил второе ранение, и его отправили домой. Думаю, с ним все будет в порядке, но у бедолаги, конечно, была сложная боевая служба. Он находился здесь чуть больше двух месяцев.

Ты слышала что-нибудь о Нике? Он в Штатах или где?

Добро, мам, я закружляюсь. Береги себя, скоро напишу тебе снова.

*С любовью,
Джозеф*

P.S. Прилагаю к письму свой дембельский календарик. Когда получишь его, закрашивай каждый день по одному числу, начиная со 100, и к тому моменту, когда ты дойдешь до единицы, я должен быть уже дома.

***

Пока я нес свою легкую службу, Пэт был ранен второй раз выстрелом из РПГ. Осколки попали ему в обе ноги и в руку. Это был его билет домой, и когда он написал мне, что теперь понял, что чувствовал я после ранения, я ему целиком и полностью поверил. А когда услышал, что его отправили в Японию, то понял, что он уже был на пути обратно в реальный мир.

Высота 65 являлась крупной базой со всеми приличествующими удобствами: почтой, солдатским клубом и старыми фильмами, которые крутили в столовой три раза в неделю.

На высоте находилось две с половиной снайперские команды, поскольку один из командиров команд, который также выполнял обязанности командира отделения, заменился домой. Поскольку я был следующий по старшинству, то автоматически стал новым командиром отделения. Единственным человеком, с которым можно было погово-

рять здесь в любое время, был Рон Сондерс, отслуживший в этих местах три месяца. Я объединил его и Рэда в одну снайперскую команду.

За исключением необходимости быть командиром отделения, это была ненапряженная служба, то есть она была таковой до ночи на семнадцатое число. За предыдущие пару дней по нам выпустили несколько ракет и минометных мин, но в остальное время все было довольно тихо.

До половины десятого вечера, когда я пошел на вышку проверить снайперскую команду, — у Рэда и Рона это было их первое ночное дежурство — я успел обработать свое больное колено и прихватить бутылку местного рома. Внезапно за периметром, в восьмистах ярдах, началась перестрелка.

Рота морпехов возвращалась на базу, когда попала в засаду, устроенную ротой НВА. Наблюдая со своего наблюдательного пункта в «Старлайт», передо мной открывался завораживающий вид интенсивной перестрелки. Нетрудно было сказать, кто есть кто — мы использовали красные трассеры, «Чарли» использовали зеленые — как будто политики пометили своих пешек разными цветами.

Я потратил слишком много времени в джунглях, и когда выдал Рону дальность и приказал ему открыть огонь, он с удивлением посмотрел на меня.

— Разве ты не собираешься вызвать огневую поддержку?

— Это займет слишком много времени. Стреляй!

Он прицелился из своей М-14 и быстро выстрелил трассером и двумя матчевыми патронами.

— Чуть вниз и вправо!

Рон выстрелил еще одну серию из трассера и двух матчевых пуль.

— Прямо в цель! Быстрее!

Пустые гильзы запрыгали внутри башни, пока он опустошал свой первый магазин. Рэд подал ему еще один. Я сказал Рону проделать то же самое, но быстрее. Я знал, что прицел вскоре засветится, и потребуется время на его восстановление. Яркие трассера на время снижали возможности прицела. Рэд подал ему еще один магазин. Он вел огонь ритмично, в быстром темпе, и выпустил второй магазин менее чем за тридцать секунд. Затем в вышку попала пуля.

— Что это было? — спросил Рэд.

— Дьявол, Рэд, они стреляют по нам. Ты можешь себе это представить?

На самом деле, пули попадали в вышку с завидной регулярностью. Рон выпустил еще один магазин, я снял прицел с крепления, и мы упали за ограждение вышки, выложенное из мешков с песком. Пока он перезаряжался, мы с Роном разговаривали. Рэд бормотал различные ругательства всякий раз, когда в вышку попадала пуля.

— Похоже, по нам работает их пулемет, — сказал я. Рон согласился.

— Ну, сейчас покидать вышку точно не безопасно, даже если нам придется прыгать. Что будем делать? — спросил он.

— Застрелим засранца, — ответил я. — Ну если только смогу найти его.

Прицел почти восстановился, и я положил его сверху на мешки с песком, после чего немедленно пригнулся вниз.

— Черт, Рон, он просто за пределами этого периметра, примерно в пятидесяти ярдах справа от их основного подразделения. Слушай, я не могу просить тебя встать снова, здесь слишком жарко. Почему бы тебе не дать мне винтовку?

— Нет, дружище, сейчас я стрелок, а ты наблюдатель.

Так как Рэд был под огнем в первый раз, я сказал ему, чтобы он оставался внизу и подавал Рону магазины так же, как он делал ранее. Мы поднялись, и Рон разрядил еще один магазин, потом бросил его на пол, как только мы снова нырнули вниз.

— Рон, он сменил позицию. Ты заметил паузу?

— Нет.

— А ты, Рэд?

— Нет.

— Должно быть, мы пропустили это. Давайте подождем и посмотрим, когда он прекратит стрельбу, чтобы переместиться. В него тяжело попасть, когда он на огневой позиции. Слушай, Рон, если он прекратит огонь, начни стрелять на десять футов правее его крайней позиции и продолжай так делать.

Мы ждали, и вскоре пули перестали бить по вышке.

— Сейчас! — крикнул я, и мы снова вскочили. Рон расстрелял еще один магазин, и мы пригнулись вниз. Медленно тянулись секунды — ничего. Довольно скоро мы посмотрели друг на друга и заулыбались.

— Думаю, что мы достали его, — сказал Рон с довольной ухмылкой.

— Да, скорее всего. Передай Рэду винтовку и дай ему поработать по «Чарли», пока перестрелка не закончилась.

«Старлайт» был засвечен от трассеров и дульных вспышек. Мы с Роном наблюдали, как Рэд опорожнил один магазин и начал второй, когда бой прекратился.

Я сел и посмотрел на пол вышки. Там была мешанина из гильз, пустых магазинов, грязи из мешков с песком и деревянных щепок.

— Приятель, все те трассеры, что это было — соревнование или что? — спросил Рон.

Ночь была холодной, однако я насквозь промок от пота. Вскоре послышался суровый голос с земли. Я подошел к краю и глянул вниз.

— Кто там на дежурстве сегодня?

— Я.

— Кто «я»?

— Ланс-капрал Уард.

— Окей, Уард, командир базы хочет видеть тебя, прямо сейчас!

Я начал спускаться по лестнице, но ближе к середине наступил на ступеньку, которая была изрешечена пулями, и оступился. Пролетев вниз оставшиеся десять футов до земли, я шлепнулся в кучу пыли прямо возле ног первого лейтенанта. Удар по моему колену удвоил мою боль. Лейтенант наклонился и спросил, все ли у меня в порядке.

— Думаю да, хотя мне понадобится воспользоваться чем-то в качестве трости.

— Возьми мою винтовку. Я дам тебе руку.

Мы пошли прямо в офицерскую палатку. Лейтенант усадил меня на койке.

— Я схожу за санитаром, чтобы он осмотрел на ногу. Не уходи, командир может появиться здесь в любой момент.

На меня навалилось все сразу: усталость, ром и зашкаливающий адреналин. Взгляд затуманился, но я мог сказать, что там находилось несколько офицеров. Пришел санитар и проверил мое колено.

— Перелома нет, но у тебя там ужасный шрам, приятель. Все, что я могу сделать, это перевязать его эластичным бинтом.

Еще до того, как док закончил, в палатку зашел командир базы. Все, кроме меня и санитары, стали по стойке смирно. Он сел на койку напротив меня.

— Ты знаешь, почему ты здесь очутился, ланс-капрал Уард?

— Нет.

— Ты стрелял изнутри периметра без разрешения.

— Ну и что?

— Это нарушение уставного порядка.

— Да ложил я на инструкции и на тебя тоже.

— Ты знаешь, с кем разговариваешь!?

Мне пришлось наклониться ближе к нему, чтобы на его петлице рассмотреть орла.

— А, ты целый полковник. Ну и что?¹⁰⁵

— Я главный на этой базе!

— Да ну? Ты не очень-то хорошо ею и командуешь, так что иди на хер!

Я смутно осознавал, что все присутствующие офицеры внимательно слушали.

— Ты создаешь для себя чертовски много неприятностей, мальчик.

— Мальчик? С чего бы это, сукин ты сын? Еще посмотрим, кто здесь мальчик, дай только добраться до тебя, мудака!

Я дернулся к полковнику. Несколько рук довольно мягко потянули меня обратно на койку. В этот момент вперед шагнул лейтенант и предложил полковнику дать мне возможность отоспаться.

— Он будет здесь, я присмотрю за ним, сэр.

— Да, хорошая идея, лейтенант. Эээ, как ваше имя?

Я лег обратно и вскоре отключился на всю оставшуюся ночь.

В пять утра восемнадцатого числа, лейтенант уже стоял в нескольких футах от меня и светил фонариком.

— Уард, подъем!

Я подорвался вперед.

— Где я?

— В офицерской палатке. Слушай, и слушай внимательно, больше повторять не стану. Ты действительно взбесил старика.

— Все так плохо?

— Ты несколько раз послал его на три буквы!

— О, черт! И что теперь?

— Он написал рапорт, ты должен быть в Ан-Хоа до полудня.

— Когда первый вертолет?

— Не скоро. И если ты просто попадешься полковнику на глаза, он повесит тебя на ближайшем дереве, поэтому тебе лучше выйти с инженерной разведкой. Она отправляется через тридцать минут. Вот твои приказы. Пошли за твоей снарягой — я должен оставаться с тобой до тех пор, пока ты не уберешься отсюда.

---

¹⁰⁵ Знаком различия полковника американской армии является орел.

Пока мы шли к воротам, где выстраивались саперы и их прикрытие перед выходом на разведку дороги, я сказал лейтенанту:

— Думаю, я предпочел бы повеситься, чем всю дорогу ехать на грузовике в Ан-Хоа.

— Радуйся, что он тебя не арестовал.

— И почему же он не сделал этого?

— Я за тебя поручился, к тому же ты был пьян, и я понял, что ты не мог создать себе больше неприятностей, чем уже поимел.

— Спасибо.

— Не благодари меня, ты — часть полкового штаба. Тебе придется отвечать перед кем-то более высокопоставленным, чем здешний старик. Ты человек того же сорта что и он, что случается не так уж и часто. Думаю, что все офицеры наслаждались этим шоу.

— Как твое имя?

— Это неважно, просто забирайся на грузовик и проваливай отсюда к чертовой матери. У меня хватает проблем.

— Эээ, лейтенант, ты не мог бы передать рядовому первого класса Сондерсу, чтобы он подменил меня здесь?

— Да, да, конечно. А теперь проваливай.

Поездка в Ан-Хоа оказалась такой, как я и предполагал. Единственное, что меня отвлекало от тяжелой, пыльной дороги и боли в колене, была мысль о гауптвахте в Дананге.

Мой командир отделения встретил меня сразу же, как я слез с грузовика.

— Уард, что к чертовой маме происходит? Ганни хочет видеть тебя немедленно!

— Я расскажу тебе все, что знаю, по дороге.

Я постучал в дверь к ганни и сразу же был приглашен внутрь возгласом: «Заходи, Уард!». Я даже удивился, откуда он узнал, что это был я, — события происходили быстрее, чем я мог за ними угнаться. Я вошел в его палатку. Он был серьезным, и начал говорить, прежде чем я сел.

— Ты знаешь лейтенанта Меркеля?

— Не уверен, ганни.

— Ага, но он тебя знает. Он звонил сюда вчера вечером и сообщил, что у тебя неприятности на высоте 65.

— А шкипер в курсе?

— Конечно! На самом деле, у меня есть час, чтобы привести тебя в порядок перед тем, как ты предстанешь в полный рост перед человеком. Твой командир отделения прямо сейчас получает новую униформу и ботинки, ты будешь настоящим красавчиком.

Я взглянул на свой камуфляж для джунглей и ботинки. «Рванье, — подумал я. — Но я же полевой морпех, какого черта я делаю здесь, в этом бардаке?»

— Я открою душевую, так что ты сможешь вычистить и побрить все, чтобы тебе было не больно, когда ты подумаешь об этом.

— Черт побери, ганни, во что я влип?

— Не знаю. Это может быть как просто офицерское собрание, так и трибунал. Только шкипер знает. Сначала о главном. Когда войдешь в его палатку, — неважно,

сколько времени это займет, — стой по стойке смирно. На капитана не смотри, смотри на занавеску за его столом, и говори только тогда, когда тебя об этом просят, точно так же, как в учебке. Я не могу пойти с тобой, но я буду ждать снаружи. Теперь марш приводить себя в порядок!

Прогулка до палатки шкипера оказалась очень короткой. У двери, перед тем, как постучать, в качестве последнего действия, вытер пыль со своих ботинок о заднюю часть штанин. Я посмотрел на ганни, он просто кивнул, и после постучал в дверь три раза.

— Сэр, ланс-капрал Уард по вашему приказанию прибыл, сэр!

— Войдите!

Я встал по стойке смирно, глядя на занавеску. Мне хотелось посмотреть на капитана, но Ферджи вполне доступно объяснил мне на этот счет. Капитан Хадсон начал.

— Вы наделали довольно много шума на высоте 65 прошлой ночью.

— Да, сэр.

— Сюда входит несколько вещей: стрельба из огневой базы без разрешения, нарушение субординации, даже угроза физической расправы над вышестоящим офицером, и это еще не все. Мне продолжать, Уард?

— Нет, сэр.

— Все это серьезные обвинения. Никогда еще не встречал ничего подобного, Уард, хотя и попадалось всякое причудливое дерьмо.

— Да, сэр.

— Я только что завтракал с капитаном Бернсом, который чуть ранее утром прибыл с высоты. Он шкипер роты, которая попала в засаду прошлым вечером. Вы знали, что вас представили к повышению?

— Нет, сэр, не знал.

— В любом случае, вернемся к капитану Бернсу. Пока мы ели, он рассказал мне, что произошло. На рассвете они обнаружили двадцать одно тело солдат противника, и будь я проклят, если он не относит половину убитых на ваш счет.

Я не мог удержаться и посмотрел на него. Мои мысли побежали вперед, и я начал думать, какую половину из двадцати одного человека мы уничтожили.

— Я также получил личный звонок от лейтенанта, как же его, Меркеля, так вроде его зовут. Он хотел, чтобы я знал, что вышку обстреливали весьма интенсивно, кажется, вы поймали «Чарли» в плотный перекрестный огонь, так что они были вынуждены снять пулемет с засады, чтобы только заняться вами. За пределами периметра они также обнаружили тела расстрелянного пулеметчика НВА и его подносчика боеприпасов. Все верно, Уард?

— Да, сэр.

— Как обычно, мы заботимся о своих, и я не вижу никаких причин для того, чтобы отправлять это дело в штаб. С одной стороны, у меня есть капитан, который считает, что ты должен получить благодарность, а с другой стороны — полковник, который хочет тебя расстрелять. Вольно, Уард!

Стало очень тихо, за исключением звука, создаваемого ручкой, которой шкипер слегка постукивал по своему рабочему столу.

— Как ты думаешь, что я должен с тобой сделать, Уард?

Мои мысли мгновенно вернулись в лагерь для новобранцев. Наиболее часто задаваемый там вопрос был: «Как вы считаете, каким должно быть ваше наказание, рекрут?» Если человек озвучивал слишком слабое наказание, инструктор начинал его кошмарить. Если он озвучивал слишком сильное наказание, то он сам себя наказывал излишне строго и выглядел в глазах остальных как рисовщик. Но я больше не был в лагере, сейчас мне задали вопрос по-настоящему. Я должен был дать шкиперу ответ — и у меня не было времени подумать. Что бы сделал сержант Грейвс? Нет, что бы он сказал? Я выпалил:

— Дать мне медаль, а затем расстрелять, сэр?

Тонкая улыбка искривила шкипера губы.

— Почти в точку, Уард. На бумаге ты был капралом в течение двух месяцев. Это остается, но я собираюсь разжаловать тебя обратно до ланс-капрала, так что у меня будет что отправить на высоту 65. Ты следишь за моими мыслями, Уард?

— Да, сэр.

— Окей, а теперь я повышаю тебя обратно до капрала. Поздравляю. Свободен!

Я стал по стойке смирно, но даже не шелохнулся, чтобы уйти. Хадсон оторвал глаза от бумаг на своем столе.

— Что-нибудь еще, Уард?

— Эээ, да, сэр. На вышке находилось еще два человека.

— Черт подери, я не верю тебе, Уард. Немного преувеличиваешь, не так ли?

— Полагаю, что так, сэр.

— Ладно, давай мне их имена, их тоже повысят. Но это не означает, что я оправдываю твои действия на высоте 65, понятно, Уард?

— Да, сэр. Рядовой первого класса Сатер и рядовой первого класса Сондерс, сэр.

— Что-нибудь еще, Уард?

— О нет, сэр!

— Хорошо. А теперь убирайся отсюда и принеси всем нам пользу. И держись подальше от неприятностей.

— Да, сэр!

Я повернулся и зашагал к двери. Возле палатки шкипера ганни протоптал в пыли небольшую дорожку. Он по-прежнему ходил взад-вперед, когда увидел, что я выхожу, и устремился в мою сторону.

— Ну что там?

— Ганни, ты не поверишь. Он повысил меня, разжаловал, и снова повысил меня просто вот так, — сказал я, щелкнув пальцами.

— Ты вляпался в дерьмо и вышел, благоухая как роза, не так ли, Уард? Думаю, что нам лучше дать тебе несколько капральских шевронов. Но ты должен знать только одну вещь, — я хочу быть первым, кто тебе их прицепит.

— Да, конечно, ганни, не волнуйся. — Я все еще пытался переварить последние десять минут.

— Мы подождем до начала месяца, когда бóльшая часть команд будет на базе.

— Большое спасибо, ганни.

Закрепление шевронов — это и честь, и испытание одновременно. Человек, получивший новое звание, проходит между двумя шеренгами, в которых стоят люди, равные или выше его по званию, и каждый из них хлопает его по плечу. Так случилось,

что на базе оказалось четыре капрала и четыре сержанта, чтобы прикрепить мои шевроны. Хотя думаю, что ганни шлепнул несильно, остальные плевали на свои суставы и размахивали руками так, будто они собирались бросить фастболл.¹⁰⁶ В конце шеренги у меня было такое чувство, будто мои руки отбиты по плечо. Сержант Пьюл решил, что шевроны не прикрепились, так что мне пришлось идти сквозь шеренгу обратно.

Я отодвинул головой полог палатки. Два дня спустя, у меня уже будет отдельный столик на ужин, и мне не нужно будет отправлять нового бойца за своей пайкой. А еще через неделю я смогу отдавать честь надлежащим образом.

Вскоре после моего повышения до капрала, во взводе произошел небольшой спор. В конце декабря, вновь назначенный командир команды из отделения сержанта Пьюла получил посылку от своего отца.

Как обычно, интерес к посылке из дома был высок. В такой момент, те немногие из нас, кто находился в Ан-Хоа, собирались вокруг для ритуала ее вскрытия, предвкусная угощение. Он распаковал посылку, и раскрыл несколько коробок с вручную снаряженными патронами, имевшими пули с серебряным носиком. Атмосфера в палатке сразу же стала напряженной. Энтузиазм нового командира команды быстро исчез, когда кто-то строго спросил:

— Ты собираешься это использовать?

— Да, конечно. Почему бы и нет?

После этого ребята начали расходиться. Я подождал, пока все ушли, и сказал:

— Ты знаешь, что они противоречат Женевской Конвенции?

Так же, как и любой из нас, он знал, почему они были запрещены. Пули с серебряным носиком мягкие и предназначены для того, чтобы расплющиваться при ударе, вызывая в теле человека огромные раны.¹⁰⁷

— Гукам насрать на Женевскую Конвенцию, — огрызнулся он. Я ничего не ответил и просто ушел.

В течение следующей недели его достаточно спокойно опекали другие снайперы, и под конец он таки сдал эти патроны в оружейку.

***

Снайперы-разведчики,

Ан-Хоа,

28 декабря 1969 г.

Дорогая мамочка,

Я все еще дергаюсь. Только что пришли с почтой, как раз вовремя. Конечно, мне понравились эти фотографии. Все выглядят здоровыми. Вы все отлично выглядите. Оказывается, я даже не знаю своей собственной семьи.

Что ж, это Рождество запомнится надолго. Канун праздника я встретил на периметре, здесь, в Ан-Хоа. Это было настоящее шоу. Как только стемнело, все начали

---

¹⁰⁶ Фастболл (*Fast ball*, досл. быстрый мяч) — вид подачи мяча в бейсболе.

¹⁰⁷ Здесь речь идет о пулях, у которых на кончике отсутствует оболочка, оголяя свинцовый сердечник.

так стрелять сигнальными ракетами, красными и зелеными многозвездными огнями, что посрамили 4-е июля дома.¹⁰⁸ По моим подсчетам, празднование Рождества обошлось американцам примерно в пятьдесят тысяч долларов, и я почувствовал себя гораздо лучше после того, как выпустил в воздух свою долю государственных денег. О да, в солдатский клуб приехал Санта-Клаус, и он выглядел точно так же, как те, что были дома, только на нем был шлем и бронезилет.

В том грузовике погибло пять человек, одного из них я знал еще со времен учебного полка. Ты даже не представляешь, насколько быстро все это произошло.

Мой отпуск в январе так и не пришел. Возможно, я все еще смогу получить его в феврале, но у меня почти не осталось на это надежды. Девять месяцев в этой стране, и это начинает сказываться. А может, это просто у дембеля разыгрались нервы. Чувствую себя одиноким, сам не знаю почему.

Я работаю с контрразведкой, которая является частью ЦРУ. Конечно, не все время, а лишь время от времени. На самом деле, это не так гламурно, как кажется, но это лучше, чем работать в конторе, — что они и хотели, чтобы я делал с самого начала.

Скоро я получу свои капральские шевроны. Это еще одна часть той цепи событий, которая началась, пока я был на высоте 65.

Я получил письмо от Пэта. Он был в Японии, и летит домой. По крайней мере, он вернется домой к своей жене. Воодушевление — это самая большая часть исцеления от чего-то подобного, как это.

Последние дни было дождливо и холодно. Этот холод действует мне на нервы, но говорят, муссоны долго не продлятся.

Возможно, завтра или послезавтра я покину Ан-Хоа. Знаю, что тебе трудно поспевать за теми местами, где я бываю, потому что приходится много передвигаться. Мне кажется, я пролетел на вертолетах больше миль, чем на авиалайнерах.

Нет, я ничего не слышал от Лауры. Наверное, это и к лучшему, — сомневаюсь, что ей понравится этот старый мешок с костями и шрамами.

Только что узнал, что сегодня мне не придется выходить на периметр, и это большое облегчение, — с тех пор, как вернулся из Дананга, я выходил на дежурство каждую ночь.

Нет, 5-й полк не выводится. Думаю, что они ждут, пока пройдет местный Новый год, чтобы передать базу АРВН. Чего я никак не могу понять, так это того, что в последнее время сюда прибывает много новых парней из Штатов.

Похоже, погода налаживается. Чего бы я только не отдал, чтобы сидеть сейчас перед нашим камином. Береги себя, скоро напишу тебе снова.

С любовью,
Джозеф

***

---

¹⁰⁸ 4-е июля — День Независимости США.

Двадцать пятого декабря я затащил Рэда в самый безопасный бункер в нашем периметре, чтобы встретить Рождество. Когда мы туда прибыли, вечеринка только началась.

У одного из «ворчунов» была бутылка из-под Клорокса с водкой, и после первого же глотка я спросил парня, ополоснул ли он бутылку.

— Нет, а зачем?¹⁰⁹

Я не смог придумать ответа, который бы что-то изменил, поэтому мы пили самую отвратительную на вкус водку и курили травку.

Наступление темноты ознаменовало начало празднования Рождества. Мне никогда не приходилось пускать сигнальные ракеты, но в ту ночь через мои руки их прошло предостаточно. Небо над Ан-Хоа озарилось ослепительной вспышкой красных, белых, синих и зеленых вспышек. На следующий день командир полка выразил свое неудовольствие, но на самом деле это никого не волновало, и не думаю, что это сильно обеспокоило и самого командира. Наверно, для парней это был самый безопасный способ выпустить пар из-за того, что их не было дома на Рождество.

Двадцать девятого мы с Рэдом общались в бункере в нейтральной зоне. После полуночи зазвонил полевой телефон. Я не мог поверить, что нас вызывают.

Узкая тропа, ведущая к бункеру, была длиной в полмили и петляла между рядами колючей проволоки, крутыми траншеями и оврагами. Было пасмурно, и если не считать света от случайных вспышек вдалеке, единственный фонарик, который был у нас, в такой темноте оказался почти бесполезен. Я нагрузил Рэда, и мы тронулись в обратный путь. У него была М-16, я же шел с М-14, оба с установленными «Старлайтами».

Я хорошо знал дорогу, но, учитывая условия, даже мне было трудно ориентироваться. С Рэдом, который был Эф-Эн-Джи, вышла совсем другая история. Я не мог удержаться от смеха, когда он падал или цеплялся за колючую проволоку примерно через каждые двадцать футов, разбив попутно прицел «Старлайт».

Когда мы все-таки добрались до базы, Рэд действительно представлял собой забавное зрелище. Его камуфляж был разорван, сам он был покрыт грязью. Когда сержант Пьюл увидел его, с ним случился припадок. Ему придется объясняться с ганни на предмет того, что случилось с очень дорогим оптическим прицелом. И после этого ганни придется объясняться с капитаном. Я был командиром команды и должен был принять его гнев на себя, поэтому недоверчиво смотрел, как Пьюл ругается на все, что находится в палатке, — стены, палаточные столбы, столы, даже наш священный маленький холодильник. Никогда не видел его таким взбешенным. Я не понимал и десятой доли того, что он выкрикивал, но точно знал, что это не то, что парень сказал бы своей матери. Когда он выдохся, на его лице застыл растерянный взгляд. Пришлось прийти ему на помощь.

— Боевые потери, сержант. Просто спишите его на боевые потери, — произнес я.

— Да, да, именно это я и сделаю, — пробормотал он себе под нос и ушел.

Я обнял Рэда за плечи и изо всех сил потащил его в медпункт. Санитар бросил на меня странный взгляд и повел его в место, где можно было раздеть его и смыть грязь. Я сел его ждать и заснул.

Док разбудил меня через час.

---

¹⁰⁹ Клорокс (*Clorox*) — американская компания, производитель средств бытовой химии.

— Твой друг готов идти. Я знаю, что вы, ребята, чокнутые, но у него царапины и синяки по всему телу. Он что, упал с горы?

— Нет, он чертовски хороший стрелок, просто еще не научился ходить.

Санитар только покачал головой. Кажется, на войне часто качают головой — просто не могут найти слов, соответствующих ситуации.

***

Мое первое задание на работу с контрразведкой пришло на следующий день, когда мой командир отделения приказал мне выбрать другого командира команды, с которым я хорошо ладил.

— Другого командира команды? Почему?

— Это самое подходящее слово. Вы оба будете работать с М-16 с установленными «Старлайтами». Никаких рюкзаков, все личные вещи оставите здесь. Возьмете с собой только карточку Женевской конвенции¹¹⁰ и пищевой рацион типа «К» на двадцать четыре часа.

— погоди минутку, что все это означает?

— Через час в командном бункере состоится совещание. Там вам все расскажут. Извини, Уард, но больше я ничего не знаю.

На базе находился Рон Фикс. Он был одним из первых моих напарников, ставших командиром команды. Я гордился тем, как он появился, и мне нравилось, как он работает, поэтому выбрал его. У меня возникло ощущение, что его чувство юмора пригодится, когда мы сделаем то, что собирались сделать.

Кроме яркого света, который сиял на огромной тактической карте Юго-Восточной Азии, в бункере было темно и прохладно. Мы опоздали на пару минут, и когда прибыли, на скамейках с откидными сиденьями вокруг карты уже сидело несколько офицеров. Рядом с картой стоял полковник с длинной указкой в руке и что-то говорил присутствующим.

Когда мы вошли, он глянул на нас.

— О, отлично! Я смотрю, что этой ночью с нами будут снайперы. Не будете ли вы так любезны подойти сюда, чтобы вас могли видеть все, и представиться?

Мы подошли ближе к свету.

— Капрал Джей Ти Уард. — я сделал паузу, чтобы Рон что-то сказал, и когда он не прореагировал, слегка толкнул его локтем.

— Эээ, ланс-капрал Фикс, сэр.

— Благодарю, джентльмены. Прошу садиться.

Мы забрались в наш привычный угол, как можно дальше от остальных, и когда уселись, Рон наклонился, чтобы прошептать:

— Ну что?

— Не знаю, но все это мне уже не нравится. Полковник слишком любезен, хоть к ране прикладывай. И глянь, здесь два офицера АРВН.

Тем временем полковник повернулся к остальным и сказал:

---

¹¹⁰ Карточка Женевской конвенции (*Geneva Convention card*) — идентификационная карточка установленного образца, удостоверяющая, что человек является действующим военнослужащим Вооруженных сил.

— Снайперы обеспечат прикрытие вертолета ночью при посадке.

«Ничего страшного, — подумал я. — Мы уже делали это раньше», — но когда он поднес указку к цветной булавке, воткнутой в карту, мы с Роном посмотрели друг на друга и одновременно одними губами произнесли:

— Черт!!!

Булавка, на которую указал полковник, находилась по ту сторону вьетнамской границы в Лаосе. Я наклонился к Рону:

— Ты когда-нибудь был в Лаосе?

— Нет.

— Я тоже, но мы отправимся туда этой ночью.

Когда полковник снова заговорил, нам не потребовалось много времени, чтобы догадаться, что перед нами был отряд ликвидаторов. После совещания мы ушли первыми, и разговаривали на обратном пути к своей палатке.

Поначалу мы обсуждали технические вопросы. Мы решили, что Рон возьмет с собой четыре гранаты и пистолет .38-го калибра, который прислал ему отец. Я прихватчу с собой дополнительный рацион «К», сухой суп, аптечку первой помощи и боеприпасы. Мы торжественно прошли остаток пути до нашей палатки и сели на койку бок о бок. Я нарушил молчание первым.

— Послушай, Рон, я не знал, что это такое.

— Да ладно, все в порядке. Тебе нужен кто-то, кто не даст тебе причинить себе боль.

Мы рассмеялись, — правда, невеселым смехом, но это был все же смех. Я достал свои карты, чтобы посмотреть, что может потребоваться для возвращения, если с вертолетом что-то произойдет. Выглядело не очень обнадеживающе, — необходимо было пересечь около шестнадцати миль по территории Лаоса и большую часть территории «Аризоны». Мы проложили три маршрута вокруг «Аризоны» и два через нее, но все сводилось к одному и тому же — к марш-броску на сорок-семьдесят миль по небезопасным районам без радиосвязи.

На подготовку у нас было четыре часа, и она заняла бóльшую часть времени. Пока мы чистили и смазывали свои винтовки, ставили новые батареи в «Старлайты», крепили все снаряжение и тщательно наносили маскировочный грим на лица друг друга, то поддерживали непринужденный разговор.

В какой-то момент Рон спросил:

— Ну и как мы с этим справимся?

— Что ты имеешь в виду?

— Вот здесь, сверху. — Он указал на свою голову. Наши глаза встретились в безмолвном взгляде.

Я отвел взгляд и вернулся к тому, что делал.

— Полковник сказал, что мы должны обеспечить защиту вертолета, так что именно это мы и проделаем. Что эти парни будут делать в деревне, нас не касается. Сосредоточься на «птичке», это билет на обратный путь для нас всех.

Когда мы добрались до посадочной площадки, боевой вертолет «Хьюи» уже разогревался. Первыми сели два агента контрразведки, затем офицеры АРВН. Мы с Роном садились крайними и должны были выходить первыми. Пока мы проделывали на вертолете самый долгий и неудобный полет на моей памяти, никто из нас не произнес ни

слова. Пока я наблюдал за остальными, мои мысли вернулись к совещанию. У меня не было иллюзий, что пленных не будет, поэтому я просто сосредоточился на предстоящей задаче.

Высадка оказалась такой же необычной, как и сама операция. Из вертолета был выброшен стробоскоп, чтобы пилот мог зафиксировать высоту. Единственный тусклый красный огонек в кабине делал миссию еще более зловещей. Когда вертолет начал снижаться, пилот переключился в «режим шепота», который использовался для скрытной посадки — на малой высоте он отключил двигатели от роторов и начал садиться на авторотации (это когда аэродинамическая сила воздействует на все еще вращающиеся лопасти, создавая подъемную силу).

Сели мы быстро и жестко. Сразу после приземления, мы с Роном выскочили в противоположные стороны, пробежали около тридцати футов и встали на колени. Агенты контрразведки и АРВН, вооруженные только пистолетами .45-го калибра и охотничьими ножами Боуи,¹¹¹ скрылись в деревне.

Интересно, думал ли Рон о том же, о чем и я, а именно что контрразведка должна иметь все самое лучшее. У них должны были быть свои снайперы, чтобы прикрывать этот вертолет. Последующие тридцать минут были чрезвычайно напряженными. Единственным звуком был свист медленно вращающихся винтов вертолета.

Во время семи «ночных рейсов», как я их называл, мы столкнулись с неприятностями лишь один раз. Два Ви-Си увидели или услышали наше приближение и начали стрелять по вертолету после того, как мы приземлились. Они находились со стороны моего напарника, и он открыл ответный огонь. Со «Старлайтом» потребовалось всего три выстрела, чтобы ночь вновь стала тихой, но мы потеряли элемент внезапности. Команда контрразведчиков не добралась до деревни, и когда пилот раскрутил винты для взлета, мы все побежали обратно к вертолету. После приземления в Ан-Хоа, при осмотре вертолета, в непосредственной близости от основного маслопровода, ведущего к двигателю, были обнаружены два пулевых отверстия.

Спустя много лет я узнал, что участвовал в специальной части программы «Феникс».¹¹² Считается, что в этом проекте принимало участие всего с десятков снайперов-разведчиков морской пехоты.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
11 января 1970 г.*

---

¹¹¹ Нож Боуи (*Bowie knife*) — крупный нож-тесак с характерной формой клинка, на обухе которого у острия выполнен скос, имеющий форму вогнутой дуги («щучка»). Назван по имени изобретателя — Джеймса Боуи, героя Техасской революции, руководителя обороны миссии Аламо в 1836 году.

¹¹² Программа Феникс (*Phoenix Program*) — широкомасштабная противопартизанская операция, проводившаяся во время Вьетнамской войны полицией и спецслужбами Южного Вьетнама при поддержке ЦРУ, целями которой были выявление и нейтрализация ключевых фигур инфраструктуры партизанского движения. Фактически, программа заключалась в «нейтрализации» ключевых лиц и элементов гражданской инфраструктуры Вьетконга посредством убийств, похищений, проверок и систематического применения пыток.

Дорогая мамочка,

Я знаю, что писал ужасно, и мне очень жаль. Меня просто загоняют в землю. Каждую ночь я выходил на периметр, и звуки усилили свою активность, поэтому каждый вечер мы в полной боевой готовности, что означает не спать по ночам на протяжении всей недели.

Местный Новый год почти наступил.¹¹³ Оборонительные позиции удвоены, а в некоторых местах и утроены, так что думаю, все ожидают большого наступления в этом году.

Ты хотела знать, что такое периметр. Периметр — это первая линия обороны вокруг базы Ан-Хоа. Любой снайпер, который находится на базе, выходит в один из бункеров и ведет наблюдение через прицел «Старлайт», и мы единственные, кто может открывать огонь без разрешения. Таким образом, нас хотят видеть на всех участках. Естественно, мы постоянно заняты.

Свой отпуск в стране я провел неплохо, но, конечно, из моей головы никак не ушла мысль о том, что я все еще был во Вьетнаме. Провел пару дней с Рэнди Петерсоном, потом вернулся обратно. Это был даже не отпуск, а просто короткий перерыв от всего.

Вернувшись, я узнал, что мой отпуск в другой стране так и не подошел, и настолько разозлился, что отправился к ганни и высказал ему, что если они не дадут мне отпуск, то я пойду к капеллану, чтобы он лично убедился в том, что я его получил. Наконец-то я добился своего, и с 6-го по 13-е февраля отправляюсь в Сидней. Никто и ничто не удержит меня от поездки в этот раз. Позвоню тебе, когда доеду туда.

Получил официально свое продвижение. Оно датировано задним числом, первым ноября, так что я был капралом в течение двух месяцев, и это весьма хорошо — это целых пятьдесят долларов довольствия в месяц.

Добро, мам, я и так много наговорил. Береги себя и спасибо тебе за то, что мне так хорошо писать.

*С любовью,
Джозеф*

***

Большая часть января была нервирующим потоком прилетающих ракет, минометных мин и прощупывания периметра Ан-Хоа противником.

Я начал уставать от бесконечной череды сторожевой службы на вышке и на периметре, и от случайных ночных полетов. Услышав, что рота «Дельта» выводится в Дананг, в Чайна-Бич, на трехдневный отдых, я, не теряя времени, спросил ганни, можно ли меня назначить туда. Он посмотрел на меня с хитрой ухмылкой и не успел я ему сообщить, что мои нервы уже ни к черту, как он выдал мне распоряжение о том, что я выхожу вместе с ними.

---

¹¹³ Здесь речь идет о празднике Тет — вьетнамском Новом годе, празднование которого проходит с первого дня первого месяца по лунному календарю (примерно в конце января или начале февраля) и продолжается до недели.

Когда рота отправлялась в отпуск внутри страны, это таки было зрелище. Уставшие и изнуренные морпехи выходили в Ан Хоа, получали новое обмундирование, затем вертолетами перебрасывались в Дананг, а уж потом на грузовиках прибывали на небольшой военный курорт Чайна-Бич.

В оружейке, прямо за воротами, у нас проверили оружие. Вокруг огражденной территории повсюду стояли посты военной полиции и береговые патрули. Командование не хотело, чтобы что-то выплеснулось за стены Чайна-Бич, вне зависимости от того, что будет происходить на протяжении следующих семидесяти двух часов.

Морпехов высадили и, как только грузовики исчезли, на пляже появилось два гигантских вилочных погрузчика — один с поддоном пива размером 10x10 футов, а второй — с содовой. Они опустили поддоны, быстро выехали с территории и ворота закрылись.

Более ста пятидесяти морских пехотинцев бросились к поддонам, вопя и крича. Моя первая попытка заполучить пиво закончилась тем, что мне ненароком заехали локтем в горло. И я решил чуток подождать.

Я наблюдал, как раз за разом с поддонов вырывали банки с пивом и содовой. Рон Уиллингом, также присоединившийся к роте для отдыха, подошел ко мне, протянул кусачки и произнес:

— Шкипер попросил меня срезать упаковочные полосы на этих поддонах, но я не могу даже приблизиться.

Но я даже не смотрел на него, будучи потрясенным тем, что мне приходилось видеть. Всё, что я смог сделать, так это промочить горло и проговорить:

— Это рота «Дельта».

Санитары обрабатывали парней, порезавшие себя острыми металлическими полосами, с помощью которых стягивалось содержимое поддонов, но они упорно лезли к ним. Вскоре, бóльшую часть пива вытащили, так что полосы сами ослабли и упали. В конечном итоге и нам с Роном досталось несколько банок, и мы сели под пальмой, чтобы поболтать.

За семьдесят два часа исчезло сотни банок пива, большинство из которых было облито или выплеснуто в Южно-Китайское море. Вскоре начали появляться различные «вкусняшки», которые привезли с собой парни — крепкие напитки, косяки с марихуаной, «спид»,¹¹⁴ опиум и героин.

В течение последующих трех дней я наблюдал, как содержимое поддонов исчезает подобно айсбергу на солнце. Ворота открывались лишь тогда, когда надо было вынести перебравшего или избитого морского пехотинца. К тому времени, как отпуск закончился, пиво уже не было, а содовой оставалась лишь одна треть. С огромным сожалением толпа морских пехотинцев снова погрузились в грузовики, чтобы вернуться в Ан-Хоа. Вернуться опять на войну.

Я проверил свою винтовку и отправился навестить некоторых знакомых в Дананге. Мне нравился этот город, думаю, из-за своих мощеных улиц, автомобилей, ночных клубов, и людей в гражданской одежде. Тем самым я успокаивал себя, что в мире существуют и другие цвета, кроме камуфляжного зеленого. Ганни Ферджи знал, что в любом случае я вернусь позже.

---

¹¹⁴ «Спид» (*Speed*) — наркотик на основе амфетамина и прочих стимуляторов.

Я направился в автопарк, чтобы повидаться с Рэнди Петерсоном.

— Как тебе удается бывать здесь так часто? — спросил Рэнди. Я поднял винтовку и улыбнулся. Звание Рэнди позволяло ему спокойно позволить себе двухдневный отпуск без всяких проблем. Барри же должен был оставаться на дежурстве.

Я опустошил карманы брюк и подошел к Рэнди с десятью банками теплого, взболтанного пива, которые заныкал на пляже. Мы обрызгали друг друга пивом, на несколько секунд забыв даже, где находимся. Обменялись новостями о наших боевых товарищах, а после разговор стал серьезнее. Настало время для вечеринки.

На следующий день мы отправились посмотреть Дананг по-настоящему.

— Я знаю местечко, где мы можем арендовать парусник, — сказал Рэнди. Это привлекло мое внимание.

— А что с колесами? — спросил я.

— Вообще не проблема, возьмем джип с автопарка.

— Вот так запросто?

— Да, вот так запросто.

— Так чего же, черт возьми, мы тогда до сих пор здесь торчим? Поехали!

На джипе, который мы взяли, были нанесены знаки различия майора.

— Рэнди, да ты вообще охренел!

— Неа. Мы отремонтировали его, и типа взяли покататься, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Верно?

— Да, верно.

Я сел в машину и почему-то мне пришла в голову фраза Ферджи, которую он твердил мне постоянно: «Держись подальше от неприятностей». Мы подъехали к военному магазину и прикупили пару ящиков пива, а после я попросил Рэнди подкинуть меня к лагерю подразделений Южной Кореи.

Слухи подтвердились. Вокруг их расположения не было никакого забора или колючей проволоки, только лишь невысокая стенка, сооруженная из ящиков из-под гранат, заполненных песком. Входные ворота были сделаны в восточном стиле из тяжелых, ярко окрашенных деревянных балок. По обеим сторонам ворот стояла неподвижно охрана, за которой виднелись ряды палаток.

— Приостановись, — сказал я Рэнди. Его это развеселило, но у ворот он все-таки остановился. Я взял ящик пива, подошел к одному из охранников и отдал ему. Он быстро взял его, без всякого выражения на лице поклонился и положил его на землю за стенкой. Я тоже кивнул и вернулся к джипу.

— Что все это значит?

— Я в долгу перед ними, — сказал я и изменил тему разговора. — Так что там насчет парусника?

Мы подъехали к местечку недалеко от Чайна-Бич и арендовали небольшую парусную лодку. Мы оба ходили под парусом дома, на озерах, и теперь с нетерпением ждали встречи с Южно-Китайским морем. Нашими единственными припасами были три упаковки пива по шесть банок.

Мы обогнули небольшой полуостров, выступающий в гавани Дананга, и нам открылся потрясающий вид — огромный залив был забит самыми разнообразными кораблями: торговые суда, военные корабли, нефтетанкеры и два госпитальных судна.

Корабли стояли в очереди, чтобы добраться до причалов и доков, растянувшись до горизонта. У входа в гавань зловеще маячил эсминец.

Вода в гавани была гладкой, как шелк, а парусник прекрасно управлялся, и пока мы пробирались между стальными громадами, то прикончили вторую упаковку пива.

От употребленного пива у нас выиграло «мужество», и мы решили проверить эсминец. Его размеры ввели нас в заблуждение касательно дистанции, и поэтому у нас ушло около получаса, чтобы подойти к его корме. Когда мы направились вдоль борта к носу корабля, его корпус находился всего в сорока футах от нас, и мы были в восторге от всех его орудий и заужали его боевые возможности.

На боевых судах вахту несли морские пехотинцы, и примерно на полпути один из них нас заметил. Он перегнулся через леер с мегафоном.

— Вы находитесь в запретной зоне. Немедленно отойдите от корабля на сто пятьдесят футов!

— Да пошел он, — сказал Рэнди, и мы продолжили следовать своим курсом. Через тридцать секунд морпех снова вернулся к мегафону, на этот раз снимая винтовку.

— Повторяю, вы находитесь в зоне свободного применения оружия, немедленно отойдите от корабля на сто пятьдесят футов!

— Рэнди, он это серьезно.

— Да, в самом деле, давай-ка отойдем.

Мы легли на обратный курс и вскоре пришвартовались у причала.

Той ночью нам с Рэнди отлично спалось. Утром мы узнали, что где-то в полдень австралийцы из организации обслуживания организуют шоу в солдатском клубе. Пока чистил зубы, я разглядывал себя в зеркало. Я не брился четыре дня, мои волосы стали слишком длинными, и на мне была ярко-синяя футболка, — я не совсем соответствовал дневному дресс-коду Дананга. Потом я проверил свою винтовку, которую Рэнди держал под замком в своем шкафчике.

Барри сообщил Рэнди, что майор уже спрашивал, как скоро его джип будет готов. Рэнди ответил:

— Вымой его, особенно обрати внимание на банки из-под пива и отправь ему его машину. Я возьму другой.

Мы оправились в другое здание, где была зона технического обслуживания, и уже там внутри Рэнди снял с гвоздя на стене доску. Его палец начал двигаться по перечню, где были перечислены автомобили с указанием их технического состояния.

— Ага, — произнес он, повесил доску обратно на гвоздь, и непринужденным жестом предложил мне следовать за ним. Мы шли между рядами грузовиков и джипов, которые находились на различных этапах ремонта. Он положил глаз на машину полковника и сел за руль.

— Поехали!

— Ты что, рехнулся? Джип полковника? Почему сразу не генеральский?

— Слишком очевидно.

— Слишком очевидно? — Я подумал о том, что скажет шкипер, если узнает, что я угнал джип полковника.

Перво-наперво мы оправились в столовую ВВС, где плотно позавтракали, а после направились в солдатский клуб. Он был закрыт до десяти утра, поэтому нам пришлось сорок пять минут сидеть и наблюдать, как перед ним растет толпа морских пехотинцев.

— Глянь на это, — произнес Рэнди. — Если клуб не откроется вовремя, то они разнесут двери в щепки.

Я посмотрел на него и улыбнулся.

— Они разнесут весь клуб в Ан-Хоа, даже если он будет открыт.

Клуб открыли вовремя, и толпа парней повалила туда. С помощью локтей мы пробрались к бару, купили пару банок пива и уселись за пустой стол. Не успели мы допить вторую банку, как за соседним с нами столом вспыхнула драка, и уже через несколько секунд человек лежал на полу, скрючившись от боли. Полдюжины мужчин набросились на пехотинца, который просто погрузил штык по рукоять в живот того парня.

Как только я повернулся к своему приятелю, до меня дошел запах теплой человеческой крови.

— Рэнди, давай-ка выйдем на улицу и обождем.

Снаружи было еще жарче, но запах крови, — точно так же, как и другие образы, звуки и запахи войны, — рождал мгновенные ассоциации, такие как летящие мины и мины-ловушки. Мы отошли ближе к театру, в то время как двух морских пехотинцев увезли — одного в госпиталь, а другого — на гауптвахту.

Клуб быстро заполнился людьми, и нам не пришлось долго ждать, пока на сцену сядет вертолет, и на сцену выйдет девичья рок-группа. В течение следующих двух часов четыреста морских пехотинцев наслаждались выступлением, а когда шоу закончилось, мы поспешили к джипу.

Дежурство Барри заканчивалось, поэтому на обратном пути к автопарку мы остановились у военторга и запаслись большим количеством пива. Барри забрался в джип, и мы отправились в путешествие по Данангу так, будто это всё является нашей собственностью. Каким-то образом нам в течение почти трех часов удавалось ускользать от обнаружения, прежде чем нас тормознула военная полиция.

Вероятно, это была моя вина, так как мой головной убор сдуло, а синяя футболка помочь не могла. Мы пили пиво и весело проводили время, но военная полиция не была этому рада.

— Следуйте за нами! — рявкнул один из них. Пока мы близко двигались за их джипом, Рэнди казался слишком спокойным. Поскольку мы все были морскими пехотинцами, они отвезли нас в штаб берегового патруля и передали нас им. Когда они спросили, к какому подразделению мы относимся, нас сразу же разделили. Рэнди и Барри отвели на скамейку в задней части комнаты, мне же приказали стоять у телефона возле входа, а лейтенант прождал сорок пять минут, пока наконец не связался с моим шкипером в Ан-Хоа. Он кратко рассказал всё, повесил трубку, пошел в крайнюю комнату и вернулся с головным убором и зеленой футболкой.

— Вы должны успеть сесть на ближайший вертолет до Ан-Хоа. Я попрошу кого-то отвезти вас на ближайшую посадочную площадку.

— Лейтенант, мне нужно переговорить с ланс-капралом Петерсоном буквально минутку.

— Хорошо, только по-быстрому.

— Лейтенант, мне нужен карандаш и бумага.

— О, Господи! Что-нибудь ещё, снайпер?

Я поспешил к Рэнди и опустился на колени.

— Мне нужен пароль от твоего шкафчика, чтобы забрать винтовку. Мне нужно возвращаться в Ан-Хоа.

Я написал номер и спросил, все ли в порядке.

— Конечно, нас все время ловят.

— Спасибо, что сказал, Рэнди, и спасибо тебе за хорошо проведенное время. Ребята, а что они с вами будут делать?

— Эээ, ну, они заставят нас посидеть на этой холодной скамье еще пару часов, а потом нам придется доставить джип полковнику. Не беспокойся.

— У нас мало времени, Рэнди, если я не смогу вернуться, чтобы повидаться с тобой — увидимся тогда уже дома. И с тобой тоже, Барри.

— Будь жив!

— Спасибо, ребята, вы тоже.

Я сменил свою футболку и пошел к береговому патрулю для маленькой поездки на посадочную площадку. Дежурный сержант сообщил мне, что, согласно моим приказам, я поздно возвращаюсь в свое подразделение, и мне придется чистить сортиры и сжигать дерьмо весь остаток дня. Я положил винтовку на его стол.

— Вы же позаботитесь о ней, не так ли, сержант? — и получил вполне ожидаемый красноречивый взгляд, когда использовал винтовку для того, чтобы заставить кого-то думать.

Я подошел к морпеху, который стоял возле пятидесятипятигаллоной бочки, разрезанной пополам и на две трети наполненной дерьмом, мочой и дизельным топливом. Мы засунули брусья через отверстия, прорезанные с каждой стороны, и понесли ее вниз по склону, чтобы поджечь. Потом просто стояли там и наблюдали, как из бочки выплывает черный тяжелый дым и пламя.

Дерьмо еще не было сожжено и наполовину, когда ко мне пришел сержант с моей винтовкой. Он держал ее так, как будто мог поймать от нее какую-то смертельную заразу.

— Там сейчас будет вертолет, который делает две остановки, прежде чем доберется в Ан-Хоа. Он отправляется через пятнадцать минут.

Я взял винтовку, а сержант резко развернулся и быстро вернулся в бункер.

В Ан-Хоа мы с Ферджи обменялись приветствиями, он склонился над столом и посмотрел мне в глаза.

— Старик устал от всех этих телефонных звонков со всех концов ада и вытаскивания тебя из различных проблем. Удивлен, как он тебя еще не разжаловал.

Я знал, что сейчас уже не смогу выйти сухим из воды, поэтому спросил:

— Что он собирается делать?

— Это хуже, чем быть разжалованным. Он отправляет тебя на высоту 65.

— О нет, ганни, скажи мне, что это шутка.

— Никаких шуток. Там уже находится две команды, и ты будешь отвечать за них. В последнее время в том районе противник ведет себя очень активно, так что поработаешь так, как сочтешь нужным. Да, и это не приказ, но я рекомендую тебе обходить тамошнего полковника стороной.

Я откинулся на спинку стула и потер виски. Ганни просто смотрел на меня с большой, зловещей улыбкой.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа / высота 65,
18 января 1970 г.*

Дорогая мамочка,

Завтра отправляюсь на высоту 65. Не знаю, сколько я там пробуду, возможно, до 6-го числа и вернусь обратно непосредственно перед своим отпуском.

Прошел слух, что каждому, кто планируется к выводу домой в марте, апреле и мае, заранее за месяц сообщат дату замены, и они отправятся на корабле как часть этой заменяемой партии. Но это не означает, что я появлюсь дома раньше срока. Когда узнаю точно, дам тебе знать.

В следующем месяце попытаюсь обналичить все деньги, которые у меня накопились на расчетной книжке, и отправить их тебе домой. В таком случае, мне не придется платить налог.

Сейчас буду заканчивать, завтра надо рано вставать. Будь осторожна на наших обледенелых улицах. Скоро напишу тебе снова.

*С любовью,
Джозеф*

P.S. Отправляю пару катушек с пленками.

***

Ганни не нужно было лишний раз предупреждать меня, чтобы я держался подальше от полковника, но единственно верным способом сделать это, было оставаться в джунглях как можно дольше. Оставив командира команды, капрала Дэвиса, и его напарника, ланс-капрала Мартинеса, находиться на высоте на постоянной основе, я взял на себя большую часть полевых выходов в составе команды из трех человек, вместе с рядовым первого класса Макдональдом и ланс-капралом Лайтфутом. С Дэвисом я поддерживал связь по радио.

В случае возникновения проблемы, или на случай совещания на высоте, где я должен был бы присутствовать, я мог поймать ближайшую «птичку», и улететь на базу, оставив в джунглях полноценную снайперскую команду. Действуя в джунглях в составе трех человек, мы могли решать больше задач с большей универсальностью. Это также улучшало связь между тремя командирами отделений и их командами, и такой способ работы оказался настолько хорош, что вскоре такой «плавающий» командир отделения стал на высоте 65, когда там было достаточно снайперов, стандартным порядком действий.

Ганни был прав — на центральном нагорье враг действовал очень активно, там, где первое и самое большое шупальце тропы Хо-Ши-Мина выходило на прибрежную низменность, шло через территорию «Аризоны», и далее зигзагами извивалось между огневыми базами морской пехоты в сторону Дананга.

По информации от снайперов, работавших в этом районе, для решения своих задач «Чарли» ввели в бой части трех дивизий. Боевые подразделения 5-го и 7-го полков морской пехоты были усилены.

Если бы у меня было еще пять снайперских команд, мне было бы легче их озадачить. Такое большое количество людей означало огромное количество войск, но их размещение все еще оставалось проблемой. Три дня, проведенные с ротой «Альфа» 1/5, показали нам, насколько они круты.

Оставив Макдональда в роте, чтобы обеспечить им возможность свободно вести огонь, я взял Лайтфута на предрассветную «свободную охоту». Я хорошо знал местность, и несколько месяцев назад заметил колонну НВА на том же самом месте, где сейчас вместе с Лайтфутом мы сидели в ожидании рассвета. Чтобы добраться сюда, потребовалось три с половиной часа беззвучного передвижения в темноте, и, естественно, нервы у всех были натянуты до предела. Я хотел проверить, насколько хороша память у «Чарли».

В ожидании рассвета, я растирал колено и удивлялся, насколько же сильно оно болит, спрашивая себя, действительно ли я смогу работать в поле после всего этого.

При первом же проблеске солнечного света, мы разглядывали ту же опушку леса, где ранее я заметил роту НВА в попытке пересечь открытый участок рисовых полей длиной в три тысячи ярдов.

««Чарли», ты не идеален», — подумал я, увидев, как один из них осторожно прокрался из-за деревьев, и побежал к рисовому полю в 1200 ярдах от нашей позиции. За ним быстро последовало все отделение, тогда как оставшаяся часть взвода сидела на опушке. Лайтфут посмотрел на меня с удивлением.

— Мне это не нравится, Уард. Что ты собираешься делать? Накрыть их артиллерией и свалить? Мы можем навести на них большие пушки, стоящие на высоте.

— Нет, мы их ударим посильнее. То, сколько людей прикрывает их переход по открытому пространству, означает, что среди деревьев должен сидеть целый батальон. Вызывай авиацию!

Лайтфут передал мне трубку радиостанции.

— «Воздух», это «Длинная винтовка», прием. — Я передал им координаты «Чарли». — У вас есть что-нибудь тяжелое, чтобы накрыть это место в пределах не более десяти минут?

— «Длинная винтовка», я «Воздух», оставайтесь на связи, я проверю.

Он отключился, казалось, на целую вечность, хотя на самом деле прошло всего несколько секунд. Авиадиспетчер вернулся с хорошими новостями.

— «Длинная винтовка», я «Воздух», у меня есть два F-4 с напалмом и пятисотфунтовыми бомбами после отмененной задачи, в семи минутах от вашей цели. Они вам нужны?

— «Воздух», вас понял. Нужны, и чем скорее, тем лучше. — ответит я, запустив тем самым в действие самый крупный единовременный удар за всю свою службу во Вьетнаме. «Чарли» куда-то спешили. Позже я узнал, что ночью они напали на Ан-Хоа, и мы случайно поймали их на отходе.

В эфире вновь возник авиадиспетчер:

— Передаю вас майору Холмсу, позывной «Большая десятка». Как поняли? Прием.

— Вас понял. Конец связи.

Лайтфут подтолкнул меня локтем:

— Уард, глянь. Они начинают переходить поле, и, черт возьми, они направляются прямо к нам.

Я взял радиостанцию.

— «Большая десятка», я «Длинная винтовка». Мы потеряли две минуты. Если вас не будет здесь в течение пяти минут, мы окажемся в охренительной заднице! Прием.

— «Длинная винтовка», я «Большая десятка». Здесь мой комэска, позывной «Вышибала». Думаю, мы сделаем это, но о нашем присутствии будет знать каждый. Прием.

— Все в порядке, «Большая десятка». Работайте от опушки деревьев и далее на север. «Большая десятка», если вы выйдете точно на цель, больше «Длинная винтовка» в эфир не выходит. Конец связи.

— Уард, у нас нет пяти минут, гуки окажутся достаточно близко, чтобы схватить нас. Они уже установили два пулемета и два миномета.

— Придется их немного притормозить.

— Уард, ты в самом деле такой сумасшедший, как я о тебе слышал.

— Мы сможем это сделать, если ты не дашь тем ублюдкам за дамбой обойти нас с фланга или приблизиться к нам ближе, чем на семьсот ярдов. Я достану минометы и пулеметы. Если я не скажу, не стреляй, пока они не подойдут на семьсот ярдов.

Лайтфут покачал головой.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Уард.

— Не дрейфь, — ответил я ему, хотя внутри у меня были свои сомнения. Все зависело от синхронизации в доли секунды между нами и двумя самолетами, все еще находящимися в нескольких милях от нас.

Лайтфут начал выкладывать магазины для своей М-14 на землю перед собой, чтобы было удобнее их брать. Мне сразу же стало легче на душе от того, что он тоже понимает, что мы вот-вот ввяжемся в очень серьезное стрелковое состязание. Ни он, ни я еще никогда не имели дела со столь большим количеством врагов. Вьетконговцы могли одолеть нас просто благодаря своей численности, зато на нашей стороне был элемент внезапности, скрытности и меткой стрельбы. Одним глазом я поглядывал на часы, а вторым смотрел в оптический прицел на «Чарли». Вьетконговцы начали двигаться, и я рассчитал, что первый из них окажется в пределах досягаемости винтовки Лайтфута (700 ярдов) менее, чем через минуту. Он с волнением глянул на меня. Я рукой подал ему сигнал ждать.

Я снова посмотрел на свои часы, а затем снова на «Чарли». Их первый человек, шедший в головном дозоре, находился уже в шестистах ярдах. Лайтфут прошептал настолько громко, насколько было возможно:

— Уард!

— Тихо! — я прислушивался к нужным звукам, и тут, наконец-то, услышал их; мы все услышали — как будто вдали загремел гром. «Чарли» остановились и начали всматриваться в небо. Они поняли, что что-то случилось, но еще не осознали что именно.

— Сейчас! — крикнул я Лайтфуту. Он открыл огонь и в этот момент я уложил вражеского пулеметчика, попав ему промеж глаз. Прежде чем противник понял, что происходит, и бросился в укрытие, Лайтфут снял трех солдат, шедших впереди. Тем временем я завалил второго пулеметчика. Моя третья пуля попала в шею одному из минометчиков.

Четвертая пуля поразила второго номера из минометного расчета — он успел опустить мину в ствол своего миномета и сразу же повалился на него, словно тряпичная кукла. Это его последнее действие сбilo наводку, и вылетевшая мина разорвалась среди гуков, которым Лайтфут не давал поднять головы, убив двоих из них. Противник решил, что мина прилетела от нас, что мы также обстреливаем их из минометов, поэтому поспешил убраться с открытого места. Когда они попытались это сделать, Лайтфут уложил еще двоих.

Я выстрелил в пятый раз и завалил подносчика боеприпасов, который как раз собирался взяться за брошенный первый пулемет. Тут и там, по склону хаотично попадали автоматные пули. Нас пока не обнаружили, но если пулеметы и минометы начнут работать, они рано или поздно нас нащупают.

Лайтфут продолжал делать основную работу по подавлению того, то осталось от передового отделения. Они вообще не могли вести бой, и я мог, хотя бы на время, забыть о них.

Я переключил внимание назад на второй пулемет. Он сразу же замолчал. Потом вернулся обратно на позицию первого пулемета, как только он начал изрыгать дым. Мне пришлось вернуться к радио, чтобы прослушивать «Большую десятку» на случай, если его крайний проход придется мимо цели. В спешке, своим шестым выстрелом я промахнулся по человеку у пулемета.

— Сукин сын! — закричал я, прижимая одной рукой к голове трубку радиостанции, а свободной рукой пытаюсь перезарядить винтовку. «“Большая десятка”, где тебя черти носят?!» — думал я, загоня патрон в патронник, а затем вставляя в магазин первый из пяти патронов.

Тем временем Лайтфут спокойно и методично расстреливал застрявших на рисовом поле вьетконговцев, и я про себя порадовался, что я — не один из них. Мой напарник ничего не произносил, только вытирал пот со лба да один раз негромко выругался, когда пуля ударила в землю чересчур близко.

Тем временем гуки все же подобрали оба пулемета и теперь поливали склон нашего холма сразу из двух стволов с обескураживающей точностью. Трассирующие пули ложились все ближе и ближе, они рикошетировали от камней уже совсем рядом, и я невольно подумал, что недооценил опасность.

Я как раз вставил в магазин четвертый патрон, когда в трубке раздался голос летчика, прозвучавший для меня словно глас небес:

— «Длинная винтовка», я «Большая десятка». Захожу на цель. Прием.

Я посмотрел сквозь оптический прицел в ту сторону, откуда должна была появиться «Большая десятка». Самолет был едва виден, но поспевал как раз вовремя. Нам нужно было продержаться всего секунд двадцать. Я вставил в магазин последний патрон и, повернувшись к деревьям, снял третьего пулеметчика, который только что вступил в бой.

Стремясь нас обнаружить, вьетконговцы ничего не слышали за шумом собственных выстрелов и не заметили подхода «Большой десятки». Истребители были уже совсем рядом. У меня оставалось время только на один выстрел, и я ликвидировал еще одного минометчика. В следующую секунду ракеты и пушки «Большой десятки» целиком завладели вниманием вьетнамцев. Еще через секунду опушка леса оказалась обхваченной пламенем и заволокла клубами черного дыма. Вражеский огонь в нашу сторону

сразу прекратился. Единственными звуками, которые я слышал, были выстрелы Лайтфута, продолжавшего работать по застрявшим на рисовом поле несчастным повстанцам, да приглушенный расстоянием рев напалма, пожиравшего деревья и людей.

Через несколько секунд в эфире возник «Вышибала»:

— «Длинная винтовка», это «Вышибала». Захожу на цель. Прием.

Я проверил. Он находился прямо на боевом курсе, но делать заход не спешил. Я оглянулся на деревья и увидел невероятное зрелище. «Чарли» знали, что на подходе еще один самолет, и с огромной площади деревьев, расположенных позади места первого удара, прямо вверх устремились сотни зеленых трассирующих снарядов. Огонь вели десятка два крупнокалиберных пулеметов. Я был прав, — чтобы иметь такую огневую мощь, нужен целый батальон.

— О, черт! «Вышибала», это «Длинная винтовка». Обходите, сильный зенитный огонь. Повторю, обходите. Вы меня слышите?

— «Длинная винтовка», слышу вас хорошо, у меня отбой.

Пронаблюдав, как «Вышибала» резко повернул на юг и пролетел над нами, я вздохнул и вытер пот с лица. Еще несколько секунд, — и самолет был бы сбит. Это напугало меня до чертиков. Нам всем пора было выбираться отсюда.

Лайтфут почти перестал стрелять, и когда я взглянул на рисовое поле, то был удивлен нанесенным им ущербом. Я насчитал девять трупов на дамбе и на самом рисовом поле.

Я глянул на Лайтфута. Он не обращал на меня никакого внимания, все его внимание было сосредоточено на задании, которое я ему поручил.

Я снова включил радио.

— «Вышибала», это «Длинная винтовка», ответьте.

— Это «Вышибала», что там внизу?

— Ничего хорошего, «Вышибала». Если вы уйдете из района, я вызову артиллерию. Прошу подтвердить.

— Вас понял, «Длинная винтовка». «Большая десятка» и я убираемся отсюда.

Я переключился на частоту управления огнем в Ан-Хоа и мне выделили три батареи 175-мм орудий и семь 155-мм пушек на высоте 65. Я вызвал комбинированный огневой налет из наземных и воздушных разрывов, чтобы накрыть всю линию деревьев.

— Огонь на поражение.

Когда меня спросили, насколько интенсивный должен быть огонь, я сказал им, чтобы они разровняли все это проклятое место в ноль.

— Лайтфут! Лайтфут!

— Чего тебе? — он по-прежнему не смотрел на меня.

— Как только мы увидим, что артиллерия работает по цели, мы сразу же подрываем свои задницы.

— Я полностью за!

Над головой прогрехотали первые артиллерийские выстрелы, и последовавшие за ними взрывы поверх и среди деревьев меня удовлетворили. Мы двинулись назад, постоянно проверяя, не обошли ли нас с флангов. Нам также приходилось периодически останавливаться, чтобы дать отдых колену. Я злился на то, что мне приходится тормозить нас, и поклялся что-нибудь предпринять по возвращении в роту. Мы прошли две

трети пути, прежде чем артиллерия перестала стрелять. Должно быть, они выпустили в цель пару тысяч снарядов.

Рота выслала разведгруппу, чтобы оценить результаты нашего удара, и даже я был удивлен. Среди деревьев они нашли сорок семь «хрустяшек»,¹¹⁵ и еще десять трупов на рисовое поле. Можно было с уверенностью предположить, что еще больше трупов «Чарли» унесли с собой.

Когда я добрался до расположения роты, то сразу же пошел к знакомому санитару.

— Док, мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз.

Мы отошли на небольшое расстояние от остальных.

— Что, Уард?

— Мне нужны обезболивающие таблетки.

— Зачем?

— Мое колено адски болит. Я еле добрался сегодня обратно.

— Дай мне взглянуть на него, — я закатал штанину. — Когда это произошло?

— Около двух месяцев назад.

— Дай мне взглянуть на низ твоего ботинка. — Он взял мою ногу и приподнял ее так, чтобы он мог посмотреть на подошву моего правого ботинка.

— Эта рана сбивает твой шаг. Ты носишь обувь не того размера. Какого хрена ты делаешь в джунглях?

— Я нахожусь в джунглях, потому что я должен здесь быть. Так что насчет таблеток?

— Ладно, но у меня из-за этого могут быть большие неприятности. — Он полез в сумку и бросил мне пузырек с таблетками морфия.

— Спишем это на боевые потери, док.

— Да, это сработает, но я не понимаю тебя, Уард. Ты мог бы получить непыльную службу в тылу или даже вернуться домой. Многие парни отдали бы свое левое яйцо за такую рану на миллион долларов.

— Спасибо, док.

Как я мог ему это объяснить? Я не мог. Другие снайперы были такими же. Таким был Чак Мауинни. Обри, Фрэнкс, Гарсия — все они были такими же. Сомневаюсь, что они тоже смогли бы это объяснить.

Я подошел к Лайтфугу и сел.

— Ты знаешь, я тут подумал, что не знаю твоего имени.

— Терри. Но зови меня Лайтфут. Так меня зовут мои друзья.

— Это была действительно хорошая стрельба. Заполни килл-лист, и я его подпишу. Разведывательный патруль обыскал тела. Все мои жертвы поджарены, а погибшие от авиаудара в зачет не идут.

Терри кивнул, но ничего не ответил.

— Уард, меня кое-что беспокоит. Как ты узнал, когда нужно открыть огонь? Я знаю, что это было не только потому, что к нам приближался первый гук.

— Я слышал, как они приближались. Мы все слышали, включая «Чарли».

— Что ты имеешь в виду?

---

¹¹⁵ Сленговое армейское название останков людей, сожженных напалмом.

— Помнишь звук, напоминающий раскат грома?

— Да, гуки еще оглядывались вокруг, но звук был такой, будто самолет где-то далеко сбросил бомбу.

— Нет, это был звуковой удар от тех реактивных самолетов. Они тащили к нам свою задницу, и я знал, что им придется сбавить скорость, чтобы совершить бомбометание, поэтому звуковой удар добрался до нас немного раньше самолетов.

— Черт, как много всякого дерьма я еще не знаю. Наверное, никогда не стану командиром команды.

— На твоём месте я бы не был так в этом уверен. Вообще-то, я назначаю тебя командиром команды прямо сейчас.

— Нет, ты гонишь!?

— Это вряд ли.

Я протянул ему свою винтовку с теми же словами, которые произнес Чак, когда отдавал ее мне: «Позаботься о моей девочке. Ты можешь пристрелять ее с той точки на западной стороне периметра, я помогу тебе, но не сейчас. Мне нужно какое-то время держаться подальше от этого участка».

Он потерял дар речи, как будто я передал ему что-то священное.

— Я пойду к шкиперу и расскажу ему, что произошло. В конце концов, мы оставили после себя адский беспорядок, но я хочу, чтобы ты немедленно приступил к работе с винтовкой.

Терри Лайтфут был выдающимся стрелком, спокойным под огнем и умным, — то есть обладал как раз теми качествами, которые необходимы командиру команды. Мои дни в джунглях были сочтены, и я хотел, чтобы винтовка досталась кому-то особенному.

Следующие две недели я провел в качестве наблюдателя Терри, обучая его всему, что я мог ему передать за короткое время, так же, как меня обучал Чак. Я носил его M-14. В Терри я во многом видел самого себя. Он записал на свой счет двенадцать уничтожений из снайперской винтовки, прежде чем я отозвал с высоты Мартинеса, чтобы тот стал его напарником. Потом ушел, чтобы проверить в Ан-Хоа документы на свой отпуск.

Во время перелета с высоты 65 в Ан-Хоа, я думал о новом парне, который будет напарником Дэвиса. Последнее, что помню перед тем, как заснуть, было то, что я не могу вспомнить имя этого человека. Я был совершенно измотан, морально и физически, и даже не понял, что мы приземлились, пока меня не разбудил бортовой стрелок.

— Полет окончен, приятель.

— А? Что?

— Я говорю, мы в Ан-Хоа. Ты вылезешь или собираешься кататься на этой «птичке» весь день?

Я ничего не ответил, просто взял свое снаряжение и почалпал к штабу полка. Если в тот момент я и не выглядел на восемьдесят лет, то чувствовала себя именно так.

В штабе я спросил клерка, пришло ли распоряжение на мой отпуск. Пока он листал стопку бумаг, я уже готов был плюнуть на все это и уйти, как вдруг он сказал:

— Да, да, вот он. Шестого февраля ты отправляешься в Сидней.

А я уже почти потерял надежду после стольких неудачных попыток.

— Ты шутишь.

— Неа, вот он, прямо здесь. Подпиши внизу, и я начну оформлять твои бумаги, а потом все, что тебе нужно сделать, это пройти медосмотр, и ты полетишь на отдых.

Он протянул мне бумагу с длинным перечнем болезней, большинство из которых парень мог подхватить, просто сойдя с самолета во Вьетнаме. Неудивительно, что венерические заболевания возглавляли список, и их было множество. Клерк вернулся к своим бумагам, когда я саркастически сказал ему:

— Я думаю, что в Австралии нет «дриппи доббера».¹¹⁶

— Что? Ты что-то сказал?

— Я сказал, что, наверное, они... А, забудь. Занесу это обратно, как только смогу. Я пошел проверить, как там ганни. Его приветствие было типичным для Ферджи.

— Забавная штука с тобой, Уард — обычно ты приходишь сюда в день выдачи денежного довольствия, но в остальное время ты ни хрена не делаешь.

— Никогда не думал об этом в таком ключе, ганни.

— Я знаю, что твой отпуск прошел. Я сам отнес бумаги шкиперу, и беспокоюсь за тебя, Уард. Ты был в джунглях, пока Дэвис прикрывал твою задницу на высоте.

Если бы кто-то другой сделал такое заявление, я бы удивился, но Ферджи не упустил ничего. Он, вероятно, понял, что происходит, когда прочитал первый отчет, написанный почерком Дэвиса с моей подписью внизу.

— Ты хреново выглядишь, Уард, и я не могу позволить, чтобы ты сейчас сошел с ума. Возьми отпуск, забудь об этом месте на несколько дней. Натрахайся, напейся, вляпайся в неприятности в другой стране ради разнообразия, мне все равно, что ты будешь там делать, просто возвращайся назад. Два дня назад мы потеряли командира команды, и с учетом пары сегодняшних замен, взвод сократился до четырнадцати человек, в основном Эф-Эн-Джи.

— Кто его достал, ганни? Он погиб?

— Бейл, и нет, он жив, но теперь у него нет левой коленной чашечки. Ви-Си вытащил из воды АК-47 и выстрелил в него. Молодая сука, она вычислила его из целой роты.

Звук короткого артиллерийского налета оказался долгожданным перерывом этого удручающего разговора. Прежде чем пушки вновь замолчали, я успел выкурить пару сигарет и подумать. После того, как мы насладились несколькими секундами полной тишины, я заговорил первым.

— Так что в итоге, ганни?

— Не думаю, что есть какой-то итог. Шкипер был в Дананге на прошлой неделе, пытаюсь ускорить некоторые замены. Он также отдал несколько постоянно действующих приказов.

— Письменные или устные?

— Пока что устные, но тебе они не понравятся.

Я пожал плечами, и Ферджи продолжил:

— Запомни, Уард, старик просто слишком осторожен. За некоторых из вас, ребята, назначена довольно высокая награда. Есть люди, готовые умереть, только чтоб их

---

¹¹⁶ Дриппи доббер (*drippy dobber*, сл. вялый член) — половое расстройство, импотенция. Здесь главный герой иронизирует, что в Австралии, с тем обилием развлечений, доступных для отпускников, не может быть импотенции.

семьи смогли получить деньги. Начиная с сегодняшнего дня вокруг нашего расположения будет круглосуточно дежурить военный полицейский.

Я на мгновение задумался, а потом начал смеяться.

— Брось, Уард, все это весьма серьезно.

— Окей, ганни, но неужели нас будет охранять армейская собака?

— Смешно это или нет, но какое-то время так и будет. Он будет проверять всех, кто входит в расположение, и если тебя остановят, не злись и не делай глупостей. И запомни, это распоряжение старика, и ему это не понравится. Далее, насколько это касается нас, переквалификация отменяется до тех пор, пока у нас не появится больше людей. У вас на высоте 65 было больше людей, чем у нас здесь сейчас, и наши силы разбросаны. Это я не считаю тебя и Замору, поскольку ты уходишь в отпуск, а Замора сейчас не годится для службы.

— Кто такой этот Замора и почему он не годится для службы?

— Напарник Бейла. Он был салагой, пока не снял того гука. Все это было весьма нехорошо, — он был новичком, и надо же было такому случиться, что его первым убийством должна была стать женщина с близкого расстояния. Во всяком случае, у него внутри творится что-то невообразимое. Я пытался поговорить с ним, шкипер и капеллан тоже, но далеко мы не продвинулись. Шкипер сказал, что если Замора в ближайшее время не придет в себя, он отчислит его из взвода.

— Не возражаешь, если я быстро взгляну на его дело, ганни?

— Неа. Черт возьми, если ты думаешь сделать что-то хорошее, то можешь попробовать. У него хороший послужной список, и он нам сейчас очень нужен.

Ферджи выдвинул ящик стола, достал личное дело Заморы и положил папку на стол. Я прочитал его полное имя на обложке и пролистал папку, обратив внимание, что его оценки в снайперской школе были средними.

Единственное, что мне показалось странным, так это то, что он бросил колледж, имея средний балл «В плюс»,¹¹⁷ когда до окончания ему оставалось чуть меньше года. Его бы даже в армию не призвали, но, похоже, он вступил в Корпус и работал с удвоенной силой, чтобы пройти снайперскую школу. Я на мгновение замолчал, удивляясь, почему мне на ум пришло слово «месть».

Я открыл его папку S-2 (папка с допуском к гостайне по второй форме). На первой странице приводилась обычная персональная информация, которую ФБР любило собирать о каждом человеке. В самом низу второй страницы я нашел то, о чем даже не подозревал.

Двоюродный брат Заморы был убит в засаде 9-го августа 1967 года недалеко от Демилитаризованной зоны. Замора приехал во Вьетнам из чувства вины или мести и сразу же получил по лицу пирогом с дерьмом. Я закрыл папку и вернул ее Ферджи.

— Ну?

— Не знаю, ганни. Я поговорю с ним, может быть, ему поможет кто-нибудь со званием ближе к его собственному. Есть еще хорошие новости, прежде чем я брошу свое снаряжение и пойду поесть горячей пищи?

— Да, лучшее я приберегу напоследок. Деревня закрыта для всех снайперов до дальнейшего уведомления.

---

¹¹⁷ Соответствует нашей оценке «четверка с плюсом».

— Ай, да ладно, ганни. Черт побери, кто будет присматривать за ополчением, и что будет с Ли? Ты же знаешь, что я получаю от него за два часа больше информации о «Чарли», чем штаб получает за две недели.

Ферджи заткнул меня взмахом руки.

— Уард, я понимаю, о чем ты говоришь, и да, мы получаем много хороших наводок от Оута. Я знаю, что это твой любимый проект, и ты много работал над ним. А еще я не настолько глуп, чтобы думать, что ты откажешься от похода в деревню. Только помни, что если тебя поймут, шкипер очень разозлится. Господи, Уард, я вообще удивлен, что какой-то гук еще не подловил тебя там. Во всяком случае, приказы я передал. Как ты с ними справишься, решать тебе, но, по крайней мере, ради меня постарайся держаться подальше от неприятностей. У тебя со шкипером есть одно очко в твою пользу за тот бой у высоты, не просри его.

— Не волнуйся, ганни. Это все?

— И последнее. Беар скоро отправится домой, а мне нужен командир отделения...

— Ганни, я еще никогда не отказывался от дополнительной ответственности, но мне кажется, что я был бы более эффективен в джунглях, обкатывая парней. Но все равно спасибо, — перебил я его.

Когда он ответил, я уловил легкую резкость в его голосе:

— Иди за бобами и прими душ, от тебя плохо пахнет.

Я встал, чтобы уйти.

— Хорошо, а где сейчас этот Замора?

— Крайний раз я видел его в палатке номер три.

— Увидимся позже, ганни.

Я направился к палатке. Ферджи был прав, я найду способ обойти приказ не ходить в деревню. Я также был рад узнать, что кто-то выше меня признал ценность вклада Ли Оута и что моя работа оказалась эффективной.

Когда я впервые увидел Замору, он сидел, прислонившись к своему рюкзаку на угловой койке, и смотрел прямо перед собой. Всего неделя в джунглях, а он уже, казалось, усталился на тысячу ярдов. На мгновение я задумался, нахрена мне эта дополнительная проблема, но войдя в палатку, изобразил удивление.

— О, здоров, приятель. Я думал, что эта палатка пуста.

Он бегло глянул на меня, но ничего не ответил. Я уселся на ближайшую койку.

— Я капрал Уард. Зови меня Джей Ти или просто Уард. А ты кто?

— Замора.

— Ты не мог бы говорить чуть громче, у меня чуть-чуть звенит в ушах.

— Замора! Рядовой первого класса Замора!

— Окей, новичок, не надо кричать, я не совсем глухой. Как долго ты здесь?

— Две с половиной недели.

— Ты тут чтобы стоять на вышке или как?

— Нет.

— А зачем?

— Командир моей команды ранен.

— Командиры отделений пытаются сейчас доставить жалованье и почту, так что мы с тобой, должно быть, сейчас единственные на базе?

— Наверное.

— Я разделю с тобой дежурство на вышке, пока не уйду. Возьму дневную смену — без обид, привилегия звания. Ты ведь собирался стоять на вышке, не так ли?

Он не ответил. По крайней мере, вышка в Ан-Хоа должна быть укомплектована людьми, если это возможно, и мы вдвоем могли бы это сделать. Я начинал понимать, почему ганни и шкипер были им недовольны.

— Ну, я точно не могу сделать это в одиночку, не так ли?

Он все еще не отвечал, и я начал заводиться. Он должен был тащить свою службу или выметаться отсюда.

Я решил, что к черту тактичность.

— Хорошо, Замора, перейду к делу. Я командир команды и командир отделения. Я знаю про гука и про твоего кузена.

Он посмотрел на меня с презрением.

— Мы все согласны, что у тебя было плохое начало, но если бы все снайперы были здесь сейчас, они бы все сказали тебе взять себя в руки и вернуться к работе. Шкипер сошлет тебя в пехоту, если ты не придешь в себя.

— Что значит «сошлет в пехоту»?

— Оденет тебя в форму «ворчуна», и ты погрязнешь в этом по уши. Ты же видел, через что они проходят, горбятся с дополнительными минометами и боеприпасами для пулеметов, с их патрулями, и огневыми позициями, не говоря уже о том, что у тебя не будет права голоса относительно того, что ты делаешь.

— Ладно, Уард. Слушай, я думал, что поступил правильно, придя сюда. А теперь я даже не знаю.

— Оставь эту суку-гука позади. Бейл жив, и ты жив, благодаря твоим быстрым действиям. Я бы взял тебя в напарники в любое время.

— В самом деле?

— Конечно, но только когда ты избавишься от этого столбняка относительно своего двоюродного брата, который ты таскаешь с собой. Я так понимаю, вы с ним были очень близки?

— Да, мы были как братья.

— Ну, мне кажется, лучший способ поквитаться — это заработать винтовку с продольно-скользящим затвором и надрать кому-нибудь задницу. Тебе лучше подумать о других снайперах как о своих братьях.

Он кивнул, но я все еще не был уверен, что он сможет собрать все это воедино. Он не был первым снайпером, который «слился», но мои инстинкты говорили мне, что парень стоил некоторых дополнительных усилий.

— Почему бы нам не пойти в сержантскую столовую и не поесть, прежде чем я доберусь до медпункта и получу разрешение на отпуск.

— Я не собиралась есть.

— Не хочу делать из этого приказ, Замора, но я собираюсь сказать ганни, что ты готов вернуться, и тебе лучше взять в привычку плотно питаться, когда есть еда, — что, кстати, случается не так уж и часто. Кроме того, мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь из новоприбывших.

— Ну ладно.

За едой мы обменивались обычной болтовней, и когда закончили, пришло время перейти к делу.

— Ладно, Замора, что ты собираешься делать? Готов вернуться к работе? Я могу отправить тебя на высоту 65, там у нас много дел.

— Да, я вернусь.

— Хорошо. Ты будешь работать с ланс-капралом, парнем по имени Терри Лайтфут. Он хорош, и сейчас ему нужен хороший напарник. Как ты думаешь, Замора, ты можешь быть хорошим напарником?

— Да. Я знаю, что смогу.

— Отлично. Я хочу отправить с тобой пару сообщений. Скажи Дэвису, чтобы он продолжал руководить нашей работой на высоте, а также передай ему, что «Чарли» повысили за нас награду, — он знает, что делать. Приготовься, соберись, и будь на посадочной площадке в 5.00. Вопросы есть?

— Это не совсем вопрос, но я все еще чувствую тошноту внутри, Уард. Той женщине было не больше двадцати пяти.

— Такое время от времени случается, Замора. Но если бы ты вовремя не нажал на спусковой крючок, вы с Бейлом оба были бы мертвы. Возвращайся туда и займись делом. Это лучшее лекарство от того, что у тебя внутри. Увидимся позже.

Я уже собирался покинуть столовую, когда Замора произнес:

— Спасибо.

— Не благодари меня, пока не узнаешь, во что я тебя втянул. Сейчас рядом с высотой много опытных бойцов НВА.

Во время своего крайнего визита в госпиталь я столкнулся с Роном Уиллингемом. Он оказался там по той же причине, что и я — он собирался в отпуск в Сидней, и у нас был тот же рейс. Нам снова предстояло стать партнерами по вечеринке.

Ожидая, пока проверят последнюю часть моей медицинской карты, я наполовину прислушивался к разговору между «ворчуном», получавшим свою медицинскую карту для отпуска, и санитаром. Санитар действительно привлек мое внимание, когда дал морпеху пузырек с таблетками и сказал ему:

— Это таблетки Питера Хардера. Принимай по одной каждый день, и у тебя будет стояк все время, пока ты будешь в отпуске.¹¹⁸

— Без балды, док? — спросил «ворчун» с неподдельным энтузиазмом.

— Без балды.

— Ух ты, док, спасибо! — Он закончил одеваться и вышел.

Я схватил санитару за руку, когда он проходил мимо меня.

— Эй, док, я не эксперт в этом вопросе, но с каких это пор изобрели таблетки против импотенции?

— Ни с каких...

— Но ты только что дал этому парню таблетки и...

— Это всего лишь витамины. Но пока он думает, что они будут работать, они будут работать. Это все в голове.

В нескольких словах этот санитар обобщил смысл всей войны. Это все было в голове.

---

¹¹⁸ Игра слов. Речь идет о таблетках для повышения потенции (*Peter Harder* на сленге — крепнувший член).

В тот день пришли три замены вместо двух, и ганни был в восторге от того, что Замора выйдет на службу. Все шло своим чередом. Возможно, — всего лишь возможно! — случится и этот отпуск.

Глава V

Дембель в опасности

Пятого февраля мы с Роном мчались как угорелые, чтобы успеть раньше двадцати парней сесть в тринадцатиместный вертолет для перелета в Дананг.

Я чувствовал себя весьма неловко, сидя с группой других «Джи-Ай» в ожидании посадки на самолет, нервно крутил пальцами рулон из девяти стодолларовых купюр в кармане и размышлял, на что похожа Австралия.

Я отклонил три предложения удвоить свои деньги на черном рынке, зная, что через несколько часов мои баксы могут оказаться в руках врага. Это было искушение, перед которым слишком много людей не смогли устоять. Ход моих мыслей был прерван капитаном, появившимся на небольшом возвышении.

— Прошу внимания всех! Построились в три шеренги перед кабинками справа от вас.

Я увидел три маленьких кабинки, входы в которые были закрыты армейскими одеялами. С другой стороны кабинок стояли кинологи и три очень больших, недобро глядящих немецких овчарки.

— Каждый по одному заходит в кабинку и выкладывает все запрещенные наркотики в находящийся там контейнер. Это ваш последний шанс, ребята. Если после этого собаки найдут у вас любую наркоту, им придется отобрать их у вас.

Когда я зашел в кабинку, коробка из-под боеприпасов, стоявшая на небольшой полке, была наполнена всякой контрабандой. Я бросил пачку сигарет с травкой и припас одну из них для собак. Никто не блефовал, наоборот — собака обнюхала каждого из нас перед тем, как мы могли подняться на борт.

Рон и я уселись в креслах, и 707-й увез нас от всего этого, пусть даже и на время. Мы сделали короткую промежуточную посадку в Сайгоне, высадив часть людей и взяв других, и после этого самолет вылетел прямо в Сидней — пять с половиной часов полета. Когда в иллюминатор я увидел здание Оперы,¹¹⁹ то понял, что я, наконец-то, сделал это.

Ступив, в конце концов, на мостовую, я сказал Рону:

— Это один маленький шаг для Джей Ти Уарда, но гигантский скачок для сиднейских женщин.¹²⁰

Однако существовала одна маленькая заминка. Где же мы их найдем? Мы ничего не знали об Австралии, а Сидней был очень большим городом.

Но Фортуне было угодно так, что мне нужен был новый фотоаппарат, потому что благодаря муссонам мой последний накрылся медным тазом. Мы забронировали номе-

---

¹¹⁹ На момент описываемых событий знаменитое на весь мир здание сиднейского оперного театра только достраивалось. Его торжественное открытие состоялось в 1973 году.

¹²⁰ Перефразирование знаменитого высказывания астронавта Нила Армстронга, первым из землян ступивших на поверхность Луны: «Это один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества».

ра в самом дорогом отеле в районе Кингз Кросс, и когда добрались туда на такси, я заметил рядом магазин фототоваров.

Оставив свои чемоданы в номерах, мы отправились прямо в фотомагазин. Рон купил «Инстаматик», я же обзавелся дорогим «Полароидом», но за свои деньги мы получили больше, чем фотокамеры, — мы раздобыли информацию. Когда я расплачивался за свою камеру, то спросил владельца магазина:

— Где здесь есть хорошее место, чтобы найти девушек и холодное пиво?

— Ну, приятель, есть два места, куда слетаются птички, которые хотят подцепить янки — «Мотоклуб» и «Техасская таверна».

— «Техасская Таверна»? — спросил я, немного смущенный названием.

— Да. Таксист покажет вам дорогу. Еще что-нибудь, кроме камеры и пленки?

— Нет, спасибо.

Снаружи мы с Роном разговорились о том, дал ли этот парень нам дельный совет, или просто отправил туда, куда отправлял каждого «Джи-Ай», который заходил в его магазин. В любом случае, мы должны были с чего-то начать. Нашей следующей остановкой являлась «Техасская таверна». Не знаю, почему это место было названо именно так. Убранство внутри было не очень техасским, но тогда мы были очень далеко от Техаса. Местный музыкальный коллектив играл какую-то песню в стиле «как классно быть здесь», и после того, как мои глаза привыкли к темноте, я с этим согласился. Это был очень большой ночной клуб, забитый людьми, причем на каждого парня приходилось по меньшей мере три женщины. Человек в магазине фототоваров не просто подержал на струнах нашей души.

Мы заказали выпивку и сели за один из незанятых столиков. Менее чем через минуту к нам подсели две молодые девушки и завели разговор. Я наклонился и прошептал Рону в ухо:

— Не в моем вкусе, а тебе как?

— Нет. Может быть, если мы их проигнорируем, они уйдут?

Мы так и сделали и через несколько минут они ушли. Это было так просто. Мы продолжали потягивать свои напитки, когда подсели еще две девушки. Если одна из них не встречала нашего одобрения, они двигали дальше. Это были не проститутки, а просто девушки из рабочих семей, которые хотели развлечься и хорошо провести время с военнослужащими, да к тому же поиметь немного денег, которые, как они знали, были у нас у всех. Мы уже умерли и попали в рай, окруженные женщинами с широко распахнутыми глазами, желающими быть одной из трех избранных.

В середине нашей второй порции выпивки, мы дождались двух, которых так ждали. Я выбрал яркую брюнетку, а Рон не мог отвести глаз от привлекательной блондинки. Тема предстоящей ночи была задана.

Мы прикончили свои напитки, и Рон предложил прихватить пару бутылок и отправиться в наш отель.

В отеле обошлись без излишних формальностей. Каждый пошел в свой номер и продолжил вечеринку. Прошел почти год с тех пор, как я был рядом с такой женщиной, как Шерил и, без сомнения, в тот момент война была очень далеко от моих мыслей.

Я решил провести остаток своего отпуска с ней. Она показала мне захватывающие виды на Сидней, от даунтауна до пригородов, и мы стали очень хорошими друзьями.

Рон в значительной степени пошел своим путем, и я лишь случайно однажды встретил его в коридоре отеля. Он никогда особо не рассказывал об этом, но в конечном счете уезжал с большим количеством фотографий сиднейского зоопарка. Уже находясь в самолете на обратном пути во Вьетнам, он постоянно отрывал и засовывал палец в рот.

— Рон, что к дьяволу с тобой происходит?

Он нагнулся и тихо прошептал:

— У меня лобковый волос застрял в горле.

— В чем проблема, Рон?

Он посмотрел на меня с раздражением:

— У меня лобковый волос в горле.

— Ооо!

В следующий раз, когда мимо проходила стюардесса, я остановил ее.

— Извините, что беспокою вас, мэм, но у ланс-капрала Уиллингема в горле застрял лобковый волос, и мы подумали, что какие-то сухарики и содовая могли бы его убрать.

Что за уравновешенная леди! Она оказалась единственным человеком в пределах слышимости, кто не покраснел. Двое парней рядом чуть потеряли горло, в то время как Рон был в шоке.

Она улыбнулась и сказала:

— Думаю, что смогу найти что-то, — и отправилась на кухню.

Я никогда не видел, чтобы кто-то был бледнее, чем тарасившийся на меня Рон.

— Человек, я не верю, что ты это сказал!

Я подмигнул ему.

— Без проблем, Рон. Чего ты так побледнел?

— Уард, я никогда не буду проводить свой отпуск с тобой. Даже если я погибну, я не хочу быть даже эвакуированным тобой.

Чем ближе мы подлетали к Вьетнаму, тем тише становилось в салоне. Уверен, что это была лишь игра моего воображения, но перед тем, как люки самолета открылись в Дананге, мне показалось, что я уловил запах духов Шерил.

Когда я вышел, на меня обрушились гнетущий полдень, жара и влажность Вьетнама. Я тщетно пытался не думать, что всего несколько часов назад я находился в объятиях красивой женщины, в стране, где всё и вся не пытались убить меня.

Без снайперской винтовки, мне нужно было успеть на ближайший рейс в Ан-Хоа. Я хотел поговорить с ганни.

***

Я постучал в дверь и, просунув в проем голову, произнес:

— Эй, ганни, угадай, кто пришел.

Из-за одеяла, которое отгораживало контору от жилого помещения, вышел мастер комендор-сержант. Но это был не Ферджи.

— Прошу прощения, ганни, есть где-то рядом ганни Фергюсон?

— А ты кто такой, черт возьми?

— Капрал Уард. Я дико извиняюсь, ганни, но...

— Ага, так ты Уард, да? А мне сказали не ждать тебя до завтра или до послезавтра. Окей, ну поскольку ты уже здесь, мы можем познакомиться. Я мастер комендор-сержант Бергер, и сейчас это мой дом. Присаживайся.

Я уселся на такой знакомый старый деревянный стул, который уже не казался таким знакомым.

— Простите, ганни, с сержантом Фергюсоном что-то произошло?

— Ты должен был это сказать. Он заменился домой.

— Домой? — Я никогда не допускал мысли о том, что срок службы Ферджи закончится раньше моего.

— Он уехал два дня назад, но попросил меня передать тебе вот это, — он дал мне конверт из плотной манильской бумаги. Я глянул на него.

— Давай, открывай. Не буду отвлекать тебя, пока ты меня не позовешь.

Внутри находилось короткое письмо, написанное от руки:

Уард, принимай у Беара второе отделение, сегодня он тоже убывает домой. Пришло время, Джо. «Чарли» знает тебя в трех провинциях. Я не говорил тебе о должности командира отделения до окончания твоего отпуска, потому как не хотел создавать тебе головняк. С ганни Бергером все в порядке, просто он «салага». Думаю, что ты с другими парнями легко сориентируешь его в обстановке.

Ганни Ферджи

P.S. Когда я ловил «птичку», у меня не возникло никаких проблем.

***

Загрустив от того, что Ферджи уехал, я в то же время был рад, что с ним все в порядке, и даже улыбнулся, прочитав постскрипtum — последнее слово Ферджи оставил за собой и заставил-таки меня показать несколько зубов. Командир отделения — это такая штука, ввязываться в которую мне не хотелось. Он был прав, хотя я бы и поспорил на эту тему.

— Капрал Уард, капрал Уард!

— Э-э, да, ганни Бергер!? Извините меня, но я только что узнал, что получил под свое командование второе отделение, и, да, я немного удивлен тем, что ганни Ферджи, эээ, я имею в виду комендор-сержант Фергюсон, убыл.

— Расслабься, Уард. Когда я проверял крайний раз, мы были по одну сторону баррикад. Здесь все новое для меня, так что мне необходимо максимальное сотрудничество от всех, — особенно от таких людей, как ты.

Я все еще старался сорваться с крючка.

— Никогда не отказывался от дополнительной работы, ганни, но думаю, что капрал Ческо был бы очень хорош со вторым отделением, и я чувствую, что мог бы оказаться гораздо полезнее, находясь в джунглях.

Я замолчал, когда он отрицательно покачал головой.

Он откинулся в кресле и, казалось, был удовлетворен тем, что он находится впереди меня более чем на один шаг.

— Сержант Фергюсон сказал, что ты можешь попытаться нести подобную пургу. Я не знаю, почему, да и не желаю знать. Он велел мне передать тебе, цитирую: «Это или второе отделение или постоянное назначение на высоту 65». Конец цитаты.

И он просто уставился на меня.

— Нет проблем, ганни Бергер. Я сразу же приму второе отделение.

— Вот и хорошо. Поскольку я унаследовал лучший снайперский взвод в этой стране, то уверен, что никаких проблем не возникнет.

Пока он говорил, я пытался обратить на него внимание, но мой ум был уже занят иными мыслями. Не то, чтобы ганни Бергер был неправильным парнем, но я был уверен, что буду скучать по Ферджи. Вдруг меня осенило, что шкипер тоже был там, когда я приехал, и снова перебил его.

— Извините меня, ганни, а шкипер все еще здесь?

— Да, Уард, капитан Хадсон еще здесь. Он подписал контракт на шесть следующих месяцев, и я так понимаю, что он убывает в тридцатидневный отпуск.

«Здорово», — подумал я. Шкипер «перегрузился» еще на шесть месяцев, что могло облегчить боль от убытия Ферджи. В течение следующих двадцати минут я отвечал на вопросы Бергера, и по мере того, как мы общались, понял, что мог бы замечательно с ним ужиться. Я еще более уверился в этом, спросив его, знает ли он, как трудно иногда поймать «птичку», и он ответил:

— Уверен, что так оно и есть.

Мысленно поблагодарив несколько артиллерийских залпов, прервавших наш разговор, я перенес свое снаряжение из палатки командира команды в палатку командира отделения. Там было полно места, поскольку нас было всего трое: штаб-сержант Роджерс, командир первого отделения, сержант Талли, который принял третье отделение, когда сержант Пьюл заменился домой, и я.

Я еще не привык к такой роскоши. Палатка была разделена на жилые части с помощью одеял. Там стоял холодильник, больше по размерам, чем в палатке командиров команд, и в нем, как правило, всегда было пиво или содовая. У Роджерса был хороший катушечный стереомагнитофон, а на койке лежали «резиновые женщины» (надувные матрацы).

Тем не менее, у меня оставалась одна маленькая проблема — я был самый младший по званию командир отделения. К счастью, я хорошо знал Роджерса и Талли, и единственная непредвиденная сложность состояла в том, что я был крайним в очереди на замену.

Я бросил свои вещи на койку Беара и снял доску-планшет со стойки палатки, просматривая список имен и мест, где находилась каждая команда.

Я принял под свое командование четыре команды. Они перечислялись с указанием командира команды, наблюдателя, и места их расположения: Мендоса и Лэрд — «Мост свободы»; Фикс и Вуннике — Ц.Н. (Центральное Нагорье); Сатер и Холдер — рота «Индия» 2/5, А.З. («Аризона»); Крейг и Лайтфут — А.З. И сходу проявилась проблема. Две мои команды находились в «Аризоне», и я был уверен, что у двух других командиров отделений там нет столько людей. Прежде чем я смог бы что-либо предпринять, мне нужно было выяснить, почему там оказались обе команды.

Талли и Роджерса в палатке не было, поэтому я проверил их планшеты. Из них я понял только то, что в «Аризоне» их команд нет. Мне не потребовалось много времени,

чтобы найти способ выровнять ситуацию, но мне нужно было, чтобы они оба были вместе. И хорошо бы поужинать.

Чтобы быть уверенными в том, что делают мои команды, я отправился на командный бункер. Его я не любил, даром что он был кондиционирован — там было темно и уныло. Я чувствовал, что в качестве командира отделения, мне придется проводить здесь слишком много времени и часто подумывал о том, чтобы лечь в медицинское учреждение, просто чтобы избавиться от разочарования, которое я испытывал. Информация от контрразведки зачастую была устаревшей, и специальные задания стали более рискованными, не говоря уже о ночных полетах. Судя по моему моральному состоянию, назначение на должность центрального отделения являлось самым низшим пунктом моей боевой службы.

Чтобы туда зайти, я должен был показать свою карточку Женевской Конвенции (которая в зоне боевых действий считалась удостоверением личности), и ее необходимо было сверить со списком примерно из сорока человек, которым был разрешен свободный доступ в комнату для совещаний. Две стены в ней покрывали настенные доски и тактические карты. Я подошел к доске с боевыми задачами личного состава штабной роты.

По списку значилось, что Макклейн и Райт получили назначение в район Ан-Хоа, что само по себе было неплохо, они окажутся здесь в ближайшее время. Лола и Килменпат находились в распоряжении полковника к северу от «Аризоны». Это было открытое назначение, без ограничения по времени. Логан и Пейн работали в более или менее свободном режиме, и прежде всего я обратил внимание на них. Они находились в отделении Роджерса, и это тоже был плюс.

Как оказалось, именно Талли уступил мне одну хорошую команду: Макклеина и Райта. Крейг готовился к дембелю, и я хотел забрать его из «Аризоны». Макклейн и Райт должны были вернуться в любое время, и когда они появились, Талли пришлось сообщить им плохие вести — они должны были отправиться на замену Крейгу и Лайтфуту.

В конечном счете я оказался с четырьмя хорошими командами, и все выглядело так, что дела идут настолько хорошо, насколько возможно, пока часть моего плана забрать Крейга из «Аризоны» обернулась против меня.

Двадцатого числа Крейг и Лайтфут все еще находились на базе, ожидая назначения на Центральное Нагорье, но тут с ночным вылетом объявилась контрразведка, еще до того, как я успел поставить им задачу. Напарник ланс-капрала Мура был ранен, а сам Мур находился на базе, ожидая нового наблюдателя, поэтому у меня оставался лишь один-единственный командир команды, но я не мог заставить себя отправить Крейга на ночной вылет — ему оставалась всего неделя до замены домой, поэтому решил занять его место. Я знал, что то, что я делал, шло против всех правил и наставлений, но ночные полеты были слишком рискованными, чтобы посылать на них парня, готовящегося на дембель.

С заданием проблем не возникло. Проблемы начались, когда я вернулся. Ганни Бергер встретил мой вертолет прямо на посадочной площадке, и когда я его увидел, то понял, что попал.

— Что, к дьяволу, ты делаешь, Уард?

— Работаю, ганни.

— Да, классная работа, шкипер хочет видеть тебя немедленно!

— У меня есть время почистить винтовку?

— Нет.

«Черт, — подумал я, — опять начинается». Когда я вошел в палатку шкипера, то был все еще в камуфляжном гриме. Было около полуночи, но на нем все еще была его служебная униформа.

— Сядь, Уард.

Я сел и стал ждать, когда он начнет разговор.

— Похоже, этой ночью ты выбирался наружу.

— Да, сэр.

— Ты когда-то был в Южном Вьетнаме всю ночь? — Тут он попал прямо в точку.

— Нет, сэр.

— Нет, блядь! Знал ли ганни Бергер или я о том, куда ты отправился?

— Нет, сэр, не думаю.

— Нет, блядь. Три ответа «нет, блядь» и ты в беде Уард, а уже есть два. В этом подразделении есть несколько ебанных бунтарей, но ты переплюнешь любого. На случай, если ты забыл, я напому, что у нас существует командная иерархия. Теперь догадайся, кого я встретил?

— Не знаю, сэр.

— Имя полковника Уэбстера тебе о чем-то говорит?

— Да, сэр.

— Окей, твое имя я увидел в списке тех, кто ушел на задание, который он передал мне. Ты командир второго отделения, Уард, и я не хочу, чтобы твою задницу где-нибудь подвесили. Особенно с новым ганни у нас на борту. Сейчас время вернуться из джунглей, Уард. Вот что мне с тобой делать?

Вот он, тот вопрос, которого я ждал и которого боялся, но мне необходимо было что-то ответить. К этому моменту своей службы во Вьетнаме я стал довольно циничным, и единственное, что я смог из себя выдать, было:

— Отправьте меня во Вьетнам, сэр!

— Не смешно, Уард. Я собираюсь уйти на месяц в отпуск, и хотел бы не беспокоиться о своих людях, пока буду лежать в постели со своей женой. Как ты считаешь, я требую невозможного, Уард?

— Нет, сэр.

Он сел, его лицо казалось более расслабленным, чем его слова. Он открыл ящик и достал бутылку виски «Чивас Регал» и две кофейные кружки.

— Ты ведь пьешь скотч, не так ли?

— Сэр?

— Ты пьешь скотч?

— Да, сэр.

В Ан-Хоа было необычно тихо, не стреляла артиллерия, не прилетали ракеты, только слабый звук стереосистемы и звук наливающегося в кофейную кружку виски. Он подвинул кружку через стол ко мне. Я поднял ее, сделал два увесистых глотка, и, вздохнув, с облегчением откинулся на спинку стула. Помимо наших разнообразных обязанностей, ночные бои брали свою огромную дань с меня и с командиров команд. Я не помню, чтобы вкус виски был настолько хорош.

— Я понимаю твои намерения, Уард, действительно понимаю. И уважаю их, но ты больше не пойдешь в джунгли. Ты нужен мне здесь. Ты нужен ганни Бергеру, точно также как и Талли, Роджерсу, и остальным людям. Я чуть не отменил свой отпуск, когда узнал, что Бергер «салага». Я все еще могу это сделать. Уард, скажи мне, что больше не будет никаких трюков, и я пойду.

— Больше никаких трюков, сэр, я именно это имею в виду.

— Полагаю, что нахожусь здесь слишком долго, чтобы на самом деле верить тебе. Ты заменишься домой, пока я буду в отпуске, не так ли?

— Да, сэр.

— Думаешь остаться здесь?

— Нет, сэр.

— Жаль это слышать. Служить с тобой, Уард, было огромной болью в заднице, но одновременно и удовольствием.

— С вами тоже, сэр.

Мы выпили, и он вернулся к своим обязанностям.

— Я хочу, чтобы команда была готова к 05.30, чтобы отправиться в роту «Фокстрот» 2/5, вот прямо здесь, — он указал на кружок, нарисованный на разложенной на столе карте. Я глянул туда, — место находилось примерно в пяти милях к северо-востоку от Бен-Дау. — У них возникли проблемы со снайпером гуков. Он уложил четверых парней и ранил еще десятерых. Они не смогли его обнаружить, и естественно не смогли его потрусить. У тебя есть сорок восемь часов, Уард, я хочу, чтобы он был уничтожен в течение сорока восьми часов.

— Вы его получите, шкипер, — я опустошил свою чашку, поставил на стол, и убрался восвояси. Так в своем камуфляжном гриме я и заснул.

Внутренний будильник разбудил меня в 04.00. Когда я устало подошел к палатке командиров команд, то задумался над тем фактом, что Вьетнам был очень нестабильным местом. С тех пор, как я прибыл сюда, уже заменился практически весь взвод. Шкипер, вероятно, был прав. Похоже, наступило время, чтобы вернуться из джунглей и даже подумать о возвращении домой — в конце концов, настало время и для меня.

Фикс и Вуннике только что вернулись на базу, и я уже будил Рона, чтобы дать ему другое задание, опасное задание. Я позвал Рона по имени. Он сразу же сел на своей койке.

— Кто это, черт возьми?

— Расслабься, Рон, это Уард. Я выпью немного кофе, пока ты сходишь за Вуннике. У меня есть для вас работа.

Со сваренным кофе и в свете от горящей шашки С-4, заменяющей фонарь, Рон заговорил первым.

— Ладно, старик, что на этот раз?

— Помнишь тот день в «Аризоне», когда капитан не отпустил нас после того гукского снайпера, который создал там такой ад?

— Да, и что?

— У тебя есть шанс получить еще. В роте «Фокстрот» 2/5 объявился один такой, создающий им «уют», ну по крайней мере, они думают, что он только один. Он поражает одного-двух человек и исчезает. Знаю, что вам нужен какой-то отдых, но вы в обойме.

Рон вздохнул.

— Ну, поскольку других таких ебанутых, как мы, рядом нет, то нам и придется быть такими ебанутыми. И когда нам отправляться?

— «Птичка», которая вам нужна, вылетает в ноль пять-тридцать. Шкипер хочет убрать его за сорок восемь часов, но потратьте на него столько времени, сколько вам нужно, чтобы его выследить.

Я поднялся, чтобы уйти.

— Что-нибудь еще, Джо?

— Да, будьте осторожны, Рон. У него на счету четыре и десять.

— Не волнуйся. Увидимся через пару дней.

Он снова сел, чтобы взять еще одну чашку кофе. Никто не спешил. Мы всегда были собраны, всегда одеты, всегда готовы к выходу.

Я вернулся к себе на койку, но я не мог заснуть. Я все больше уставал от того, что отправлял на задание своих лучших друзей, даже не зная, увижу ли я их снова.

***

*Снайперы-разведчики,
Австралия / Ан-Хоа,
17 февраля 1970 г.*

Дорогая мамочка,

Я уже вернулся в Ан-Хоа. Пока я был в отпуске, меня назначили командиром второго отделения, что означает, что большую часть времени я буду проводить здесь, на базе. Уверен, что никому не нравится отправлять ребят в бой.

По возвращению меня ожидала пачка твоих писем и открыток. Надеюсь, я ответил на большинство твоих вопросов. Было действительно здорово поговорить с тобой. Все время повторял себе, что не должен много разговаривать, пока я не покинул эту страну.

Я чудесно провел время в Сиднее. Там было много девушек и достаточно развлечений. Люди там просто супер, и уезжать по-настоящему не хотелось. Расскажу тебе об этом, когда вернусь домой, что случится уже очень скоро.

А сейчас, мама, я хочу, чтобы по моему уведомлению ты предупредила всех, чтобы мне не писали. Я действительно буду тревожиться, когда придет приказ о моем увольнении. Как получишь это письмо, не посылай мне больше посылок.

Прилагаю квитанцию о возмещении налога, не могла бы ты позаботиться об этом для меня?

Добро, мам, на этом закончу и напишу больше, когда появится время. Сейчас особенно береги себя.

*С любовью,
Джозеф*

***

Мой дембель был настолько близок, что я даже не предполагал, что мне придется провести еще одну ночь в джунглях. Однако я ошибся.

Двадцать пятого ганни Бергер принес плохие вести. У Вуннике умер отец, и я должен был как можно быстрее сообщить ему об этом.

Такого рода вопросы имели довольно-таки высокий приоритет, и еще до наступления темноты я смог запрыгнуть на борт «Хьюи». Вуннике и Фикс находились вместе с ротой «Хоутел» 1/5, примерно в двух милях к северу от «Аризоны». Я намеревался добраться до них и вернуться на той же «птичке» обратно, но к сожалению, мы разминулись — они находились на охоте и, скорее всего, не вернулись бы в течение нескольких часов.

Я разыскал шкипера и сообщил ему, что должен отозвать команду и объяснил почему. С момента, когда я крайний раз работал с этой ротой, у нее сменился командир. Капитан Дейл все понял правильно, хотя команда была ему очень необходима. Он рассказал мне, что два дня назад они переправились через реку и прибыли в «Аризону», чтобы соединиться с тремя другими ротами, и действовать в качестве сил блокирования для рот «Альфа» и «Браво» 2/5, которые вели прочесывание вместе с батальоном южно-корейцев.

— Южно-корейцев, да, шкипер?

— Да.

— Ну, вашим ребятам, наверное, даже не придется чистить свои винтовки, кроме как протереть их немного от ржавчины. Если по моему возвращению какая-либо команда будет на месте, то я вышлю ее в ваше распоряжение. И говоря о возвращении, — когда у вас будет следующее пополнение запасов?

— В восемь ноль-ноль.

Я поднялся, чтобы уйти.

— Увидимся, шкипер.

Он кивнул, и я пошел на то место, где Фикс и Вуннике организовали укрытие для ночлега.

В ожидании их возвращения, я взял банку с пищевым рационом типа «С» из рюкзака Рона, но аппетит не шел. Я очень переживал, как сообщу печальную весть Вуннике, и, кроме того, боролся с желанием остаться с Фиксом в качестве его напарника до тех пор, пока не найдут замену. Однако мне нужно было выкинуть эту идею из головы, — я дал обещание шкиперу, а поскольку он убыл в отпуск, а ганни Бергер был новичком, это было не то время, чтобы поднимать волны.

Вуннике я знал не очень хорошо, — только то, что он и Рон были вместе с тех пор, как я возглавил второе отделение. Вместе они сформировали первоклассную команду. Когда я в крайний раз видел Рона примерно полторы недели назад, он сказал мне, что Вуннике хорошо осваивается и будет готов для работы со снайперской винтовкой через пять недель.

Была ночь, светились только осветительные ракеты в нескольких милях от нас, там, где силы прочесывания встретили небольшое сопротивление противника.

Команда вернулась в расположение роты в 21.15 пополудни и как только ребята увидели меня, то сразу поняли, что произошло что-то нехорошее. За исключением редкой почты и денежного довольствия, командир отделения редко приносил хорошие вести.

Рон заговорил первым:

— Что случилось, Уард?

Я решил быть официальным и точным, по крайней мере поначалу. Я повернулся к Вуннике:

— Майк, мне очень жаль, но вчера поздно вечером скончался твой отец.

Выражение его лица подсказало мне, что он надеется на чудовищную ошибку.

— Что?

— Я думаю, ты услышал меня, Майк.

— Да мой старик силен как бык! Как он мог просто взять и умереть?

— Не знаю, Майк, но я сам лично читал депешу. Она пришла из Сан-Франциско.

Мне очень жаль, приятель.

Я сообщил эту новость не просто Вуннике, но и второй половине его самого, его напарнику Фиксу. Как братья по оружию и друзья, они должны были переживать оставшуюся часть ночи вместе.

На следующее утро, точно в установленное время прибыл вертолет снабжения. Когда мы сели на борт, у Вуннике начался процесс, который в течение сорока восьми часов приведет его домой. Я задумался, каким снайпером он будет, когда вернется. Вернется ли он? Я этого не знал.

На следующий день, ганни Бергер и три командира отделения собрались у него в палатке. Поскольку шкипер отсутствовал, он оставался за старшего. Когда мы все стали по стойке смирно, я попытался стряхнуть с себя нехорошее предчувствие грядущей беды.

— Садитесь, мужики. Я только что получил известие от полковника Уэбстера, что снайпер из нашего взвода подозревается в убийстве гражданского лица. Имя погибшего — Чыонг Нгуен, он жил возле деревни Бен-Дау. Талли, в преступлении подозревается снайпер из твоего отделения. Я не собираюсь привлекать к этому делу представителей гражданских или военных властей до тех пор, пока мы сами не поймем, что произошло. Нужно разобраться в этом вопросе и сделать это исключительно быстро. Я ясно выражаюсь?

— Да, сэр.

— Хорошо. А теперь ознакомьтесь с отчетом. Я жду ответа в течение недели. — И ганни вручил каждому из нас по конверту из манильской бумаги.

Мы вернулись к себе в палатку и обсудили содержимое папки. Согласно донесению, тело Чыонг Нгуена было найдено на тропе, ведущей к деревне. Он был убит выстрелом в грудь, пуля прошла сквозь тело навывлет. Свидетель заявил, что он видел американского снайпера, стрелявшего в Чыонг Нгуена. Его описание подходит к одному из наших людей.

Было решено, что мы опросим снайпера и его напарника по отдельности. Таким образом, они не будут знать, почему их вызвали, и у них не будет шанса обсудить инцидент. Вернувшись в палатку, мы начали работу.

Команда показала, что в день убийства она находилась возле деревни, и вела «свободную охоту» в интересах роты, но парни ничего не знали о случившемся. Когда снайпер понял, в чем его подозревают, то был в ужасе. У него не было никакого мотива для убийства, и он был хорошим снайпером. Талли, Роджерс, и я чувствовали, что команда говорит правду, однако у нас по-прежнему был мертвый человек, свидетель, и его свидетельства. Я решил спросить Ли, не сможет ли он собрать для нас недостающую информацию.

Ли уже слышал о смерти Чыонг Нгуена, но больше никто этим не интересовался. Всего за два дня он получил сведения, которые были нам нужны. Свидетель оказался родственником погибшего, и, по словам Ли, на протяжении некоторого времени между двумя мужчинами существовала вражда. Переговорив с членами обеих семей, Ли смог собрать воедино разрозненные фрагменты картины.

Меньше чем за неделю мы предоставили ганни свой отчет. Со снайпера сняли все обвинения в каких-либо нарушениях, а сведения, собранные Ли, были переданы гражданским властям.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
27 февраля 1970 г.*

Дорогая мамочка,

Я постараюсь быть кратким, поскольку есть несколько моментов, о которых можно написать. Уверен, что тебе будет приятно узнать, что я возвращаюсь домой, поэтому стоп любой почте. Я отбываю 3-го марта, что означает, что меня подзадержали здесь лишние тридцать дней. Буду дома в течение двух недель.

Теперь не удивляйся, если домой на мое имя начнет приходить почта от людей, которых ты никогда не знала. Возможно даже от девушек.

Как только я окажусь в Калифорнии, то позвоню тебе.

Как я и ожидал, сейчас всё завертелось довольно быстро. Сейчас закончу, потому что у меня много дел. Предупреди лучше всех, что я возвращаюсь домой.

*С любовью,
Джозеф*

***

Двадцать восьмого, мое отделение сократилось до двух команд — Мендоса был с осколочным ранением, а Лайтфут слег с малярией. Оба должны были вернуться в строй, но силы отделения уменьшились. Я оказался прав насчет того, что я был крайний в очереди на замену, пока Роджерс не уехал домой первого марта. Осталось неполное отделение, из которого Талли и я могли взять людей, и оставалось еще одно вакантное место командира второго отделения.

Ганни предоставил нам право выбора замены для Роджерса. Я хотел назначить Макклейна, — он уже доказал, на что способен. Кроме того, он уже был дембелем и не выгребал дерьмо за других. Талли хотел назначить Эйрса, человека из своего отделения и единственного оставшегося сержанта взвода. Я не мог в это поверить, но Талли был готов подбрасывать монету, два из трех, чтобы решить, кто же займет вакансию. В итоге новым командиром центрального отделения стал капрал Макклейн. У него была одна команда, на базе которой можно было начать создавать новое отделение, но замены продолжались. Я подсластил пилюлю Талли, сказав, что рекомендовал ганни назначить сержанта Эйрса на мое место.

Дина Сатера я надолго отправил в Ан-Хоа, чтобы он начал работать с Ли Оутом. Когда третьего марта мы с Дином пошли проведать Ли, он орал на ополченцев, но замолчал, увидев наше приближение. Потом бросился ко мне, говоря:

— Джо, Джо, ты должен помочь мне рассказать людям, чтобы они не стреляли при каждом шорохе.

— Эй, потише, Ли. В чем дело?

— Джо, прошлой ночью люди подорвали восемь мин «Клеймор», убив водяного быка просто потому, что они слышали шум.

Я немного разозлился.

— Ли, я же рассказывал тебе, как трудно получить сейчас «Клейморы»!

— Я знаю, Джо, я знаю, но ты должен помочь им понять это.

— Боюсь, что нет, Ли. Дин занял здесь мое место. И я уже не вернусь.

Ли сделал такое выражение лица, которое всегда растапливало мое сердце. Он кивнул.

— Может быть, ты когда-нибудь вернешься повидать Ли?

— Все возможно, мой друг.

Мы обнялись.

— Дин, собери вместе людей и покажи им, как устанавливать «Клейморы», и дай им просрать за то, что они их потратили зря.

Я поклялся не оглядываться назад, когда буду уходить, но рад, что не удержался. Ли тянул Дина за рукав и кричал ополченцам, чтобы те собрались в круг. Это был последний раз, когда я видел своего друга Ли Оута.

Я остановился у Энн, но надолго не задержался. Она решила отправиться в Дананг в надежде найти «Джи-Ай», выйти замуж и уехать из Вьетнама. Учитывая то, куда двигалась война, для нее это был самый лучший образ действий, и она, несомненно, им воспользовалась. Я поцеловал ее заплаканную щеку, и это было моим прощанием с Энн Бай, моим другом и любовницей.

***

*Снайперы-разведчики,
Ан-Хоа,
3 марта 1970 г.*

Дорогая мамочка,

Это мое последнее письмо отсюда. Предупреждаю, чтобы ты знала, что дата моего вылета сдвинута на девятое число, и это означает лишь несколько дополнительных дней здесь.

Все идет хорошо. Сегодня выслал домой чек на 955 долларов.

Сегодня получил письмо от Рэнди Петерсона, где он сообщил, что Дейв находился на Окинаве, так что похоже, что мы встретимся с ним уже дома.

В один из дней я был на высоте 37, и разговаривал с Майком. Он сказал, что тоже сможет отправиться домой в этом месяце.

Больше пока нечего сказать, поэтому на этом закончу. Когда доберусь до Дананга, отправлю тебе «марсограмму». Пока-пока.

***

Имея на руках приказ, согласно которого девятого числа я заменялся домой, я провел несколько лишних дней в Ан-Хоа, чтобы закончить незавершенные дела. В последний раз я проверял свои команды, забрал их почту, и попрощался.

Пятого числа лучи утреннего солнца озарили, как правило, миролюбивый Вьетнам. Я сел на последний вертолет с «Моста свободы» и всю ночь оттягивался у «морских пчел». Сидел в одиночестве, в пустом бункере, со своими бумагами на руках. В них было сказано, что я должен сесть на дневной вертолет до Дананга и отправиться домой девятого числа. Те бумаги, которые у меня были на руках — что это вообще и о чем они все? Меня удивило то, как наше правительство смогло взять последний год моей жизни и поместить его в один небольшой конверт. Нет, в тот день я не был уставшим, в тот день я никогда еще не был более живым.

Возле столовой я увидел ганни Бергера, и он предложил мне поесть в столовой сержантского состава. Как только мы сели за столик, я обратил внимание на то, насколько редко пользовался такими удобствами.

— Боже, Уард, ты выглядишь как демон. Где тебя носило последние тридцать шесть часов? Впрочем, нет, забудь об этом, я не хочу знать.

— Я не хотел расстраивать тебя, ганни.

— Ну кто бы сомневался. Улетаешь сегодня?

— Да, ловлю «птичку» сегодня после полудня.

— Капитан Миллз тебя видел?

— Миллз? А кто такой Миллз? Что ему от меня надо? Клянусь, ганни, я ничего не сделал.

— Расслабься, он просто хочет поговорить с тобой о повторном сроке. Ты должен повидаться с ним и получить его подпись на своих приказах, прежде чем сможешь уехать.

— О, черт! Да, я и забыл об этом. Отправлюсь к нему после завтрака. Есть какие-либо сообщения, которые вы хотите отправить со мной в свободный мир, ганни?

— Нет, боюсь, что, если я попрошу тебя заехать к моей жене и передать ей, что со мной все в порядке, ты попытаешься ее трахнуть.

Он поднял свою чашку кофе.

— За тебя, Уард.

— Благодарю, ганни. Кстати, я хотел бы быть тем, кто опубликует сегодня отчет по подтвержденным уничтожениям.

— Конечно. Приходи после того, как увидишься с Миллзом.

Из столовой я отправился прямо в палатку капитана Миллза, являя собой не самое приятное зрелище, — не брился уже два дня, отрастил себе волосы, был одет в свою верную голубую футболку, а у меня на шее болталась, будто бусы, матчевая пуля, — но не я задумывался о своем внешнем виде. Постучав в дверь его палатки, и услышав предложение войти, я вошел внутрь.

— Капрал Уард прибыл по вашему приказанию, сэр.

Я не стал ждать, пока он пригласит меня сесть, а просто уселся сам. Он посмотрел на меня и потер лоб.

— В общем, остаться на второй срок вы не хотите, не так ли?

— Нет, сэр.

— Ну, я должен был в любом случае вас спросить.

Он полистал какие-то бумаги на своем столе.

— Так, так, Уард, вот они. Давайте глянем. Я могу предложить вам три тысячи долларов в месяц и звание штаб-сержанта, если вы останетесь здесь еще на шесть месяцев. Шесть тысяч и сержанта, если вы останетесь на год. — Он посмотрел на меня.

— Нет, сэр, спасибо.

— Окей. Вы прослужили сверх срока четыре месяца. Как насчет того, чтобы остаться здесь еще на два месяца, получить три тысячи, штаб-сержанта и отправиться на должность инструктора в снайперскую школу в Штатах? — Он вновь посмотрел на меня, на этот раз слегка подняв брови.

Я молчал. «Блин, — подумал я, — это ведь несправедливо». Он почти уговорил меня, и он это знал. С минуту мы оба молчали. Мне понравилась идея, что я могу тренировать снайперов и, возможно, — просто возможно! — что добыю реальных изменений. Следующие несколько секунд оказались самыми трудными в моей жизни.

— Мне очень жаль, сэр. Я отдал Корпусу все, что у меня было и сейчас я пуст. Благодарю за предложение, но я его отклоняю.

— Это печально, Уард. У тебя хороший послужной список и Корпусу нужны такие люди как ты. Хорошо, я поставлю тебя на самый ранний отъезд, и через неделю ты выйдешь на гражданку. Но если ты изменишь свое мнение, предложение остается в силе. Чтобы ты ни делал, я желаю тебе всего наилучшего.

— Благодарю вас, сэр.

Я оставил палатку капитана Миллза с огромным чувством потери. Я по-прежнему чувствовал себя обязанным по отношению к Корпусу, но когда сказал, что опустошен, я не лукавил. Пробираясь через препятствия, которые могли бы остановить других, я видел конец своего срока службы, и чтобы пройти этот путь, мне пришлось отдать все, что у меня было. Находясь в джунглях, я получил ранение в колено, и позже, уже в госпитале в Вирджинии, мне потребуется еще одна операция. Я не потерял своего напарника погибшим и ни разу не убил не того человека. Я установил моральные принципы для ночных операций, проводимых вместе с 5-м полком, и прошел проверку строгими требованиями программы помощи гражданскому населению. Но прежде всего, я встретил и служил вместе с людьми, которые оказали на меня огромное влияние на всю оставшуюся жизнь. Я мог уходить со службы с гордостью.

Однако Корпус по-прежнему оставался у меня в крови. «Однажды морпех, — всегда морпех», и этого уже никто и никогда не сможет у меня отнять. И я попрощался с Корпусом именно в тот день, а не спустя несколько дней в Калифорнии.

Я вычистил оружие и отправился в палатку к ганни, чтобы получить итоговый отчет по подтвержденным уничтожениям за предыдущий день. Я перестал указывать своих подтвержденных с тех пор, как был назначен командиром второго отделения, поэтому в своем итоговом килл-листе вывел окончательную цифру «63», но в этот раз все было по-иному — это был мой способ проститься со взводом. Я посмотрел на общий

счет, кратко отметив то, как он вырос и как он будет расти после того, как я уеду, вплоть до того дня, когда эта группа достойных парней навсегда покинет Вьетнам.

Я не стал заморачиваться с обедом, а просто делал последние приготовления к отъезду. Дважды проверил все свои служебные документы и доску-планшет, чтобы удостовериться, что все они обновлены и содержат точную информацию — сержант Эйрс должен был занять мою должность без всяких зависших проблем и «хвостов».

Когда все было завершено, я упаковал пару личных вещей, которые были у меня, и пошел попрощаться — с тремя снайперами и ганни Бергером, находившимися на тот момент на базе, это не заняло много времени.

Потом я в последний раз прошел весь путь до посадочной площадки, куда приземлились два «Чинука», чьей единственной задачей в тот день было отвезти в Дананг людей, заменившихся домой.

Когда мы сели на борт, прошел слух, что пилоты собрались сделать наш последний вылет на вертолете запоминающимся, и они, черт побери, сделали это.

У меня не возникло ни малейших сомнений в мастерстве пилота, но когда они спустились вниз и стали лететь на огромной скорости, едва не касаясь дамб на рисовых полях, мой желудок стал подкатываться к горлу. Вдруг наш вертолет приподнялся, и под нами в противоположные стороны заскользили другие «птички», едва не касаясь нас своими винтами. Они стали раскачиваться из стороны в сторону и делали маневры, которые могли бы порадовать толпу во время авиационного шоу, но парни не хотели гонять, а только желали добраться в Дананг живыми. Когда мы приземлились, я вздохнул с облегчением.

Работа с нами в Дананге больше напоминала процедуру, которую должен пройти человек, если он заражен, и полагаю, что многие из нас таковыми и являлись. Моя гордость была несколько уязвлена, когда у меня забрали мои ботинки и боевую униформу для джунглей и взамен выдали новые. После медицинского обследования последовал неофициальный трехдневный карантин.

Утром девятого, я был одет в свежую накрахмаленную униформу и был готов к осмотру. После него пришлось пройти через такую же проверку собаками, которую я проходил перед убытием в отпуск.

Я ступил на асфальт, и вот она, моя птица свободы. Не просто какая-нибудь, а моя собственная. Когда мы выруливали на взлетную полосу и начали свой разбег, стояла полная тишина, но в тот момент, когда колеса оторвались от земли, салон разорвали крики радости, потрясшие даже стекла иллюминаторов, к которым присоединились и стюардессы.

Посадка на Окинаве означала еще трое суток оформления документов, медицинских обследований, осмотра у дантиста, получения и подгонки парадной униформы. Я был недоволен тем, что какому-то гражданскому шпаку пришлось отдать целую коробку шоколада «Херши» за то, что он пришил мои капральские шевроны, чтобы я мог пройти окончательный строевой смотр в Калифорнии. Во Вьетнаме любая мама-сан пришивала такие шевроны за коробку рациона «С».

На Окинаве мало что поменялось. Свое свободное время я проводил в сержантском клубе, накачиваясь сингапурским слингом, играя на игровых автоматах, наблюдая за взлетающими В-52, и отмалчиваясь на вопросы о войне от людей, отправляющихся во Вьетнам.

Перелет на аэродром Корпуса морской пехоты Эль-Торо в Калифорнию оказался мучительно долгим. Когда мы приземлились, там царило другое настроение, а потом голос пилота по внутренней связи произнес:

— Джентльмены, мы только что приземлились в Соединенных Штатах Америки. — Мы зарулили в зону в трех сотнях ярдов от главного терминала. — В связи с особыми условиями на терминале, мы сожалеем о том, что вам необходимо высадиться здесь и следовать за офицером, ожидающим снаружи.

Мы могли видеть, в чем состояла проблема — возле входа в терминал собралось порядка пятидесяти митингующих, протестующих против войны.

У двери возле трапа стоял капитан-морпех, и по списку проверял имена прибывших, бормоча приветствия, которые почему-то показались мне до боли знакомыми.

Когда предстать перед ним пришла моя очередь, я смог разобрать его слова:

— Уард?

Я кивнул. Затем он пробормотал что-то нечленораздельное, что прозвучало как:

— Добро пожаловать на войну-д.¹²¹

Где-то я все это уже слышал...

---

¹²¹ Игра слов. Фамилия главного героя (*Ward*) созвучна со словом «война» (*War*).

Эпилог

Четверо из нас, которые вместе поступили на службу в морскую пехоту, вернулись домой и осели в пределах 50 миль от родного города. У нас шесть «Пурпурных сердец» на четверых.

Майк О'Грейди работает диспетчером в компании по производству бетона.

Ник Херрера — первоклассный сварщик в очень известной пивоваренной компании.

Дейв Янг работал прорабом в большой строительной компании.¹²²

А Джозеф Уард сейчас сидит и пишет эти строки.

Долларовая банкнота, которую мы разорвали на четыре части, чтобы потом склеить ее, купить пива и отметить наше благополучное возвращение, двадцать два года спустя по-прежнему остается в виде четырех фрагментов.

---

¹²² Дэвид Янг родился 15 марта 1949 года и скончался 9 июня 1991 года. Завещание Дэйва быть похороненным в индейской резервации Мэншантакет-Пико было одобрено советом племени. Он стал первым не членом племени, похороненным там (прим. автора).

Об авторе

Джозеф Уард родился в 1949 году и вырос в Нью-Раймер, штат Колорадо, городке со стотысячным населением, в сердце индейской территории Пауни. В пять лет начал стрелять по мишеням из однозарядной винтовки Ремингтон .22-го калибра, под приглядом своей мамы Дорис и старшего брата Ларри. В 1961 году семья переехала в Лонгмонт, штат Колорадо. Уволен из рядов Корпуса морской пехоты с почетом в 1970 году.

В последующие годы он поменял много работ, начиная от землекопа и заканчивая инженером в нефтяной компании. Свою книгу Джозеф начал писать в 1979 году. В настоящий момент проживает недалеко от Лонгмонта вместе со своей женой Ритой и преданным псом Зельцером.